

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

2023 Том 14 № 4

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА И РЕЧИ

Приглашенный редактор — *Елена Анатольевна Горобец*

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-4

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Научный журнал

Издается с 2010 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС. 77-61215 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Денисенко Владимир

Никифорович, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Новоспасская Наталья

Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

Ответственный секретарь

Лазарева Олеся Викторовна,

кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Беднартова-Гибова Клаудиа, доктор филологических наук, доцент, Институт британских и американских исследований Университета г. Прешов, Прешов, Словакия

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Российская Федерация

Владимирова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Джусупов Маханбет, доктор филологических наук, профессор, заслуженный профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан

Евграфова Юлия Александровна, доктор филологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Российская Федерация

Иванов Евгений Евгеньевич, доктор филологических наук, доцент, МГУ им. А.А. Кулешова, Могилев, Республика Беларусь

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, ГИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Монфорте Дюпре Роберто, доктор филологических наук, доцент, Университет Страны Басков, Витория-Гастейс, Испания

Новикова Марина Львовна, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Поплавская Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор, Минский государственный лингвистический университет, Минск, Республика Беларусь

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Республика Казахстан

Цзюй Юнь Шэн, доктор филологических наук, доцент, Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китайская Народная Республика

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 выпуска в год (ежеквартально).

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Языки: русский, английский.

Индексируется в РИНЦ Научной электронной библиотеки, Scopus, DOAJ, Google Scholar, WorldCat.

Включен в каталог периодических изданий (Ulrich's Periodicals Directory:

<http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе Electronic Journals Library Cyberleninka.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика» издается с 2010 г. и является периодическим рецензируемым научным изданием, входит в Перечень рецензируемых журналов ВАК РФ по специальности 05.09.08 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика. Журнал ориентирован на широкую международную аудиторию.

Журнал углубляет и разрабатывает вопросы общей теории языка; теории речевой деятельности; семиотических характеристик знаковых систем, единиц языка разных уровней и текста; семиотики и поэтики художественных текстов; функциональной семантики лексических и грамматических единиц. Журнал предлагает вниманию комплексное и сопоставительное исследование категорий и единиц языка. Общие цели и задачи издания включают интегральную характеристику символической и коммуникативной парадигм филологического и гуманитарного знания. В прикладном аспекте разрабатываются методология и комплексные методики теоретических исследований языка и социума, системной лингвистики; осуществляется языковое моделирование. В журнале также есть разделы «Рецензии», «Научные обзоры», «Научная хроника». Издание адресовано филологам и другим представителям гуманитарного знания. Его авторы — доктора и кандидаты филологических наук, аспиранты, докторанты России, ближнего и дальнего зарубежья.

Правила оформления статей и другая информация о журнале размещена на сайте: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>

Каждая статья рецензируется анонимно двумя экспертами. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов.

Электронный адрес: semioticj@rudn

Литературный редактор К.В. Зенкин
Редактор англоязычных текстов О.Н. Колышева
Компьютерная верстка: И.А. Чернова

Адрес редакции:

115419, Российская Федерация, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции

117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: semioticj@rudn.ru

Подписано в печать 10.12.2023. Выход в свет 25.12.2023. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 33,25. Тираж 500 экз. Заказ № 1620. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,
тел. (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES, SEMIOTICS AND SEMANTICS

2023 VOLUME 14 No. 4

INTERDISCIPLINARY RESEARCH OF LANGUAGE AND SPEECH

Guest Editor — *Elena A. Gorobets*

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-4

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Founded in 2010

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

---

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir N. Denisenko

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

DEPUTY-EDITOR-IN-CHIEF

Natalia V. Novospasskaya

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Olesya V. Lazareva

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Klaudia Bednárová-Gibová, University of Prešov, Prešov, Slovak Republic

Nikolay N. Boldyrev, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation

Tatyana E. Vladimirova, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Languages University, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Yulia A. Evgrafova, Moscow Power Engineering Institute, Moscow, Russian Federation

Evgeny E. Ivanov, Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Republic of Belarus

Vladimir I. Karasik, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation

Valentina A. Maslova, Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus

Roberto V. Monforte Dupret, University of Basque Country, Vitoria-Gasteiz, Spain

Marina L. Novikova, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Tatiana V. Poplavskaya, Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus

Vladimir P. Sinyachkin, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Zifa K. Temirgazina, Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

Ju Yunsheng, Heilongjiang University, Harbin, People's Republic of China

**RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES,
SEMiotics AND SEMANTICS**
**Published by Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumbaa (RUDN University),
Moscow, Russian Federation**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

Publication frequency: quarterly.

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantic>

Languages: Russian, English.

Indexing: Russian Index of Science Citation, Scopus, DOAJ, Google Scholar, WorldCat, Ulrich's Periodicals Directory, Electronic Journals Library CyberLeninka.

Aim and Scope

Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics deepens and develops aspects of general theory of language; theories of speech activity; semiotic characteristics of sign systems, language units of different levels and text; semiotics and poetics of literary texts; functional semantics of lexical and grammatical units. The journal draws a reader's attention to a comprehensive and comparative study of the language categories and units. The general goals and objectives of the journal include an integral characteristic of symbolic and communicative paradigms of philological and humanitarian knowledge. The articles cover methodology and complex methods of theoretical studies of language and society, develop system linguistics and carry out language modeling. The journal introduces sections Reviews and Events. The journal is addressed to philologists and other representatives of the humanities. Our author are Russian and international scientists and postgraduate students.

Submission requirements and stylesheet guidelines are available online: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantic/about>

Each article is being reviewed anonymously (peer-reviewing) by two experts. The editorial board makes up a final decision on publication referring to the opinion of the reviewers.

Access to full-text files of issues and articles on the journal website is open to all users.

E-mail: semioticj@rudn.ru

Review Editor *K.V. Zenkin*
English Text Editor *O.N. Kolysheva*
Computer Design: *I.A. Chernova*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze str., Moscow, Russian Federation, 117198
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: semioticj@rudn.ru
Printing run 500 copies. Open price
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University),
Moscow, Russian Federation 6 Miklukho-Maklaya str., 117198

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze str., Moscow, Russian Federation, 115419
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА И РЕЧИ

- Горобец Е.А. (Казань, Российская Федерация)** Аспекты междисциплинарного исследования языка и речи..... 985

ПСИХОЛИНГВИСТИКА

- Пицальникова В.А., Карданова-Бирюкова К.С. (Москва, Российская Федерация).** Рекурсивность как доминанта коммуникативного поведения участника бытового общения: по данным эксперимента..... 994

- Kiose M.I., Leonteva A.V., Agafonova O.V., Petrov A.A. (Moscow, Russian Federation).** Multimodal Communicative Moves in Expository Dialogue: Common and Novel Topic Elaboration (Мультимодальные коммуникативные действия в экспозитивном диалоге: развитие общей и новой темы) 1013

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ДЕТСКОЙ РЕЧИ

- Доброва Г.Р. (Санкт-Петербург, Российская Федерация).** Дифференциация как один из базовых механизмов освоения языка 1036

- Елисеева М.Б., Вершинина Е.А. (Санкт-Петербург, Российская Федерация).** Двусинтаксемные высказывания в ранней детской речи: гендерный аспект по данным Макаруровских опросников 1050

- Корнев А.Н. (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Балчюниене И. (Каунас, Литва), Вишонкина А.А. (Санкт-Петербург, Российская Федерация).** Особенности овладения жанровым репертуаром устного дискурса у детей 4–6 лет с первичным недоразвитием речи и их сверстников с нормой развития 1067

- Privalova I.V., Petrova A.A. (Kazan, Russian Federation).** Influence of Anxiety on Texts Retelling in Adolescents (Влияние фактора тревожности на пересказ текстов подростками) 1091

- Shajhutdinova R.I. (Kazan, Russian Federation).** How do Eye Movements and Visual Attention in Letter-Finding Tasks Differ in Children with Different Levels of Reading Skills? (Существуют ли различия в движениях глаз при выполнении задач на поиск букв у детей с разным уровнем развития навыка чтения?) 1107

СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА. ПАРЕМИОЛОГИЯ

- Карасик В.И. (Москва, Российская Федерация).** Дискурсивные эмблемы как объект семиотического анализа 1122

- Shkapenko T.M., Vaulina S.S. (Kaliningrad, Russian Federation).** Semantic Transformations of the Lexeme Икона in the Russian Language of the Newest Period (Семантические преобразования лексемы *икона* в русском языке новейшего периода)..... 1139

- Иванов Е.Е. (Москва, Российская Федерация; Могилев, Беларусь).** Категоризация отношения к действительности в паремиологических единицах 1154

Ларионова М.В., Демкина А.В. (Москва, Российская Федерация). Семиотика эмодзи и эмотиконов в дискурсивном пространстве испанской политической интернет-коммуникации	1178
Клименко Г.В. (Москва, Российская Федерация). Семантическая структура слова в ракурсе междисциплинарных исследований	1201
Сафаралиева Л.А., Перфильева Н.В. (Москва, Российская Федерация). Моделирование многомерного лингвокультурного концепта на материале концепта СТАРОСТЬ	1217
Orlova T.G. (Moscow, Russian Federation). Structural and Semantic Features and National Specificity of English and Russian Proverbs with the Meaning ‘Old’, ‘Young’ (Структурно-семантические особенности и национальная специфика английских и русских пословиц со значением ‘старый’, ‘молодой’).....	1235
Карпинская Н.В. (Луганск, Российская Федерация), Шкуран О.В. (Луганск, Российская Федерация), Шкуран С.А. (Фошань, Китай). Характеристика соматической фразеологии в романе Е. Водолазкина «Лавр»: семантика, функциональный потенциал, частота употребления	1253
Прохорова Л.П., Потапова Н.В., Завьялова Г.А. (Кемерово, Российская Федерация). Когнитивно-прагматический потенциал загадки в художественном дискурсе	1271
ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА	
Зайцева И.П. (Витебск, Беларусь). Исследовательский потенциал методики анализа текста в аспекте стилистики речи О.А. Крыловой.....	1289
Красных В.В. (Москва, Российская Федерация). Психологическая структура значения и проблемы понимания текста.....	1306
Povalko P.Yu., Smolii E.S., Kolysheva O.N. (Moscow, Russian Federation). Linguistic Landscape of an International University Campus: Approaches, Features, Findings (Языковой ландшафт кампуса интернационального университета: методология, анализ, результаты)	1321
Вышенская Ю.П. (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Стилистический синтаксис французского куртуазного поэтического произведения	1337

CONTENTS

INTERDISCIPLINARY RESEARCH OF LANGUAGE AND SPEECH

- Gorobets E.A. (Kazan, Russian Federation).** Aspects of Interdisciplinary Research of Language and Speech 985

PSYCHOLINGUISTICS

- Pishchalnikova V.A., Kardanova-Biryukova K.S. (Moscow, Russian Federation).** Recursiveness as the Dominant Feature of Communicative Behavior in Day-to-Day Interaction 994

- Kiose M.I., Leonteva A.V., Agafonova O.V., Petrov A.A. (Moscow, Russian Federation).** Multimodal communicative moves in expositive dialogue: Common and novel topic elaboration 1013

INTERDISCIPLINARY ASPECTS OF CHILDREN'S SPEECH STUDIES

- Dobrova G.R. (Saint Petersburg, Russian Federation).** Differentiation as One of the Basic Mechanisms of Language Acquisition..... 1036

- Eliseeva M.B., Vershinina E.A. (Saint Petersburg, Russian Federation).** Two-word Utterances in the Speech of Young Children: Gender Aspect according to MacArthur-Bates Communicative Development Inventories..... 1050

- Kornev A.N. (Saint Petersburg, Russian Federation), Balčiūnienė Ingrida (Kaunas, Lithuania), Vishonkina A.A. (Saint Petersburg, Russian Federation).** Acquisition Specifics of Genre Repertoire of Personal Discourse in 4-6-Year-Old Children with Developmental Language Disorder and Typically Developing Peers..... 1067

- Privalova I.V., Petrova A.A. (Kazan, Russian Federation).** Influence of Anxiety on Texts Retelling in Adolescents 1091

- Shajhutdinova R.I. (Kazan, Russian Federation).** How do Eye Movements and Visual Attention in Letter-Finding Tasks Differ in Children with Different Levels of Reading Skills? 1107

SEMIOTICS. SEMANTICS. PAREMIOLOGY

- Karasik V.I. (Moscow, Russian Federation).** Discourse Emblems as the Object of Semiotic Analysis..... 1122

- Shkapenko T.M., Vaulina S.S. (Kaliningrad, Russian Federation).** Semantic Transformations of the Lexeme Икона in the Russian Language of the Newest Period 1139

- Ivanov E.E. (Moscow, Russian Federation; Mogilev, Republic of Belarus).** Categorization of Attitude to Reality in Paremiological Units 1154

- Larionova M.V., Demkina A.V. (Moscow, Russian Federation).** Semiotics of Emoticons and Emoji in the Discursive Space of Spanish Political Internet Communication..... 1178

- Klimenko G.V. (Moscow, Russian Federation).** Semantic Structure of the Word in the Perspective of Interdisciplinary Research..... 1201

Safaraliev L.A., Perfilieva N.V. (Moscow, Russian Federation). The Modelling of a Multidimensional Linguocultural Concept on the Example of the Concept СТАРОСТЬ ‘SENILITY’	1217
Orlova T.G. (Moscow, Russian Federation). Structural and Semantic Features and National Specificity of English and Russian Proverbs with the Meaning ‘Old’, ‘Young’	1235
Karpinskaya N.V. (Lugansk, Russian Federation), Shkuran O.V. (Lugansk, Russian Federation; Moscow, Russian Federation), Shkuran, S.A. (Foshan, China). Characteristics of Somatic Phraseology in E. Vodolazkin’s Novel “Lavr”: Semantics, Functional potential, Frequency of Use	1253
Prokhorova L.P., Potapova N.V., Zavyalova G.A. (Kemerovo, Russian Federation). Cognitive-Pragmatic Potential of Riddles in Literary Discourse	1271

APPLIED LINGUISTICS

Zaitseva I.P. (Vitebsk, Republic of Belarus). Research Potential of the O.A. Krylova’s Technique of Text Analysis in the Aspect of Speech Stylistics	1289
Krasnykh V.V. (Moscow, Russian Federation). Psychological Structure of Meaning and Problems of Text Perception	1306
Povalko P.Yu., Smolii E.S., Kolyshcheva O.N. (Moscow, Russian Federation). Linguistic Landscape of an International University Campus: Approaches, Features, Findings	1321
Vyshenskaya Y.P. (Saint Petersburg, Russian Federation). Stylistic Syntax of the Middle French Poetical Literary Composition	1337

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-4-985-993

EDN: FLBBVO

УДК 81'23

Редакционная статья / Editorial article

Аспекты междисциплинарного исследования языка и речи

Е.А. Горобец

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация

 Elena.Gorobets@kpfu.ru

История статьи:

Дата поступления: 10.09.2023

Дата приема в печать: 15.09.2023

Для цитирования:

Горобец Е.А. Аспекты междисциплинарного исследования языка и речи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 985–993. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-985-993>

Междисциплинарный подход к изучению языка и речи с каждым годом становится все более и более востребованным. Научный поиск на перекрестках разных наук приводит к формированию полиаспектного взгляда на проблемы, связанные с речью, когницией, коммуникацией, и способствует не только их глубокому теоретическому осмыслению, но и получению реальных практических результатов. Исследования в области психо-, нейро-, клинической лингвистики необходимы не только для понимания мозговых механизмов речи и изучения системы языка, но в том числе и для выстраивания индивидуальных реабилитационных и реабилитационных траекторий для пациентов, в случае наличия речевых расстройств у детей и подростков — также и для формирования персонализированных образовательных траекторий.

Предлагаемая вниманию читателей серия научных статей посвящена междисциплинарным проблемам, сопряженным с лингвистикой, в частности психолингвистическим аспектам коммуникативного поведения и специфике развития детской речи в норме и патологии.

Исследование д-ра филол. наук **В.А. Пищальниковой** и д-ра филол. наук **К.С. Кардановой-Бирюковой** (Москва, Россия) затрагивает ряд проблем,

© Горобец Е.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

связанных с биологией и психологией языка. Авторы рассматривают рекурсивность как доминанту коммуникативного поведения участника бытового общения. В статье описывается модель рекурсивного коммуникативного поведения человека, основанная на аутопоэтической теории [1], а также обсуждаются результаты психолингвистического эксперимента, нацеленного на измерение степени стереотипизации коммуникативного поведения среднестатистических представителей социума, который значим для коммуникативистики и психолингвистики в целом и в перспективе может быть полезен для клинической практики, поскольку база данных шаблонных схем бытового коммуникативного взаимодействия представляется полезным реабилитационным материалом и актуальна для людей с речевыми нарушениями и когнитивным снижением.

Исследование коллектива авторов — д-ра филол. наук **М.И. Киосе**, канд. филол. наук **А.В. Леонтьева**, **О.В. Агафонова** и **А.А. Петров** (Москва, Россия) — посвящено мультимодальным коммуникативным действиям в экспозитивном диалоге; в результате записи жестового поведения участников мультимодального эксперимента с применением технологии захвата движения и зрительного поведения было установлено, что существуют значительные различия в использовании взгляда, направленного на лицо собеседника, и контактоустанавливающих жестов под влиянием запроса и ответного действия в кластерах с ядром — развитием общей или новой темы.

В русле онтолингвистических исследований важной является проблема выявления и системного описания базовых механизмов освоения языка детьми — как с типичным, так и с нетипичным речевым развитием. Статья д-ра филол. наук **Г.Р. Добровой** (Санкт-Петербург, Россия) посвящена одному из таких базовых механизмов — дифференциации. Выявляются гендерные различия, при этом подчеркивается различие в освоении генерализации, дифференциации и имитации референциальными и экспрессивными детьми. Проведение эксперимента, осуществленного автором по специально разработанной методике [2] в группе детей с типичным развитием речи, представляется также весьма перспективным в сопоставлении с выборкой детей, имеющих задержку речевого развития.

Исследование психолингвистических механизмов порождения речи в России осуществляется давно и очень продуктивно (подробно см. труды Т.В. Ахутиной [3; 4]). Необходимо отметить, что в течение последних 20 лет заметно растет и число исследований, посвященных нарушениям импрессивной и экспрессивной речи, в особенности у детей, поскольку представителями разных специальностей фиксируются и количественный рост расстройств развития (в том числе когнитивного и речевого), и качественные изменения этих расстройств. Речь детей с нормативным и особым развитием изучается достаточно активно на всех уровнях [5], однако, как это неоднократно отмечалось в литературе, формирование синтаксиса у детей раннего возраста представляет собой одну из проблемных с точки зрения изученности

научных задач [6], в особенности применительно к детям с речевыми патологиями. Исследования, посвященные формированию фразовой речи, имеют особую актуальность, поскольку в настоящее время доминирует представление о том, что по сравнению с двадцатым веком средний возраст появления фразовой речи у детей сдвинулся на более поздние сроки. Ряду аспектов данной проблемы посвящено исследование канд. филол. наук **М.Б. Елисейевой** и **Е.А. Вершининой** (Санкт-Петербург, Россия), в котором выявляется временной промежуток появления двусинтаксемных высказываний в речи детей раннего возраста с учетом гендерного аспекта. Проведенный авторами статистический анализ основан на материале Макартуровских опросников [7].

Наиболее сложным (в первую очередь, в связи с необходимостью анализа большого количества параметров) в изучении специфики речевого развития представляется исследование текстов, продуцируемых детьми (как типично развивающимися, так и имеющими проблемы с речевым и когнитивным развитием), устного и письменного дискурса. В связи с этим представляется весьма актуальным исследование, проведенное канд. мед. наук, д-ром психол. наук **А.Н. Корневым** (Санкт-Петербург, Россия), канд. филол. наук **И. Балчюниене** (Каунас, Литва) и **А.А. Вишонкиной** (Санкт-Петербург, Россия), посвященное особенностям овладения жанровым репертуаром устного дискурса у детей 4–6 лет с первичным недоразвитием речи и их сверстников с нормативным развитием. Справедливо отмечая слабую изученность закономерностей овладения устным дискурсом, авторы осуществляют сравнительный анализ результатов исследования динамики овладения его жанрами — нарративом, описанием, экспозиторным дискурсом и инструкцией. В результате дистрибутивного сопоставительного анализа жанрового репертуара коммуникативного поведения показано, что дети с недоразвитием экспрессивной речи воспринимают социально-прагматические регуляторы социума, как и дети с типичным развитием, однако персональный нарратив представляет для них особую сложность. Выводы, к которым приходят авторы, важны как с точки зрения лингвистики, так и с точки зрения речевой реабилитации и разработки материалов для речевого развития.

Исследование д-ра филол. наук **И.В. Приваловой** и д-ра филол. наук **А.А. Петровой** (Казань, Россия) также сопряжено с проблемами изучения построения текста, но в выборке информантов (детей 11–12 лет, носителей русского языка) с типичным развитием. Авторами изучались пересказы учебных текстов в сопоставлении с данными об уровне тревожности детей, способности концентрироваться на учебной задаче и удерживать произвольное внимание, а также с данными об уровне языковой компетенции. Аспект исследования представляется интересным; напрямую не касаясь проблемы нарушений речи, оно вносит вклад в проблему изучения уровня стресса, тревоги и депрессии у детей и подростков и — шире — в междисциплинарное исследование коморбидности высокого уровня тревоги и различных

соматических заболеваний с использованием в том числе и лингвистических методов анализа [8; 9].

Т.В. Ахутина отмечает, что «тенденции в когнитивной науке к сближению разных наук: психологии, лингвистики, нейронаук, искусственного интеллекта, философии — способствовала также интеграция психолингвистики и смежных наук» [1. С. 427]. Соответственно, появились и новые методы, в том числе методы нейровизуализации, функциональной диагностики, активно используемые в современных нейрокогнитивных и нейролингвистических исследованиях. Необходимо подчеркнуть, что в области изучения детской речи особая роль отводится методу окулографии, который позволяет получить новые научные данные в отношении специфики зрительной обработки стимулов разного рода, что представляет особый интерес при изучении закономерностей развития мозга. В частности, окулография вносит значительный вклад в изучение механизмов чтения и исследование нарушений чтения [10–12], что является чрезвычайно актуальным в том числе и в связи с ростом числа детей, имеющих неспецифические и специфические нарушения чтения и обусловленные ими трудности обучения. В русле данной тематики проведено исследование канд. филол.наук **Р.И. Шайхутдиновой** (Казань, Россия), посвященное анализу особенностей движения глаз при выполнении заданий на поиск букв в лексическом и сублексическом окружении. Автор вносит вклад в изучение взаимосвязи между навыками чтения, вниманием и обработкой визуальной информации у детей с дислексией, что в дальнейшем может служить основой для коррекции данной проблемы.

Библиографический список

1. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект: сборник научных трудов; сост. и вступ. ст. В.В. Петрова. Москва: Прогресс, 1995. С. 95–142.
2. Доброва Г.Р. Вариативность речевого развития детей. М.: Языки славянской культуры, 2018.
3. Ахутина Т.В. Исследования порождения и восприятия речи в отечественной психолингвистике // Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021): монография. М.: Институт языкознания–ММА, 2021. С. 423–435. <https://doi.org/10.30982/978-5-6045633-7-3>
4. Ахутина Т.В. Модель порождения речи школы Л.С. Выготского: основы и верификация // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 164. № 1–2. С. 7–27. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2022.1-2.7-27>
5. Цейтлин С.Н. Язык и ребенок. Освоение ребенком родного языка. М.: Владос, 2021.
6. Корнев А.Н., Балчюниене И. Формирование устного дискурса у детей 4–5 лет: функционально-динамический анализ влияния жанра и регистра на грамматический частотный профиль [1]. // Экспериментальная психология. 2022. Т. 15. № 1. С. 160–176. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150110>
7. Елисеева М.Б., Вершинина Е.А., Рыскина В.Л. Макартуровский опросник: русская версия. Оценка речевого и коммуникативного развития детей раннего возраста. Нормы развития. Образцы анализа. Комментарии. Иваново: ЛИСТОС, 2021.
8. Горобец Е.А., Есин Р.Г., Вольская Ю.А. Междисциплинарное изучение алекситимии // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 164. № 1–2. С. 180–196. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2022.1-2.180-196>

9. Есин О.Р., Есин Р.Г., Горобец Е.А., Хайруллин И.Х., Макаричева Э.В., Гамирова Р.Г., Шамсутдинова Р.Ф. Психометрическая валидация русскоязычной версии опросника центральной сенситизации для подростков 14–17 лет // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2021. Т. 121. № 11–2. С. 72–76. <https://doi.org/10.26907/10.17116/jnevro202112111272>
10. Взгляд кота Шрёдингера: регистрация движений глаз в психолингвистических исследованиях / под ред. Т.В. Черниговской, Т.Е. Петровой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018.
11. Корнеев А.А., Ахутина Т.В., Матвеева Е.Ю. Чтение у младших школьников с разным уровнем освоения навыка: анализ движений глаз и нейропсихологических данных // Когнитивная наука в Москве: новые исследования. Материалы конференции / под ред. Е.В. Печенковой, М.В. Фаликман. М., 2019. С. 246–251.
12. Оганов С.Р., Корнев А.Н. Окуломоторные референты деятельности чтения у детей с дислексией 9–11 лет // Физиология человека. 2023. Т. 49. № 3. С. 34–41. <https://doi.org/10.31857/S0131164622600872>

Сведения об авторе:

Горобец Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой прикладной и экспериментальной лингвистики, руководитель НИЛ «Нейрокогнитивные исследования», заведующий Центром патологии речи, Казанский (Приволжский) федеральный университет (308008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлёвская, д. 18); e-mail: elena_gorobets@mail.ru, Elena.Gorobets@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3859-5543; eLIBRARY SPIN-код: 1702–214; ResearcherID: N-7983-2013; ScopusID: 56414621100

Aspects of Interdisciplinary Research of Language and Speech

Elena A. Gorobets

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

 Elena.Gorobets@kpfu.ru

Article history:

Received: 10.09.2023

Accepted: 15.09.2023

For citation:

Gorobets, E.A. (2023). Aspects. of Interdisciplinary Research of Language and Speech. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14 (4), 985–993. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-985-993>

Year by year the interdisciplinary approach to language and speech studies becomes more and more in demand. Scientific research in the crossroads of various sciences leads to the formation of multi-aspect view of the topics, connected with speech, cognition communication and provides not only for their deeper theoretical consideration, but brings real practical results. Studies in the field of psycho- and neuroclinical linguistics are useful not only for understanding brain mechanisms of speech and researching language system, but also for elaborating and constructing

individual abilitation and rehabilitation trajectories for patients in case there exist speech disorders with children and adolescents so that to form personalized educative trajectories as well.

The series of the research articles given to the attention of the readers is devoted to a number of interdisciplinary topics referring to linguistics, in particular, with the psycholinguistics aspects of communicative behavior and the specifics of children's speech development both normal and pathological ones.

The study by D.Sc. **V.A. Pishchalnikova**, and D.Sc. in Philology **K.S. Kardanova-Biryukova** (both Moscow, Russian Federation) touches upon a number of issues connected with biology and psychology of language. The authors discuss the recursiveness as a dominant of the communitive behavior of a communicant in course of everyday habitual communication. The article describes a model of the recursive communicative human behavior basing on the auto-poetical theory [1], while they also discuss the results of a psycholinguistic experiment aimed at measuring the degree of stereotypes of the communicative behavior of statistically average representatives of a social environment which is significant for both the communicative studies and psycholinguistics on the whole, and in the long view could be useful for clinical practices because the database of typical schemes of everyday habitual communicative interaction seems to present proper and useful rehabilitation materials as well as a relevant one for people with speech disorders and cognitive degradation.

A group of researchers — **M.I. Kiose**, D.Sc. in Philology, **A.V. Leonteva** PhD in Philology, **O.V. Agafonova**, and **A.A. Petrov** (Moscow, Russian Federation) studies multimodal communicative moves in expositive dialogue; as a result of recording the gesture behavior of the participants of multimodal experiment using technologies of grasping moves and gaze behavior, it was proved that there are significant differences in using gaze directed onto the face of an interlocutor as well as gestures to establish a contact under the influence of a demand and response in clusters with a nucleus of 'developing a common or new theme. eWithin the mainstream of ontological linguistic studies the issue to reveal and systematically describe the basic mechanisms to acquire language by children both of typical and non-typical speech mastering, is of crucial importance. The article of D.Sc. in Philology **G.R. Dobrova** (Saint Petersburg, Russian Federation) deals with one of such basic mechanisms — the differentiation. There are involved gender differences while the differences in acquiring generalization, those of differentiation and imitation among referential and expressive children is accentuated. The experiment carried out by the author according to a specially elaborated methods [2] in a group of children with typical speech development tends to be rather fruitful and promising in comparison with the sample of children having impediment of speech development.

Investigation of psycholinguistic mechanisms of speech generation has been carried out in Russia quite for a long time and is really productive (see in detail

the works by T.V. Akhutina [3; 4]. It's noteworthy that during the last 20 years the number of researches was rapidly growing in the field of studying impressive and expressive speech disorders. Especially concerning children as the representatives of various professions fix both quantitative growth of development disorders (including cognitive and speech ones), and qualitative changes of such disorders. Children's speech of normal and specific development is being actively studied at all levels [5], but still, as was marked many times in special literature, the formation of syntax of the small aged children is one of the problems from the point of view of solving scientific-research tasks [6], especially when attributed to children with speech pathology. Research devoted to the forming of speech phrases are of a dramatic relevance as at present the dominant assumption reasons that to compare with the 20th century, the average age to appear speech phrases by children has moved to rather later periods of time. A number of traits of the issue is tackled in the study carried out by PhD in Philology **M.B. Eliseeva**, and PhD in Philology **E.A. Vershinina** (Saint Petersburg, Russian Federation), which reveal a time span to produce bi-syntaxeme utterances in small aged children's speech considering the gender aspect as well. The statistical analysis performed by the authors is based on the MacArthur's inquirers [7].

The most sophisticated and complex study (firstly, due to the necessity to analyze a great number of parameters) is represented in the investigation of speech development specifics by means of the texts constructed by children (both of typical development and of those having difficulties in speech and cognitive development) within oral and written discourses. Relatively, the study made by Ph.D. in Medical, D.Sc. in of Psychology research **A.N. Kornev** (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Philology **Ingrida Balčiūnienė** (Kaunas, Lithuania), and **A.A. Vishonkina** (Saint Petersburg, Russian Federation) dealing with the specifics to acquire the genre repertoire in oral discourse by the children aged 4 to 6 with the initial underdevelopment of speech and their herd mates with normal development is of dramatic relevance. Justifying a limited research of the regular patterns of mastering oral discourse, the authors carry out a comparative study of the results obtained in course of the study concerning the dynamics of acquiring its genres as a narrative, description, expositive discourse and instruction. As a result of a distributive comparative analysis of the communicative behavior genre repertoire it was proved that the children with the underdeveloped expressive speech perceive socially pragmatic regulators of the society similarly to the children with typical development, but the greatest difficulty for then makes a personified discourse. The authors conclusions are of significance both from the point of view of social abilitation and elaborating their materials for speech development.

The study by D.Sc. in Philology **I.V. Privalova**, and D.Sc. in Philology **A.A. Petrova** (Kazan, Russian Federation) is also connected with the issues of text formation research of sampling the informants (children of 11–12 years old, the

Russian language bearers) with typical development. The authors studied retelling the texts from the school manuals in comparison with the data on the level of children's anxiety, the ability to focus on the learning task and focusing spontaneous attention as well as the data on the level of linguistic competence. The aspect of the study seems rather in demand but it doesn't concern the issue of speech disorders, still it contributes to the studies of the level of stress, anxiety and depression of the children and adolescents — and broader — to the interdisciplinary research of the comorbidity of the higher level of anxiety and various somatic diseases along with linguistic analysis [8; 9].

T.V. Akhutina remarks that “in the cognitive linguistics the trend to bring together various sciences: psychology, linguistics, neurosciences, artificial intelligence, and philosophy –was also used to integrate psycholinguistics and related sciences” [1. S. 427]. In parallel, there emerged new methods including neurovizualization, functional diagnostics, which are widely used in modern neurocognitive and neurolinguistics research. It's worth emphasizing that in the field of children's speech studies a specific role belongs to the oculography method, which allows obtain new scientific data relating to the specificity of visual processing of stimuli of various types which creates a peculiar interest in studying the regularities of brain development. In particular, oculography significantly contributes to the research of reading mechanisms and the studies of reading disorders [10–12], which is of extreme relevance as in respect to the growth of number of children having specific and non-specific reading disorders and depending on those difficulties in teaching. Within the framework of these topics the study by PhD in Philology **R.I. Shajhutdinova** (Kazan, Russian Federation) was maintained. It studied the analysis of the eye moves specificity while fulfilling the tasks to find letters in their lexical and sub-lexical environment. The author contributes to the research of the interconnections between the reading skills, attention and processing of visual information by the children having dyslexia that could further serve as the correction basis for the problem.

References

1. Maturana H.R. (1995). *Biology of Cognition. Language and Intellect*. Moscow: Progress. pp. 95–142. (In Russ.).
2. Dobrova, G.R. (2018). *Variability in Children's Language Acquisition*. Moscow: Languages of Slavic Culture. (In Russ.).
3. Akhutina, T.V. (2021). Studies of the generation and perception of speech in Russian psycholinguistics. In: *Russian psycholinguistics: results and prospects (1966–2021): monograph*. Moscow: Institute of Linguistics. pp. 423–435. <https://doi.org/10.30982/978-5-6045633-7-3> (In Russ.).
4. Akhutina, T.V. (2022). A model of speech production ascending to L.S. Vygotsky's School: Principles and verification. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 164 (1–2), 7–27. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2022.1-2.7-27> (In Russ.).
5. Cejtlin, S.N. (2000). *Language and child: ontolinguistics*. Moscow: Vlosos. (In Russ.).

6. Kornev, A.N. & Balčiūnienė, I. (2022). Acquisition of Discourse at 4–5 Years of Age: Functional Dynamic Analysis of the Impact of Genre and Register on the Part-of-Speech Profile. *Ekspierimental'naya psikhologiya = Experimental Psychology*, 15 (1), 160–176. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150110> (In Russ.).
7. Eliseeva, M.B., Verшинina, E.A. & Ryskina, V.L. (2021). *MacArthur CDI: Russian version. Evaluation of the speech and communication development of young children. development standards. Analysis samples. Comments*. Ivanovo: LISTOS. (In Russ.).
8. Gorobets, E.A., Esin, R.G. & Volskaya, Yu.A. (2022). Interdisciplinary study of alexithymia. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 164 (1–2), 180–196. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2022.1-2.180-196> (In Russ.).
9. Esin, O.R., Esin, R.G., Gorobets, E.A., Khairullin, I.Kh., Makaricheva, E.V., Gamirova, R.G. & Shamsutdinova, R.F. (2021). Psychometric validation of the Russian version of the Central Sensitization Inventory in adolescents (14–17 years old). *S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry = Zhurnal nevrologii i psikhiiatrii imeni S.S. Korsakova*, 121 (11–2), 72–76. <https://doi.org/10.17116/jnevro202112111272> (In Russ.).
10. The gaze of Schroedinger's cat: eye-tracking in psycholinguistics (2018). T. Chernigovskaya, T. Petrova (eds.). St. Petersburg: St. Petersburg University Press. (In Russ.).
11. Korneev, A.A., Akhutina, T.V. & Matveeva, E.Yu. (2019). Reading in early school children with different skill states: analysis of eye movements and neuropsychological data. In: *Cognitive Science in Moscow: New Research: Proceedings*, E. Pechenkova, M. Falikman (eds.). Moscow. pp. 246–251. (In Russ.).
12. Oganov, S.R. & Kornev, A.N. (2023). Oculomotor referents of reading activity in children with dyslexia aged 9–11. *Human physiology*, 49 (3), 34–41. <https://doi.org/10.31857/S0131164622600872> (In Russ.).

Information about the author:

Elena A. Gorobets, PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Applied and Experimental Linguistics, Head of the Neurocognitive Research Laboratory, Head of Center for Speech Pathology, Kazan (Volga region) Federal University (18, Kremlyovskaya street, Kazan, Russian Federation, 420008); *e-mail*: elena_gorobets@mail.ru, Elena.Gorobets@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3859-5543; eLIBRARY SPIN-код: 1702–214; ResearcherID: N-7983-2013; ScopusID: 56414621100.

ПСИХОЛИНГВИСТИКА PSYCHOLINGUISTICS

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-4-994-1012

EDN: FJZYDS

УДК 81'27:316.77

Научная статья / Research article

Рекурсивность как доминанта коммуникативного поведения участника бытового общения: по данным эксперимента

В. А. Пищальникова¹ , К. С. Карданова-Бирюкова² ¹Московский государственный лингвистический университет, Москва,
Российская Федерация,²Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация
 kardanova-birukovaks@mgpu.ru

Аннотация. Бытовое общение характеризуется высокой степенью стандартизации, связанной с известными социальными ожиданиями и стереотипностью общественно-го бытия. Вступая в коммуникацию, человек понимает, какие роли могут быть потенциально ему предписаны, и стремится им соответствовать. Одновременно он ориентирован на быстрое восприятие и обработку поступающих извне данных, встраивая их в собственную нишу, или иерархически выстроенное пространство, задаваемое свойствами субъекта. Иными словами, для субъекта коммуникации значимо только то, что он способен воспринимать с учетом собственной организации и что определяет его жизнедеятельность. Позволяют поддерживать сложившуюся иерархию этого пространства и обеспечивают самосохранение субъекта одни и те же повторяющиеся действия. Чилийские биологи У. Матурана и Фр. Варела ввели в научный оборот понятие *рекурсивности*, или повторяющийся характер действий живой системы в разных ситуациях интеракции её со средой. Авторы аутопоэтической теории говорили о рекурсивности применительно к биологическим организмам, в том числе и к человеку как биологическому виду. В цикле публикаций на эту тему У. Матурана и Фр. Варела пишут о социальных системах как сложных системах третьего порядка, подчиняющихся тем же законам самосохранения, что и отдельный человек. Это дает основания атрибутировать рекурсивность коммуникативному поведению индивида, вступающего в социальное взаимодействие, и строить соответствующую модель рекурсивного коммуникативного

© Пищальникова В.А., Карданова-Бирюкова К.С., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

поведения. Для экспериментальной верификации построенной модели был спланирован и проведен психолингвистический эксперимент, направленный на измерение степени стереотипизации коммуникативного поведения среднестатистических представителей социума. Испытуемым, входящим в две полярные экспериментальные подгруппы: «до 24 лет» vs. «от 45 лет», были предложены экспериментальные кейсы, в которых требовалось смоделировать собственное коммуникативное поведение в различных бытовых ситуациях общения. Всего было задействовано 219 человек. В результате анализа полученных экспериментальным путем данных были выявлены условия, в которых наблюдается более высокая степень стандартизации коммуникативного поведения, а также гендерные и возрастные особенности участников эксперимента, характеризующихся более шаблонным речевым поведением.

Ключевые слова: аутопоэтическая теория, психолингвистический эксперимент, коммуникативное поведение, моделирование, субъект коммуникации, рекурсивность

История статьи:

Дата поступления: 10.07.2023

Дата приема в печать: 15.09.2023

Для цитирования:

Пищальникова В.А., Карданова-Бирюкова К.С. Рекурсивность как доминанта коммуникативного поведения в бытовом общении: по данным эксперимента // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 994–1012. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-994-1012>

Recursiveness as the Dominant Feature of Communicative Behavior in Day-to-Day Interaction

Vera A. Pishchalnikova¹ , Ksenya S. Kardanova-Biryukova²

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation,

²Moscow City University, Moscow, Russian Federation

 kardanova-birukovaks@mgpu.ru

Abstract. Day-to-day interaction is overtly standardized and being associated with the expectations and norms imposed by a society as well as stereotypical societal being. When communicating, an individual is perfectly aware of the roles that could be attributed to him and aims to stand up to them. At the same time he intends to promptly comprehend and process the data he obtains from the outside and fit them into his niche, or the hierarchical environment determined by his unique set of properties. To put it differently, the subject of communication reflects upon those elements which are relevant for his being, and he can comprehend given his organization. With this it makes sense to relate to repetitive nature of some actions that have proven instrumental in maintaining the hierarchy of this environment and ensure self-preservation of the subject. Chilean biologists Humberto Maturana and Francisco Varela have coined the term recursiveness to relate to the repetitive character of the activities of a living entity in different cases of this living entity's interaction with its medium. The authors of the theory of autopoiesis mainly focused on biological species, and humans being one of those. In the publications while they cover the foundations of their theory, Humberto Maturana and Francisco Varela refer to social systems as complex third order systems being regulated by the same self-preservation laws as a living entity. This serves as a prerequisite to attribute recursiveness to communicative behavior of a human aiming to step into social interaction and design a model of recursive communicative behavior. To verify this model

we planned and ran a psycholinguistic experiment to measure the degree of the stereotypization in communicative behavior of mainstream representatives of the society. The participants were subdivided into two contrasting subclusters: “those under 24” and “those over 45”. They were offered a number of experimental cases with a task to model the communicative behavioral patterns typical for them in various day-to-day communication settings. Overall the experiment involved 219 subjects. The analysis of the data obtained outlines those settings implying a higher degree of the standardization in communicative behavior as well as the gender and age-related specifics of the participants with more stereotypical speech patterns.

Keywords: theory of autopoiesis, psycholinguistic experiment, communicative behavior, modeling, subject of communication, recursiveness

Article history:

Received: 10.07.2023

Accepted: 15.09.2023

For citation:

Pishchalnikova, V.A. & Kardanova-Biryukova, K.S. (2023). Recursiveness as the Dominant Feature of Communicative Behavior in Day-to-Day Interaction. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(4), 994–1012. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-994-1012>

Введение

Рефлексируя в небольшой статье 2014 г. [1] по поводу системной теории Никласа Лумана, У. Матурана выстраивает свое рассуждение вокруг вопроса, «представляет ли социум как самоорганизующаяся система образование иного порядка, нежели совокупность консенсуальных связей, которые отдельный человек как живая система образует ежедневно в своей среде?» [1. Р. 187]. Отвечая на свой вопрос, чилийский биолог отмечает, что в толковании социальных систем мы, в сущности, просто абстрагируемся от конкретных конфигураций сенсорно-операционально-реляционных связей, осуществляющихся ежедневно в бытии отдельной живой системы. Иными словами, социум — это не нечто, чуждое нашему повседневному существованию, не то, что мы можем толковать в отрыве от бытия отдельной единицы.

Центральным звеном аутопоэтической теории У. Матураны и Фр. Варелы является идея самосохранения живой системы, или поддержания собственной целостности за счет постоянной активации нейрофизиологических процессов внутри самой системы [2–4]. Совершая действия, направленные на поддержание равновесных отношений со средой, живая система тем самым обеспечивает собственное бытие. Эти постулаты эффективны при описании биологических организмов, которым не свойственно организованное сосуществование. Однако уже в статье «Biology of Language» авторы теории вводят понятие системы третьего порядка, целостность которой обеспечивается тем, что ее составляют биологические организмы, обладающие близкой организацией [5].

Представление о социуме как самоорганизующейся системе становится центральным в работах Н. Лумана [6], Т. Парсонса [7], Х. Уррестаразу [8] (здесь, однако, нельзя не напомнить о постоянном диалоге между У. Матураной и названными выше исследователями относительно возможности рассматривать социальные системы как способные к аутопоэзису. В своей аргументации У. Матурана всегда возвращается к отдельному живому организму, а социологи дифференцируют человека как биологическую систему и общество как систему социальную).

Н. Луман рассматривает общество как множество взаимопересекающихся самоформирующихся и самовоспроизводящихся систем, органическая целостность которых обеспечивается постоянной коммуникацией между всеми элементами: «...Система общества характеризуется, соответственно, не определенной «сущностью», не говоря уже об определенной морали (о распространении счастья, солидарности, о сходствах в условиях жизни, об интеграции на основе разумного консенсуса и т. д.), — ее характеризует та операция, в ходе которой производится и воспроизводится общество. И эта операция — *коммуникация*» [9. С. 72]. Под коммуникацией исследователь понимает «некое протекающее конкретно-исторически, а значит, зависимое от контекста событие, а не просто применение регулятивов правильной речи» [9. С. 73].

Социологическая теория Т. Парсонса [7] строится вокруг понятия *социального действия*, возникающего тогда, когда у деятеля имеется требующая удовлетворения потребность. Условием осуществления социального действия является способность деятеля идентифицировать и классифицировать элементы среды (когнитивная ориентация); определять тех компоненты среды, которые требуются для удовлетворения именно этой потребности (катектическая ориентация), и соотносить выделенные компоненты с формами удовлетворения этой потребности (оценочная ориентация). Одновременно социальное действие подчиняется символическим (через язык и культуру) и нормативным (через правила поведения и социальные нормы) регуляторным механизмам [10].

Социальное бытие, безусловно, является регламентированным и требует от человека подчинения определенным правилам социального общежития (эта линия является основной в исследованиях ряда социолингвистов, в том числе И. Гофмана [11]; П. Браун и С. Левинсона [12]; Р. Чальдини [13]; Дж. Гамперца [14] и др.). Такие законы и нормы определяют скорость протекания социальных процессов, обеспечивая бесперебойное функционирование социальной системы. Каждый член социума в той или иной степени стремится соответствовать этим регулятивам, тем самым одновременно обеспечивая и собственный комфорт. Дж. Гамперц предлагает описывать общественное взаимодействие как «матрицу общения», или совокупность ролей, свойственных определенному социуму.

Каждой роли предписаны определенные атрибуты, состоящие из *существенных* (если она обязательна для восприятия роли) или *периферийных* (если ее отсутствие или присутствие не меняет восприятие роли) диакритик. Корректная реализация роли в заданном контексте является условием успешного социального функционирования, поэтому говорящий озабочен не только тем, чтобы доводить до слушающего правильно сформулированные утверждения, но и тем, чтобы эти утверждения были корректно соотнесены с контекстом [14].

Высокая степень стандартизации свойственна бытовому общению по ряду причин. Во-первых, бытовые ситуации социального взаимодействия характеризуются высокой повторяемостью, что позволяет участнику коммуникации осуществлять вероятностное прогнозирование в ожидании определенных сценариев развития ситуации. Во-вторых, участниками такого взаимодействия часто становятся знакомые люди, которым предписаны известные роли. В бытовом общении малознакомых или незнакомых людей социальные роли зачастую атрибутируются по очевидным внешним маркерам. В-третьих, бытовая коммуникация часто ориентирована на удовлетворение простых биологических потребностей (утоление голода или жажды, ориентация в пространстве или во времени, поиск конкретных объектов и под.), поэтому все стороны такого взаимодействия настроены максимально оперативно решить возникшую проблему и восстановить личный комфорт.

С опорой на результаты представленных выше исследований мы исходим из того, что, вступая в бытовую коммуникацию, человек, как существо социальное, понимает, какие роли могут быть потенциально предписаны ему, и стремится им соответствовать. В то же время у него есть определенные ожидания относительно возможных поведенческих сценариев других участников взаимодействия. Степень согласованности этих позиций в бытовой коммуникации является сравнительно высокой, что позволяет применять исследовательский инструмент психолингвистики для моделирования и анализа динамики коммуникации в бытовых социальных контекстах. В связи с этим **цель исследования** состоит в разработке модели коммуникативного поведения субъекта социальной коммуникации в ситуациях бытового общения и последующей экспериментальной верификации этой модели, а также в оценке степени стандартизации ответов испытуемых, характеризующихся разными гендерными и возрастными параметрами.

Теоретическое обоснование и разработка модели

Субъект социальной коммуникации ориентирован на мгновенное восприятие и обработку поступающих извне данных для максимально быстрого удовлетворения собственных потребностей (зачастую связанных

с базовыми биологическими нуждами), а это возможно тогда, когда участники такого взаимодействия реализуют стандартный набор действий, в том числе пользуются готовыми речевыми формулами. Для описания кругообразности жизнедеятельности живой системы авторы теории аутопоэза используют понятие «рекурсивность», трактуемое в их концепции как повторяющийся характер действий живой системы в разных ситуациях её интеракции со своей средой [2–5; 15]. В одной из первых публикаций на эту тему “Biology of Cognition” (впервые издана как отчет о научно-исследовательской работе лаборатории в 1970 г., в 1980 г. переиздана как научная статья) У. Матурана пишет: «Живая система, в силу своей кругообразности, является индуктивной системой, действия которой предсказуемы: то, что уже происходило, будет происходить снова. Ее организация консервативна, поэтому и повторяется только то, что уже было проверено на практике и доказало свою эффективность» (*Здесь и далее перевод наш.* — В.П., К. К.-Б.) [16. Р. 26–27].

Рассуждая об организованном сосуществовании организмов как системах третьего порядка авторы теории аутопоэза также оперируют понятием рекурсивности. Даже в таких сложно организованных образованиях, как общественная система, мы наблюдаем, что на уже достигнутый уровень социального развития накладываются однопорядковые действия: «Биология показывает нам, что уникальность человека заключается исключительно в социальной структурной сопряженности, которая осуществляется через оязычивание, порождающее (а) регулярности, свойственные социальной динамике человека, например индивидуальность и самосознание, и (б) рекурсивную социальную динамику человека, которая влечет за собой рефлексивность, позволяющую нам понять, что как человеческие существа мы обладаем только тем миром, который создаем вместе с другими людьми, нравятся нам они или нет» [15. С. 216–217].

Исследуя связь между эмоциональной сферой и когнитивными процессами, А. Дамазио указывает на то, что движущей силой в эволюции сознания является рекурсивная саморегуляция живой системы, в ходе которой внутри системы происходят постоянные изменения, однако сохраняются ее инвариантные характеристики [17]. В *Послесловии* автор ставит новые исследовательские задачи, связанные в том числе с развитием культуры как маркера высокоорганизованного социума и с клинической практикой, в которой алгоритмизация эволюционного развития когнитивных потенций человека может представляться крайне перспективной.

Рекурсивности как определяющему механизму эволюции мозга особое внимание уделяется в исследованиях Дж. Эдельмана и Дж. Тотони [18]. В коллективной монографии «A Cambridge Handbook of Consciousness» [19] отдельная глава посвящена механизмам становления сознания в онтогенезе: авторы

выделяют четыре этапа формирования сознания ребенка, каждый из которых «определяет характер субъективного опыта, способность к воспроизведению отдельных эпизодов этого опыта, способность к выражению знаний и способность к сознательному контролю мысли, эмоции и действия» [19. С. 405]. В последние годы вышло значительное число публикаций, авторы которых алгоритмизируют изучаемые процессы через оперирование понятием рекурсивности (см. [20–23]).

В моделировании коммуникативного поведения человека как субъекта социального взаимодействия также целесообразна опора на понятие рекурсивности, или повторяемости однотипных речевых и/или неречевых действий. Теоретическую рамку такого исследования составляет теория аутопоэза, позволяющая рассматривать субъект социальной коммуникации как систему, изучение которой возможно не через описание совокупности ее атрибутов, а через описание конкретных состояний в конкретный момент времени. В аутопоэтической теории самосохранение системы возможно только при условии поддержания равновесных отношений со средой, которые, однако, постоянно нарушаются в силу пластичности и гибкости живой системы. Это приводит к тому, что живая система изменяется в каждый новый момент времени, т.е. изменяется состав релевантных для жизнедеятельности этой системы ориентиров, равно как и состав ее потребностей. Это, в свою очередь, детерминирует изменение и ее среды, поскольку характеристики среды определяются именно актуальным состоянием системы. Однако поведение системы рекурсивно, а следовательно, даже в измененном варианте система оперирует заданным набором возможных действий, которые, однако, теперь приложимы к новым вводным данным.

Эта логика, задаваемая У. Матураной и Фр. Варелой, позволяет алгоритмизировать континуальность социальной коммуникации и конструировать модель рекурсивного коммуникативного поведения социального субъекта.

В нашей модели субъект коммуникации существует в определяемой его физиологическими и когнитивными параметрами среде (при этом другие представители социума являются элементами этой среды и занимают в ее иерархической структуре более или менее высокое положение). В момент возникновения рассогласования между субъектом и средой он начинает совершать действия, направленные на восстановление равновесных отношений (например, выполняет ряд действий по удовлетворению своей актуальной потребности). Последовательность этих действий возможно алгоритмизировать в виде представленной на рис. 1 модели.

Операционализация модели требует введения соответствующей единицы — *рекурсивного шага*, или операции, отражающей эволюционное изменение в структуре субъекта коммуникации.

Так, субъект социальной коммуникации выстраивает актуальную для его текущего состояния иерархию средовых факторов, которая не является константной, поэтому измерение степени рекурсивности его коммуникативного поведения может осуществляться сравнением вариантов ранжирования средовых (ситуативных) факторов, предложенных испытуемыми с разными возрастными и гендерными параметрами, и одновременно путем лонгитюдного анализа разных состояний одного и того же субъекта (ср. мнение И.Н. Трофимовой о необходимости учета психофизиологического состояния участника эксперимента на примере анализа результатов ассоциативного эксперимента [24]).

Далее социальный субъект идентифицирует фрагмент среды, в котором произошло рассогласование, приводящее к дестабилизации структуры субъекта. Здесь возможны сценарии, когда индивид принципиально не воспринимает средовой фактор как нарушающий равновесные отношения или когда разные субъекты идентифицируют различные дестабилизирующие средовые факторы, поскольку границы зоны рассогласования детерминируются иерархизацией среды, являющейся в значительной степени индивидуальной и, как уже было отмечено, динамичной.

Наконец, последний шаг состоит в совершении ответных речевых и/или неречевых действий, направленных на восстановление равновесных отношений и обеспечение собственного комфорта.

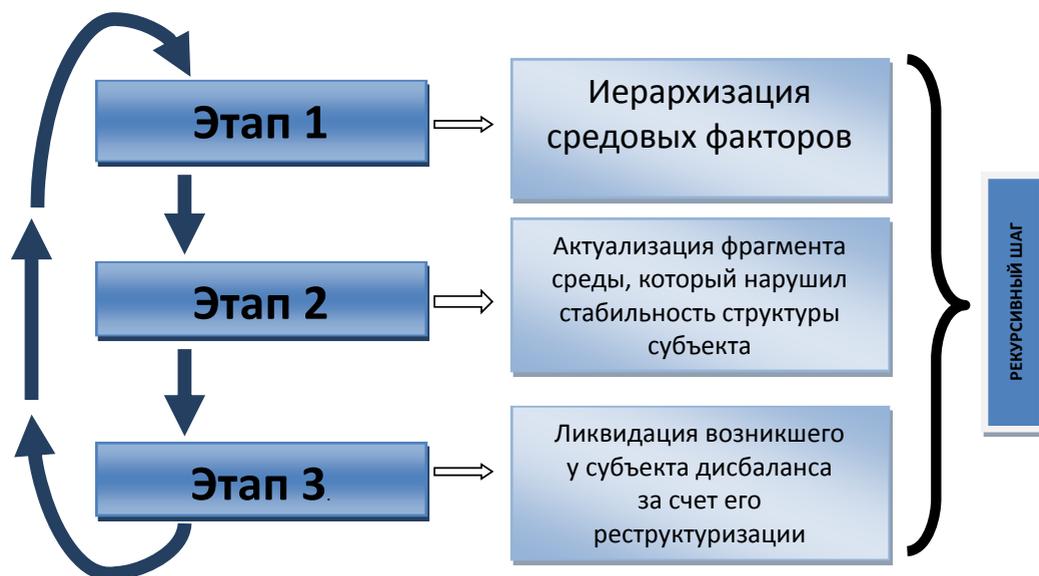
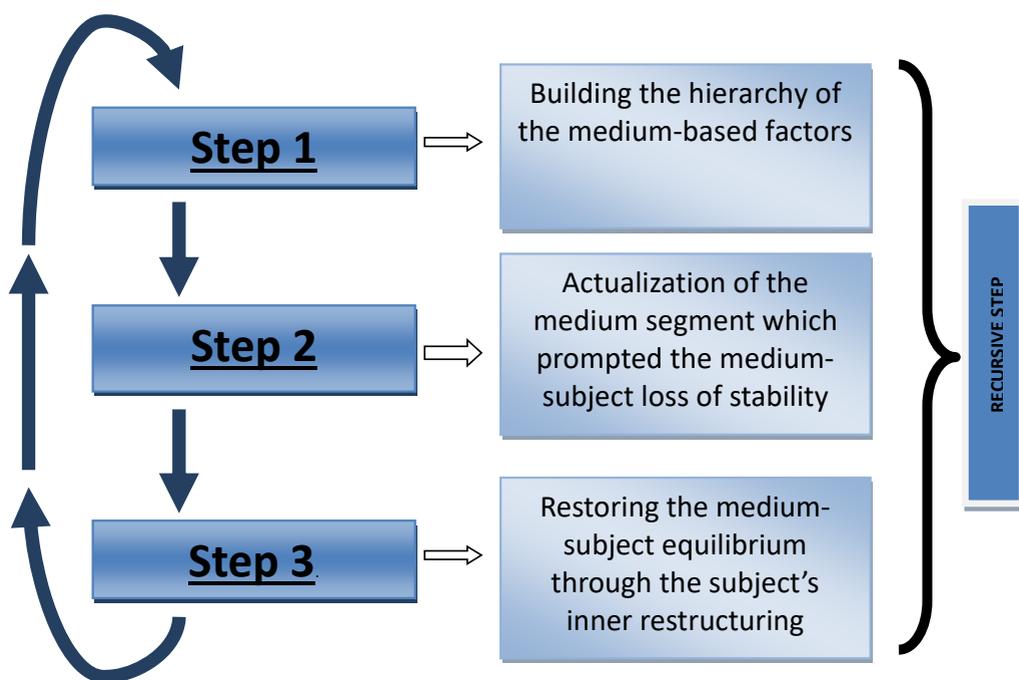

Рис. 1. Модель рекурсивного коммуникативного поведения социального субъекта
Источник: составлено авторами.

Fig. 1. Model of Recursive Communicative Behaviour of a Social Individual
 Source: compiled by the authors. The translation is done from the questionnaires of Russian-speaking subject.

Этот алгоритм рекурсивного коммуникативного поведения социального субъекта далее верифицировался в серии психолингвистических экспериментов, построенных по принципу анализа кейсов (case study).

Экспериментальная верификация модели

На этапе, предваряющем проведение экспериментов, были сформулированы гипотезы, отражающие отдельные параметры модели. Верификации подвергалось предположение о том, что иерархизация средовых факторов и идентификация фрагмента среды, нарушившего стабильность структуры субъекта, определяются актуальными потребностями и состоянием субъекта социальной коммуникации, а также предположение о том, что общее количество, последовательность и характер речевых и/или неречевых действий, необходимых для восстановления равновесных отношений, не константны, а определяются актуальным соотношением свойств субъекта коммуникации.

Контролировались следующие независимые переменные: пол, возраст, ситуация социального взаимодействия; измерялись зависимые переменные: количество и характер иерархизации средовых факторов, количество, последовательность и характер речевых и/или неречевых действий, прогнозируемых в конкретной ситуации.

Для анализа испытуемым предлагались различные кейсы, в которых от участников эксперимента ожидалось моделирование сценария ответного коммуникативного поведения в заданных условиях. В эксперименте воссоздавались ситуации естественного общения, в которых человек использует стандартный алгоритм адаптивного поведения (например, общение в социальных сетях, ситуации спора или конфликта с знакомыми и незнакомыми собеседниками, ситуация ситуативного общения с попутчиком и под.).

Выборка испытуемых осуществлялась с учетом возрастного критерия: в младшую возрастную группу (до 24 лет) вошло 185 человек, контрольную группу, представленную испытуемыми в полярном возрастном диапазоне (от 45 лет), составили 34 человека. Кроме того, контролировался гендерный параметр.

Экспериментальная анкета была смоделирована в двух вариантах: в виде печатного опросника, заполняемого в рукописной форме (для фронтального опроса), и в виде электронной формы, заполняемой непосредственно на платформах для проведения массовых опросов с возможностью генерации тестовых заданий: www.surveymonkey.com, www.alchemer.com и др. Время выполнения экспериментальных заданий контролировалось при предъявлении печатного опросника и составляло 20 минут с учетом среднего психологического показателя сохранения стабильности внимания. При предъявлении электронной анкеты в инструкции также указывалось, что экспериментальные задания рекомендовано выполнить в течение 20 минут.

Статистическая обработка данных осуществлялась в несколько этапов и была направлена на измерение ряда показателей. Степень стандартизации моделируемых сценариев коммуникативного поведения испытуемых оценивалась на каждом этапе: во-первых, измерялась внутри- и межгрупповая однородность ответов испытуемых; во-вторых, оценивалось то, насколько однотипными средствами вербального выражения пользовались испытуемые.

В первом эксперименте воссоздавались ситуации естественной социальной коммуникации, в которых испытуемым предлагалось ранжировать значимые для участия в коммуникации средовые факторы, или те компоненты среды, которые они идентифицируют и учитывают в процессе коммуникативного взаимодействия. В экспериментальной анкете было заложено пять рангов, возможных для заполнения, и был предусмотрен самостоятельный ввод ответа. Так, при предъявлении кейса, в котором испытуемому предлагается ранжировать представленные в социальной сети сведения о потенциальном собеседнике, мы получали выстроенные иерархии типа: *возраст (P1) — фотография на аватарке (P2) — аудиозаписи (P3) — записи на стене (P4) — общие друзья (P5)* или *приятное оформление профиля (аватарка, например) (P1) — содержимое страницы / микроблога (P2) — грамотность и общий уровень интеллекта (P3) — аудио и видео (P4) — список сообществ (P5)*. В случае с кейсом, в котором имитировалась ситуация спора, выстраивались иерархии типа: *изначально нужно знать, необходимо ли нам прийти*

к согласию для какой-либо дальнейшей деятельности или это просто обсуждение, которое не влечет за собой никаких последствий (P1) — личность человека, высказывающего мнение, противоположное моему (P2) — его опыт в этой сфере (P3) — то, как он преподносит свое мнение (P4) — как он реагирует на мнение противоположное (P5) или место проведения беседы (P1) — количество собеседников (P2) — готовность идти на уступки (P3) — агрессивность сокурсников (P4) — особенности характера (P5).

Сопоставительный анализ результатов, полученных от участников эксперимента с разными возрастными и гендерными параметрами, показал, что пятая позиция остается незаполненной в среднем в 56 % случаев у испытуемых до 24 лет и в среднем в 65 % случаев у испытуемых старше 45 лет. При этом были идентифицированы очевидные гендерные различия: около 47 % незаполненных пятых рангов у молодых женщин и 69 % отказов по этой позиции у молодых мужчин. Аналогичная тенденция наблюдается в контрольной группе: 61 % vs 70 % в ответах женщин и мужчин соответственно.

Четвертая позиция остается незаполненной в среднем в 46 % случаев у представителей всех возрастных групп, но гендерная асимметрия сохраняется: 41 % vs 53 % в младшей возрастной группе и 44 % vs 50 % в старшей возрастной группе.

Незначительное статистическое варьирование наблюдается в зависимости от заданных условий общения: в ситуациях более стандартного фронтального общения с малознакомым собеседником (например, когда в экспериментальном задании указано, что к участнику эксперимента на улице обращается с вопросом прохожий) испытуемые старшего возраста выявляют большее число таких факторов, видимо, в связи с типичностью таких ситуаций еще несколько десятилетий назад. Напротив, ситуации дистантного социального взаимодействия в большей степени соотносены с коммуникативным опытом молодых людей — отсюда и большее число идентифицируемых средовых факторов в их анкетах.

Выявленные тенденции позволяют говорить о том, что современный субъект социальной коммуникации идентифицирует сравнительно небольшое число релевантных для осуществления взаимодействия средовых факторов: в среднем два-три, независимо от гендерных и возрастных характеристик.

Далее выполнялся кластерный анализ полученных ответов. При анализе каждой экспериментальной ситуации выделялся кластер, связанный с *общественно ожидаемыми нормами социального взаимодействия* и если среди ответов, предлагаемых на первом ранге, имеется определенное варьирование в зависимости от задаваемых экспериментатором параметров социального взаимодействия, то на втором ранге именно этот кластер становится одной из доминант.

Например, в ситуации спора с сокурсниками или коллегами по работе в кластер «социально приемлемые формы коммуникативного поведения»

вошло 17,1 % ответов испытуемых группы «младше 24 лет» (гендерное варьирование также является статистически незначимым: 19,2 % vs. 14 % в группах женщин и мужчин соответственно): ср. *поведение сокурсников; как ведут себя собеседники; вежливость; толерантность; уважение к оппоненту* и др. В значительно меньшей степени рефлексиируют о степени соответствия общественным ожиданиям испытуемые в подгруппе «старше 45 лет». В соответствующий кластер вошли единичные ответы, в том числе *лояльность к оппоненту, тон дискуссии, уважение к коллегам, какие выражения используются* и под.

В экспериментальной ситуации, связанной с подготовкой публичного выступления, при общей статистически невысокой значимости кластера «общественные ожидания» мы, однако, отметили рассогласование ответов по гендерному параметру: в группе молодых мужчин на всех рангах не было идентифицировано ни одного соответствующего ответа, а в группе молодых женщин идентифицированы ответы этого типа на каждом ранге: 2,6 % (P1) — 1,3 % (P2) — 4,3 % (P3) — 7,8 % (P4). Очевиден периферийный статус этих средовых факторов (что отражается и в увеличении числа таких ответов по мере продвижения к нижним рангам), однако их стабильное присутствие в экспериментальных анкетах женщин до 24 лет показательно и является дополнительным подтверждением того, что именно молодые девушки ориентированы на соответствие социально одобряемым моделям коммуникативного поведения и ожиданиям окружающих.

Результаты дисперсионного анализа в каждой из экспериментальных подгрупп демонстрируют неоднородность мнений испытуемых, обладающих однотипными гендерными или возрастными характеристиками. Это подтверждает сделанное на этапе планирования эксперимента предположение о том, что иерархизация средовых факторов и идентификация фрагмента среды, нарушившего стабильность структуры субъекта, определяются актуальными потребностями и состоянием субъекта социальной коммуникации. Однако различия, наиболее значимые статистически, были выявлены именно на стыке экспериментальных подгрупп. Иными словами, возможно говорить о конечном количестве моделей коммуникативного поведения, которые усваиваются индивидом в процессе социализации. Вариативность коммуникативного поведения, таким образом, не бесконечна, а определена выбором из стереотипных сценариев, ограниченным нормами социального взаимодействия. При этом по мере взросления и накопления коммуникативного опыта человек привыкает использовать одни и те же модели коммуникативного поведения, что подтверждается и результатами статистической обработки экспериментальных данных: степень унификации мнений в контрольной подгруппе (старше 45 лет) выше.

Второй эксперимент был направлен на верификацию предположения о том, что общее количество, последовательность и характер речевых и/или

неречевых действий, необходимых для восстановления равновесных отношений, определяются актуальным соотношением свойств субъекта коммуникации. Испытуемым предъявлялись различные ситуации естественной коммуникации, в которых требовалось смоделировать сценарий ответного коммуникативного поведения в виде последовательности речевых и/или неречевых действий. В описании каждой ситуации обозначен некий «раздражитель», который нарушает стабильность структуры субъекта социальной коммуникации, например, заданный на улице вопрос, замечание, сделанное на улице прохожим или в метро в час пик, и под.

Коммуникативные сценарии, предложенные участниками всех экспериментальных подгрупп, далее сравнивались на основе того, идентифицирован ли раздражитель и сколько действий вошло в прогнозируемый ответный коммуникативный сценарий.

В отношении идентификации фрагмента среды, нарушившего стабильность структуры субъекта коммуникации, статистически значимые межгрупповые различия выявлены не были. Во всех экспериментальных подгруппах встречались ответы типа *Промолчу!*; *Пройду мимо*; *Не обращаю внимание*; *Проигнорирую*; *Никак не отреагировать* и под., однако они были сравнительно немногочисленными.

Типологизация ответов испытуемых по количеству ответных речевых и/или неречевых действий и оценка общего характера прогнозируемого коммуникативного сценария показала следующее. Количество ответных речевых и/или неречевых действий в среднем варьировало в интервале от одного до трех: например, в ситуации, когда в разговор вмешивается посторонний человек, возможно одно ответное действие (ср. *Выслушать мнение человека1*; *Начнем общаться вместе с ним1*; *Мы постараемся включить этого человека в беседу1*), два ответных действия (*Остановить данного человека1* и *продолжить обсуждение2*; *Отойти подальше1* и *спокойно продолжить беседу2*; *Просто улыбнусь1*, *продолжу дальше разговор со своим собеседником2*; *Отйду в сторону1*, *прекращу разговор с незнакомыми мне людьми2*), три ответных действия (*Обращу на него внимание1*, *отвечу вежливой фразой, но не предполагающей продолжение разговора2*, *продолжу говорить со своей знакомой3*), четыре ответных действия (*Прекратить разговор1*. *Сделать замечание2*. *Отойти подальше3* и *продолжить разговор со знакомым/ой4*; *Посмотрю на него1*, *переглянусь с другом2*, *посмеюсь3*, *отйду4*).

Сопоставительный анализ ответов, полученных от испытуемых из разных экспериментальных подгрупп, показал, что в норме субъект коммуникации прогнозирует одно или два ответных речевых и/или неречевых действия. При этом испытуемые в возрастной категории «старше 45 лет» предлагают более стандартные коммуникативные сценарии, направленные на восстановление равновесных отношений. Это, видимо, связано с бóльшим опытом

социальной интеракции, что делает возможным быстрый поиск ориентира для прогнозирования однотипной модели социально приемлемого поведения в заданных экспериментальных условиях.

При сопоставлении по гендерному параметру также выявляется склонность молодых женщин к социально одобряемым сценариям коммуникативного поведения. При этом они же являются и менее толерантными к средовым «раздражителям», что проявляется в более агрессивных сценариях коммуникативного поведения, ср.: *Отвечу замечанием, более грубым, или предложу пользоваться личным транспортом; Нахамлю!* (кейс о замечании в переполненном вагоне метро); *Я постараюсь в данном комментарии ответить тоже «чувствительно», либо вовсе удалю комментарий человека; Саркастично и ловко «умою» комментатора (но таких комментариев мне не оставляют)* (кейс о нелицеприятном комментарии в социальной сети) и др. Напротив, молодые мужчины воспринимают подобные ситуации социального взаимодействия как естественные и прогнозируют довольно развернутые, часто нелинейные сценарии ответного коммуникативного поведения.

Таким образом, общее число и характер ответных действий определяются типичностью условий, в которых предполагается социальное взаимодействие. В более стандартных коммуникативных ситуациях испытуемые не видят необходимости прогнозировать сложные коммуникативные сценарии и ограничиваются преимущественно одним ответным действием (например, кейс о нелицеприятном комментарии на странице в социальной сети).

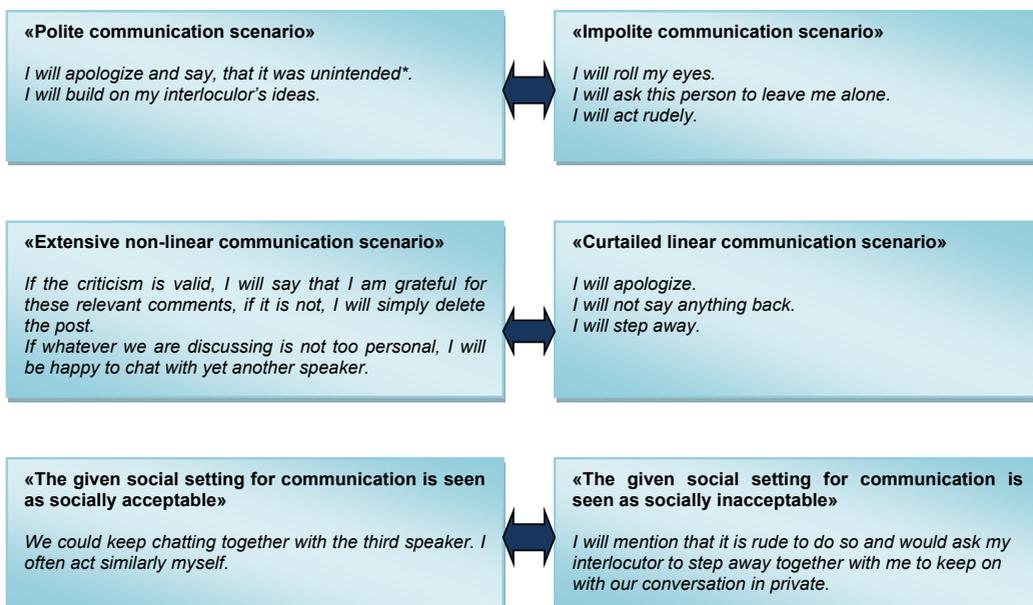
Дистантное общение воспринимается как менее обязывающее. Средовые раздражители в таких ситуациях социального общения могут не восприниматься как релевантные (ср. кейс о вопросе, заданном прохожим на улице vs кейс о критическом комментарии в социальной сети).

Количество ответных действий также определяется коммуникативным опытом субъекта социальной коммуникации. Если в коммуникативном опыте индивида имеется ориентир (аналогичная ситуация), возможный сценарий развития коммуникативной ситуации в заданном в эксперименте контексте прогнозируется с большей степенью детализации: *Остановлюсь и попрошу повторить вопрос. Если данная ситуация происходит на безлюдной улице, то пойду дальше* и др.

Внутригрупповая однородность в этом эксперименте оказалась сравнительно невысокой, поскольку коммуникация определяется актуальной иерархией адаптационных свойств субъекта коммуникации. На рис. 2 представлены ответы испытуемых с близкими гендерными и возрастными параметрами: мы наблюдаем поляризацию ответов даже внутри одной подгруппы (в данном случае представлены ответы женщин в возрасте до 24 лет).

Рис. 2. Поляризация ответов испытуемых с близкими гендерными и возрастными характеристиками
Источник: составлено авторами.

Fig. 2. Polarization of the Answers by the Experiment Participants with Similar Gender and Age Parameters
Source: compiled by the authors. The translation is done from the questionnaires of Russian-speaking subjects.

Таким образом, в результате анализа результатов второго эксперимента выявилось, что степень унификации мнений испытуемых, обладающих однотипными гендерными и возрастными характеристиками, является сравнительно невысокой. Участники эксперимента предлагают разнообразные

сценарии прогнозируемого ответного коммуникативного поведения. Ориентируясь на свой опыт социального взаимодействия, они, тем не менее, ищут ориентиры в виде аналогичных ситуаций коммуникативного взаимодействия и делают выбор из конечного набора наиболее типичных и ожидаемых возможностей.

Как показали результаты эксперимента, сценарии прогнозируемого коммуникативного поведения менее вариативны в ответах испытуемых из возрастной группы «старше 45 лет» в силу их более устойчивого опыта и уже сложившейся совокупности наиболее ожидаемых образцов поведения в простых бытовых ситуациях социального общения. Вариативность ответов также ограничена набором социально одобряемых коммуникативных моделей.

Заключение

Таким образом, по результатам эксперимента было выявлено, что испытуемые в целом ориентированы на использование шаблонных сценариев речевого поведения. Испытуемые в возрасте до 25 лет демонстрируют меньшую степень ранговой согласованности при определении релевантных для коммуникации средовых факторов. Напротив, участники эксперимента в возрасте от 45 лет, преимущественно женщины, отличаются крайне высокой стереотипизацией речевого поведения, что, с одной стороны, тоже обусловливается значительным коммуникативным опытом, позволяющим ориентироваться на шаблонные сценарии речевого поведения в моделировании возможных коммуникативных паттернов в заданных ситуациях. С другой стороны, это может свидетельствовать о нежелании приложить дополнительное усилие для моделирования вариативных сценариев ответных речевых (и/или неречевых) действий. Такая тенденция вызывает опасения, поскольку унификация использования средств языка приводит и к формированию шаблонных когнитивных механизмов, к неспособности выходить за пределы стандартных мыслительных схем, к функциональной ограниченности современного человека. Эту тенденцию отмечают многие, однако пока нет готовых решений, на основе которых можно корректировать наблюдаемые процессы.

Второй исследовательский вектор, который представляется перспективным в этой связи, связан с клинической практикой. Ведь пациентов с речевыми расстройствами (как врожденными, так и приобретенными) важно обучить шаблонным схемам бытового коммуникативного взаимодействия с целью оптимизации их социальной интеграции, сделать их более уверенными в использовании готовых речевых формул, позволяющих лучше социально адаптироваться, в частности самостоятельно удовлетворять базовые потребности. Создание репозитория таких речевых формул, отфильтрованных экспериментально, может стать серьезным подспорьем в этой работе.

Библиографический список

1. *Maturana H.R.* Understanding social systems? // *Constructivist Foundations*. 2014. №9(2). P. 187–188.
2. *Maturana H.R., Varela Fr.* Autopoiesis and cognition: The realization of the living // *Boston Studies in the Philosophy of Science*. №42. Dordrecht: D. Reidel Publishing Co., 1980.
3. *Maturana H.R.* The biological foundation of self-consciousness and the physical domain of existence // *Physics of cognitive Processes*. World Scientific. Singapore, 1987. P. 324–379.
4. *Матурана У.* Биология познания // *Язык и интеллект: сборник научных трудов; сост. и вступ. ст. В.В. Петрова.* М.: Прогресс, 1995. С. 95–142.
5. *Maturana H.R.* Biology of language: the epistemology of reality // *Psychology and biology of language and thought: Essays in honor of Eric Lenneberg / G.A. Miller, E. Lenneberg (Eds.)*. New York: Academic Press, 1978. P. 27–63.
6. *Луман Н.* Социальные системы: очерк общей теории / Под ред. Н.А. Головина. СПб: Наука, 2007.
7. *Парсонс Т.* Социальные системы // *Вопросы социальной теории*. 2008. Т. II. Вып. 1(2). С. 38–71.
8. *Urrestarazu H.* Social autopoiesis? // *Constructivist Foundations*. 2014. 9(2). P. 153–166.
9. *Луман Н.* Общество как социальная система. М.: Логос, 2004.
10. *Шюц А., Парсонс Т.* Теория социального действия. М.: Элементарные формы, 2021.
11. *Goffman E.* The presentation of self in everyday life. New York: Doubleday: Garden City, 1959.
12. *Brown P., Levinson S.C.* Politeness: Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
13. *Cialdini R.* Influence. The psychology of persuasion. New York: William Morrow & Company, 1984.
14. *Гамперц Дж.* Типы языковых обществ // *Новое в лингвистике*. Вып. VII. Социоллингвистика. М., 1975. С. 182–198.
15. *Матурана У., Варела Ф.* Дерево познания. М.: Прогресс, 2001.
16. *Maturana H.R., Varela Fr.* Biology of cognition // *Autopoiesis and cognition: The Realization of the Living*. Boston studies in the philosophy of science. Vol. 42. Dordrecht: D. Reidel Publishing Co., 1980. P. 5–58.
17. *Damasio A.R.* Descartes' error: emotion, reason and the human brain. New York: Avan Books, 1994.
18. *Edelman G.M., Toton G.* A universe of consciousness. How matter becomes imagination. New York: *Basic Books*, 2000.
19. *Zelazo P.D., Gao H.H., Todd R.* The development of consciousness // *The Cambridge handbook of consciousness / P.D. Zelazo, M. Moscovitch, E. Thompson (Eds.)*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 405–432. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511816789.016>
20. *Totaro P., Ninno D.* A duality in recursion to analyse digital society // *Advance*. 2018. Preprint. <https://doi.org/10.31124/advance.7228325.v1>
21. *Rubin S.* Cartography of the multiple formal systems of molecular autopoiesis: from the biology of cognition and enaction to anticipation and active inference // *Biosystems*. 2023. Vol. 230. Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0303264723001302> (дата обращения: 06.07.2023). <https://doi.org/10.1016/j.biosystems.2023.104955>
22. *Пищальникова В.А., Степыкин Н.И., Бубнова И.А., Адамова З.Г., Мягкова Е.Ю., Кружилина Т.В., Бутакова Л.О.* Функциональная неграмотность как объект психолингвистики: монография / под ред. В.А. Пищальниковой. М.: Р-Валент, 2022.
23. *Степыкин Н.И.* Потенциал применения формализованных параметров для моделирования речевого действия // *Научный диалог*. 2021. №8. С. 112–127. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-8-112-127>
24. *Трофимова И.Н.* Синергия динамики тела и восприятия мира // *Синергетика и психология*. Вып. 3. Когнитивные процессы / под ред. В.И. Аршинова, И.Н. Трофимовой, В. Шендяпина. М.: Когнито-центр, 2004. С. 61–81.

References

1. Maturana, H.R. (2014). Understanding social systems? *Constructivist Foundations*, 9(2), 187–188.
2. Maturana, H.R. & Varela, Fr. (1980). Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living. *Boston Studies in the Philosophy of Science*. Vol. 42. Dordrecht: D. Reidel Publishing Co.
3. Maturana, H.R. (1987). The biological foundation of self-consciousness and the physical domain of existence. In: *Physics of cognitive Processes*. World Scientific. Singapore. pp. 324–379.
4. Maturana, H.R. (1995). Biology of Cognition. In: *Language and Intellect*. Moscow: Progress. pp. 95–142. (In Russ.).
5. Maturana, H.R. (1978). Biology of Language: the Epistemology of Reality. In: *Psychology and Biology of Language and Thought: Essays in Honor of Eric Lenneberg*, Miller G.A., Lenneberg E. (eds.). New York: Academic Press. pp. 27–63.
6. Luhmann, N. (2007). *Social Systems*. Saint-Petersburg: Nauka. (In Russ.).
7. Parsons, T. (2008). Social Systems. *Issues of Social Theory*, II 1(2), 38–71. (In Russ.).
8. Urrestarazu, H. (2014). Social autopoiesis? *Constructivist Foundations*, 9(2), 153–166.
9. Luhmann, N. (2004). *Society as a Social System*. Moscow: Logos. (In Russ.).
10. Shchus, A. & Parsons, T. (2021). *Theory of Social Action*. Moscow: Elementarny formy. (In Russ.).
11. Goffman, E. (1959). *The Presentation of Self in Everyday Life*. New York: Doubleday: Garden City.
12. Brown, P. & Levinson, S.C. (1987). *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Cialdini, R. (1984). *Influence. The Psychology of Persuasion*. New York: William Morrow & Company.
14. Gumperz, J. (1975). Types of Language Communities. In: *New Issues of Linguistics. Iss. VII. Sociolinguistics*. Moscow. pp. 182–198. (In Russ.).
15. Maturana, H.R. & Varela, Fr. (2001). *The Tree of Knowledge*. Moscow: Progress. (In Russ.).
16. Maturana, H.R. & Varela, Fr. (1980). Biology of cognition. In: *Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living*. *Boston Studies in the Philosophy of Science*. Vol. 42. Dordrecht: D. Reidel Publishing Co. pp. 5–58.
17. Damasio, A.R. (1994). *Descartes' Error: Emotion, Reason and the Human Brain*. New York: Avon Books.
18. Edelman, G.M. & Toton, G. (2000). *A Universe of Consciousness. How Matter Becomes Imagination*. New York: Basic Books.
19. Zelazo, P.D., Gao, H.H. & Todd, R. (2007). The development of consciousness. In: *The Cambridge handbook of consciousness*, P.D. Zelazo, M. Moscovitch, E. Thompson (eds.). Cambridge: Cambridge University Press. pp. 405–432. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511816789.016>
20. Totaro, P. & Ninno, D. (2018). A duality in recursion to analyse digital society. *Advance*. Preprint. <https://doi.org/10.31124/advance.7228325.v1>
21. Rubin, S. (2023). Cartography of the multiple formal systems of molecular autopoiesis: from the biology of cognition and enaction to anticipation and active inference. *Biosystems*, 230. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0303264723001302> (accessed: 06.07.2023). <https://doi.org/10.1016/j.biosystems.2023.104955>
22. Pishchal'nikova, V.A., Stepykin, N.I., Bubnova, I.A., Adamova, Z .G., Myagkova, E.Yu., Kruzhilina, T.V. & Butakova, L.O. Functional Illiteracy as Object of Psycholinguistics (2022). Moscow: R-Valent. (In Russ.).
23. Stepykin, N.I. (2021). Potential in Using Formalized Parameters for Modeling Speech Actions. *Scientific Dialogue*, 8, 112–127. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-8-112-127> (In Russ.).
24. Trofimova, I.N. (2004). Synergy of Body Dynamics and World Perception. In: *Synergetics and Psychology*. Moscow: Cognito-center. pp. 61–81. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Пищальникова Вера Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания, Московский государственный лингвистический университет (119034, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1). *Сфера научных интересов*: методология науки, психолингвистика, общее языкознание, исследовательские методы и инструменты; *e-mail*: pishchalnikova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0992-0466; ResearcherID: HKN-8152-2023; SPIN-код: 2480–2244; Scopus AuthorID 57214930556.

Карданова-Бирюкова Ксения Суфьяновна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой языкознания и переводоведения института иностранных языков, Московский городской педагогический университет (129226, Российская Федерация, г. Москва, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1). *Сфера научных интересов*: методология науки, психолингвистика, общее языкознание, исследовательские методы и инструменты; *e-mail*: kardanova-biryukovaks@mgpu.ru
ORCID: 0000-0002-6773-1129; ResearcherID: M-8605-2018; SPIN-code: 4523–4210; Scopus AuthorID 57205289987.

Information about the authors:

Vera A. Pishchalnikova, D.Sc. in Philology, Full Professor, Professor with the Chair of general and comparative linguistics of Moscow State Linguistic University (38, Ostozhenka Str., Bld. 1, Moscow, Russian Federation, 119034). *Research interests*: methodology of linguistics, psycholinguistics, general linguistics, research methods; *e-mail*: pishchalnikova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0992-0466; ResearcherID: HKN-8152-2023; SPIN-код: 2480–2244; Scopus AuthorID 57214930556

Ksenya S. Kardanova-Biryukova, D.Sc. in Philology, Associate Professor, Head of the Chair of linguistics and translation studies with the Institute of foreign languages of Moscow City University (4, 2nd Sel'skokhozyaystvenny proezd, Bld. 1, Moscow, Russian Federation, 129226). *Research interests*: methodology of linguistics, psycholinguistics, general linguistics, research methods; *e-mail*: kardanova-biryukovaks@mgpu.ru
ORCID: 0000-0002-6773-1129; ResearcherID: M-8605-2018; SPIN-code: 4523–4210; Scopus AuthorID 57205289987.

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-4-1013-1035

EDN: FDКЕРО

UDC 81-114.2:81'27:316.77

Research article / Научная статья

Multimodal Communicative Moves in Expositive Dialogue: Common and Novel Topic Elaboration

Maria I. Kiose^{1,2} , Anna V. Leonteva^{1,2} ,
Olga V. Agafonova^{1,2} , Andrey A. Petrov^{1,2}

¹Moscow State Linguistic University, *Moscow, Russian Federation*,

²Institute of Linguistics RAS, *Moscow, Russian Federation*

 maria_kiose@mail.ru

Abstract. The study explores the distribution and structure of multimodal clusters presenting a series of communicative moves in expositive dialogues: Request, Elaboration, and Response. We hypothesize that multimodal clustering of moves will be predetermined by the use of either common (for both participants) or novel topic elaboration as a nucleus move within the cluster. To proceed, we conduct a multimodal experiment which recorded the participants' gesture with motion capture system (Perception Neuron Motion Capture) and gaze with eye-tracking glasses (Tobii Pro Glasses 2), as well as their speech and overall multimodal behavior with a stationary camera. The study reveals significant differences in the use of both face-oriented gaze and contact-establishing gesture as modulated by Request and Response moves within common or novel topic elaboration clusters; however, face-oriented gaze use manifests both higher frequency and diversity. Mutual face-oriented gaze prevails at the Request move preceding common topic elaboration, whereas elaborating a novel topic is found to produce a more involved gaze reaction of the listener during the Response moves. Additionally, simultaneous (by both participants) verbal move is more typical of common topic elaboration. The results evidence that social interaction and communication in expositive dialogue is processed multimodally and predetermines the role of gaze, gesture and verbal moves in communicative moves clusters.

Keywords: expositive discourse, dialogue, multimodality, communicative move, Request, Common topic elaboration, Novel topic elaboration, Response, gaze, speech, gesture

Financing. Acknowledgements:

This research developed in Theoretical framework is part of the project "Multimodal research of the speaker's communicative behavior in different discourse types" (075-03-2020-013) carried out at Moscow State Linguistic University. The research presented in Results and Discussion is a part of the project "Kinesic and vocal aspects of communication: parameters of variance" (FMNE-2022-0015) carried out at the RAS Institute of Linguistics. The authors are grateful to Dr. Habil. Olga Iriskhanova for her insightful remarks and implementations, and also to Dr. Andrey Efremov for his assistance with processing the annotated data.

© Kiose M.I., Leonteva A.V., Agafonova O.V., Petrov A.A., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Article history:

Received: 01.07.2023

Accepted: 15.09.2023

For citation:

Kiose, M.I., Leonteva, A.V., Agafonova, O.V. & Petrov, A.A. (2023). Multimodal Communicative Moves in Expositive Dialogue: Common and Novel Topic Elaboration. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(4), 1013–1035. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1013-1035>

Мультимодальные коммуникативные действия в экспозитивном диалоге: развитие общей и новой темы

М.И. Киосе^{1,2} , А.В. Леонтьева^{1,2} ,
О.В. Агафонова^{1,2} , А.А. Петров^{1,2}

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва,
Российская Федерация,

²Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация
 maria_kiose@mail.ru

Аннотация. Устанавливается распределение и структура мультимодальных кластеров, включающих коммуникативные действия запроса, развития темы и ответного действия в экспозитивном диалоге. Гипотеза исследования заключается в том, что формирование мультимодальных кластеров действий определяется развитием общей (для двух участников диалога) или новой темы — коммуникативного действия, которое определяет ядро кластера. Для проверки гипотезы проводится мультимодальный эксперимент, в ходе которого организуется запись жестового поведения участников с применением технологии захвата движения (Perception Neuron Motion Capture) и их зрительного поведения с помощью очков-айтрекеров (Tobii Pro Glasses 2), а также их речи и мультимодального поведения в целом с помощью стационарной камеры. В результате установлены значительные различия в использовании взгляда, направленного на лицо собеседника, и контактоустанавливающих жестов под влиянием запроса и ответного действия в кластерах с ядром — развитием общей или новой темы; при этом использование взгляда, направленного на лицо собеседника, демонстрирует большую активность (частотность) и разнообразие. Исследование показало, что использование взаимно направленного взгляда преобладает в ходе запроса в составе кластера развития общей темы, в то время как развитие новой темы определяет более интенсивное использование взгляда слушающим в ходе ответного действия. Также выявлено, что одновременное (обоими участниками) вербальное развитие темы чаще происходит на этапе развития общей темы. Результаты доказывают, что социальное взаимодействие и коммуникация в экспозитивном диалоге характеризуются мультимодальностью и определяют роль взгляда, жеста и вербального действия в структуре мультимодальных кластеров.

Ключевые слова: экспозитивный дискурс, диалог, мультимодальность, коммуникативное действие, запрос, развитие общей темы, развитие новой темы, ответное действие, взгляд, речь, жест

Финансирование. Благодарности:

Раздел «Теоретические основания исследования» подготовлен в рамках проекта «Полиmodalное поведение говорящего в разных типах дискурса» (075-03-2020-013), который реализуется в Московском государственном лингвистическом университете. Разделы «Результаты» и «Обсуждение» подготовлены в рамках проекта «Кинетические и вокальные

аспекты коммуникации: параметры варьирования» (FMNE-2022-0015), реализуемого в Институте языкознания РАН. Авторы благодарны д-ру филол. наук О.К. Ирисхановой за ее замечания и предложения по осуществлению исследования, а также канд. техн. наук А.А. Ефремову за его помощь в обработке данных.

История статьи:

Дата поступления: 01.07.2023

Дата приема в печать: 15.09.2023

Для цитирования:

Kiose M.I., Leonteva A.V., Agafonova O.V., Petrov A.A. Multimodal Communicative Moves in Expositive Dialogue: Common and Novel Topic Elaboration // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 1013–1035. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1013-1035>

Introduction

The studies of multimodal collaboration in discourse have recently integrated experimental methods since one of the key directions in multimodal research is now the prognostic analysis aimed at predicting how collaborative information construal might affect multimodal behavior. In this study, we address the multimodal structure of expositive dialogue, hypothesizing that clustering its communicative moves may predetermine the use of multimodal resources, gaze, gesture and speech, within these moves. Methodologically, the work is rooted in the research on communicative moves in collaboration [1–3], and also on the use of multimodal resources in communicative moves [4–6]. As is known, the studies specify three and types of communicative moves in a dialogue which are Request, Topic Elaboration, Response; however, clustering multimodal resources in shaping these moves has only recently become the research focus of experimental studies [7].

The research data are the samples of spontaneous expositive dialogues collected by the authors of the paper. The research questions which the paper advances are primarily the following: 1) What are the types of verbal communicative moves and their functions in expository dialogue? 2) What is the distribution of multimodal communicative moves? and 3) How is the distribution of nonverbal moves modulated by the use of verbal moves within multimodal clusters? Following the studies which claim that gaze, gesture and speech co-preform in processing social interaction and communication [8–10], we hypothesize that the structure of multimodal clusters will be determined by advancing different types of topic [11; 12], specifically either common (by both participants) or novel topic in the expositive dialogue.

The work is structured as follows. First, we present the Theoretical Framework shaping 1) the studies of communicative moves and their functions in collaborative dialogue, 2) the studies of multimodal resources in communicative moves. Second, we introduce the Multimodal experiment design and methods. Next, the Results and Discussion are presented, which specify 1) the verbal communicative moves and their

functions in expositive dialogue, 2) the distribution of multimodal communicative moves in expositive discourse and 2) the clusters of Request, Elaboration and Response modulated by the use of common and novel topic. Conclusive remarks section, we identify the research output and the prognostic prospects of its results.

Theoretical Framework

1. Discourse studies of communicative moves in dialogue

Although the linguistic studies exploring the dialogue unities mostly differentiated two major communicative moves, Request and Response [2; 3], the discourse studies additionally specify Elaboration move [1; 7], since apart from questioning and answering, the discourse of the dialogue advances topics and sub-topics or inserting comments on them [1. P. 147] which allow construe a discourse of a particular type, narrative, descriptive, argumentative and expositive [13]. As we focus on the expositive discourse type, we may well expect that its Elaboration moves constituting the nuclei of the communication (dialogue) unity will manifest specificity modulated by the expository function of this discourse type.

The problem of clustering these moves in a dialogue was formulated in earlier studies; still, it had not received an adequate solution since it became obvious that each move in a dialogue is not related to or does not depend on only the preceding move in the linear order of moves [1; 14]. In [1. P. 66–67], the author claims that the phenomenon of multiple antecedence is quite common, and a response for instance may serve several purposes, that is actually being a correction or confirmation of the answer it surpasses and an answer to the topical question. Further studies mostly explored the communicative structure of verbal moves [15; 16], and the discourse markers which shape it [17–21]. However, with the growth of multimodal communication studies we have faced the necessity to develop the methods exploring the clustering of both verbal and nonverbal communicative moves [5; 6]. In [7], for instance, the prevailing order of these moves was identified for descriptive discourse; it conformed to the formula Request — Response — Elaboration; however, the author claims that the potential of different modalities (gaze, gesture, speech) in their realization is still to be explored.

Following [2; 3] who claim that a dialogical unity is organized around its center — a topic, we presume that move clustering may be explored via the communicative function of topic which is elaborated in the dialogue. Since in linguistics there exist two different approaches to topic / theme, where the first developing discourse functional grammar recognizes the topic / comment distinction (following the distinction of theme and rheme), and the second exploring “the flow of consciousness” [12] in forming the chunks of topics recognizes the given / new topic distinction, we have to clarify the view adopted in this paper. Following the

second tradition we consider a discourse topic as an “aggregate of coherently related events, states, and referents that are held together in some form in the speaker’s semiactive consciousness” [12. P. 121]. Importantly, in expositive dialogue the topic is neither restricted to one basic-level topic elaborated by both of participants, nor this topic elaboration follows a narrative scheme explored in [11; 12]. Expositive dialogue manifests the collaborative construal of fuzzy referents in demarcating, ranging, enumerating, contrasting them [22–24]; consequently, two types of topics may be additionally differentiated, with the first being the common topic which corresponds to recent, left-hand, specifying, causing, given, repeated information brought forward by both dialogue participants, and the second being the novel topic which corresponds to prominent, emergent, ad hoc information initiated by one of the participants. We further presume that clustering communicative moves in expository dialogue may follow a specific pattern determined by elaborating either Common or Novel topic.

2. Multimodal resources in communicative moves

Clustering communicative modalities in communication has recently become the interest of ‘the social brain’ studies which claim that brain structures involved in human social interaction and communication are responsible for processing social information by reading signals from the face, gaze and action [8–10].

In terms of verbal moves, their social interaction function can be observed via the use of the discourse markers as expressions displaying the semantic relations between the moves employed in them [25; 26]. Structurally, discourse markers may relate to one of three classes, contrastive, elaborative, and implicative [27]; still, their communicative functions are drawn from the role they play in a communicative unit in Request and Response moves. Pragmatically, verbal requests are typically described as direct and indirect (for a review cf. [28]) with indirect semantic (rhetorical) functions being further specified in [29] where the authors identify contact-establishing, controlling, metacommunicative and specifying functions. Responses are analogously classified as direct and indirect, where indirect responses are commonly associated with evasiveness and silencing. However, we expect that the discourse functions for the communicative moves are additionally modulated by the discourse type, here expositive discourse; consequently, we can specify them in this study.

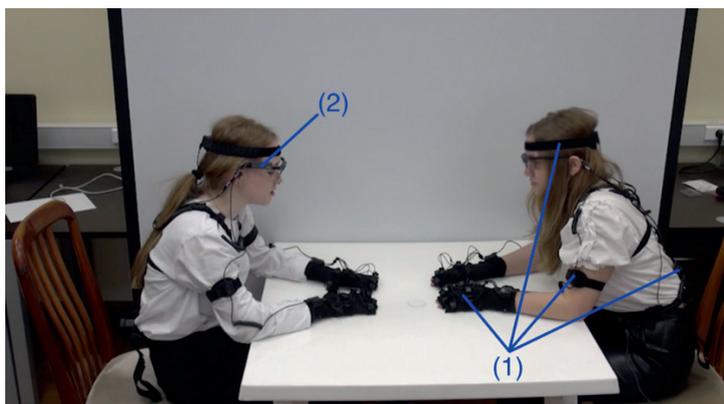
As for gestures, they engage an interlocutor, facilitate sensorimotor patterns of brain activations that determine specific behavioral responses [30]. According to [4] Kendon (1995), gestures in communication play a significant role and can be perceived as discourse markers and are known as conversational or interactive gestures. They act as a direct reference to the interlocutor as they are oriented towards the interlocutor in their form and direction [31]; in this

study we will refer to them as contact-establishing gestures. Fewer studies specify the role of gesture as modified by the communicative moves. However, they claim that the congruent nature of gestures adds to the better explanation [32–34] or form a component of request, i.e., to ask for help in a moment of difficulty [35] in order to initiate, maintain, regulate, or terminate interaction and to convey communicative intentions. Some studies indicate the importance of contact-establishing gestures in addressing the interlocutor in problem-solving tasks [36] and cooperation [37]. Gestures are also significant for the emotional response [38].

It was also established that eye gaze plays a substantial role in turn-taking; it serves as a signal to convey the willingness to establish communication [39; 40]: direct gaze shows the intention of the speaker to interact, whereas an averted gaze displays the unwillingness to initiate a relation [9]. Monitoring the gaze patterns during a conversation helps establish mutual understanding, especially in a joint action [41–43]. In a dialogue a speaker gazes at the listener at the end of their speech, so this is a turn-yielding cue that allows to check the understanding of the message [44], while a person tends to look more at the interlocutor when they are listening than when they are speaking [31]. Goodwin suggested that the interlocutor should be gazing at the speaker when the speaker is gazing at the hearer [45]. Beattie proposed that after taking the turn and providing their output the speaker tends to move the gaze away from the interlocutor in order to obtain speech fluency and reduce cognitive load [46]. Speakers tend to use the gaze window (i.e., mutual gaze) in order to coordinate their actions, where it is not the speaker's response that elicits the speech of the interlocutor, but the speech reactions or backchannels (such as *hm*, *mmm*, *uh huh*, etc.) of the interlocutor terminate the gaze of the speaker. So, the speaker does not look at the interlocutor to monitor the feedback (i.e., the reaction), but to solicit a response [31].

Multimodal experiment design and methods

To explore multimodal clustering of communicative moves, we conducted the experiment simulating a face-to-face expository dialogue. The participants were students aged 18–21. The experimental task presumed to agree upon one main difference between each pair of close synonyms, like «ОГОНЬ — ПЛАМЯ» / “fire — flame”, «МЕРТВЕЦ — ТРУП» / “deadman — corpse”, «БИТВА — СХВАТКА» / “battle — fight”, «ЧЕПУХА — ЕРУНДА» / “nonsense — rubbish”, etc., altogether 14 pairs. Prior to the experiment the participants signed the consent form and were outfitted with the following equipment: (1) motion capture system (Perception Neuron Motion Capture) and (2) eye-tracking glasses (Tobii Pro Glasses 2, 1920×1080, 25 FPS) (Figure 1).

Fig. 1. Experiment setting

Source: photos from the archive of the authors. Prior to the experiment the participants signed the consent form.

Three cameras recorded the experiment: two cameras were built in the eye-tracker that allowed see the perspective of the speaker and one camera (Sony HXR-NX30P, 1920x1080 FHD) was installed in front of the participants. For the purposes of this piece of research, we took a multimodal corpus with the duration of approximately 57 minutes. The data from motion capture system was collected in Axis Neuron and the data from eye-tracking glasses was retrieved using Tobii Pro Glasses Controller. To analyze the material we used ELAN, the annotating software devised by Max Planck Institute for Psycholinguistics, which allowed us to annotate verbal and nonverbal moves.

To explore the distribution of multimodal communicative moves and to identify the clusters of Request, Elaboration and Response, we have followed a series of steps.

At Step 1 we annotate the multimodal data determining the communicative moves of Common and Novel Topic Elaboration moves serving as the centers or nuclei of the move clusters, and also the presence / absence of Request and Response shaping these clusters. This procedure allows to identify the functions of moves as well as the frequency of single communicative moves.

At Step 2 we identify the role of verbal and nonverbal modalities shaping single communicative moves within the clusters. To perform, we address each type of communicative move, Request, Common and Novel Topic Elaboration, and Response as manifested in speech only in both direct and indirect modi, in Face-oriented gaze and in Contact-establishing gesture. This procedure allows to determine the distribution of multimodal communicative moves.

At Step 3 we apply an additional annotating and processing method to identify the presence / absence of verbal and nonverbal modalities in shaping each cluster in each participant's communicative behavior. At this step, we obtain the aligned structure of the clusters modulated by both the presence of three types of communicative moves and each of verbal and nonverbal modalities. Finally, this allows to determine and contrast the specifics of move clustering in two cluster types, with the nuclei of Common and Novel Topic Elaboration.

Results and Discussion

1. Verbal communicative moves and their functions in expositive dialogue

The analyzed multimodal corpus comprised 42 collaboration (joint action) units or problem-solving tasks. Each collaboration unit presented a series of move clusters advanced by either or both participants explaining the differences between a pair of close synonyms. To distinguish between the use of common and novel topic in the participants' speech, we adopted the following procedure: 1) identifying the rhematic component of the verbal move of the first participant, 2) determining its semantic correspondences in thematic and rhematic components of prior verbal moves of the second participant, 3) in case of its either intensifying, specifying or generalizing the components of prior verbal moves of the second participant, we considered this move as Common Topic Elaboration, 4) in case no repeating, specifying or generalizing the components of prior verbal moves of the second participant was identified, we considered this move as Novel Topic Elaboration. For instance, the first participant's verbal move *Пламя это что-то какое-то больше как костер что-то большое а огонь может быть и спичка и свечка* (flame is something like more like a fireplace and fire can be a match and a candle) followed by the second participant's verbal move *Да да пламя это что-то большое крупное* (Yes yes flame is something big large) manifests the example of the participants' sharing the same idea while exposing the differences between the flame and fire. To be more correct, it is the second participant who adopts the same idea; therefore, his verbal move will be identified as Common Topic Elaboration whereas the first participant's verbal move is Novel Topic Elaboration.

Altogether, the number of communication units was 630, with nuclei moves Common and Novel Topic Elaboration equal to 388 and 242; which means that participants far more frequently collaborated on a common topic intensifying specifying or generalizing it. As evident, Novel Topic Elaboration appeared at the start of each collaboration unit, most commonly in the moves of both participants since they seemed to be eager to advance their personal view of the differences and only after several sequent moves, they "agreed" to adjust their opinion of the differences with something the other participant mentioned. Still present was the sequence of one participant offering a series of verbal moves elaborating on a Novel topic with the second participant being silent or manifesting either indirect verbal moves or Requests and Responses and then preceding to elaborating on a Common or Novel Topic. For instance, in *страх мне кажется может быть и парализующим / он больше на тебя воздействует чем боязнь / боязнь например высоты* (fear it seems can be paralyzing / it affects you more that fear / apprehension for instance of height) the first participant advances three sequent verbal moves

which are Novel Topic Elaboration, before the second participant intervenes with a Request *ну а страх например высоты?* (and what about the fear of heights?).

We further distinguished the communicative functions of the three verbal moves in expository dialogue. Request is used to attract attention in *послушай* (listen), *ну смотри* (well look), to state the conditions for the communication in *нам нужно решить* (we have to decide), to request for repetition in *еще раз?* (one more time?) and to request for clarification in *почему?* (why?) or *тогда ты можешь объяснить?* (then can you explain?). Response can also perform several functions: it expresses consent in *да соглашусь* (yes I will agree), discord in *да нет это же не то...* (no it's not like that), hesitation in *таааак это у нас* (well-l-l-l we have), assessment in *о супер* (oh that's cool) or emotion in *я с ума сойду* (I'll go crazy). Common Topic Elaboration is expressed in specifying or giving additional information/details on the topic and information sequencing in *а кара это когда ты не пришел на занятие и потом не сдал тест* (and a punishment is when you missed a class and then didn't pass a test), intensifying or restating in *а кара – это что-то более масштабное* (and a punishment is more wide-scale) and also generalizing or summarizing of what has been said in *ну короче это что-то более масштабное* (so this is something of a bigger scale). Novel Topic Elaboration is expressed in advancing a statement with a semantically novel rhematic component, e.g., in *это божья кара и еще что-то там* (it's God's punishment and something like this).

These discourse functions of Topic Elaboration in dialogue specify the functions of expositive discourse which are demarcating, ranging, enumerating, contrasting referents [22–24]; as seen apart from referent construal, expositive dialogue also contributes to their foregrounding which stimulates communication. Additionally, the functions of Request in discourse presented in [29] were itemized to comply with the context of expositive discourse where stating the conditions for the communication was found as advancing metacommunicative function, and requesting for repetition and for clarification were found as extending the specifying function.

Both verbal Request and Response may be expressed directly or indirectly. Indirect vocalization appears in hesitations, repetitions, murmuring, etc. Since distinguishing in this case between Request and Response seems complicating, we introduced a separate annotation category of Indirect verbal move (vocalization). In our recording we found 314 cases of the Indirect verbal move which we further classified as signs which might complement, precede or follow the nuclei move of a multimodal communicative cluster. The activity and diversity of indirect verbal moves in expositive dialogue justifies the need to consider it a specific verbal move, which agrees with the distinctions of discourse markers advanced in [27] as implicative alongside with contrastive and elaborative shaping Requests, Responses and Elaboration moves.

2. The distribution of multimodal communicative moves in expositive discourse

In Table 1 we present the overall data on verbal communicative moves distribution, and also the data on synchronized activity of verbal and nonverbal moves. To obtain the data, we employed the ELAN-embedded function which allows to explore the synchronized events in different annotation layers, here in Request, Response, Common Topic Elaboration, Novel Topic Elaboration, and Indirect Verbal Move as synchronized with Contact-Establishing Gesture (CE Gesture), Face-Oriented Gaze (FO Gaze), and with both CE Gesture and FO Gaze.

Table 1

Verbal and nonverbal moves distribution

Verbal moves	Total	With CE Gesture	With FO Gaze	With CE Gesture and FO Gaze
Verbal Request	193	61	140	58
Verbal Response	284	43	191	43
Common Topic Elaboration	388	117	327	125
Novel Topic Elaboration	242	78	195	65
Indirect Verbal Move	314	43	172	53

Source: compiled by the authors.

The results show that while CE Gesture synchronized with cluster nuclei (Elaboration on a Common topic and Elaboration on a Novel topic) was found in 195 cases out of 630 uses, FO Gaze synchronized with cluster nuclei was observed in 512 cases, which is 2.63 times higher. We hypothesized that there might be a difference in the use of nonverbal moves as modulated by the verbal moves type, Common or Novel Topic Elaboration. The Chi-squared tests, however, did not prove this hypothesis: with $\chi^2=0.301$ at $p=0.584$ for CE Gesture modulated by Common or Novel Topic Elaboration, and $\chi^2=0.123$ at $p=0.726$ modulated by Common or Novel Topic Elaboration we cannot claim there is the difference in the use of nonverbal moves with the verbal nuclei moves. We further hypothesized that there might be a difference in the use of nonverbal moves as modulated by other verbal moves type, Request and Response. The Chi-squared tests showed that with $\chi^2=18.272$ at $p<0.001$ for CE Gesture synchronized with Request and Response, and $\chi^2=1.511$ at $p=0.219$ for FO Gaze synchronized with Request and Response, which means that the use of Contact-Establishing Gesture is significantly more frequently observed with Verbal Request rather than with Response, while Face-Oriented Gaze did not show the same tendency. The results somewhat specify the claim presented in [38] who found that gestures are frequently found as accompanying emotional response. In expositive dialogue expressing emotion is not the major discourse function of Response; supposedly for this reason contact-establishing gesture was uncommon in this Response type. Additionally, since we found that CE Gesture

is more commonly used with Request, the results conform to the findings of frequent gesture use in Request advanced in [35]. Still, we also observe the tendency to use contact-establishing gesture in explanation tasks [32–34] which in our case are performed via exposition.

However, the results did not convey the tendency found in [39; 40] who observed the frequency of FO Gaze as manifesting the willingness to establish communication, which means it should prevail at the Request move. We expect that the possible explanation for it may be that in expositive dialogue the Request precedes two types of Topic elaboration moves, Common and Novel, and presumably, mutual FO Gaze will prevail at the Request move preceding solely Common Topic Elaboration; this hypothesis we will test further.

Importantly, we also observed the differences in the collaboration which were found in the three pairs of participants. They are presented in Table 2.

Table 2

Distribution of verbal and nonverbal moves by pairs of participants (PoP)

Verbal moves	With CE Gesture	With FO Gaze	With CE Gesture and FO Gaze	With CE Gesture	With FO Gaze	With CE Gesture and FO Gaze	With CE Gesture	With FO Gaze	With CE Gesture and FO Gaze
	PoP1			PoP2			PoP3		
Verbal Request	19	44	21	36	86	30	6	10	7
Verbal Response	23	106	25	16	69	13	4	16	5
Common Topic Elaboration	54	142	62	52	170	49	11	15	14
Novel Topic Elaboration	38	92	38	26	87	21	14	16	6
Indirect Verbal Move	23	90	32	16	63	14	4	19	7

Source: compiled by the authors.

As is seen in Table 2, both verbal and nonverbal moves vary among the pairs of participants. PoP 1 and PoP 2 represent similarity in terms of verbal and nonverbal communication moves, while PoP 3 participants used verbal moves quite rarely and these moves were not frequently accompanied by nonverbal moves. Even though the participants have similar age and occupation, the participants in PoP 3 tended to find quick and best solution without being engaged in long debates about the difference between synonyms. For instance, if we analyze the timelines of all PoPs, PoP 3 spent the least amount of time to find differences between 14 pairs of synonyms (approximately 11 min), whereas the same task took approximately 20:40 min in PoP 1 and about 23:20 min in PoP 2. It may indicate the differentiation of strategies to accomplish the given task, when PoP 3 preferred the strategy of rapid search and quick consent.

3. The clusters of Request, Elaboration and Response modulated by Common or Novel Topic Elaboration

In this section, we will present the results of clusters distribution, first irrespective of the Elaboration move type (with Common and Novel Topic Elaboration taken together) as we presume that this distribution conveys the specifics of multimodal collaboration in expositive dialogue. Next, we proceed to the presenting the results specifying single Elaboration moves.

Multimodally, each communication unit with Participant 1 (P1) and Participant 2 (P2) maintaining a piece of expositive dialogue may have comprised a series of moves in Request, Elaboration and Response which can be manifested in the following schema:

Request [[P1: FO Gaze, CE Gesture, Verbal move (Direct/Indirect)] [P2: FO Gaze, CE Gesture, Verbal move (Direct/Indirect)]]
 Elaboration [[P2: FO Gaze, CE Gesture, Common / Novel Topic Elaboration Verbal Move] [P1: FO Gaze, CE Gesture, Verbal move]]
 Response [[P1: FO Gaze, CE Gesture, Verbal move (Direct/Indirect)] [P2: FO Gaze, CE Gesture, Verbal move (Direct/Indirect)]]

This schema shows the maximum possible potential of modalities employed in communicating either Common or Novel Topic.

The minimal possible potential of modalities is shown in the following schema:

Request [[P1: 0] [P2: 0]]
 Elaboration [[P2: Common / Novel Topic Elaboration Verbal Move] [P1: 0]]
 Response [[P1: 0] [P2: 0]]

This schema still illustrates the communication unit since it involves the Elaboration move, although not directly or indirectly requested and not either directly or indirectly responded to. The question is then which multimodal schemas are more typical of expositive dialogues. To determine it, we annotated the 630 communicative moves (388 Common topic Elaboration and 242 Novel Topic Elaboration) following the schemes presented above. This allowed to identify the distribution of moves in each communicative unit. As the total number of possible moves within a communication unit was equal to 24, the possible number of their combinations was 2^{24} ; still we expected that several combinations of moves will reappear constantly. The results show that there are at maximum only 8 cases following the scheme:

Request [[P1: FO Gaze] [P2: FO Gaze]]
 Elaboration [[P2: FO Gaze, Common / Novel Topic Elaboration Verbal Move] [P1: FO Gaze]]
 Response [[P1: FO Gaze] [P2: FO Gaze]]

We have also disclosed 6 cases presenting the schemes 1) with the absence of FO Gaze in P1 in Request, Elaboration and Response moves, 2) with the absence of FO Gaze in P2 in Request, the absence of FO Gaze in P1 in Response move,

3) with the absence of FO Gaze in P1 in Response move; and 5 cases presenting the scheme with the absence of FO Gaze in P1 in Request. Therefore, we can confirm that it is the variance in FO Gaze and not in CE Gesture or Verbal Move which contributes to the multimodal specificity of expository dialogue. However, since the number of such instances is small, we further proceeded to analyzing the multimodal moves separately in Request, Elaboration and Response moves.

The typical communicative moves clusters for Request are:

- Request [[P1: FO Gaze] [P2: FO Gaze]] (75 cases),
- Request [[P1: FO Gaze] [P2: 0]] (75 cases),
- Request [[P1: 0] [P2: 0]] (71 cases); far less common is
- Request [[P1: 0] [P2: 1]] (8 cases).

The results show that it is in most cases the first participant who initiates the collaboration (via gaze) in expository dialogue.

The typical communicative moves clusters for Elaboration are:

- Elaboration [[P2: FO Gaze, Common / Novel Topic Elaboration Verbal Move] [P1: FO Gaze]] (127 cases),
- Elaboration [[P2: FO Gaze, Common / Novel Topic Elaboration Verbal Move] [P1: FO Gaze, Direct Verbal Move]] (86 cases), and
- Elaboration [[P2: FO Gaze, CE Gesture, Common / Novel Topic Elaboration Verbal Move] [P1: FO Gaze]] (54 cases).

We observe that in most cases the participants maintain the gaze contact, frequently they both simultaneously elaborate their topic, and quite frequently the elaborating participant complements his elaboration with contact-establishing gesture.

The typical communicative moves clusters for Response are:

- Response [[P1: FO Gaze] [P2: FO Gaze]] (78 cases),
- Response [[P1: 0] [P2: FO Gaze]] (76 cases), Response [[P1: 0] [P2: 0]] (49 cases),
- Response [[P1: FO Gaze] [P2: 0]] (41 cases),
- Response [[P1: FO Gaze, Direct Verbal Move] [P2: FO Gaze]] (38 cases).

Therefore, mutual contact in Response move is more commonly maintained via gaze, and only then via direct verbal response.

The results obtained largely conform to the findings of [45] who suggested that the interlocutor should be gazing at the speaker when the speaker is gazing at the hearer. The most frequent clusters in all communicative moves manifest the mutual FO Gaze exchange. However, since FO Gaze was found to frequently complement the verbal moves, the results do not confirm the results presented in [31] who claims that a person tends to look more at the interlocutor when they are listening than when they are speaking. Presumably, this is explained by the nature of expositive dialogue aimed at gaining a common decision. Consequently,

the results conform to the view expressed in [41–43] who relate the gaze patterns during a conversation to the joint action and establishing mutual understanding. Additionally, the results conform to the findings presented in [31] who shows that a speaker does not look at the interlocutor to monitor the feedback, but to solicit a response. We found that FO Gaze at Response move was more common for the participant expecting (soliciting) a response rather than the one who presents it. This may account for higher attentional involvement of the participant eager to advance the next move in collaborating to the joint action.

Next, we expect to determine the differences in multimodal clusters of communicative moves as modulated by either Common or Novel Topic Elaboration.

First, we conducted a One-Way ANOVA test to identify whether there are significant differences in the use of communicative moves (24 moves including verbal and nonverbal moves in Request, Elaboration, and Response) with Common vs. Novel Topic Elaboration. Significant differences in the moves are presented in Table 3.

Table 3

**Significant differences in the use of communicative moves within the clusters:
Common vs. Novel Topic Elaboration**

Communicative move	Participant	Mode	F	df2	p
Request	P1 (asking)	FO Gaze	30.4755	483	<0.001
		CE Gesture	24.9466	618	<0.001
	P2	FO Gaze	13.9102	522	<0.001
		CE Gesture	5.3025	584	0.022
		Indirect Verbal Move	13.0613	406	<0.001
Elaboration	P1	FO Gaze	4.4092	456	0.036
		CE Gesture	9.5897	588	0.002
	P2 (elaborating)	Indirect Verbal Move	8.2464	356	0.004
Response	P2	Direct Verbal Move	4.7714	614	0.029
		Indirect Verbal Move	10.7811	404	0.001

Source: compiled by the authors.

The results suffice to confirm that the highest differences between Common and Novel Topic Elaboration are found at the Request move. They appear in all modalities save the Direct verbal move. Interestingly, at the Elaboration Move we observe higher differences in CE Gesture, although we did not identify this feature in overall move distribution (see above). At the Response Move the differences were found only in the use of verbal moves, which means that the use of nonverbal moves is hardly modified by the distinction of Common or Novel Topic Elaboration.

Second, we determine the typical multimodal clusters in the communication units representing Common and Novel Topic Elaboration separately.

For Request Move representing Common Topic Elaboration, the following clusters are typical:

- Request [[P1: FO Gaze] [P2: FO Gaze]] (52 cases),
- Request [[P1: FO Gaze] [P2: 0]] (50 cases),
- Request [[P1: 0] [P2: 0]] (33 cases), Request [[P1: 0] [P2: FO Gaze]] (23 cases).

For the same move representing Novel Topic Elaboration, we found the following typical clusters:

- Request [[P1: 0] [P2: 0]] (38 cases),
- Request [[P1: FO Gaze] [P2: 0]] (25 cases),
- Request [[P1: FO Gaze] [P2: FO Gaze]] (23 cases),
- Request [[P1: 0] [P2: FO Gaze]] (20 cases).

Therefore, if we have to contrast the typicality of multimodal requests in Common and Novel Topic Elaboration, the following pictures (Fig. 2a and 2b) might display the difference.

Fig. 2. Typical multimodal Request: in Common Topic Elaboration (a); in Common Topic Elaboration (b)
Source: photos from the archive of the authors. Prior to the experiment the participants signed the consent form.

The results proved our previously advanced hypothesis that mutual FO Gaze will prevail at the Request move preceding solely Common Topic Elaboration, which at this step conforms and specified the results obtained in [39; 40] and shows that only the willingness to establish communication at the Request move is accompanied with FO Gaze.

For Elaboration Move representing Common Topic Elaboration, the following clusters are typical:

Elaboration [[P1: FO Gaze] [P2: FO Gaze, Common Topic Verbal move]] (71 case),
Elaboration [[P1: FO Gaze, Verbal move] [P2: FO Gaze, Common Topic Verbal move]]
(57 cases),
Elaboration [[P1: FO Gaze] [P2: FO Gaze, CE Gesture, Common Topic Verbal move]]
(32 cases).

For the same move representing Novel Topic Elaboration, we found the following typical clusters:

Elaboration [[P1: FO Gaze] [P2: FO Gaze, Novel Topic Verbal move]] (56 cases),
Elaboration [[P1: FO Gaze, Verbal move] [P2: FO Gaze, Novel Topic Verbal move]]
(29 cases),
Elaboration [[P1: FO Gaze] [P2: FO Gaze, CE Gesture, Novel Topic Verbal move]]
(22 cases).

We observe that although the frequency order of appearance of the clusters is the same, there is a far wider gap between the first and the second frequent cluster. Therefore, we can claim that simultaneous (by both participants) verbal move is far more typical of Common Topic Elaboration than of Novel Topic Elaboration, which may be manifested by Fig. 3a and 3b.

Fig. 3b. Typical multimodal Elaboration in Novel Topic Elaboration:
both participants are advancing verbal moves (a); one participant is advancing a verbal move (b)
Source: photos from the archive of the authors. Prior to the experiment the participants signed the consent form.

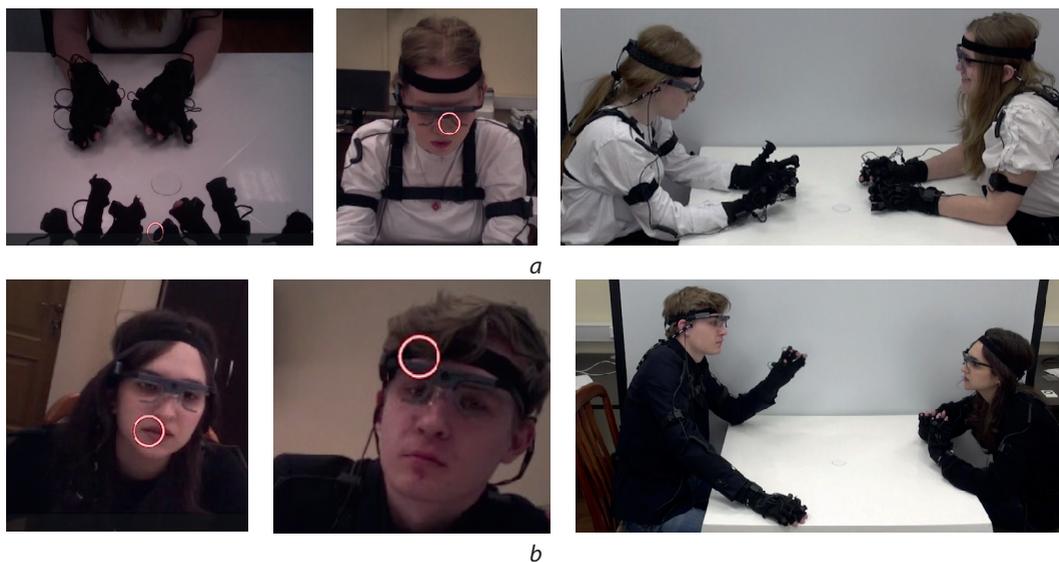
For Response Move representing Common Topic Elaboration, the following typical clusters were identified:

Response [[P1: 0] [P2: FO Gaze]] (48 cases),
Response [[P1: FO Gaze] [P2: FO Gaze]] (42 cases),
Response [[P1: 0] [P2: 0]] (30 cases).

For the same move representing Novel Topic Elaboration, we found the following typical clusters:

Response [[P1: FO Gaze] [P2: FO Gaze]] (36 cases),
Response [[P1: 0] [P2: FO Gaze]] (28 cases),
Response [[P1: 0] [P2: 0]] (19 cases).

Presumably, novel topic produces a more involved reaction on the part on the listener. Therefore, we can claim that this is the FO Gaze of the first participant that specifies the difference which may be manifested by Fig. 4a and 4b.

Fig. 4. Typical multimodal Response: in Common Topic Elaboration (a); in Novel Topic Elaboration (b)

Source: photos from the archive of the authors. Prior to the experiment the participants signed the consent form.

Overall, the results manifest that there exist particular differences in the use of multimodal moves presenting Common and Novel Topic Elaboration, and they can be found in the clusters of Request, Elaboration and Response moves. More striking differences are observed in the use of Requests; still, it was the Face-Oriented Gaze that is mostly responsible for these differences. The results sufficiently specify the way the brain structures are involved in human social interaction and communication processed multimodally [8–10] in ranging the role of gaze, gesture and verbal moves in communicative moves clusters of two basic types, advancing common and novel topics in expositive dialogue. They also show that in contrast to other discourse types, ordering the communicative moves may display specificity

with the prevailing order of moves being Request — Elaboration — Response in expository dialogue and Request — Response — Elaboration in descriptive communication [7]. While promoting the notion of Common and Novel Topic differentiation, the study additionally confirms the methodological efficiency of discourse topic studies which might further contribute to exploring collaboration and communication in multimodal systems.

Conclusive remarks

The research aimed at specifying the multimodal organization of expository dialogue has allowed to reveal the distribution of multimodal communicative moves as well as their discourse functions and also to identify their clusters. To comply with the tasks, we advanced the notion of common and novel topic in structuring the clusters comprising Request, Topic Elaboration and Response moves in face-oriented gaze, contact-establishing gesture, and verbal direct and indirect moves.

The study has proved that the potential of common and novel topic differentiation which elaborates on the earlier notions of discourse topics, suffices to distinguish between two hyper-clusters of multimodal moves, with Common Topic Elaboration Verbal move and Novel Topic Elaboration Verbal move serving as their nuclei. In the data obtained during the multimodal experiment we identified 630 communication units, with Common and Novel Topic Elaboration units equal to 388 and 242, which contrasts the role of two hyper-clusters in expository dialogues. The study also itemized the discourse functions of each verbal move within the dialogue, which allowed to maintain the collaborative discourse specificity of expository dialogue in contrast to other dialogue formats.

Further distribution, contingency and variance analyses have shown that while there is significant difference in the use of nonverbal moves as modulated by Request and Response moves within Common or Novel Topic Elaboration move clusters, the highest differences between Common and Novel Topic Elaboration are found at the Request move. They appear in both face-oriented gaze and contact-establishing gesture; however, it was the gaze differences which appeared to manifest higher diversity (alongside with higher activity of gaze) in the moves. The results prove that mutual face-oriented gaze prevails at the Request move preceding solely Common Topic Elaboration, which shows that only the willingness to establish communication at the Request move is accompanied with gaze. Novel topic is found to produce a more involved reaction on the part on the listener during the Response moves which are more frequently accompanied with face-oriented gaze of a listener. Additionally, we can claim that simultaneous (by both participants) verbal move is far more typical of Common Topic Elaboration than of Novel Topic Elaboration.

The results majorly conform to prior experimental findings, still they specify the functions of discourse moves, their multimodal distribution and

diversity typical of expositive dialogue. Overall, the results prove that social interaction and communication is processed multimodally and predetermines the role of gaze, gesture and verbal moves in communicative moves clusters. Among the most important findings of this study are the interrelations of multimodal resources use and the type of topic, common or novel, advanced in a communicative unit, as well as the defined structure of multimodal move clusters which organize these units.

Hopefully, the procedure developed and the results achieved may be used to predict the clines in multimodal resource use in expositive dialogue, and also in other discourse types contrasted with the expositive type under consideration.

References / Библиографический список

1. Carlson, L. (1983). *Dialogue Games. An Approach to Discourse Analysis*. Dordrecht: D. Reidel Publ.
2. Baranov, A.N. & Kreydlin, G.E. (1992). Illocutionary Forcing in the Structure of Dialogue. *Topics in the Study of Language*, 2, 84–99. (In Russ.).
Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 84–99.
3. Shvedova, N.Yu. (2003). *Essays on the syntax of Russian spoken speech*. Moscow: Azbukovnik.
Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Азбуковник, 2003.
4. Kendon, A. (1995). Gestures as illocutionary and discourse structure markers in Southern Italian conversation. *Journal of Pragmatics*, 23(3), 247–279.
5. Brône, G., Feyaerts, K. & Oben, B. (2013). Multimodal turn-taking in dialogue: on the interplay of eye gaze, speech and gesture. In: *Proceedings of AFLiCo5: Empirical approaches to multi-modality and to language variation*. Lille. pp. 21–22.
6. Kendrick, K.H. & Holler, J. (2017). Gaze direction signals response preference in conversation. *Research on Language and Social Interaction*, 50, 12–32.
7. Korotaev, N.A. (2023). Collaborative constructions in Russian conversations: A multichannel perspective. In: *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Proceedings from the Annual International Conference "Dialogue"*, 22. Moscow. pp. 250–258. (In Russ.).
Коротаев Н.А. Мультиканальное взаимодействие при совместном построении синтаксических конструкций в диалоге // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог», 22, Москва. 2023. С. 250–258.
8. Haxby, J.V., Hoffman, E.A. & Gobbini, M.I. (2000). The distributed human neural system for face perception. *Trends in Cognitive Sciences*, 4, 223–233.
9. Senju, A. & Johnson, M.H. (2009). The eye contact effect: mechanisms and development. *Trends in Cognitive Sciences*, 13, 127–134.
10. Burgoon, J.K., Guerrero, L.K. & Floyd, K. (2010). *Nonverbal Communication*. London: Routledge.
11. Givón, T. (1987). Beyond foreground and background. In: R.S. Tomlin (Ed.) *Coherence and grounding in discourse*. Amsterdam: Benjamins. pp. 175–188.
12. Chafe, W. (1994). *Discourse, Consciousness, and Time. The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing*. Chicago: The University of Chicago Press.
13. Longacre, R. (1983). *The grammar of discourse*. New York: Plenum.
14. Duncan, S. (1974). On the structure of speaker-auditor interaction during speaking turns. *Language and Society*, 3, 161–180.

15. Mann, W.C. & Thompson, S.A. (1987). *Rhetorical Structure Theory. A Theory of text Organization*. California: University of Southern California.
16. Kibrik, A.A. & Podlesskaya, V.I. (2009). *Night Dream Stories. A corpus study of spoken Russian discourse*. Moscow: Languages of Slavic Culture.
17. Maschler, Y. & Schiffrin, D. (2015). Discourse Markers: Language, Meaning, and Context. In: *The Handbook of Discourse Analysis. Second Edition*. Vol. I. London: Bloomsbury Publishing Plc. pp. 189–221.
18. Sharonov, I.A. (2016). Discursive words and communicatives. In: *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference "Dialogue"*, 15. Moscow. pp. 605–615. (In Russ.).
Шаронов И.А. Дискурсивные слова и коммуникативы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог», Москва, 01–04 июня 2016 года. Вып. 15(22). М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2016. С. 605–615.
19. Sherstinova, T.Yu. (2016). The Structure of everyday dialogue as the sequence of speech acts. In: *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Proceedings from the Annual International Conference "Dialogue"*, 15. Moscow. pp. 616–631.
20. Bogdanova-Beglarian, N., Sherstinova, T., Blinova, O. & Martynenko, G. (2017). Linguistic Features and Sociolinguistic Variability in Everyday Spoken Russian. In: Karpov A., Potapova R., Mporas I. (eds) *Speech and Computer. SPECOM 2017. Lecture Notes in Computer Science*. Vol. 10458. Springer: Cham. pp. 503–511.
21. Troshchenkova, E.V. & Blinova, O.V. (2020). Pragmatic markers in the aspect of communicative alignment. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 19(3), 49–58.
22. Nippold, M.A. & Scott, C.M. (eds.). (2010). *Expository discourse in children, adolescents, and adults: Development and disorders*. New York: Psychology Press.
23. Lundine, J.P. (2016). *The Language of Learning: Expository Discourse and the Influences of Cognition and Language* [dissertation]. Columbus: The Ohio State University publ.
24. Irskhanova, O.K., Kiose, M.I., Leonteva, A.V. & Agafonova, O.V. (2023). Vague reference in expository discourse: multimodal regularities of speech and gesture. In: *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Proceedings from the Annual International Conference "Dialogue"*, 22. Moscow. pp. 172–180.
25. Schiffrin, D. (1987). *Discourse Markers. Studies in Interactional Sociolinguistics*. Vol. 5. Cambridge: Cambridge University Press.
26. Blakemore, D. (2002). *Relevance and Linguistic Meaning: The Semantics and Pragmatics of Discourse Markers*. Cambridge: Cambridge University Press.
27. Fraser, B. (2015). The combining of Discourse Markers. A beginning. *Journal of Pragmatics*, 86, 48–53.
28. Putina, O.N. (2021). *Functioning of discourse markers in a dialogue unity Request-Response (featuring Russian and English languages)* [dissertation]. Perm. (In Russ.).
Путина О.Н. Функционирование дискурсивных маркеров в диалогическом единстве вопрос-ответ: на материале русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2021.
29. Bulygina, T.V. & Shmelev, A.D. (1982). Dialogical functions of several types of questions. *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Studies in Literature and Language*, 41(4), 314–326. (In Russ.).
Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Диалогические функции некоторых типов вопросительных предложений // Известия АН ССР. Серия литературы и языка. 1982. Т. 41. № 4. С. 314–326.
30. Curioni, A., Knoblich, G.K., Sebanz, N. & Sacheli, L.M. (2020). The engaging nature of interactive gestures. *PLoS ONE*, 15(4). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0232128>

31. Bavelas, J.B., Chovil, N., Coates, L. & Roe, L. (1995). Gestures Specialized for Dialogue. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 21(4), 394–405. <https://doi.org/10.1177/0146167295214010>
32. Alibali, M.W., Spencer, R., Knox, L. & Kita, S. (2011). Spontaneous gestures influence strategy choices in problem solving. *Psychological Science*, 22, 1138–1144.
33. Gukson, T., Goldin-Meadow, S., Newcombe, N. & Shipley, T. (2013). Individual differences in mental rotation: What does gesture tell us? *Cognitive Processing*, 14, 153–162.
34. Kang, S., Tversky, B. & Black, J.B. (2014). Gesture and speech in explanations to experts and novices. *Spatial Cognition and Computation*, 15, 1–26.
35. Tam, G. & Tellier, M. (2021). Gesture Helps Second and Foreign Language Learning and Teaching. In: Morgenstern, A. & Goldin-Meadow, S. (eds). *Gesture in Language: Development Across the Lifespan*. Berlin: Mouton de Gruyter. pp. 336–363.
36. Beilock, S.L. & Goldin-Meadow, S. (2010). Gesture changes thought by grounding it in action. *Psychological Science*, 21, 1605–1611.
37. Yasui, E. (2013). Collaborative idea construction: Repetition of gestures and talk in joint brainstorming. *Journal of Pragmatics*, 46(1), 157–172.
38. Rodero, E. (2022). Effectiveness, Attractiveness, and Emotional Response to Voice Pitch and Hand Gestures in Public Speaking. *Frontiers in Communication*, 7, 869084. <https://doi.org/10.3389/fcomm.2022.869084>
39. George, N. & Conty, L. (2008). Facing the gaze of others. *Neurophysiologie Clinique*, 38(3), 197–207.
40. Brône, G., Oben, B., Jehoul, A., Vranjes, J. & Feyaerts, K. (2017). Eye gaze and viewpoint in multimodal interaction management. *Cognitive Linguistics*, 28(3), 449–483.
41. Richardson, D.C. & Dale, R. (2005). Looking to understand: The coupling between speakers' and listeners' eye movements and its relationship to discourse comprehension. *Cognitive Science*, 29(6), 1045–1060.
42. Clark, H.H. & Krych, M.A. (2004). Speaking while monitoring addressees for understanding. *Journal of Memory and Language*, 50(1), 62–81.
43. Amati, F. & Brennan, S.E. (2018). Eye gaze as a cue for recognizing intention and coordinating joint action. In: Brône, G. & Oben, B. (eds.), *Eye-tracking in Interaction: Studies on the role of eye gaze in dialogue*, 21–46. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publ.
44. Rossano, F. (2012). Gaze in conversation. In: J. Sidnell & T. Stivers (eds.) *The handbook of conversation analysis*. Malden, MA: Wiley-Blackwell. pp. 308–329.
45. Goodwin, C. (1981). *Conversational organization: Interaction between speakers and hearers*. New York: Academic Press.
46. Beattie, G.W. (1979). Planning units in spontaneous speech: Some evidence from hesitations in speech and speaker gaze direction in conversation. *Linguistics*, 17, 61–78.

Information about the authors:

Maria I. Kiose, D.Sc. in Philology, Associate Professor, Leading Researcher of the Centre for Socio-Cognitive Studies of Moscow State Linguistic University (38, Ostozhenka, Moscow, Russian Federation, 119034); Leading Researcher; Laboratory for multichannel communication Institute of Linguistics, RAS (1, B. Kislovsky, Moscow, Russian Federation, 125009); *Research interests*: cognitive semantics, indirect naming in text, referential semantics, oculographic and corpus-based research of text inference and generation process; *e-mail*: maria_kiose@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7215-0604; Scopus Author ID: 56642747500; Web of Science ResearcherID AAB-7989-2019.

Anna V. Leonteva, PhD in Linguistics, Researcher at the Center for Socio-Cognitive Discourse Studies (SCoDis), Moscow State Linguistic University (38, Ostozhenka, Moscow, Russian Federation, 119034), Junior Researcher; Laboratory for multichannel communication Institute of Linguistics, RAS (1, B. Kislovsky, Moscow, Russian Federation, 125009); *Research interests*: multimodal communication, argumentative discourse, gesture studies, cognitive load in interpreting; *e-mail*: lentevanja27@gmail.com
ORCID: 0000-0001-7234-2999; SPIN-code: 2171–4750, AuthorID: 922481.

Olga V. Agafonova, Junior Researcher at the Center for Socio-Cognitive Discourse Studies (SCoDis), Moscow State Linguistic University (38, Ostozhenka, Moscow, Russian Federation, 119034). Junior Researcher; Laboratory for multichannel communication Institute of Linguistics, RAS (1, B. Kislovsky, Moscow, Russian Federation, 125009); *Research interests*: multimodal communication, political discourse, gesture and gaze movement studies, cognitive load in interpreting; *e-mail*: olga.agafonova92@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2184-163X; SPIN-code: 3516–1947, AuthorID: 1036625.

Andrey A. Petrov, Researcher at the Center for Socio-cognitive Discourse Studies (SCoDis), Moscow State Linguistic University (38, Ostozhenka, Moscow, Russian Federation, 119034). Researcher; Laboratory for multichannel communication Institute of Linguistics, RAS (1, B. Kislovsky, Moscow, Russian Federation, 125009); *Research interests*: multimodal communication, gesture and gaze movement studies, cognitive load in interpreting; *e-mail*: petrov.drew@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0368-8800; SPIN-code: 7290–4450, AuthorID: 1050747.

Сведения об авторах:

Киосе Мария Ивановна, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра Социокогнитивных исследований дискурса Московского государственного лингвистического университета (119034, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, 38); ведущий научный сотрудник Лаборатории мультимедийной коммуникации Института языкознания РАН (125009, Российская Федерация, г. Москва, Б. Кисловский переулок, 1); *научные интересы*: когнитивная семантика, не прямое наименование в тексте, референциальная семантика, окулографические и корпусные методы анализа восприятия и порождения текста; *e-mail*: maria_kiose@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7215-0604; Scopus Author ID: 56642747500; ResearcherID AAB-7989-2019.

Леонтьева Анна Васильевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник Центра Социокогнитивных исследований дискурса (СКоДис) Московского государственного лингвистического университета, младший научный сотрудник Лаборатории мультимедийной коммуникации Института языкознания РАН (125009, Российская Федерация, г. Москва, Б. Кисловский переулок, 1); *научные интересы*: полимодальная коммуникация, аргументативный дискурс, исследование жестов, когнитивная нагрузка в устном переводе; *e-mail*: lentevanja27@gmail.com
ORCID: 0000-0001-7234-2999; SPIN-код: 2171–4750, AuthorID: 922481.

Агафонова Ольга Владимировна, младший научный сотрудник Центра Социокогнитивных исследований дискурса (СКоДис) Московского государственного лингвистического университета, младший научный сотрудник Лаборатории мультимедиа коммуникации Института языкознания РАН (125009, Российская Федерация, г. Москва, Б. Кисловский переулок, 1); *научные интересы*: полимодальная коммуникация, политический дискурс, исследование жестов и глазодвигательного поведения, когнитивная нагрузка в устном переводе; *e-mail*: olga.agafonova92@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2184-163X; SPIN-код: 3516–1947, AuthorID: 1036625.

Петров Андрей Андреевич, научный сотрудник Центра Социокогнитивных исследований дискурса (СКоДис) Московского государственного лингвистического университета, научный сотрудник Лаборатории мультимедиа коммуникации Института языкознания РАН (125009, Российская Федерация, г. Москва, Б. Кисловский переулок, 1); *научные интересы*: полимодальная коммуникация, исследование жестов и глазодвигательного поведения, когнитивная нагрузка в устном переводе; *e-mail*: petrov.drew@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0368-8800; SPIN-код: 7290–4450, AuthorID: 1050747.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ДЕТСКОЙ РЕЧИ INTERDISCIPLINARY ASPECTS OF CHILDREN'S SPEECH STUDIES

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-4-1036-1049

EDN: EWLNPZ

УДК 81'23-053.2

Научная статья / Research article

Дифференциация как один из базовых механизмов освоения языка

Г.Р. Доброва Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Российская Федерация galdobr@peterlink.ru

Аннотация. В процессе речевого онтогенеза различные механизмы освоения языка играют разную роль. Можно выделить как базовые, так и вспомогательные механизмы. К базовым механизмам предлагается относить генерализацию, дифференциацию и имитацию. Роль дифференциации в речевом онтогенезе весьма существенна, причем особую роль этот механизм играет при освоении языка мальчиками, в первую очередь — экспрессивными. Исследование базируется на записях спонтанной речи детей раннего возраста, а также на данных эксперимента. Основная часть исследования базируется на данных эксперимента с 16-ю детьми — 8-ю референциальными (4 девочки и 4 мальчика) и 8-ю экспрессивными (4 девочки и 4 мальчика). В результате, в отличие от предыдущих исследований, сделан вывод об отсутствии четких доказательств того, что роль дифференциации в речевом онтогенезе экспрессивных детей существенно более значима, чем ее роль в речевом онтогенезе референциальных детей. При этом подтверждено сделанное ранее предположение, что дифференциация более значима для мальчиков, чем для девочек. Полученные результаты предложено интерпретировать следующим образом: к генерализации как самому основному, базовому механизму освоения языка больше способны референциальные дети, причем в первую очередь — девочки. При этом на дифференциацию склонны опираться все дети — и референциальные, и экспрессивные, однако меньшая, чем у референциальных, способность опираться на генерализацию у экспрессивных детей приводит к тому, что они (в особенности — экспрессивные мальчики) вынуждены опираться на один из двух остальных базовых механизмов освоения языка — на дифференциацию либо на имитацию. Поскольку же дифференциация — более базовый, чем имитация, механизм освоения

© Доброва Г.Р., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

языка, опора на неё у экспрессивных детей особенно значима. Поэтому опора на дифференциацию, при недостаточной способности опираться на генерализацию, играет особо значимую роль в процессе речевого онтогенеза экспрессивных детей, причем в первую очередь — мальчиков.

Ключевые слова: речевой онтогенез, детская речь, онтолингвистика, дифференциация, референциальные дети, экспрессивные дети, речь мальчиков, речь девочек

История статьи:

Дата поступления: 15.05.2023

Дата приема в печать: 15.09.2023

Для цитирования:

Доброва Г.Р. Дифференциация как один из базовых механизмов освоения языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 1036–1049. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1036-1049>

Differentiation as One of the Basic Mechanisms of Language Acquisition

Galina R. Dobrova

Herzen State Pedagogical University of Russia, *St. Petersburg, Russian Federation*

 galdobr@peterlink.ru

Abstract. In the process of speech ontogenesis, various mechanisms of language acquisition play different roles. Both basic and auxiliary mechanisms can be distinguished. The basic mechanisms are proposed to include generalization, differentiation and imitation. The role of differentiation in speech ontogenesis is very significant, and this mechanism plays a special role in language acquisition by boys, primarily expressive ones. The study is based on records of spontaneous speech of young children, as well as on the experimental data. The main part of the study is based on the data of the experiment with 16 children — 8 referential (4 girls and 4 boys) and 8 expressive (4 girls and 4 boys). As a result, in contrast to previous studies, it is concluded that there is no clear evidence that the role of differentiation in the speech ontogenesis of expressive children is significantly more important than its role in the speech ontogenesis of referential children. At the same time, the assumption made earlier that differentiation is more significant for boys than for girls is confirmed. The obtained results are proposed to be interpreted as follows: the referential children, and girls in the first place, are more capable of generalization as the most basic mechanism of language acquisition. At the same time, all children, both referential and expressive, tend to rely on differentiation, but the lower ability to rely on generalization in expressive children than in referential children leads to the fact that they (especially the expressive boys) are forced to rely on one of the other two basic mechanisms of language acquisition — differentiation or imitation. Since differentiation is a more basic mechanism of language acquisition than imitation, the reliance on differentiation in expressive children is especially significant. Therefore, reliance on differentiation, with an insufficient ability to rely on generalization, plays a particularly significant role in the process of speech ontogenesis of expressive children, and, first of all, boys.

Keywords: child language, language acquisition, differentiation, referential children, expressive children, boys' speech, girls' speech

Article history:

Received: 15.05.2023

Accepted: 15.09.2023

For citation:

Dobrova, G.R. (2023). Differentiation. as One of the Basic Mechanisms of Language Acquisition. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(4), 1036–1049. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1036-1049>

Введение

Для исследования речевого онтогенеза весьма существенным является вопрос о механизмах, с помощью которых дети осваивают язык. Данная проблема относится к числу малоисследованных: хотя иногда упоминается о каких-то механизмах освоения языка детьми, ранее классификации таких механизмов не предлагалось. Поэтому, начиная с 2017 года, мы поставили перед собой задачу создать подобную классификацию, в которой не просто отражался бы перечень механизмов освоения языка, но и определялось бы место каждого из них в общей иерархии: какие из механизмов являются основными, базовыми — такими, без которых освоения языка невозможно, а какие — вспомогательными. Данная статья продолжает серию исследований, посвященных базовым и вспомогательным механизмам освоения языка [1; 2]. Фокус внимания данного исследования сосредоточен на одном из базовых механизмов — на дифференциации. Осуществляется попытка подробно проанализировать действие этого механизма, а также выяснить, насколько универсальным он является для детской речи — насколько свойственно опираться на него всем (или не всем) детям и в какой мере.

Вопрос о механизмах освоения языка относится, с одной стороны, к активно обсуждаемым в последнее время и, с другой стороны, к предполагающим различные подходы. Некоторые авторы, например, считают наиболее существенным для выяснения этих механизмов сосредоточиться на механизмах речи, понимая под ними иерархическую систему, имеющую «в качестве базиса общебиологические механизмы целенаправленного действия и распознавания релевантных сигналов» [3. С. 741]. В таком случае под термином «базовые» понимаются базовые общебиологические механизмы, влияющие на формирование языка и языковой личности в целом (например, корковые механизмы целенаправленного движения), и объектом внимания становится, к примеру, механизм влияния общебиологических дисфункций на формирование языковых и когнитивных процессов [там же].

Объектом же нашего исследования являются именно механизмы освоения языка. В предыдущих исследованиях мы предлагали подразделять их на базовые и вспомогательные (подробнее — в [1; 2]). Под базовыми мы понимаем такие механизмы, на которые в той или иной степени должен опираться любой ребенок при освоении языка, т.е. без которых речевой онтогенез не может осуществляться. К базовым мы предлагали отнести, во-первых,

генерализацию, во-вторых, дифференциацию, в-третьих, имитацию. К вспомогательным же механизмам мы относили те, без которых в принципе при освоении языка можно и обойтись, т.е. те, которые можно считать факультативными. Их список, в отличие от списка базовых механизмов, мы считаем открытым. В качестве примеров вспомогательных механизмов можно назвать языковые подсказки различного рода, важные для какого-то конкретного языка, но необязательные для речевого онтогенеза как такового, а также разновидности того явления, которое в западной научной традиции носит название *bootstrapping*.

Место механизма дифференциации в ряду других базовых механизмов освоения языка — генерализации и имитации

В предыдущих исследованиях [1; 2] мы подчеркивали, что все названные механизмы (генерализация, дифференциация и имитация) играют весьма существенную роль в процессе речевого онтогенеза.

Без генерализации, без обобщения, освоение языка невозможно, поскольку «...ребенок сам конструирует для себя грамматику родного языка» [4. С. 143], и в процессе этого конструирования он вынужден постоянно обобщать, опираться на механизм генерализации. Это касается и лексической семантики (чтобы понять, что слово «соска» относится не только к данной конкретной соске, но и к любой другой, надо, предварительно изучив свойства, признаки, функции и т.д. соски и вычленив основные компоненты значения — семы, создать в своем сознании генерализованное представление о ‘соске как таковой’), и грамматики (чтобы начать адекватно понимать и использовать, например, падежные формы существительных, надо на основе получаемой из инпута информации «генерализовать» идею падежного маркирования¹).

Невозможно освоение языка и без имитации: именно имитативным путем, из инпута ребенок знакомится со своим родным языком. Именно на основе речи окружающих взрослых формируется лексикон ребенка, и это вряд ли может вызвать у кого-то сомнения.

---

¹ Мы всецело поддерживаем идею М.Д. Воейковой [5] о том, что в некоторых случаях ребенок может адекватно использовать грамматические формы, вовсе не осознав еще соответствующие значения, т.е. использовать их не сознательно, а в силу подражания взрослым. Мы также писали об этой возможности — еще в 2003 г. [6] применительно к освоению детьми личных местоимений, дискутируя с S. Chiat [7; 8], которая критиковала идею R. Charney [9] о том, что некоторые дети могут верно использовать местоимения 1 и 2 лица, даже не понимая еще на раннем этапе речевого онтогенеза сути этих языковых единиц как дейктических. Сказанное, однако, вовсе не опровергает то обстоятельство, что основной, магистральный путь освоения грамматических форм всё же заключается в генерализации как механизме освоения грамматических закономерностей языка.

Важнейшую роль в речевом онтогенезе играет и дифференциация² — один из базовых механизмов освоения языка. Пока ребенок не научится отличать один предмет от другого (дифференцировать их), он не научится адекватно их обозначать и адекватно понимать их обозначение в речи окружающих. До тех пор, пока ребенок не научится разграничивать и в речи окружающих, и в собственной речи (т.е. и в восприятии, и в продуцировании) различные грамматические маркеры (типа различий между «под столом — на столе», «конфета — конфеты», «ел — съел» и т.д.), он не сможет ни адекватно понимать собеседника, ни адекватно выражать собственные мысли. При этом, разумеется, генерализация и дифференциация, хотя они и противоположно направлены, до известной степени — две стороны единой речевой и мыслительной деятельности, как синтез и анализ. Как отмечал В.Я. Шабес, «сложный концепт представляет собой единство ментальной интеграции и ментальной дифференциации» [11. С. 61].

Таким образом, даже чисто умозрительно очевидно, что все названные механизмы — базовые для освоения языка ребенком, поскольку обойтись без них в процессе речевого онтогенеза невозможно. Реальные же доказательства того, как действуют все эти механизмы при освоении языка конкретными детьми, мы приводили в большом количестве в своих предыдущих исследованиях [1; 2; 6] и др.

Отметим также, что на основе полученных нами ранее результатов мы сделали вывод, что базовые механизмы освоения языка, в свою очередь, выстраиваются в некую шкалу (с убыванием значимости, «базовости» механизма слева направо): генерализация — дифференциация — имитация. При этом, как показал наш материал, чем более базовым оказывается механизм, на который опирается ребенок, тем более эффективна эта опора, тем больше она способствует скорейшему и наиболее полноценному речевому развитию ребенка.

Базовые механизмы освоения языка в аспекте вариативности речевого онтогенеза

Одним из важнейших вопросов, связанных с механизмами освоения языка, мы считаем вопрос о том, насколько универсальным, свойственным в равной степени (или не в равной степени?) всем детям является тот или иной из базовых механизмов освоения языка.

В своих предыдущих исследованиях [1; 2] мы рассматривали названные механизмы применительно к детям различных групп — девочкам/мальчикам, референциальным/экспрессивным детям, детям из семей с высоким/низким социокультурным статусом, детям, имеющим/не имеющим старших

---

²Е.С. Трибушина называет ее контрастом [10].

сиблингов. Проанализировав материал детской речи, мы пришли к ряду выводов. Так, мы выявили, что на генерализацию опираются в большей степени девочки, чем мальчики. Однако основной вывод касался воздействия «типологического фактора» на степень опоры на тот или иной механизм освоения языка: по нашим данным получилось, что референциальные дети в большей степени опираются на генерализацию, экспрессивные — на дифференциацию или на имитацию (имитацию как средство компенсации неспособности опереться на более базовые механизмы, в особенности — на генерализацию).

В целом наша позиция по данному вопросу остается неизменной, однако проведенные в последние годы исследования заставили нас несколько изменить, уточнить свои взгляды на роль дифференциации, в первую очередь — на то, в какой степени опираться на нее свойственно а) экспрессивным детям и б) мальчикам.

Для того чтобы было понятно, что имеется в виду, следует обратиться к уточнению терминов «референциальные дети» и «экспрессивные дети».

Данная пара терминов в западной научной традиции, идущей еще от К. Нельсон и Э. Бэйтс [12–14], etc., используется для обозначения детей раннего возраста (обычно — максимум до 3;6³), имеющих существенные различия в пути освоения языка. Эти две группы детей имеют очевидные различия: если референциальных детей на ранних этапах речевого онтогенеза отличает отчетливость артикуляции, наличие фонетического постоянства, склонность к слоговой элизии, внимание к сегменту, то для экспрессивных детей характерно противоположное — неотчетливость артикуляции (вплоть до «каши во рту»), отсутствие фонетического постоянства, несклонность к слоговой элизии, внимание к суперсегменту; если референциальных детей отличает склонность к употреблению существительных и прилагательных, богатый словарь, склонность к морфологическим сверхгенерализациям и т.д., то для экспрессивных детей, напротив, характерна склонность к использованию других частей речи (глаголов, местоимений и др.), небогатый словарь, отсутствие склонности к морфологическим сверхгенерализациям; если референциальные дети демонстрируют склонность к лексико-семантическим генерализациям и даже сверхгенерализациям, то экспрессивные дети оказываются склонными к лексико-семантическим генерализациям и сверхгенерализациям в существенно меньшей степени. Подробное сопоставление особенностей речевого развития референциальных/экспрессивных детей представлено в [12], применительно к русским детям об этих различиях см. [2. С. 39–111; 15; 16;]. В последние годы о различиях в речи референциальных/экспрессивных русскоязычных детей пишет не только автор данного исследования, но и многие исследователи детской речи (например, [17–19]).

³ Здесь и далее возраст детей обозначается двумя числами: первое число обозначает количество полных лет, а второе, после точки с запятой, — количество полных месяцев.

Некоторые исследователи предпочитают другие пары терминов (аналитический путь освоения языка/гештальтный путь освоения языка и т.п.), однако самый факт существования указанных различий в отечественной онтолингвистике в последние годы уже не оспаривается.

В предыдущих исследованиях мы демонстрировали примеры того, как разные дети в различной степени опираются на разные механизмы. Так, мы неоднократно приводили примеры речевого поведения различных детей. Например, Лиза Е. 2;02.03 (референциальная девочка): «Лиза, в отличие от многих детей, не желает употреблять имена собственные. Не повторяет имена Алешиных друзей, несмотря на их фонетическую простоту (Вадик, Гена), и мне до сих пор непонятно, различает ли она их...» [20. С. 152]. Ее речевое поведение мы сопоставляем с речевым поведением Вани Я. (экспрессивного мальчика). В возрасте 1;11.07 он побывал в гостях, где были две девочки — старшая Вера и младшая Нина. На следующий день на вопрос бабушки о том, является Ниночка большой или маленькой, почти еще не разговаривающий Ваня сначала произносит что-то типа «мими» (маленькая), а затем встает на колени и ползет, изображая ее. Следовательно, на стадии, когда говорить Ваня еще не очень умеет, имена он четко правильно «привязывает» к соответствующим референтам. Того же самого Ваню отличала исключительно ранняя способность к различению цветов: чуть ли не в год он различал весьма значительное их количество. Так же рано он освоил различия автомобилей разных марок («Мерседес», «Вольво» и т.п.) и умел эти машины дифференцировать, указывая каждый раз на называемую взрослым (т.е. в его пассивном лексиконе эти слова появились также невероятно рано).

Приведем и другие примеры склонности детей к генерализации и дифференциации.

Лизу Е. рано начали знакомить с названиями грибов. Судя по дневнику М.Б. Елисеевой, Лиза начала использовать само слово «гриб»⁴ в 1;8.8. Вскоре в ее лексиконе появляются слова «сыроежка» (1;8.29), «поганка» и «белый [гриб]» (1;9.2). В тот же день называет белый гриб моховиком. В дальнейшем (1.9.24) — подосиновик (о белом грибе на картинке). При этом само слово «гриб» («грибки») Лиза последовательно применяла к «попке» огурца (1;8.15), смоле на дереве (1;9.2), перевёрнутой палке с круглым основанием внизу от пирамидки (1;10.25). Достаточно очевидным представляется стремление Лизы к генерализации (объединение под одним названием того, что имеет сходную форму) и отсутствие склонности к дифференциации (смешение со-гипонимов в рамках одного гипо-гиперонимического гнезда).

Совсем по-другому осваивал это же гипо-гиперонимическое гнездо Алеша Д. В его случае ознакомление с грибами тоже произошло в возрасте 1;8–1;9. В отличие от Лизы, Алеша в это время еще почти не говорил,

⁴Передаем без особенностей звукопроизношения.

но пассивный словарь у него был уже достаточно обширен. Наверняка можно утверждать, что в 1;8,7 он уже абсолютно адекватно понимал слово «грибы» и никогда не пытался применить его к чему-либо иному, хотя в принципе склонность к генерализации у него была. Зато склонность к дифференциации проявлялась очень ярко: он никогда, ни разу, с тех пор как узнавал название гриба, не путал разные сорта грибов. Если мать в шутку называла сыроежку лисичкой, он мотал головой и возмущенно кричал. В 1;9.27 зафиксировано: Алеша с мамой в лесу, мама собирает грибы, но, в отличие от своего обычного поведения, не берет горькушки (так как их надо перед готовкой вымачивать, а семья на следующий день собирается вернуться с дачи в город). Вдруг Алеша (всегда спокойный ребенок) поднимает крик и кричит «Ам!». Мать решает, что он голоден, и пытается дать ему яблоко, печенье и т.п. Ребенок отказывается, кричит «Ам!» еще громче и плачет. Мать долго не может его понять, а потом догадывается, что происходит, и спрашивает его: «Ты сердисься, что я не беру сегодня горькушки?». Ребенок радостно кивает, кричит нечто типа «Да!». И только после объяснения насчет невозможности в этот день вымочить горькушки он успокаивается. Итак, очевидно, что к этому моменту Алеша четко разграничивает, дифференцирует грибы и их названия, четко проводит границу между съедобными и несъедобными грибами (в лесу была масса различных поганок, но Алеша никогда не требовал, чтобы их брали, так как знал, что их не едят).

Эти и многочисленные другие примеры речевого поведения названных и других детей позволили предположить, что генерализация больше свойственна референциальным детям, причем девочкам, а дифференциация — экспрессивным детям, причем мальчикам.

Опора на дифференциацию в аспекте вариативности речевого онтогенеза

Итак, вывод о том, что генерализация свойственна в первую очередь референциальным девочкам, а дифференциация — в основном экспрессивным мальчикам (подстрочная ссылка) делался нами в основном на основе наблюдений над спонтанной речью детей. Что касается склонности к генерализации референциальных девочек, то этот вывод проверялся нами ранее и экспериментально. Поэтому перед нами стояла задача проверить экспериментально, действительно ли имеет место склонность к дифференциации экспрессивных мальчиков и что здесь важнее — пол ребенка или его принадлежность к экспрессивным детям.

Прежде чем перейти непосредственно к эксперименту, отметим еще один существенный момент. Неслучайно мы (как и большинство исследователей, анализирующих детскую речь) имеем больше сведений о речи референциальных детей, чем экспрессивных. Это связано со сложностью записи

экспрессивных детей: как отмечалось выше, у них очень неотчетливая артикуляция (вплоть до «каши во рту»), и поэтому понять, что они говорят, обычно могут только их родители или другие близкие. Поэтому и сами родители экспрессивных детей чаще, как представляется, чем родители референциальных детей, прекращают вести родительские дневники (для них это существенно более трудоемкий процесс); расшифровки аудио- и видеозаписей таких детей тоже требуют большего времени; в эксперименты в детских дошкольных учреждениях экспрессивные дети попадают реже, чем референциальные, поскольку начинают говорить заметно позже: их просто не отбирают для участия в экспериментах, поскольку они еще «неговорящие». Что касается полноценных (проводившихся в течение длительного времени) лонгитюдных записей спонтанной речи русскоязычных детей, то мы с уверенностью можем говорить только о двух детях как об экспрессивных — о Филе С. и о Ване Я. Заметим, что оба они — мальчики, и потому материал их речи никак не может помочь в ответе на вопрос, что важнее — тот факт, что это экспрессивные дети, или же тот факт, что они мальчики.

Поэтому решить указанный вопрос мог помочь только эксперимент, в котором участвовали бы и экспрессивные мальчики, и экспрессивные девочки, и референциальные мальчики, и референциальные девочки. Сложность организации такого эксперимента заключается в том, что отбор явно выраженных референциальных и экспрессивных детей требует много времени (большинство детей — промежуточные), и выравнивание групп детей по количеству заставляет чаще всего искать испытуемых в разных дошкольных учреждениях.

Такой эксперимент был проведен под нашим руководством в детских садах №№ 29 и 71 Санкт-Петербурга. Изначально было опрошено 70 детей, чтобы выявить референциальных/экспрессивных детей. Отбор детей проводился по разработанной нами методике (с основами этой методики можно ознакомиться в [2]). В результате было отобрано для дальнейшего эксперимента 16 детей от 2;6 до 3;6 лет: 8 референциальных (4 девочки и 4 мальчика) и 8 экспрессивных (4 девочки и 4 мальчика). Далее были разработаны задания для констатирующего эксперимента, и эксперимент был проведен.

Первый блок эксперимента (условное название «Разложи») включал в себя серию заданий («Помоги маме и папе разложить одежду по шкафам», «Помоги маме и папе разложить обувь по шкафам», «Лесные животные и животные, живущие рядом с человеком», «Кто перемещается по небу, а кто по земле»); второй блок заданий (условное название «Назови») также включал в себя серию заданий («Лицо человека», «Парковка»); третий блок (условное название «Покажи») проверял понимание детьми антонимов «высокий — низкий», «широкий — узкий», «веселый — грустный», «кислый — сладкий», «горячий — холодный», «мягкий — твердый» (детям показывали картинку и говорили, что этот человечек — самый веселый, и ребенку предлагалось показать, кто на картинке из нескольких человечков самый грустный).

В итоге получились следующие результаты. В гипо-гиперонимическом гнезде «одежда» («Разложи») референциальные мальчики дали 18 % неправильных ответов и 82 % правильных, референциальные девочки — 11 % неправильных и 89 % правильных ответов, экспрессивные мальчики — 32 % неправильных и 68 % правильных ответов, и экспрессивные девочки — 25 % неправильных и 75 % правильных ответов. Примерно подобные результаты были получены и в отношении гипо-гиперонимического гнезда «обувь». Только при выполнении задания, предполагавшего распределение животных на две группы — лесные животные и животные, живущие рядом с человеком, результаты получились несколько иными: референциальные дети справились с данным заданием хуже, чем экспрессивные. Если референциальные мальчики дали 60 % правильных ответов, а девочки 70 %, то экспрессивные мальчики девочки и мальчики дали по 77 % правильных ответов. При разделении животных на тех, кто летает, и тех, кто передвигается по земле, ошибки допустили только девочки (и референциальные, и экспрессивные), а мальчики (ни референциальные, ни экспрессивные) ошибок не допустили вообще. В блоке заданий «Назови» получился следующий итог: лучшие результаты показали мальчики (не девочки); зависимости от того, референциальный ребенок или экспрессивный, не выявлено. В блоке заданий «Покажи» с дифференциацией в некоторых случаях лучше справились мальчики, чем девочки; суммарный же результат выполнения заданий этого блока: экспрессивные мальчики дали 23 правильных ответа, референциальные мальчики — 20, референциальные девочки — 19, а экспрессивные девочки — 18.

Интерпретация полученных результатов

Нельзя утверждать однозначно, что на дифференциацию как на механизм освоения языка в большей степени склонны опираться экспрессивные дети, чем референциальные. Скорее можно говорить о том, что в целом все-таки лучше справлялись с дифференциацией мальчики, чем девочки. Стоит также иметь в виду, что лучшие ответы референциальных детей по сравнению с экспрессивными могут быть обусловлены возникающим противоречием: предположим, что референциальные дети в принципе даже больше склонны к дифференциации, чем экспрессивные (примем это, например, в качестве аксиомы), однако, как известно, референциальные дети и в собственно речевом, и в когнитивном отношении развиваются раньше, чем экспрессивные. Получается, что вопрос о том, кто лучше справляется с заданием, сводится к вопросу о том, что перевешивает — общее более раннее развитие референциальных детей или же склонность к дифференциации экспрессивных детей. По-видимому, в каких-то случаях побеждает один фактор, а в каких-то — другой.

Результаты данного исследования приобретают несколько иной вид, если сравнить их с экспериментами, проводившимися нами ранее, в которых проверялась склонность/несклонность детей к генерализации (эта склонность в той или иной степени проверялась в многочисленных экспериментах, проводившихся нами или под нашим руководством ранее — подробнее см. [2]).

В этих экспериментах неизменно оказывалось, что к генерализации в значительно большей степени склонны референциальные дети, чем экспрессивные. Разница была весьма заметной. Если сравнить это с полученными в последнем эксперименте результатами, то можно выдвинуть следующее предположение: в отличие от того, что мы утверждали ранее (императивно — генерализация свойственна больше референциальным детям, а дифференциация — экспрессивным), соотношение не столь однозначно. Референциальные дети, по-видимому, действительно в большей степени, чем экспрессивные, склонны к генерализации. К дифференциации же, как нам представляется теперь, референциальные и экспрессивные дети склонны примерно в одинаковой степени. При этом референциальным детям, склонным к самому базовому механизму овладения языком — генерализации, нет смысла делать упор на дифференциацию. У экспрессивных же детей ситуация иная. Они не имеют серьезной склонности к генерализации; следовательно, им нужен какой-то другой из базовых механизмов освоения языка, чтобы на него опереться. У них есть выбор — дифференциация или имитация.

Полагаем (хотя не уверены в этом), что этот выбор определяется особенностями инпута. Из двух названных выше экспрессивных мальчиков (Вани и Филиппа), речевое развитие которых хорошо документировано, один, как представляется, больше опирался на дифференциацию, а другой — на имитацию. Нам неоднократно приходилось писать о том, как общалась с Ваней его бабушка. Играя с ними, она постоянно создавала контрастные контексты: «Ты будешь зайчиком, а я — волком» и т.п. Вскоре и сам Ваня перенял у нее эту же стратегию: достаточно просмотреть многочисленные видеозаписи или их расшифровки, чтобы в этом убедиться. Совсем иную стратегию речевого поведения подсказывала своему сыну мать Фили: она постоянно склоняла его к имитации, заставляя повторять за собой, что он вскоре стал уверенно делать.

Разумеется, сказанное вовсе не означает, что Ваня никогда не имитировал, а Филия никогда не дифференцировал, равно как это не означает, что они оба никогда не опирались на генерализацию. Все дети в той или иной степени опираются на каждый из базовых механизмов (и референциальная Лиза когда-то имитировала, а когда-то дифференцировала; и многократно описанный нами Алеша Д. пользовался не только генерализацией, к которой был, безусловно, склонен, но и дифференциацией, и имитацией). Однако в целом можно все же видеть, что дети в разной мере опираются на те или иные из базовых механизмов освоения языка.

Поэтому уточним, каким образом в данный момент мы видим основное соотношение базовых механизмов освоения языка детьми: генерализация, безусловно, больше свойственна референциальным детям, чем экспрессивным, при этом на нее в целом больше опираются девочки, чем мальчики; что же касается дифференциации, то на нее в принципе в равной мере склонны опираться и референциальные, и экспрессивные дети, однако для речевого развития экспрессивных детей опора на нее важнее, чем для референциальных детей, поскольку экспрессивные дети не слишком склонны к опоре на иерархически «более базовый» механизм генерализации и им приходится выбирать между дифференциацией и имитацией (этот выбор, возможно, предопределяется особенностями инпута), при этом к дифференциации в принципе больше склонны мальчики, чем девочки; наконец, на механизм имитации больше опираются экспрессивные дети, чем референциальные.

Библиографический список

1. Доброва Г.Р. Базовые и вспомогательные механизмы освоения языка в аспекте вариативности речевого онтогенеза // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н.Н. Казанский. Т. XIII. Ч. 3. СПб.: Наука, 2017. Модальность в языке взрослых и детей; Механизмы усвоения языка и овладение речевой компетенцией / Ред. М.Д. Воейкова, К.И. Иванова, Е.Г. Сосновцева. С. 651–679.*
2. Доброва Г.Р. Вариативность речевого развития детей. М.: Языки славянской культуры, 2018.
3. Сизова О.Б. К вопросу об иерархии механизмов речи // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н.Н. Казанский. Т. XIII. Ч. 3. СПб.: Наука, 2017. Модальность в языке взрослых и детей; Механизмы усвоения языка и овладение речевой компетенцией / Ред. М.Д. Воейкова, К.И. Иванова, Е.Г. Сосновцева. С. 740–773.*
4. Слобин Д.И. Когнитивные предпосылки развития грамматики // *Психолингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 143–207.*
5. Воейкова М.Д. Усвоение первого и второго языка: сходства и различия // *Путь в язык: одноязычие и двуязычие. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 11–32.*
6. Доброва Г.Р. Онтогенез персонального дейксиса (личные местоимения и термины родства). СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003.
7. Chiat S. Context-specificity and generalization in the acquisition of pronominal distinctions // *Journal of Child Language. 1981. Vol. 8. № 1. P. 75–91.*
8. Chiat S. Personal pronouns // Fletcher P., Garman M. (eds). *Language acquisition (studies in first language development)*. Cambridge, 1986. P. 339–355.
9. Charney R. Speech roles and the development of personal pronouns // *Journal of Child Language. 1980. Vol. 7. № 3. P. 509–528.*
10. Tribushinina E., Voeikova M.D., Noccetti S. (eds.). *Semantics and morphology of early adjectives in first language acquisition*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publ., 2015.
11. Шабес В.Я. Континуально-дискретная репрезентация ценностных концептов // *Проблемы социо- и психолингвистики. 2011. Вып. 15. Пермская социопсихолингвистическая школа: идеи трех поколений. К 70-летию со дня рождения Аллы Соломоновны Штерн. С. 46–74.*

12. Nelson K. Structure and strategy in learning to talk // *Monographs of the society for research in child development Serial*. 1973. № 149. Vol. 38. № 3–4. P. 1–135.
13. Nelson K. Individual differences in language development: implications for development and language // *Developmental psychology*. 1981. № 17 (2). P. 170–187.
14. Bates E., Bretherton I., Snyder L. From first words to grammar. Individual differences and dissociable mechanisms. Cambridge, 1988.
15. Доброва Г.Р. Усвоение детьми личных местоимений: онтогенез персонального дейктика // *Речь ребенка: ранние этапы: [сб. ст.]: труды постоянно действующего семинара по онтолингвистике*. СПб., 2000. Вып. 1. С. 115–146.
16. Доброва Г.Р. О вариативности речевого онтогенеза: референциальные и экспрессивные стратегии освоения языка // *Вопросы психолингвистики*. 2009. № 9. С. 53–70.
17. Елисеева М.Б. Классификация речевых ошибок детей с общим недоразвитием речи // *Логопед*. 2006. № 1. С. 26–36.
18. Овчинникова И.Г. Индивидуальная вариативность детских повествований как отражение различий в стилях освоения языка // *Мерлинские чтения: Мат-лы межрегионал. конф. Ч. 1*. Пермь: Пермский гос. пед. ун-т, 2005. С. 172–178.
19. Цейтлин С.Н. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. М.: Владос, 2000.
20. Елисеева М.Б. Становление индивидуальной языковой системы ребенка: ранние этапы: монография. М.: Языки славянской культуры, 2014.

References

1. Dobrova, G.R. (2017). Basic and Additional Mechanisms of Language Acquisition in the Aspect of Variability of Speech Ontogenesis. In: *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences*, XIII (3), 651–679. (In Russ.).
2. Dobrova, G.R. (2018). *Variability in Children's Language Acquisition*. Moscow: Languages of Slavic Culture. (In Russ.).
3. Sizova, O.B. (2017). On the Question of the Hierarchy of Speech Mechanisms. In: *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences*, XIII (3), 740–773. (In Russ.).
4. Slobin, D.I. (1974). Cognitive Prerequisites for the Development of Grammar. In: *Psycholinguistics*. Moscow: Progress. pp. 143–207. (In Russ.).
5. Voeikova, M.D. (2011). Mastering the First and Second Languages: Similarities and Differences. In: *The Path to Language: Monolingualism and Bilingualism*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 11–32. (In Russ.).
6. Dobrova, G.R. (2003). *Ontogenesis of Personal Deixis (Personal Pronouns and Kinship Terms)*. Saint Petersburg: RGPU n.a. A.I. Gertsen publ. (In Russ.).
7. Chiat, S. (1981). Context-specificity and generalization in the acquisition of pronominal distinctions. *Journal of Child Language*, 8(1), 75–91.
8. Chiat, S. (1986). Personal pronouns. In: *Language acquisition (studies in first language development)*, Fletcher, P. & Garman, M. (eds). Cambridge. pp. 339–355.
9. Charney, R. (1980). Speech roles and the development of personal pronouns. *Journal of Child Language*, 7(3), 509–528.
10. Tribushinina, E., Voeikova, M.D. & Noccetti, S. (2015). *Semantics and morphology of early adjectives in first language acquisition*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publ.
11. Shabes, V.Ya. (2011). Continuo-discrete Representation of Value Concepts. *Problems of Socio- and Psycholinguistics*, Iss. 15. Perm Sociopsycholinguistic School: Ideas of Three Generations, 46–74. (In Russ.).
12. Nelson, K. (1973). Structure and strategy in learning to talk. In: *Monographs of the Society for Research in Child Development*, 149, 38 (3–4), 1–135.

13. Nelson, K. (1981). Individual differences in language development: implications for development and language. In: *Developmental psychology*, 17 (2), 170–187.
14. Bates, E., Bretherton, I. & Snyder, L. (1988). *From first words to grammar. Individual differences and dissociable mechanisms*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Dobrova, G.R. (2000). Children's Mastering of Personal Pronouns: Ontogenesis of Personal Deixis. *Child's speech: early stages*, 1, 115–146. (In Russ.).
16. Dobrova, G.R. (2009). On the Variability of Speech Ontogenesis: Referential and Expressive Strategies of Language Acquisition. *Questions of Psycholinguistics*, 9, 53–70. (In Russ.).
17. Eliseeva, M.B. (2006). Classification of Children's with General Speech Underdevelopment Speech Errors. *Speech therapist*, 1, 26–36. (In Russ.).
18. Ovchinnikova, I.G. (2005). Individual Variability of Children's Narratives as a Reflection of Differences in Language Acquisition Styles. *Merlin Readings: Materials of the Interregional Conference*, 1, 172–178. (In Russ.).
19. Cejtin, S.N. (2000). *Language and child: ontolinguistics*. Moscow: VLADOS. (In Russ.).
20. Eliseeva, M.B. (2014). *Formation of an Individual Language System of a Child: Early Stages: Monograph*. Moscow: Languages of Slavic Culture. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Доброва Галина Радмировна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкового и литературного образования ребенка Российского государственного университета им. А.И. Герцена (191186, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48); *научные интересы*: онтолингвистика, персональный дейксис, вариативность речевого развития детей, детский билингвизм; *e-mail*: galdobr@peterlink.ru
ORCID: 0000-0001-8007-1973. РИНЦ SPIN-код: 108444/5025-4952; Scopus ID: 57209316374; Researcher ID: C-3837-2018

Information about the author:

Galina R. Dobrova, D.Sc. in Philology, Professor, Professor of the Department of Language and Literary Education of the Child, Herzen State Pedagogical University of Russia (48, Moika Embankment, St.-Petersburg, Russian Federation, 191186); *Research interests*: ontological linguistics, child language, language acquisition, personal deixis, variability of children's speech development, children's bilingualism; *e-mail*: galdobr@peterlink.ru
ORCID: 0000-0001-8007-1973. SPIN-code: 108444/5025-4952; Scopus ID: 57209316374; Researcher ID: C-3837-2018.

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-4-1050-1066

EDN: DNFJRI

УДК 81'23-053.2-055.1/3

Научная статья / Research article

Двусинтаксемные высказывания в ранней детской речи: гендерный аспект по данным Макартуровских опросников

М.Б. Елисеева¹ , Е.А. Вершинина²

¹ Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Российская Федерация, Санкт-Петербург,

² Институт физиологии им. И.П. Павлова Российской академии наук,
Российская Федерация, Санкт-Петербург

 melyseeva@yandex.ru

Аннотация. Появление двукомпонентных высказываний в речи детей — один из ключевых этапов речевого онтогенеза. Переход от отдельных слов к предложению — кардинальное событие, связанное не только с развитием собственно речевых навыков, но и с когнитивным становлением. Предшествующие исследования, основанные на лонгитюдных наблюдениях за отдельными детьми, показали, что предложения появляются в возрасте от полутора до двух лет. Гендерные различия в приобретении этого умения никогда не рассматривались. Новизна настоящего исследования заключается в том, что результаты основаны на анализе репрезентативной базы данных детей обоих полов, а также отдельно мальчиков и девочек. Впервые статистически обоснованы нормы синтаксического развития и выделены группы риска. Материалом исследования была база данных, основанная на заполненных родителями 1037 Макартуровских опросников (487 мальчиков и 550 девочек от 18 до 36 мес.). Основные выводы в целом подтвердили возраст появления предложений от полутора до двух лет, однако обнаружили важные нюансы. В 19 мес. количество девочек, в речи которых есть фразы, вдвое превышает количество мальчиков, и различия статистически значимы. Однако в 20 мес. мальчики догоняют девочек. В дальнейшем девочки все время немного опережают, но значимость отмечена только в 23 мес. Дети, результаты которых относятся к медиане, соединяют слова в предложения: 1) в 20 мес. — девочки, 2) около 22 мес. — мальчики. Группы риска по комбинированию слов в высказывание в гендерном отношении отличаются: значительная темповая задержка (дети 5-ого перцентиля) отмечается у мальчиков в 25 мес., у девочек в 23 мес., а после 27 мес. почти все мальчики и девочки конструируют фразы. Сопоставление результатов русскоязычных детей с результатами детей, говорящих на нескольких других языках (по данным научной литературы), подтвердило мнение о типичности возраста появления двусинтаксемных предложений. Полученные для русского языка результаты валидны, надежны и имеют ценность не только при осуществлении научных исследований становления речи, но и в практике диагностики речевого развития.

© Елисеева М.Б., Вершинина Е.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: речевой онтогенез, диагностика речевого развития, Макартуровский опросник, детский синтаксис, двусловные высказывания

История статьи:

Дата поступления: 6.06.2023

Дата приема в печать: 15.09.2023

Для цитирования:

Елисеева М.Б., Вершинина Е.А. Двусинтаксемные высказывания в ранней детской речи: гендерный аспект по данным Макартуровских опросников // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 1050–1066. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1050-1066>

Two-word Utterances in the Speech of Young Children: Gender Aspect according to MacArthur-Bates Communicative Development Inventories

Marina B. Eliseeva , Elena A. Vershinina

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation

² Pavlov Institute of Physiology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

 melyseeva@yandex.ru

Abstract. The appearance of two-component utterances in children's speech is one of the key stages of speech ontogenesis. The transition from separate lexemes to sentences is a cardinal event associated not only with the development of speech skills, but also with cognitive development. Previous studies based on longitudinal data have shown that two-word utterances appear from the age of one and a half to two years. Gender differences in the acquisition of this skill have never been considered. What is new in this study is that the results are based on an analysis of a representative database of children of both sexes, as well as separately boys and girls. For the first time, the norms of syntactic development were statistically substantiated and risk groups were identified. The material of the study was a database based on 1037 MacArthur questionnaires completed by parents (487 boys and 550 girls aged 18 to 36 months). The main results confirmed the age of appearance of utterances from one and a half to two years, but important nuances were revealed. Number of girls of 19 months, whose speech contains phrases, is twice the number of boys, and the differences are statistically significant). However, at the age of 20 months the boys are chasing the girls. Then the girls are slightly ahead, but we only observe significance at 23-month age. Girls, whose results refer to the median, say utterances at 20 months, and «median» boys - about 22-month age. The risk groups are different: we see a significant delay (children in the 5th percentile) in boys at the age of 25 months and in girls at 23-month age: they do not combine words into sentences. Comparison of the results of Russian-speaking children with the results of children speaking several other languages (according to scientific literature) confirmed the opinion about the typical age of the appearance of double-syntaxemic sentences. The results obtained are valid and reliable, therefore they are valuable in diagnosing the speech development of young children, as well as in conducting scientific research at this stage.

Keywords: speech ontogenesis, language assessment, MacArthur-Bates CDI, acquisition of syntax, two-word utterances

Article history:

Received: 6.06.2023

Accepted: 15.09.2023

For citation:

Eliseeva, M.B. & Vershinina, E.A. (2023). Two-word Utterances in the Speech of Young Children: Gender Aspect according to MacArthur-Bates Communicative Development Inventories. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(4), 1050–1066. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1050-1066>

Введение

Цель исследования — выяснить, в какой временной промежуток возникают предложения в речи детей раннего возраста безотносительно к полу и отдельно для мальчиков и девочек, описать нормы и определить группы риска развития синтаксиса.

По данным онтолингвистической, логопедической, педагогической и психологической литературы появление первых предложений при нормотипичном развитии фиксируется между полутора и двумя годами.

Проверить, насколько значительна вариативность нормы и как отличаются в усвоении фразовой речи мальчики и девочки, в том числе дети групп риска задержки речевого развития, позволили опросники, заполненные родителями детей в возрасте от полутора до трех лет. Статистическая обработка более тысячи ответов родителей дала возможность впервые получить достоверное представление о нормах развития начального детского синтаксиса и возраста комбинирования отдельных слов в высказывание детьми.

Теоретическая значимость исследования заключается в получении новых, статистически обоснованных данных о возрасте возникновения предложений у русскоязычных детей безотносительно к полу и отдельно для мальчиков и девочек.

Исследование актуально и практически значимо для проведения речевой диагностики дефектологами, логопедами, педагогами, психологами.

Обзор литературы:

вопросы о развитии начального детского синтаксиса

Основатель отечественной онтолингвистики С.Н. Цейтлин назвала главу в монографии «Лингвистические этюды» метафорически — «Завоевание синтаксиса». В книге рассмотрен «синтаксемный репертуар» детей раннего возраста, начальные комбинации синтаксем, а также функции реплик-повторов в диалоге взрослого с ребенком и роль матери в синтаксическом развитии ребенка. «В начале была синтаксема... — пишет С.Н. Цейтлин. — Конечно, в начале было слово. Но не слово-лексема, а слово-синтаксема. Потому что это слово уже выполняло синтаксическую функцию — именовало какую-то ситуацию» [1. С. 316].

Автор считает, что детский синтаксис является одной из самых неизученных областей и ставит ряд вопросов о начальных этапах синтаксического

развития ребенка. Некоторые из них были исследованы, а часть до сих пор остается без ответов.

«С развитием каких компонентов языковой способности связан переход к двукомпонентному высказыванию?» — спрашивает автор и указывает возможные ответы: наличие определенного количества слов в лексиконе, их разнотипность, умение конструировать словоформы. Стоит вопрос о роли инпута и о взаимосвязи используемых взрослым синтаксических моделей и развитии синтаксемных комбинаций в речи ребенка. Существуют ли временные синтаксические системы ребенка, не имеющие параллелей в нормативном языке? Каковы разные стратегии освоения синтаксиса и зависят ли они только от индивидуальных особенностей ребенка или от типологических особенностей осваиваемого языка? [1. С. 333]. Это очень интересные вопросы, и на часть из них хотя и не получены еще окончательные ответы, но первые шаги в данном направлении сделаны. Так, известно, что предложения могут возникать у некоторых детей с очень незначительным объемом словаря, а другие дети долго не соединяют слова в предложения, даже имея обширный лексикон, при этом между словами в высказывании долго сохраняется пауза — свидетельство трудности построения целостного высказывания. Безусловно, можно говорить об особом типе двусинтаксемных предложений, состоящих из неизменных слов, — таких фраз нет в речи взрослых, и ребенок их конструирует самостоятельно. Рассмотрим примеры из Фонда данных детской речи Лаборатории онтолингвистики. Первая группа примеров — из речи Алисы Н.: «Дать я!» — дать мне, 1,10; «Я а-а-а» — я хочу спать 2,0, «Я кап-кап» выдавливая крем, 2,2. Однако «телеграфные» высказывания нетипичны для речи этой девочки (заметим, что С.Н. Цейтлин считает период *pivot-grammar* в целом нехарактерным для детей, говорящих по-русски): так, большая часть первых предложений Алисы соотносима со взрослыми предложениями, по крайней мере, по внешнему оформлению: «Ачу чай» — хочу чай; Бросила телефон на качели: «Пусть тада!» (пусть туда); «Адасть это» — карандаш это; «Атя дала» (Настя дала), 2,0. С.Н. Цейтлин пишет, что некоторые дети сразу используют морфологическую маркировку синтаксем, а другие продолжают употреблять слова в замороженных формах. В этом последнем случае телеграфный стиль сохраняется в течение долгого времени, и специфические детские фразы могут состоять уже не из двух, а нескольких слов. Приведем примеры из речи Виталика С. в возрасте 2,3–2,4. Мальчик увидел нож и говорит: «Во, нож бо-бо» (когда-то порезался ножом и помнит, что нож делает больно); «Ика нам-нам, бай» (Вика кушает и спит); «Тёте, тпру-тпру дощика мока» (Тетя, идти гулять нельзя, дождик, мокро); «Мама, дай тпру-тпру» (Мама, пошли гулять). Даже в 2,7 Виталик говорит: «Така бось му» (Виталик боится коровы). Ближе к 3 годам ребенок усваивает некоторые грамматические категории, и предложения становятся «взрослоподобными»: «Мама, папа сипал хахар!»* (Мама, папа рассыпал сахар!), 2,9; «Зата пидёшь

ко ме?» (Завтра придешь ко мне?), 2,10. Таким образом, стратегии усвоения синтаксиса могут быть различны.

Пользуясь терминологией известного нейропсихолога Т.В. Ахутиной, можно представить развитие детского синтаксиса следующим образом: от первого этапа — смыслового, самого глубокого синтаксиса ко второму — семантическому [3], иначе говоря — к телеграфной речи, а затем к третьему — «формально-грамматическому», «поверхностному» [3], то есть к появлению грамматически оформленных предложений, подобных фразам взрослых. Грамматичность реализуется в самом факте появления различных частей речи, их категорий и изменения слов [4–6]. Не всегда грамматичность предполагает узуальность: в речи детей появляются сконструированные ими самостоятельно формообразовательные инновации как следствие активного освоения морфологии. В речи детей раннего возраста это прежде всего неправильное образование форм существительных и глаголов: *любю* вместо *люблю*, *сидю* вместо *сизжу*, *сосает* вместо *сосет*, *целовает* вместо *целует* или *целуть* вместо *целовать*; *ухи* вместо *уши*, *ушов*, а не *ушей*, *людь* вместо *человек* или, наоборот, *человеки* вместо *люди*, *кусоки* вместо *куски*, *стулы*, а не *стулья* и т.п.). Примеров подобных инноваций великое множество, закономерность их появления обоснована и подробно прокомментирована онтолингвистами (например, см. [1; 4–6] и др.). В Макаруровских опросниках на разных языках отдельные пункты посвящены детским грамматическим формам существительных и глаголов: в английские опросники, например, включены формы *footes*, *mouses* и *mices*, *buyed* и *bringed* и др. Наличие в речи ребенка таких ошибок — свидетельство активного развития морфологии родного языка.

Становление, этапы и особенности развития начального детского синтаксиса изучались многими отечественными и зарубежными исследователями [1–10]. С.Н. Цейтлин подробно анализирует онтогенез синтаксиса и их начальные комбинации в речи детей [1. С. 323–339] и отмечает, что состав компонентов первых предложений близок в разных языках [1. С. 318–319].

В.А. Еливанова считает показателем перехода от этапа голофраз к этапу двусловных высказываний синтаксическую продуктивность высказываний [7]. В статье М.Б. Елисейевой [9] рассмотрены вариативность и качественные отличия синтаксического развития трех детей с различными речевыми стратегиями.

Исследователями ведутся споры о том, отражает ли существование стадии двусловных предложений в первую очередь когнитивные или языковые ограничения. В статье S. Berk и D. Lillo-Martin [10] представлен анализ лонгитюдных данных двух глухих детей, не знакомившихся с доступным им американским языком жестов до шестилетнего возраста. Эти дети, осваивающие первый язык после отсроченного воздействия, перешли к стадии двусловных предложений. Результаты оценок интеллекта, заданий по рисованию и качественного анализа когнитивного развития показали,

что дети обладают как минимум средним интеллектом и способностями. Однако результаты языкового анализа ясно продемонстрировали различия как со сверстниками, так и с детьми раннего возраста (например, в компонентном составе предложений, использовании поздно появляющихся семантических отношений). Это позволило по-новому взглянуть на природу данной фазы языкового развития.

Вопрос о том, с развитием каких компонентов языковой способности связано становление синтаксиса, еще не исследован. Скорее понятно, что не влияет на возникновение первых предложений. Установлено, что появление морфологии — словоизменения/формообразования и зарождения грамматических категорий — обусловлено объемом лексикона, а он, в свою очередь, взаимосвязан с определенным компонентом фонетического развития, а конкретно — с удлинением слоговой структуры слова: быстро увеличивается, когда ребенок становится способен произносить трех- и четырехсложные слова [5]. Имеет значение именно длина слова, сохранение количества слогов — звучать оно может искаженно: субституция звуков (гласных и согласных), упрощение кластеров (стечений согласных), пропуски звуков и перестановки звуков и слогов не мешают усвоить морфологию: *абабисик* (воробышек), *аписи* — апельсин, *пасинка* — машинка. Такой закономерности по отношению к синтаксису нет: дети нередко начинают создавать предложения из очень небольшого набора лексем, включая в первые фразы слова языка нянь, неизменные словоформы в псевдоименительном падеже и глаголы в инфинитиве, при этом в словах редко встречается слоговая элизия только потому, что используются короткие слова, состоящие не более чем из двух слогов, например: *Бр неа* (*машин нет*), *Ваня э-а* (*Ваня не спит*), *Пака нети* (*Палки нет*). Сравните с фонетически несовершенным, но грамматически правильно оформленным предложением: *Тяка бось* (*Червяка боюсь*) — примеры из монографии С.Н. Цейтлин [1]. В этом предложении, произнесенном Аней С. в 1 год и 9 мес., еще есть слоговая элизия, но вскоре она исчезнет из речи ребенка.

Один из поставленных С.Н. Цейтлин вопросов непосредственно касается темы настоящей статьи: «Когда ребенок оказывается в состоянии сконструировать хотя бы минимальную, то есть включающую две синтаксемы фразу?» [1. С. 333].

Логопеды — ученые и практики — указывают нормы развития фразовой речи, как правило, основанные на таблице Н.С. Жуковой [11], созданной по материалам книги А.Н. Гвоздева [6], на протяжении семи лет записывавшего речь своего сына Жени. Норма появления предложений из двух слов-корней, представленная в таблице, основана на речи этого ребенка: Женя начал употреблять предложения в возрасте 1,8–1,10. В настоящее время на сайтах для специалистов и родителей возраст 2 года для появления первых фраз указан как граница нормы, при этом пол ребенка не упоминается.

На основании Фонда данных детской речи Лаборатории онтолингвистики РГПУ им. А.И. Герцена были описаны и представлены в таблице основные закономерности всех компонентов речевого развития детей от рождения до 7 лет — в том числе особенности становления фразовой речи [12]. То, что автор статьи в 2005 году называл закономерностями, постепенно превратилось в обиходе логопедов в «нормы». Следует учесть, что автор ориентировался прежде всего на собственный дневник речевого развития дочери (на основе которого позже была написана монография [5]) и на немногочисленные дневники родителей, и о нормах в данном случае если и можно говорить, то в широком нетерминологическом смысле. При сопоставлении стандартизированных норм развития речи детей до трех лет, полученных позже, с данными «хронологической» таблицы из указанной статьи [12] очевидно, что далеко не все в таблице отражает медиану, а тем более нижнюю границу нормы развития различных компонентов языковой способности. Однако время появления двусловных предложений оказалось достаточно показательным: данные case study совпали с медианой (для развития девочек). В другой статье этого автора [13], написанной уже после того, как были рассчитаны нормы речевого развития детей раннего возраста посредством статистического анализа заполненных Макартуровских опросников, полученные нормы сопоставляются с данными двух лонгитюдных наблюдений: речью Жени Г. (1921 года рождения), сына лингвиста А.Н. Гвоздева, и Лизы Е. (1996 года рождения), дочери автора. Разные компоненты языковой способности (фонетический, лексический, морфологический, синтаксический) развивались у каждого из детей неравномерно. Что касается появления двусинтаксемных высказываний, оба ребенка оказались в целом в пределах средних показателей, но Женя несколько опережал, а Лиза чуть отставала: оба ребенка часто употребляли предложения в 21 мес. (медиана для мальчиков — 22 мес., для девочек — 20 мес., см. об этом подробнее далее).

Результаты анализа пункта опросника «Предложения из двух или более слов» для обоих полов

Сегодня версии MacArthur-Bates CDI «являются одними из наиболее широко используемых инструментов оценки для раннего развития языка» [14. С. 2248]. Об авторах исходных опросников, адаптациях для различных языков и их создателях рассказано на сайте¹. История создания русской версии, базы для ввода данных, а также описание методов математической статистики, использованных для получения норм, подробно изложены в [15]. Заметим, что, хотя версий опросника для разных языков более ста, нормы

¹ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mb-cdi.stanford.edu/> (дата обращения: 28.01.2023).

рассчитаны только для 38 языков², в числе которых есть и русский благодаря нашему исследовательскому коллективу.

В настоящей статье анализировались результаты ответов родителей на вопрос «Начал ли уже Ваш ребенок строить из слов предложения?».

Рассмотрение полученных данных безотносительно пола обнаруживает следующее: в 18 месяцев 59,5 % детей еще не соединяют слова в предложения, 28,6 % делают это иногда и 11,9 % — часто (в общей сложности — 40,5 %); в 19 месяцев уже 36,6 % иногда составляют предложения, а 22 % — часто (всего 58,6 %); в 31 мес. все дети владеют этим умением (табл. 1 и рис. 1).

В речи англоязычных детей есть лакуна примерно в 4 мес. между 2 критериями: в 18 мес. — ответ «иногда+часто», в 22 — только «часто» [16. С. 50]. Все англоязычные дети комбинируют слова немногим раньше — в 30 мес. [16. С. 80].

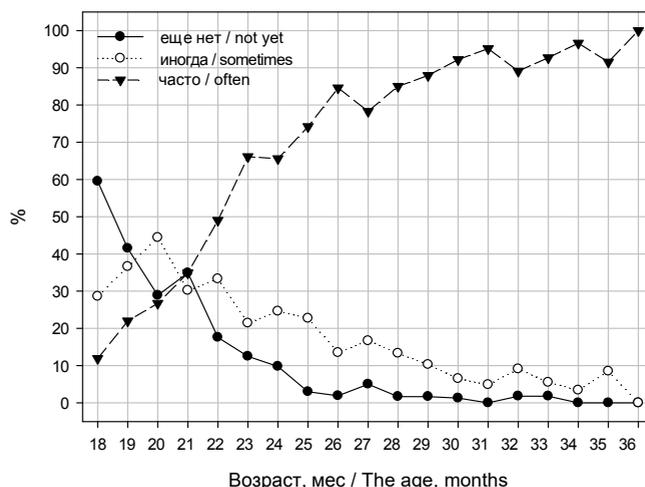
Таблица 1/ Table 1

**Количество и процент предложений в речи детей
(мальчиков и девочек) от 18 до 36 мес. /
The number and percentage of sentences in the speech of children
(boys and girls) from 18 to 36 months**

Возраст/ The age	Количество утвердительных ответов/ Number of affirmative responses				Процент утвердительных ответов/ Percentage of affirmative responses		
	Предложения/ Sentences				Предложения/ Sentences		
	Еще нет/ Not yet	Иногда/ Sometimes	Часто/ Often	Всего / Total	Еще нет/ Not yet	Иногда/ Sometimes	Часто/ Often
18	25	12	5	42	59,5	28,6	11,9
19	17	15	9	41	41,5	36,6	22,0
20	13	20	12	45	28,9	44,4	26,7
21	15	13	15	43	34,9	30,2	34,9
22	9	17	25	51	17,6	33,3	49,0
23	7	12	37	56	12,5	21,4	66,1
24	6	15	40	61	9,8	24,6	65,6
25	2	15	49	66	3,0	22,7	74,2
26	1	7	44	52	1,9	13,5	84,6
27	3	10	47	60	5,0	16,7	78,3
28	1	8	51	60	1,7	13,3	85,0
29	1	6	51	58	1,7	10,3	87,9
30	1	5	71	77	1,3	6,5	92,2
31	0	3	58	61	,0	4,9	95,1
32	1	5	49	55	1,8	9,1	89,1
33	1	3	51	55	1,8	5,5	92,7
34	0	2	56	58	,0	3,4	96,6
35	0	4	43	47	,0	8,5	91,5
36	0	0	49	49	,0	,0	100,0
Всего	103	172	762	1037	9,9	16,6	73,5

Источник: составлено авторами / Source: compiled by the authors.

² [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wordbank.stanford.edu/> (дата обращения: 28.01.2023).

Рис. 1. Предложения в речи детей от 18 до 36 мес. (частоты трех типов ответов в процентах)
 Источник: составлено авторами.

Fig. 1. Sentences in the speech of children from 18 to 36 months (frequencies of the three types of responses in percent)
 Source: compiled by the authors.

Рассчитывались средние баллы количества всех ответов родителей (0 — еще нет, 1 — иногда, 2 — часто) об использовании их детьми предложений из двух и более слов. Табл. 2 и рис. 2 показывают динамику по возрасту среднего балла.

Таблица 2 / Table 2

Средние баллы количества всех ответов родителей об использовании детьми предложений / The average scores of the number of all answers of parents about the use of utterances by children

Возраст, мес. / The age, months	Количество детей / Quantity children	Мальчики / Boys	Девочки / Girls	Среднее / Average	Ошибка среднего / The error of the average	Стандартное отклонение / Standard dysfunction
18	42	18	24	,52	,109	,707
19	41	19	22	,80	,122	,782
20	45	27	18	,98	,112	,753
21	43	21	22	1,00	,129	,845
22	51	22	29	1,31	,107	,761
23	56	19	37	1,54	,095	,713
24	61	33	28	1,56	,086	,671
25	66	27	39	1,71	,064	,519
26	52	26	26	1,83	,060	,430
27	60	23	37	1,73	,071	,548
28	60	32	28	1,83	,054	,418
29	58	28	30	1,86	,052	,395
30	77	35	42	1,91	,038	,332
31	61	29	32	1,95	,028	,218
32	55	26	29	1,87	,052	,388
33	55	28	27	1,91	,047	,348
34	58	27	31	1,97	,024	,184
35	47	25	22	1,91	,041	,282
36	49	22	27	2,00	,000	,000

Источник: составлено авторами / Source: compiled by the authors.

Вариативность в возникновении предложений (гендерные и языковые различия, норма развития и группы риска)

Ответ «иногда» был внесен авторами оригинальной версии, поскольку учитывался «консерватизм» некоторых родителей, не считающих, что ребенок обладает некоторым умением, если только это не происходит часто [18. С. 80]. Однако при обработке ответов родителей американских детей ответы были объединены в две группы: «еще нет/иногда» или «часто». Авторы отмечают, что ответ «иногда» может отражать «непродуктивные, корневые комбинации, комбинирование слов, не являющееся предложением с точки зрения ребенка [16. С. 50], то есть «застывшие фразы».

Статистические различия в появлении и развитии предложений в речи мальчиков и девочек были рассчитаны у русскоязычных детей таким же образом — с учетом двух типов ответов (табл. 3, рис. 3).

В 18 мес. 44,4 % мальчиков и 37,5 % девочек иногда или часто употребляют двусловные предложения, то есть мальчики немного опережают девочек, при этом гендерные различия незначимы статистически. Обратим внимание на то, что это менее половины всех и мальчиков, и тем более девочек.

Но уже в 19 мес. количество девочек, в речи которых есть фразы, увеличивается более, чем вдвое (77,3 %), в то время как мальчики не продвигаются в этом отношении (процентное количество, отмеченное в 19 мес., даже ниже, чем в 18 мес. (36,8 и 44,4 % соответственно): в каждом месяце своя выборка (опросники заполняли родители разных, а не одних и тех же детей), хотя количество детей практически одинаково — 42 в 18 мес. и 41 в 19). Различия статистически значимы, по критерию хи-квадрат: $\chi^2 = 6,87$, $p = 0,009$. Таким образом, 19 мес. — точка начала быстрого развития фразовой речи, но именно для девочек. Такой точкой для резкого роста количества предложений в речи мальчиков является следующий месяц: в 20 мес. они практически догоняют девочек (результаты мальчиков и девочек — 70,4 и 72,2 % соответственно). В дальнейшем девочки все время несколько опережают мальчиков, но значимость есть только в 23 мес. (73,7 и 94,6 %, : $\chi^2 = 5,02$, $p = 0,025$) и в 27 мес. (87 и 100 %, $\chi^2 = 5,08$, $p = 0,024$).

Следовательно, активное развитие двусловных высказываний начинается у девочек с 19 мес., а у мальчиков с 20 мес. и происходит до 27 мес. у детей обоих полов с опережением девочек. После этой возрастной границы почти все мальчики и девочки конструируют фразы из двух (или более) слов без статистически значимого опережения девочек.

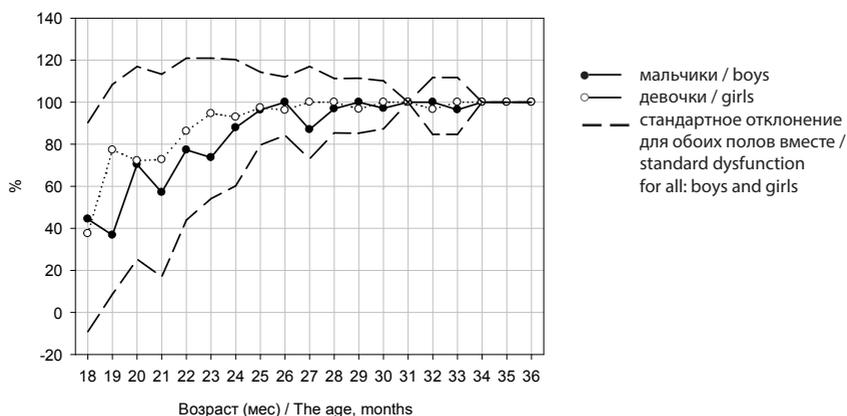
Частоты ответов каждой из трех категорий (еще нет, иногда, часто) в процентах представлены на рис. 3 и 4.

Таблица 3 / Table 3

**Процент девочек и мальчиков с ответами «еще нет» и «иногда или часто»
(комбинирование слов в предложении) /
Percentage of girls and boys with the answers “not yet” and “sometimes or often”
(combining words in a sentence)**

Возраст, мес. / The age, months	Девочки/ Girls		Мальчики/ Boys		Все/ All: Boys and Girls	
	еще нет/ not yet	иногда или часто/ sometimes or often	еще нет/ not yet	иногда или часто/ sometimes or often	иногда или часто/ sometimes or often	Стандартное отклонение/ Standard dysfunction
18	62,5	37,5	55,6	44,4	40,0	49,7
19	22,7	77,3	63,2	36,8	59,0	49,9
20	27,8	72,2	29,6	70,4	71,0	45,8
21	27,3	72,7	42,9	57,1	65,0	48,2
22	13,8	86,2	22,7	77,3	82,0	38,5
23	5,4	94,6	26,3	73,7	88,0	33,4
24	7,1	92,9	12,1	87,9	90,0	30,0
25	2,6	97,4	3,7	96,3	97,0	17,3
26	3,8	96,2	,0	100,0	98,0	13,9
27	,0	100,0	13,0	87,0	95,0	22,0
28	,0	100,0	3,1	96,9	98,0	12,9
29	3,3	96,7	,0	100,0	98,0	13,1
30	,0	100,0	2,9	97,1	99,0	11,4
31	,0	100,0	,0	100,0	100,0	,0
32	3,4	96,6	,0	100,0	98,0	13,5
33	,0	100,0	3,6	96,4	98,0	13,5
34	,0	100,0	,0	100,0	100,0	,0
35	,0	100,0	,0	100,0	100,0	,0
36	,0	100,0	,0	100,0	100,0	,0

Источник: составлено авторами / Source: compiled by the authors.

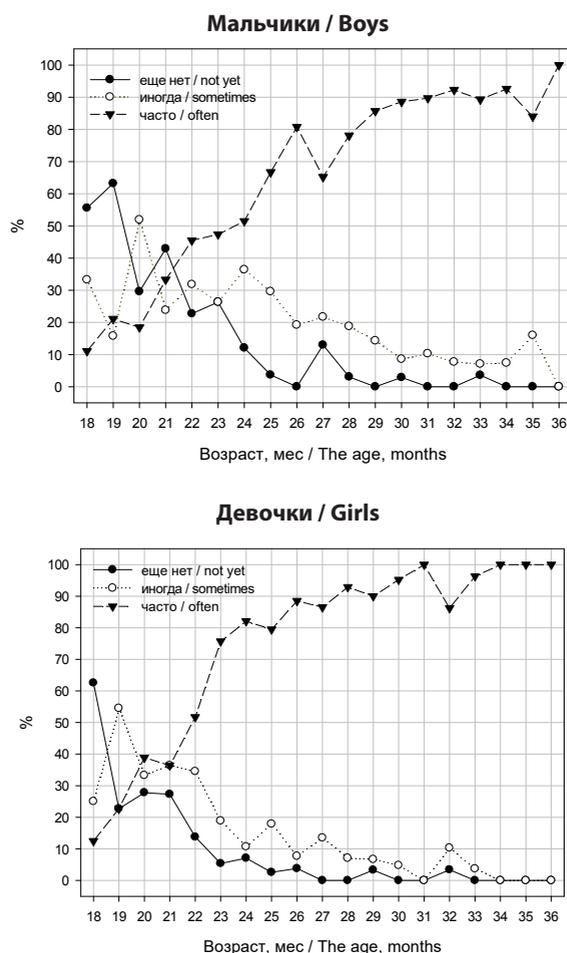

Рис. 2. Частоты в процентах ответов «иногда» или «часто» на вопрос «Использует ли ребенок предложения из двух или более слов?» в зависимости от возраста детей (M±SD)

Источник: составлено авторами.

Fig. 2. Percentages of “sometimes” or “often” responses to the question “Does the child use sentences of two or more words?” depending on the age of children (M±SD)

Source: compiled by the authors.

Рис. 3. Предложения в речи мальчиков и девочек (частоты ответов каждой из категорий в процентах)
 Источник: составлено авторами.

Fig. 3. Sentences in the speech of boys and girls (frequency of answers of each of the categories in percent)
 Source: compiled by the authors.

Дети разного пола с медианными значениями создают двусинтаксемные высказывания с некоторой разницей в возрасте: девочки в 20 месяцев, а мальчики — в 22 мес. После 27 мес. почти все дети конструируют фразы по крайней мере из двух слов.

Интересно сопоставить результаты анализа данных американских детей с результатами, полученными в нашем исследовании.

В 18 мес. процент девочек, иногда или часто создающих комбинации слов, гораздо выше, чем у русскоязычных девочек (65,9 и 37,5%), но уже в 19 разницы между ними почти нет (78,2 и 77,3%).

Англоязычные мальчики в 18 мес. не отличаются от русскоязычных (44,1% англоязычные и 44,4% русскоязычные); в 19 мес. значительно опережают (53,5% в сравнении с 36,8%); в 20 мес. результаты почти одинаковы (68,4 и 70,4%) — в дальнейшем различий не наблюдалось.

Вариативность в возникновении предложений проявляется также в усвоении языка детьми с ранним речевым развитием и относящихся к группам риска. Девочки и мальчики 75-ого перцентиля (таких детей всего 25 %, и здесь фактор пола оказался не значим) комбинируют слова в предложения уже в 18 мес.

Группы риска по возникновению фразовой речи в гендерном отношении несколько отличаются: значительная темповая задержка (дети 5-ого перцентиля, отстающие от 95 % сверстников) отмечается у мальчиков в возрасте 25 мес., а у девочек в 23 (если в этом возрасте дети еще не говорят предложения, хотя бы иногда, специалист посоветует обратить на это внимание).

Выводы и перспективы дальнейших исследований

На зарубежных сайтах, посвященных развитию детей, сегодня часто указываются milestones — «вехи», ориентиры, «реперные точки» речевого развития. Это указание на то, что делают дети в определенном возрасте, как развиваются разные сферы: социально-эмоциональная, языковая, когнитивная, физическая — и как они взаимосвязаны. Авторы пишут о некоторых, в основном самых необходимых (с их точки зрения) умениях, и среди важного указано возникновение фразы: в два года ребенок составляет фразы: «Says at least two words together, like “More milk”. Авторы замечают: «Developmental milestones are things most children (75 % or more) can do by a certain age» («Вехи развития — это то, что большинство детей (75 % и более) могут делать к определенному возрасту» — перевод мой. — М.Е.)³. По нашим данным, более 75 % русскоязычных детей обоих полов делают это даже немного раньше — в 22 мес.

В монографии, основанной на анализе данных Wordbank, M. Frank с соавторами представляют данные возникновения предложений для 7 языков (американского английского, кантонского и мандаринского диалектов китайского, норвежского, датского, корейского, испанского): к 19 мес. около 50 % детей составляют слова в предложения; к 25 мес. — около 90 % [19]. Таким образом, полученные результаты можно назвать если не универсальными, то типичными. Типичность появления предложений от полутора до 2 лет подтверждается и общепринятым мнением именно о таком временном промежутке, и данными отдельных лонгитюдов.

Вопрос о том, соединяет ли ребенок слова в предложения, не имеет целью выяснить, является ли высказывание ребенка морфологичным, то есть употребляются ли в нем существительные в формах разных падежей и числа, а также глаголы в формах времени/числа/лица), или же относится

³ Режим доступа: <https://www.cdc.gov/ncbddd/actearly/milestones/milestones-2yr.html#openTwoWords> (дата обращения: 04.06.2023).

к «телеграфному стилю» с использованием грамматически аморфных слов, неизменных, часто включающих слова *baby talk*.

В опросниках есть пункт, в котором родителям предлагается выбрать в парах одно из двух предложений (грамматически аморфное или оформленное) как наиболее характерное в данный момент для речи ребенка. Приведу некоторые примеры из разных опросников. В русском: «Ам-ам нет!» или «Не буду есть», «Баба сумка» или «Бабина сумка»; в английском: «Two shoe» или «Two shoes»; «Baby crying» или «baby is crying», «Coffee hot» или «That coffee hot»; в немецком: «Tiger kämpfe» или «Tiger kämpft», «Katze schön» или «Die Katze ist schön», «Puppe schlaft» или «Puppe schläft». Принцип создания таких пар одинаков: первое предложение — без грамматических маркеров, второе — с ними. При этом интересно, что иногда второе предложение тоже может содержать ошибку («That coffee hot»), но ближе к нормативному языку по какому-то параметру (здесь — по использованию артикля).

Однако в настоящем исследовании нас интересовал сам факт употребления детьми двусинтаксемных высказываний. Данные о грамматических (морфологических) нормах овладения отдельными морфологическими категориями существительного (падежа и числа) и глагола (времени и лица) в речи детей, полученные на основе данных Макартуровских опросников, опубликованы в [15; 17; 18]. Установлено, что овладение морфологией гораздо сложнее для многих детей, чем овладение синтаксисом, но также труднее для мальчиков, чем для девочек. Девочки с медианными значениями используют все указанные выше грамматические категории с 31 мес., а мальчики с 33 мес. При этом, однако, и девочка в 25 мес., и мальчик в 27–28 мес., только начинающие изменять слова, находятся в пределах нижней границы нормы. Только полное отсутствие словоизменения в речи в 28 мес. у девочек и в 34 мес. у мальчиков фиксируется как отставание. Девочки со значительной задержкой речевого развития (5-ого перцентиля) не изменяют слова в 32 мес., а мальчики в 36 мес. [18].

Хотя нормы и группы риска по формированию морфологии в детской речи описаны подробно, вопрос о том, использованы ли грамматические формы внутри отдельных слов или в словах, входящих в состав предложения, пока остается неисследованным.

Анализ того, как постепенно увеличивается количество слов в предложении, какая длина высказывания является нормой развития в определенном возрасте, не рассмотрен в настоящей статье (кратко это упомянуто в книге [15] и статье [12]) и также может быть предметом дальнейшего исследования.

Отдельной проблемой, требующей изучения, является соотношение и взаимообусловленность компонентов языковой способности ребенка (например, как появление фразы связано с объемом лексикона и способствует ли оно развитию морфологии).

Заключение

Исследование показало, что возраст появления предложений — от полутора до двух лет, однако обнаружились важные нюансы. В 19 мес. количество девочек, в речи которых есть фразы, вдвое превышает количество мальчиков, и различия статистически значимы; в 20 мес. мальчики догоняют девочек. В дальнейшем девочки все время немного опережают, но значимость отмечена только в 23 мес. Дети, результаты которых относятся к медиане, соединяют слова в предложения: 1) в 20 мес. — девочки, 2) около 22 мес. — мальчики. Группы риска по комбинированию слов в высказывание в гендерном отношении отличаются: значительная темповая задержка (дети 5-ого перцентиля) отмечается у мальчиков в 25 мес., у девочек в 23 мес., а после 27 мес. почти все мальчики и девочки конструируют фразы. Сопоставление результатов русскоязычных детей с результатами детей, говорящих на нескольких других языках (по данным научной литературы), подтвердило мнение о типичности возраста появления двусинтаксемных предложений. Полученные для русского языка результаты валидны, надежны и имеют ценность не только при осуществлении научных исследований становления речи, но и в практике диагностики речевого развития.

Библиографический список

1. *Цейтлин С.Н.* Лингвистические этюды. СПб: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2013.
2. *Bloom L.* One Word at a Time: the Use of Single Word Utterances before Syntax. The Hague; Paris: Mouton Publishers, 1973. <https://doi.org/10.7916/D8H995NS>
3. *Ахутина Т.В.* Исследования порождения и восприятия речи в отечественной психолингвистике // Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021): коллективная монография. М.: Институт языкознания–ММА, 2021. С. 423–435.
4. *Цейтлин С.Н.* Язык и ребенок. Освоение ребенком родного языка. М.: Владос, 2021.
5. *Елисеева М.Б.* Становление индивидуальной языковой системы ребенка: ранние этапы. Монография. М.: Языки славянских культур, 2015.
6. *Гвоздев А.Н.* Вопросы изучения детской речи. М.: ДЕТСТВО-ПРЕСС, 2007.
7. *Еливанова В.А.* Синтаксическая продуктивность высказывания как показатель перехода от этапа однословных высказываний к этапу двусловных высказываний // Коррекционная педагогика: Единое образовательное пространство: Сборник научно-метод. трудов. СПб.: Изд-во Рос. гос. пед. ун-та, 2003. С. 40–44.
8. *Brown R., Fraser C.* The Acquisition of Syntax // C.N. Cofer & B.S. Musgrave (Eds.). Verbal behavior and learning: Problems and processes. McGraw-Hill Book Company. P. 158–209. <https://doi.org/10.1037/11178-005>
9. *Елисеева М.Б.* Двухкомпонентные и многокомпонентные высказывания в ранней детской речи: типичное и индивидуальное // Проблемы онтолингвистики — 2022: речевой мир ребенка (универсальные механизмы и индивидуальные процессы): Материалы ежегодной международной научной конференции, Санкт-Петербург, 19–21 апреля 2022 года. СПб: ВВМ, 2022. С. 85–91.
10. *Berk S., Lillo-Martin D.* The two-word stage: motivated by linguistic or cognitive constraints? // *Cogn Psychol.* 2012. № 65(1). P. 118–40. <https://doi.org/10.1016/j.cogpsych.2012.02.002>

11. Жукова Н.С., Мاستюкова Е.М., Филичева Т.Б. Преодоление общего недоразвития речи у дошкольников. М.: Просвещение, 1990.
12. Елисеева М.Б. Развитие речи ребенка: взгляд лингвиста // Логопед. 2005. № 4. С. 18–28.
13. Елисеева М.Б. Нормы речевого развития: анализ научных трудов и дневника А.Н. Гвоздева в сопоставлении с современными данными // Русский язык в школе. 2022. № 83(2). С. 7–11. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-2-7-11>
14. Mayor J. & Mani N. A short version of the MacArthur–Bates Communicative Development Inventories with high validity // Behav Res. 2019. № (51). P. 2248–2255. <https://doi.org/10.3758/s13428-018-1146-0>
15. Елисеева М.Б., Вершинина Е.А., Рыскина В.Л. Макатуровский опросник: русская версия. Оценка речевого и коммуникативного развития детей раннего возраста. Нормы развития. Образцы анализа. Комментарии. Иваново: ЛИСТОС, 2021.
16. Fenson L., Marchman V.A., Thal D.J., Dale P., Reznick J.S., Bates E. MacArthur-Bates Communicative Development Inventories: user's guide and technical manual. Baltimore-London-Sydney, 2007.
17. Елисеева М.Б., Вершинина Е.А. Умеет ли ребенок отвечать на вопросы? (По материалам анализа Макатуровских опросников и case study) // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2018. № 189. С. 28–43.
18. Елисеева М.Б., Вершинина Е.А. Нормы усвоения грамматических категорий мальчиками и девочками раннего возраста (по данным Макатуровского опросника) // Специальное образование. 2020. № 1(57). С. 120–135. <https://doi.org/10.26170/sp20-01-09>
19. Frank M.C., Braginsky M., Yurovsk D., Marchman V.A. Variability and Consistency in Early Language Learning: The Wordbank Project. Cambridge, MA: MIT Press. 2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://langcog.github.io/wordbank-book> (дата обращения: 04.06.2023).

References

1. Cejtin, S.N. (2013). *Linguistic studies*. Saint-Petersburg: RGPU n.a. A.I. Gercen publ. (In Russ.).
2. Bloom, L. (1973). *One Word at a Time: the Use of Single Word Utterances before Syntax*. The Hague; Paris: Mouton Publishers. <https://doi.org/10.7916/D8H995NS>
3. Ahutina, T.V. (2021). Studies of the generation and perception of speech in Russian psycholinguistics. In: *Russian psycholinguistics: results and prospects (1966–2021): Collective monograph*. Moscow: Institute of Linguistics. pp. 423–435. (In Russ.).
4. Cejtin, S.N. (2021). *Language and child. Acquisition of native language by child*. Moscow: Vldos. (In Russ.).
5. Eliseeva, M.B. (2015). *Formation of an Individual Language System of a Child: Early Stages: Monograph*. Moscow: Languages of Slavic Culture. (In Russ.).
6. Gvozdev, A.N. (2007). *Questions of studying of child speech*. Moscow: DETSTVO-PRESS. (In Russ.).
7. Elivanova, V.A. (2003). Syntactic productivity of an utterance as an indicator of the transition from the stage of one-word utterances to the stage of two-word utterances. In: *Correctional Pedagogy: Unified Educational Space: Collection of Scientific Methods. Proceedings*. Saint-Petersburg: RGPU n.a. A.I. Gercen publ. (In Russ.).
8. Brown, R. & Fraser, C. (1963). The Acquisition of Syntax. In: C.N. Cofer & B.S. Musgrave (eds.) *Verbal behavior and learning: Problems and processes*. McGraw-Hill Book Company. pp. 158–209. <https://doi.org/10.1037/11178-005>
9. Eliseeva, M.B. (2022). Two-word and multi-word utterances in early child speech: typical and individual. *Problemy ontolingvistiki — 2022: rechevoj mir rebenka (universal'nye mekhanizmy i individual'nye processy): Materialy ezhegodnoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 19–21 aprelya 2022 goda*. Saint-Petersburg: VVM. pp. 85–91. (In Russ.).

10. Berk, S. & Lillo-Martin, D. (2012). The two-word stage: motivated by linguistic or cognitive constraints? *Cogn. Psychol.*, 65(1), 118–140. <https://doi.org/10.1016/j.cogpsych.2012.02.002/2012>
11. Zhukova, N.S., Mastjukova, E.M. & Filicheva, T.B. (1990). *Overcoming general speech undevelopment in preschool children*. Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.).
12. Eliseeva, M.B. (2005). The development of a child's speech: a linguist's point of view. *Logoped*, 4, 18–28. (In Russ.).
13. Eliseeva, M.B. (2022). Speech development norms according to the diary and research works by A.N. Gvozdev's and modern data. *Russian language at school*, 83(2), 7–11. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-2-7-11> (In Russ.).
14. Mayor, J. & Mani, N. (2019). A short version of the MacArthur–Bates Communicative Development Inventories with high validity. *Behav. Res.*, 51, 2248–2255. <https://doi.org/10.3758/s13428-018-1146-0>
15. Eliseeva, M.B., Vershinina, E.A. & Ryskina, V.L. (2021). *MacArthur CDI: Russian version. Evaluation of the speech and communication development of young children. Development standards. Analysis samples. Comments*. Ivanovo: LISTOS. (In Russ.).
16. Fenson, L., Marchman, V.A., Thal, D.J., Dale, P., Reznick, J.S. & Bates, E. (2007). *MacArthur-Bates Communicative Development Inventories: user's guide and technical manual*. Baltimor-London-Sydney.
17. Eliseeva, M.B. & Vershinina, E.A. (2018). Can a child respond to questions? (based on the analysis of macarthur questionnaires and case study). *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 189, 28–43. (In Russ.).
18. Eliseeva, M.B. & Vershinina, E.A. (2020). Norms of grammatical categories acquisition by boys and girls at an early age (based on Macarthur questionnaire). *Special Education*, 1(57), 120–135. <https://doi.org/10.26170/sp20-01-09> (In Russ.).
19. Frank, M.C., Braginsky, M., Yurovsky, D. & Marchman, V.A. (2021). *Variability and Consistency in Early Language Learning: The Wordbank Project*. Cambridge, MA: MIT Press. URL: <https://langcog.github.io/wordbank-book> (accessed: 04.06.2023).

Сведения об авторах:

Елисеева Марина Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой языкового и литературного образования ребенка, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (191186, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48); *e-mail*: melyseeva@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0564-668X.

Вершинина Елена Андреевна, старший научный сотрудник, Институт физиологии им. И.П. Павлова РАН (199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, д.6); *e-mail*: ver_elen@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8873-4409.

Information about the authors:

Marina B. Eliseeva, PhD, the Head of the Department of Children's Language and Literary Education Herzen State Pedagogical University of Russia (48, Moika Embankment, St. Petersburg, Russian Federation, 191186); *e-mail*: melyseeva@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0564-668X.

Elena A. Vershinina, Senior Researcher, Pavlov Institute of Physiology of the Russian Academy of Sciences (6, Makarova Embankment, St. Petersburg, Russian Federation, 199034); *e-mail*: ver_elen@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8873-4409.

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-4-1067-1090

EDN: DJUNKM

УДК 81'233'234-053.2

Научная статья / Research article

Особенности овладения жанровым репертуаром устного дискурса у детей 4–6 лет с первичным недоразвитием речи и их сверстников с нормой развития

А.Н. Корнев¹ , И. Балчюниене² , А.А. Вишонкина¹¹ Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет, *Санкт-Петербург, Российская Федерация*² Университет Витовта Великого, *Каунас, Литва* k1949@yandex.ru

Аннотация. Уже первые голофразы, которые ребенок использует в коммуникации, знаменуют начало освоения устного дискурса. Многообразные типологии жанров укладываются в две группы: опирающиеся на внешние по отношению к тексту критерии (функционально-прагматические, социально-прагматические) и опирающиеся на определенные текстологические характеристики дискурса. Овладение устным дискурсом означает и освоение жанровых форм. У детей с первичным недоразвитием устной речи, как правило, отмечаются трудности и в порождении текстов дискурса. Закономерности овладения устным дискурсом у таких детей изучены еще слабо. Особенно мало таких данных о русскоговорящих детях. Целью настоящего исследования было изучение динамики овладения разными жанрами устного дискурса (нарративом, описанием, экспозиторным дискурсом и инструкцией) у детей дошкольного возраста с первичным недоразвитием речи сравнительно с их сверстниками с нормой развития. Для создания у испытуемых ситуации естественного общения и вызывания персонального дискурса была разработана экспериментальная авторская «Методика инсценировки разговора со сверстником». В исследовании участвовали 20 детей 4–5 лет с первичным тотальным недоразвитием речи и 12 сверстников с нормой развития речи. Все дети были исследованы трижды с интервалом 3–4 месяца. Каждый срез включал 3 встречи-сессии. Полученный корпус устных текстов персонального дискурса был транскрибирован, аннотирован и подвергнут лингвостатистическому дистрибутивному анализу пассажей дискурса разных жанров. Кроме того, нарративные тексты оценивались с точки зрения сформированности нарративной структуры текста. В результате статистического анализа были выявлены достоверные межгрупповые различия по показателям распределения нарративных и экспозиторных пассажей и по показателям сформированности структуры нарратива. Обнаружены особенности динамики жанровых характеристик дискурса, отличающие детей с первичным недоразвитием речи от детей с нормой развития.

© Корнев А.Н., Балчюниене И., Вишонкина А.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: дискурс, нарратив, жанр, нарушение речевого развития

Финансирование. Благодарности:

Исследование поддержано грантом РФФИ № 18-18-00114.

История статьи:

Дата поступления: 01.07.2023

Дата приема в печать: 15.09.2023

Для цитирования:

Корнев А.Н., Балчюниене И., Вишонкина А.А. Особенности овладения жанровым репертуаром устного дискурса у детей 4–6 лет с первичным недоразвитием речи и их сверстников с нормой развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 1067–1090. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1067-1090>

Acquisition Specifics of Genre Repertoire of Personal Discourse in 4-6-Year-Old Children with Developmental Language Disorder and Typically Developing Peers

Aleksandr N. Kornev¹ , Ingrida Balčiūnienė² , Anastasia A. Vishonkina¹

¹Saint Petersburg State Pediatric Medical University, Saint Petersburg, Russian Federation,

²Vytautas Magnus University, Kaunas, Lithuania

 k1949@yandex.ru

Abstract. The first holophrases of a child's speech mark the beginning of the development of oral discourse. Various typologies of genres fall mainly into two groups: those that are based on the external criteria (functional-pragmatic, social-pragmatic) towards the text, and those that are based on certain textual traits of the text. Mastering oral discourse also means mastering its genre forms. Children with primary developmental language disorder usually face difficulties in generating discourse text. Their oral discourse acquisition processes are not well studied yet; information regarding Russian-speaking children is particularly lacking. The aim of this paper is to discuss the dynamics of mastering various genres (narrative, description, expository discourse, and instruction) of oral discourse of preschool children with primary developmental language disorder compared with their typically developing peers. To design a situation of natural communication for the subjects and to elicit their personal discourse, an experimental methodology of Simulating a Conversation with a Peer was developed. The study involved 20 children aged 4–5 years with primary developmental language disorder and 12 typically developing peers. All children were assessed three times with an interval of 3–4 months; each wave of assessment included three meetings. The developed corpus of oral personal discourse was transcribed, annotated morphologically, and submitted to linguo-statistical distributive analysis of discourse passages. In addition, narrative texts were evaluated in terms of the elaboration level of the narrative structure. Statistical analysis evidenced significant between-group differences in the distribution of narrative and expository passages and in the elaboration level of the narrative structure. Dynamic characteristics distinguishing children with primary developmental language disorder from typically developing children were revealed.

Keywords: discourse, narrative, genre, developmental language disorder

Financing. Acknowledgements:

The study was supported by a PHP grant № 18-18-00114.

Article history:

Received: 01.07.2023

Accepted: 15.09.2023

For citation:

Kornev, A.N., Balčiūnienė, Ingrida & Vishonkina, A.A. (2023). Acquisition Specifics of Genre Repertoire of Personal Discourse in 4-6-Year-Old Children with Developmental Language Disorder and Typically Developing Peers. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(4), 1067–1090. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1067-1090>

Введение

Жанр как предмет исследования в возрастной психолингвистике.

Не будет преувеличением сказать, что развитие речи — это прежде всего овладение устным дискурсом. С психолингвистической точки зрения уже первые голофразы, которые ребенок использует в коммуникации, знаменуют начало этого процесса [1]. Современные знания о психолингвистических механизмах порождения речи позволяют утверждать, что развитие речи — это прежде всего овладение детьми комплексом декларативных и процедурных знаний [2; 3].

Процедурные знания и навыки, составляющие основу устного дискурса, представлены:

- а) навыками порождения высказываний (планирования и структурирования высказываний);
- б) навыками речепроизводства (т.е. реализации высказываний в звуковой форме);
- в) навыками коммуникативной интеракции и стратегиями речевой коммуникации (т.е. протодиалога и диалога [4; 5], ситуативно-делового, внеситуативно-делового и внеситуативно-личностного общения [6], вопросно-ответного диалога [5; 7];
- г) навыками организации дискурса [8].

Первые три группы процедурных знаний изучены и освещены (не всегда именно под этим названием) в научных публикациях более или менее подробно [5; 9–12]. Про формирование у детей навыков порождения текстов и организации устного дискурса в его разных жанровых формах этого сказать нельзя. Эта сфера развития детей часто остается в тени и изучена еще недостаточно. В особенности это касается **процедурного ее аспекта**, который изучен значительно слабее, чем декларативные знания о языке, получаемые ребенком от взрослых. Если декларативные знания ребенок приобретает

в процессе эксплицитного обучения (в семье и/или в образовательных учреждениях), осознанно и в вербализованной форме, то процедурные знания являются результатом имплицитного научения [2]. Основой имплицитного научения является практический опыт [13]. Известно, что у некоторой части детской популяции (7–15 %) имплицитное научение процедурным знаниям в области языка и речи происходит существенно медленнее и менее успешно [14; 15]. В особенности это касается навыков порождения устного дискурса, представленного текстами, превышающими одиночные высказывания [16]. Трудности у них в разной степени проявляются в порождении текстов разных жанров [16; 17].

Как известно, дискурс может выражаться в разных жанровых формах [18–22]. Нельзя не отметить, что термин «жанр дискурса» используется в обширной лингвистической и филологической литературе различно. Как полагает В.В. Дементьев, не существует единой общепринятой классификации речевых жанров [21]. Многообразные типологии можно объединить в две группы:

- 1) опирающиеся на внешние по отношению к тексту критерии (функционально-прагматические или социально-прагматические);
- 2) опирающиеся на определенные структурно-семантические текстологические характеристики [20; 22; 23].

К первой группе можно отнести, например, большинство исследований в русле генристики [19; 21]. Ко второй группе относятся корпусные исследования, в которых предметом анализа являются структурные особенности дискурсивных текстов [22–24]. В исследованиях формирования устного дискурса у детей это направление представлено работами А. Applebee [25], А. McCabe [26], в которых рассматриваются такие доступные детям жанры, как бытовой разговор, нарратив, описание, рассуждение, инструкция и др. Нередко аналогичные термины используются для наименования макрожанров [27; 28], простых речевых жанров [29] или функционально-смысловых типов текста (речи) [30; 31]. Последние чаще применяются для композиционного анализа литературных текстов.

Понятие «жанр дискурса» сложилось в филологических и текстологических исследованиях, посвященных анализу письменных текстов как уже готовых продуктов. Однако в изучении формирования устного дискурса сам процесс порождения и овладения навыками порождения устного текста представляют самостоятельный интерес. Для того чтобы научиться создавать тексты разных жанровых форм, детям необходимо овладеть соответствующими знаниями и навыками производства текстов разной жанровой принадлежности. Это сопряжено с разными когнитивными и языковыми требованиями, возникающими в связи со структурными и функциональными характеристиками. Например, в нарративном тексте важна хронологическая последовательность событий, причинно-следственные

и временные связи, а в описательном тексте это не имеет такого значения, там важнее отношения между описательными или категориальными концептами. Иными словами, жанр дискурса накладывает отпечаток на процессуальные особенности его порождения [3]. Таким образом, в данном контексте под «жанром устного дискурса» мы будем подразумевать порождение текстов, имеющих общие структурно-семантические свойства.

Представляя устный дискурс как социально детерминированную форму коммуникативно-речевой деятельности, мы рассматриваем его как совокупность навыков, которые дети осваивают, подражая взрослым. Соответственно, раньше начинает проявляться то, что чаще употребляемо в языковом окружении ребенка и актуально с практической (в понимании ребенка) точки зрения. В связи с этим в нашем исследовании мы ограничились теми жанрами, которые встречаются в детской речи достаточно рано.

Существующие корпусные исследования устного детского дискурса свидетельствуют, что наиболее регулярно встречаются бытовой разговор, персональный («personal narrative») и вымышленный («fictional story») нарратив, описание («description»), рассуждение («argumentation») и инструкция («receipt») [25]. Рассуждение иногда рассматривают как часть так называемого экспозиторного («expository») жанра, который включает еще разъяснения фактов, пояснения, уточнения, перечисления [32–34]. Однако существующие описания экспозиторного дискурса относятся преимущественно к текстам функционального стиля в рамках институционального дискурса у детей школьного возраста и подростков. Про детей дошкольного возраста опубликованных материалов существенно меньше.

Некоторые авторы предпочитают разделять эту совокупность на экспланаторные («explanatory») и аргументативные [35]. Нельзя не отметить, что анализ описаний соответствующей феноменологии дискурса свидетельствует о значительной доле условности проведения таких границ, особенно в дошкольном возрасте, где большинство жанровых характеристик еще неустойчивы и лишь начинают оформляться (более подробно см. обзор [36]).

Есть основания предполагать, что навыки порождения текстов разного жанра не совпадают по когнитивной сложности [37]. С точки зрения когнитивной и процессуальной организации, например, бытовой разговор в форме диалога существенно проще, чем персональный нарратив в форме монолога или монодиалога.

Современные знания о формировании устного дискурса позволяют утверждать, что одновременно несколько **внешних детерминант** могут влиять на то, как рано дети осваивают навыки порождения текстов того или иного жанра [26; 38; 39]. Среди них первостепенными являются:

а) частота, представленность жанра в речевой коммуникации взрослых,

- б) когнитивная сложность жанровых текстов с точки зрения их порождения,
- в) языковая (особенно — синтаксическая) сложность жанровых текстов с точки зрения их порождения,
- г) когнитивная сложность семантического содержания жанровых текстов [26; 40; 41].

Внутренние детерминанты представляют собой когнитивный ресурс ребенка, включающий психофизиологические, когнитивные и языковые предпосылки речевой деятельности [8; 42–45].

Первая из внешних детерминант (частота, представленность жанра в речевой коммуникации взрослых) является основным источником движения вперед, а все остальные, взаимодействуя с внутренними детерминантами, создают для ребенка более или менее выраженные ограничения [25; 35; 45; 46]. Например, рассуждение как жанр предполагает способность к построению умозаключений, владению контекстно независимыми формами речевого общения, которые появляются у детей только в старшем дошкольном возрасте и продолжают формироваться на протяжении школьных лет жизни [6; 47].

Материалы корпусных исследований устного дискурса у детей свидетельствуют о существовании определенной последовательности в освоении разных жанров [46]. Если уже в 3–4 года дети способны создавать упрощенные формы персонального и вымышленного нарратива, то описательные и экспозиторные тексты обнаруживаются у них преимущественно в 8–14 лет [26; 32; 48; 49].

Феноменология возрастных особенностей устного дискурса у русскоговорящих детей изучена недостаточно [3; 16; 19; 32; 50–53]. Относительно много сведений о лексико-грамматических особенностях речи детей разного возраста представлено в русле онтолингвистики [9–12; 54]. Существуют немногочисленные исследования устного дискурса у подростков [55]. И совсем мало сведений о ранних этапах овладения дискурсом, феноменологии и закономерностях овладения разными его жанровыми формами [3; 16; 36; 53].

Отдельные наблюдения свидетельствуют, что цельные однородные по жанровому составу тексты в устном дискурсе почти не встречаются [20; 23; 56–58]. Обычно естественные формы дискурса состоят из пассажей, относящихся к разным жанровым категориям, т.е. имеют мозаичную структуру [20; 23]. Таким образом, более адекватным для сравнительно-возрастного исследования является дистрибутивный анализ детских текстов с точки зрения частоты встречаемости жанровых пассажей, который и был использован в нашем исследовании. В качестве теоретической модели овладения дискурсом нами были рассмотрены два возможных варианта: а) модель типа «Куст» и б) модель типа «Дерево». Модель «Куст» предполагает параллельное и независимое освоение ребенком основных

жанров дискурса (повседневный разговор, нарратив, описание, рассуждение, инструкция и др.). Модель «Дерево» предполагает, что ребенок сначала осваивает наиболее частотные, востребованные и когнитивно простые жанры: персональный дискурс, представленный сначала бытовым разговором в форме диалога, а позже — персональным нарративом [57]. Остальные жанры — экспозиторный, описательный, инструктивный — дети, по-видимому, осваивают позже. В качестве рабочей гипотезы было выдвинуто предположение, что уровень компетентности владения устным дискурсом выражается у детей в объеме процедурных жанровых знаний порождения и понимания дискурса, которыми они более или менее часто пользуются в спонтанном общении.

Известно, что у детей с отклоняющимся развитием речи отмечается дефицит как декларативных, так и процедурных знаний, вызванный неполноценностью определенных механизмов и предпосылок [45]. Поэтому сравнение возрастных показателей освоения устного дискурса у детей с нормой развития и их сверстников может помочь в анализе механизмов освоения устного дискурса. В логопедии наиболее подробно описаны недостатки усвоения «языковых средств», т.е. комплекса декларативных знаний. Менее изучены процедурные дефициты, особенно в сфере дискурсивных навыков. Современная многомерная психолингвистическая модель функциональной системы языка и речи (далее — ФСЯР) [45] включает не только блок программирования высказываний, но и блок операционального обеспечения, дефицит которого может препятствовать полноценному формированию навыка порождения текстов дискурса. Другой, семиотический, блок связан с декларативными знаниями о языке (языковые единицы и некоторые правила их согласования, которые ребенок приобретает и использует осознанно). В традициях логопедической терминологии обсуждается неполноценность т.н. «связной речи» (речевая продукция, превышающая высказывание) или «текстовой компетенции» [59; 60]. То, что некоторые авторы в логопедии называют неопределенным термином «текстовая компетенция», по существу обозначает то, что является совокупностью процедурных знаний и навыков, которые ребенок усваивает, когда учится строить устный дискурс (например, персональный нарратив). Малоизученным остается вопрос том, каковы особенности формирования устного дискурса у детей с тотальным первичным недоразвитием речи.

Серьезной методологической проблемой является способ получения у детей речевой продукции. Персональный дискурс предполагает добровольную спонтанную или почти спонтанную речевую коммуникацию, желательно со сверстником. В связи с этим в корпусных исследованиях предпринимались попытки моделирования ситуаций, приближенных к естественным, провоцирующих у ребенка воспоминания о событиях

из личной жизни [61]. В нашем исследовании подобная модель была несколько модифицирована и был введен игровой элемент разговора от имени кукол-сверстников ребенка (более подробно см. в разделе «Материалы и методы»).

Материалы и методы

Испытуемые. Для проведения лонгитюдного исследования были сформированы две группы испытуемых: первую составляли 20 детей с первичным недоразвитием речи («параалалической формой тотального недоразвития речи» по [45], далее — ПТНР), вторую — 12 сверстников с нормой развития (далее — НР). Невербальный интеллект испытуемых обеих групп соответствовал норме. Возраст испытуемых в начале исследования был 4;0–4;5 года (табл. 1). Все дети исследовались трижды с интервалом примерно 4 месяца (осень — весна — осень).⁹

Таблица 1 / Table 1

Характеристика испытуемых / Characteristics of the sample

Параметры/ parameters	ПТНР*/ PTF — primary underdevelopment of speech	НР**/ NP — norm of development
Возраст (1 срез)/ Age (1 wave)	4;0–4;5 года	
Возраст (2 срез)/ Age (2 wave)	4;5–5;0 лет	
Возраст (3 срез)/ Age (3 wave)	5;0–5;5 лет	
Невербальный интеллект***/ Nonverbal intelligence***	≥ 17 б.	
Речевое развитие/ Speech development	Первичное тотальное недоразвитие речи (параалалическая форма по [45]) / Primary total underdevelopment of speech (paraalal form [45])	Норма
Родной язык/ Mother tongue	Русский, монолингвы/ Russian, monolingual	
Место проживания/ Place of residence	г. Санкт-Петербург/ St. Petersburg	

** ПТНР — первичное недоразвитие речи («параалалическая форма тотального недоразвития речи» по [45]) ./ PTF — primary underdevelopment of speech («paraalal form of total underdevelopment of speech» by [45]);

** НР — норма развития / NP - norm of development;

*** по методике ЦПМР, детский вариант [45] / by method of CPI, children's version [45].

Источник: здесь и далее — исследование автора / Source: here and further — author's research.

Все дети посещали государственные дошкольные образовательные учреждения. Испытуемые с ПТНР посещали коррекционный детский сад для детей с недоразвитием речи, имели подтвержденный ПМПК диагноз «тяжелое недоразвитие речи» и весь период исследования находились в процессе коррекционной работы, за исключением летних каникул.

Критерии включения для испытуемых с ПТНР: тяжелое недоразвитие речи, проявлявшееся в экспрессивной речи в многочисленных ошибках в фонологической сфере, бедном словарном запасе, многочисленных аграмматизмах и наличии возможности продуцировать фразовую речь, норма невербального интеллекта. Критерии исключения: нарушения понимания речи, отсутствие фразовой речи, снижение невербального интеллекта, наличие признаков нарушений слуха.

Критерии исключения для испытуемых группы нормы: отставание в речевом развитии, снижение интеллекта, нарушения слуха.

Материалы и процедура обследования. Для получения текстов персонального дискурса с помощью авторской «Методики инсценировки разговора со сверстником» — МИРС [57; 58] создавалась экспериментальная ситуация, имитировавшая разговор сверстников. Использовались две тряпичные куклы (15 см высотой) без каких-либо признаков половой принадлежности, с минимальной выразительностью лица. В ходе индивидуального исследования ребенку предлагалось вести разговор от лица первой куклы, а экспериментатор инсценировал разговор от лица второй куклы. В начале обследования взрослый сообщал ребенку: «К нам с тобой сегодня пришли гости. А [имя первой куклы, совпадающее с именем испытуемого] и Б [имя второй куклы, того же пола, что у испытуемого]». Достав кукол, первую взрослый давал ребенку, а вторую брал себе. Далее взрослый продолжал разговор: «Ты знаешь, Б приехал из другого города, посмотреть наш город. Ему скучно одному, хочется познакомиться с детками, поговорить с кем-нибудь. Он гулял-гулял — и встретил А. Ему/ей тоже 4 года, как тебе». Далее взрослый начинал инсценировку от лица куклы Б. Для вызывания (elicitation) персонального дискурса мы использовали прием разговорного мэппинга [61], эффект которого основан на том, что ребенок (и даже взрослый) с большей охотой рассказывает свою историю, если перед этим экспериментатор рассказал ему одну-две своих истории. Поэтому экспериментатор (от лица куклы Б) сначала рассказывал короткую историю. Например: «Вот однажды мы с мамой пошли в магазин покупать мне новое платье. Мы пришли в магазин. Там было столько всего интересного! Мне сразу захотелось, чтобы мама купила мне много новых вещей. А мама не соглашалась почему-то. И сказала, что у нее нет столько денег. Но одну очень интересную вещь все-таки купила!». Затем предлагал сделать то же испытуемому. В процессе порождения ребенком персонального нарратива реплики куклы Б были нейтральными (восклицания,

междометия, филлеры, частичные повторы реплик испытуемого ребенка), не содержащими вопросов или направляющих реплик.

В каждом срезе с каждым испытуемым проводились три такие встречи (в разные дни, с предложением разных тем персонального нарратива).

Обработка данных. Фонограммы речевой продукции были транскрибированы в формате «Codes for the Human Analysis of Transcripts» — СНАТ [63] в соответствии с общепринятым международным стандартом. Орфографическую транскрипцию сопровождала морфологическая и дискурсивная разметка.

Анализируемые параметры. В связи с тем, что нас интересовала жанровая и композиционная структура дискурса, для анализа были отобраны тексты, превышающие одно высказывание, обладавшие относительной смысловой завершенностью и доступные жанровой атрибуции. В ходе экспертного анализа текстов двумя независимыми экспертами производилось выделение пассажей и их жанровая атрибуция. В соответствии с данными литературы о жанрах, встречающихся у детей дошкольного возраста, выделялись пассажи следующих жанров: нарративные (1), дескриптивные (2), экспозиторные (3) и инструктивные (4).

(1) *Когда я ходила на фигурное катание ... ммм ... мы с мамой поехали туда на елку. И мы там катались, показывали Деду Морозу и Снегурочке всякие ... ммм ... то, что мы умеем делать на льду. И мне подарили такую собачку, на серебряных коньках.* (девочка, 5 л., НР)

(2) *И там были огромные, вот такие вот горки. Такие крутые ... ну ... такие были. Они были ... ммм ... большие. Не очень так ... большие. Ну ... были огромные. И там они были просто большие.* (мальчик, 5 л. 7 мес., НР, рассказывает про аквапарк)

(3) *У нас всегда почему-то на даче крысы. Потому, что, наверное, у нас сарай там. И мы там готовим всегда шашлык. Наверное, они чувствуют запах и приходят к дому.* (девочка, 5 л., 9 мес., НР)

(4) *Надо перейти через ... ммм ... переходный переход. А потом идти через дорожки.* (мальчик, 4 г. 1 мес., НР, объясняет, как пройти в парк аттракционов)

Речевой материал устного персонального дискурса, отобранного для данного исследования, составляет 697 пассажей (табл. 2.).

Пассажи нарративного жанра дополнительно оценивались с точки зрения сформированности структурных компонентов нарратива. Для этого нами использовалась рубрикация «High Point Analysis» [26], отражающая степень зрелости персонального нарратива:

А (one-event narrative) — персональный нарратив, включающий только одно событие;

В (two-event narrative) — персональный нарратив, включающий два события;

C (miscellaneous narrative) — персональный нарратив, состоящий из более чем двух событий; временные и каузальные связи отсутствуют;

D (leapfrog narrative) — персональный нарратив, включающий не упорядоченные во времени события; отсутствуют каузальные связи; могут быть пропущенные важные события;

E (chronological narrative) — персональный нарратив, состоящий из перечисления событий в хронологическом порядке; отсутствуют каузальные связи и оценка событий;

F (end-at-the-high-point narrative) — персональный нарратив, состоящий из перечисления и оценки событий; подводит события к кульминации, но затем внезапно обрывается; отсутствует развязка.

G (classic narrative) — классический персональный нарратив: завершённый, ориентирующий слушателя, с кем, что, когда и где что-то произошло; подводит события к кульминации и потом к ее развязке.

Таблица 2/ Table 2

**Объем речевого материала (3 среза) /
The size of the data (3 waves of assessment)**

Жанр персонального дискурса/ Genre of personal discourse	ПТНР*			НР*		
	Число пассажей/ Number of passages	Число высказываний/ Number of utterances	Число слов/ Number of words	Число пассажей/ Number of passages	Число высказываний/ Number of utterances	Число слов/ Number of words
Нарратив/ Narrative	122	379	1708	208	1129	5812
Описание/ Description	25	62	266	30	92	390
Экспозиторный текст/ Expository text	140	373	1317	153	658	3472
Инструкция/ Instruction manual	7	23	106	12	44	222
Сумма/ Amount	294	837	3397	403	1923	9896

* ПТНР — первичное тотальное недоразвитие речи («параалалическая форма ПТНР по [39]). / PTF— primary total underdevelopment of speech («paraalal form of PTF by [39]);

** НР — норма развития / НР - norm of development.

Результаты и обсуждение

Анализ поведения в процессе исследования показал, что созданная нами модель вызывания персонального дискурса оправдала ожидания в обеих группах. Ситуация инсценировки общения с куклой-сверстником принималась большинством детей. Об этом свидетельствовали такие показатели, как манера поведения, стиль общения и интонация испытуемых, характерные для общения со сверстниками. У большинства детей происходила идентификация себя с куклой-сверстником — тезкой, а партнер кукла-сверстник воспринимался как условно реальный, как бы замещающий взрослого. Во втором и третьем срезах ребенок воспринимал куклу-партнера как старого знакомого, иногда продолжая тему, начатую 3 мес. назад.

В соответствии с парадигмой исследования и полуструктурированным вызыванием текстов продолжительность каждой сессии и ее реальный сценарий зависели не только от запланированной структуры эксперимента, но и от коммуникативно-речевой активности испытуемого, и от предпочитаемого им типа устного дискурса. В обеих группах базовой формой речевой интеракции был бытовой разговор в форме диалога с короткими репликами испытуемого, который мог составлять от 50 до 100 % полученного материала. У детей с ПТНР доминирование бытового разговора происходило чаще и было более выражено. От первого к третьему срезам в обеих группах отмечалась общая тенденция возрастания доли бытового разговора.

Структурный анализ полученных текстов показал, что в группе нормы практически в каждой сессии у всех детей удалось получить персональный нарратив с текстом, превышающим по объему одно высказывание. В группе с ПТНР у ряда детей удалось получить лишь короткие реплики в диалоге, не превышающие 1 высказывание. В первом срезе таких детей было 48 %, во втором — 24 % и в третьем — 29 %. При этом лишь у одного ребенка не удалось получить тексты ни в одном срезе, и он был исключен из анализа. Большинство полученных текстов дискурса имели мозаичный жанровый состав. Дистрибутивный анализ распределения пассажей четырех жанров показал, что в общих чертах картина распределения совпадала в обеих группах во всех трех срезах (рис. 1, 2). Однако в первом и втором срезах вероятность появления нарративных пассажей была достоверно выше в группе нормы, а экспозиторных пассажей, наоборот, — выше в группе детей с ПТНР (табл. 3). В третьем срезе достоверных различий в распределении пассажей не было.

Сопоставительный межгрупповой анализ распределения нарративных пассажей, соответствующих разным типам зрелости по [26], показал, что дети с ПТНР достоверно чаще использовали незрелые формы нарративных текстов (типы А и В), а дети с нормой развития — тексты,

содержащие несколько событий, расположенных в правильном порядке (типы D и E) (Табл. 4, Рис. 3, 4). Во всех трех срезах дети с нормой развития достоверно реже использовали короткие тексты с одним событием.

Таблица 3 / Table 3

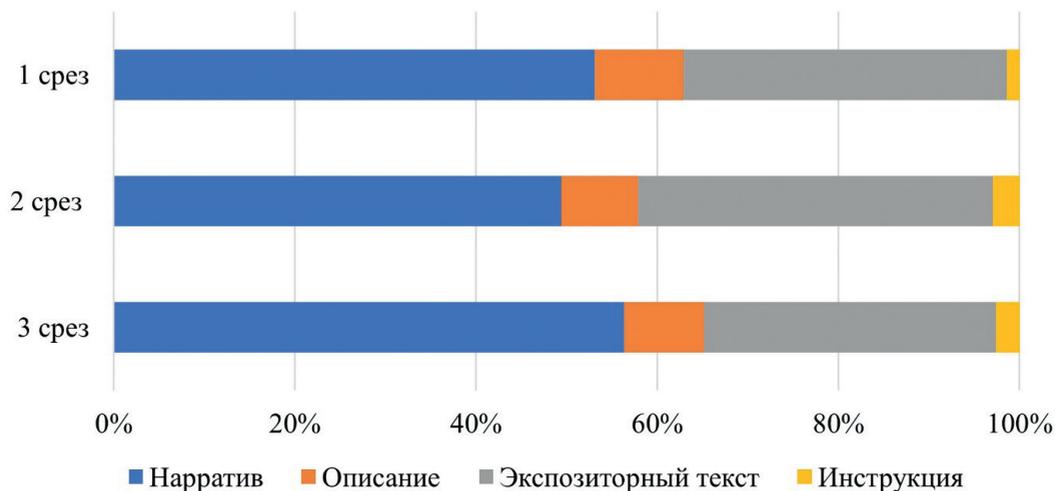
Динамика распределения в трех срезах пассажей разных жанров в персональном дискурсе у детей с ПТНР и с нормой развития / Dynamics of distribution of different genres of personal discourse in the DLD and typically developing children within three waves of assessment

Жанр пассажа / Passage	P*		Критерий Хи-квадрат с поправкой на правдоподобие / Хи-square criterion with likelihood adjustment	Уровень значимости / Level of significance
	ПТНР**	НР***		
Срез 1 / 1 wave				
Нарратив / Narrative	0,40	0,63	10,097	0,002
Описание / Description	0,08	0,10	0,298	0,586
Экспозиторный текст / Expository text	0,50	0,23	14,689	<0,001
Инструкция / Instruction manual	0,02	0,04	0,341	0,560
Срез 2 / 2 wave				
Нарратив / Narrative	0,42	0,56	3,929	0,048
Описание / Description	0,09	0,07	0,186	0,667
Экспозиторный текст / Expository text	0,49	0,35	13,154	<0,001
Инструкция / Instruction manual	0,01	0,03	0,921	0,338
Срез 3 / 3 wave				
Нарратив / Narrative	0,45	0,45	0,009	0,925
Описание / Description	0,09	0,45	0,486	0,486
Экспозиторный текст / Expository text	0,42	0,45	0,284	0,595
Инструкция / Instruction manual	0,05	0,03	0,466	0,495

* P — вероятность (доля) для пассажа данного жанра / P — probability (share) for the passage of the genre;

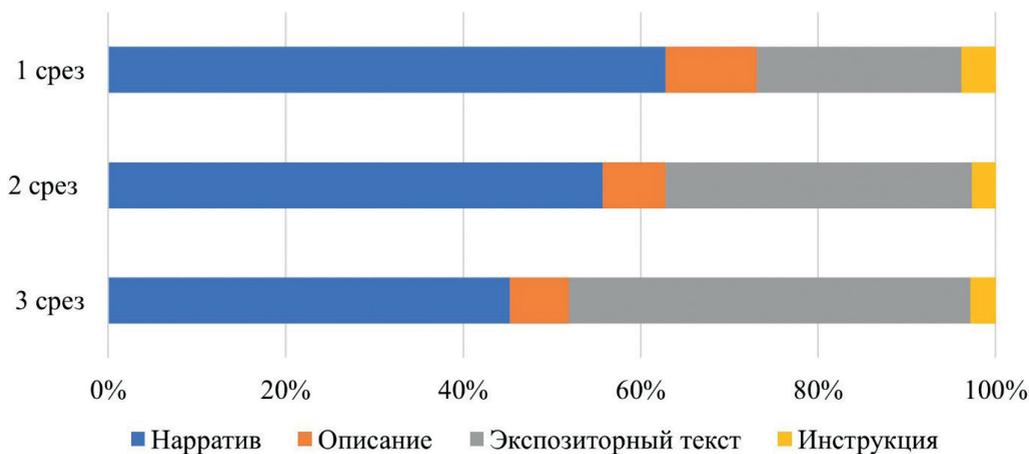
** ПТНР — первичное тотальное недоразвитие речи («параалалическая форма ПТНР по [45]) / ** PTF — primary total underdevelopment of speech («paraalal form of PTF by [45]);

*** НР — норма развития / ***NR — norm of development.

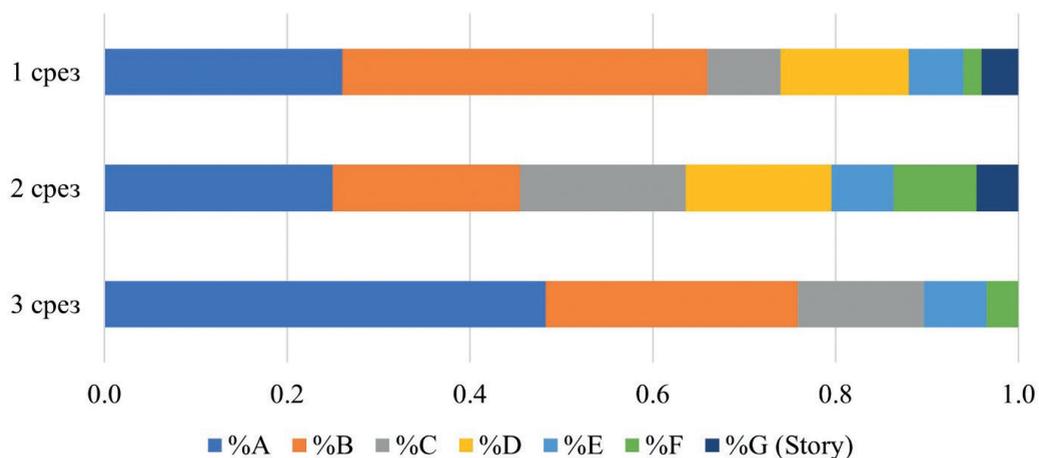

Рис. 1. Динамика распределения пассажей разных жанров в персональном дискурсе детей с ПТНР
Источник: здесь и далее — исследование автора.

Fig. 1. Dynamics of distribution of different genres of personal discourse in DLD children
Source: Here and Further — author's research.

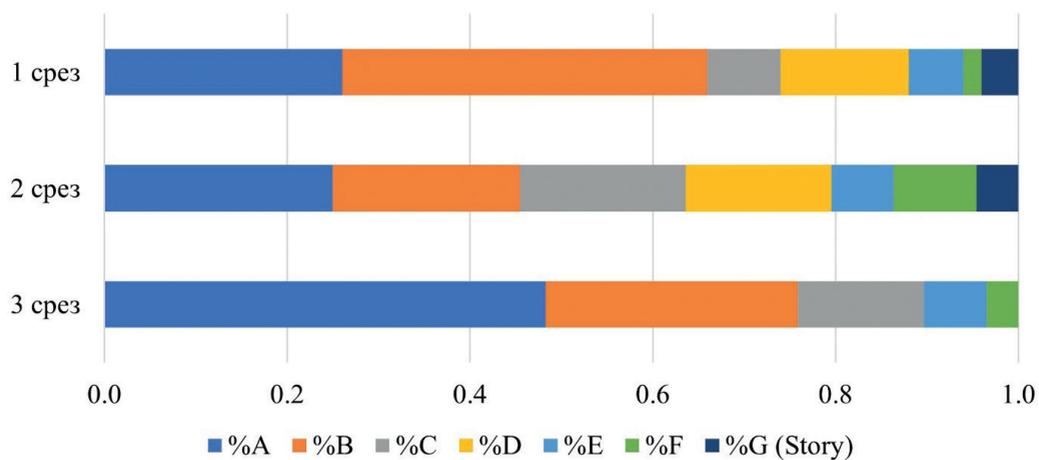

Рис. 2. Динамика распределения пассажей разных жанров в персональном дискурсе детей с нормой развития
Fig. 2. Dynamics of distribution of different genres of personal discourse in typically developing children

Рис. 3. Динамика распределения разных по зрелости нарративов (А–Г) в персональном дискурсе детей с ПТНР

Fig. 3. Dynamics of distribution of personal narratives with different level of elaboration (A-G) in the children with DLD

Рис. 4. Динамика распределения разных по зрелости нарративов (А–Г) в персональном дискурсе детей с нормой развития

Fig. 4. Dynamics of distribution of personal narratives with different level of elaboration (A-G) in typically developing children

Таблица 4/ Table 4

**Динамика распределения нарративных текстов разного типа зрелости
в группе детей с ПТНР и группе нормы развития в трех срезах /
Dynamics of distribution of personal narratives with different levels of elaboration
in the DLD and typically developing children within three waves of assessment**

Тип нарративного текста/ Narrative text type	P*		Критерий Хи-квадрат с поправкой на правдоподобие/ Chi-square criterion with likelihood adjustment	Уровень значимости/ Level of significance
	ПТНР**	НР***		
Срез 1/ 1 wave				
A	0,26	0,06	7,961	0,005
B	0,40	0,24	2,993	0,084
C	0,08	0,00	1,089	0,297
D	0,14	0,22	1,096	0,296
E	0,06	0,35	13,344	<0,001
F	0,02	0,04	0,350	0,554
G	0,04	0,08	0,723	0,396
Срез 2/ 2 wave				
A	0,25	0,19	0,539	0,463
B	0,20	0,27	0,609	0,436
C	0,18	0,08	2,504	0,114
D	0,16	0,11	0,517	0,472
E	0,07	0,22	5,043	0,025
F	0,09	0,06	0,277	0,599
G	0,05	0,06	0,163	0,687
Срез 3 / 3 wave				
A	0,48	0,25	5,328	0,021
B	0,28	0,29	0,032	0,859
C	0,14	0,05	2,269	0,132
D	0,00	0,10	1,513	0,219
E	0,07	0,25	5,447	0,020
F	0,03	0,02	0,183	0,670
G	0,00	0,03	0,013	0,911

* P — вероятность (доля) для пассажа данного жанра;

** ПТНР — первичное тотальное недоразвитие речи («параалалическая форма ПТНР по [45]);

*** НР — норма развития.

Обсуждение

По удачному выражению R.A. Berman и D.I. Slobin, « [...] с первых месяцев жизни ребенок стремится стать полноценным «носителем языка» и «умелым пользователем языка» [64]. Стать полноценным носителем языка значит научиться бегло и правильно говорить в соответствии с многочисленными правилами фонологии, лексики и грамматики. Стать умелым пользователем языка значит овладеть набором стратегий создания и использования связанных, логически упорядоченных текстов в соответствии с правилами и традициями культурной среды, общества, в котором живешь. Последнее означает владение необходимым набором дискурсивных практик. Частью таких практик являются навыки порождения связного дискурса, умения строить и адекватно применять тексты определенного жанра в соответствии с целями и задачами речевой коммуникации, ее содержанием и особенностями социальной и коммуникативной ситуации. Результаты нашего исследования показали, что процесс овладения навыками планирования и реализации устного дискурса у детей 4–6 лет внутренне организован в соответствии с определенными закономерностями. Внешними ориентирами для выявления этих закономерностей являются дистрибутивные характеристики: распределение текстов (пассажей) разной жанровой принадлежности в устном дискурсе. Предметом анализа в нашем исследовании были тексты персонального дискурса (та их часть, которая по объему превышает одно высказывание, имеет хотя бы минимальную смысловую завершенность и позволяет атрибутировать жанровую принадлежность). Остальное было представлено короткими репликами диалога. Следует отметить, что полученные нами результаты анализа текстов персонального нарратива у детей с ПТНР отражают речевую продукцию тех, у кого удалось получить тексты, превышающие односложные диалогические реплики. Как показал анализ, число таких детей существенно уменьшилось во втором и третьем срезах. Это нельзя рассматривать как показатель роста способности к порождению дискурса, так как в разных срезах и сессиях успешность одних и тех же детей менялась. Но сам факт такой нестабильности навыка порождения текстов персонального дискурса, вероятно, вызван несформированностью соответствующих навыков и трудностями в порождении даже развернутых высказываний, а не только текстов [45].

Как показал дистрибутивный анализ, наибольшую долю составили нарративные и экспозиторные пассажи. Суммарно они составляли около 90 % всех пассажей как в группе нормы, так и у детей с ПТНР. Следует отметить, что данный, ранний, вариант экспозиторного дискурса, обнаруженный нами у дошкольников, является существенно упрощенной версией того, что дети осваивают в школьном и подростковом возрасте [32; 33]. Полученные нами данные были получены впервые, что затрудняет сопоставление с материалами других авторов. Интересно отметить, что ряд авторов рассматривает нарративный и экспозиторный жанры как макрожанры [27]. Такими известными

учеными, как J.S. Bruner [65] и К. Nelson [46], высказывалось заслуживающее внимания мнение, что эти два типа дискурса можно соотнести с двумя формами мышления: а) «нарративным мышлением» (narrative mind [65] или storied mind [46]) и б) «парадигмальным мышлением» (paradigmatic mind) [46; 65]. Это отчасти объясняет такую значительную представленность этих двух жанров в социуме и в дискурсе наших испытуемых. Тот факт, что в группе ПТНР доля нарративных пассажей была меньше, чем у здоровых сверстников, позволяет предположить, что требования, которые предъявляет ребенку планирование и порождение персонального нарратива (обеспечение когерентности, соблюдение логики причинно-следственных связей), превышают их ресурсные возможности и ограничивают частоту использования. Напротив, доля экспозиторных пассажей у них была выше, чем у благополучных сверстников. Это позволяет заключить, что когнитивная сложность экспозиторного дискурса ниже, чем нарративного.

У детей с нормой развития отмечалась достоверная динамика в распределении нарративных и экспозиторных пассажей: в третьем срезе сравнительно с первым доля первых уменьшилась, а доля вторых — возросла. Это означает, что более близкое знакомство с персонажем означает большую непринужденность, т.е. изменение регистра коммуникации, что, в свою очередь, влияет на некоторые показатели дискурса [3]. В группе детей с ПТНР достоверной динамики в распределении пассажей разных жанров не было обнаружено. Это позволяет предположить, что, несмотря на существенные ограничения в механизмах и навыках порождения речи [45], детям с ПТНР доступно порождение дискурса и они используют его в речевой коммуникации. При этом возрастные изменения жанрового репертуара у них отличались от детей группы нормы.

Статистический анализ распределения текстов персонального нарратива разной степени зрелости выявил достоверные межгрупповые различия, выражавшиеся в преобладании у детей с ПТНР упрощенных, элементарных форм нарративного текста с одним-двумя эпизодами (нарративы А и В согласно рубрикации [26]). В группе нормы достоверно чаще встречались тексты с тремя и более эпизодами с правильной временной организацией (нарративы Е согласно рубрикации [26]). Можно предполагать, что эти различия обусловлены неполноценностью тех же механизмов порождения речи и когнитивных ресурсов, дефицит которых лежит в основе недоразвития речи [45]. Планирование текста дискурса является комплексным, многозадачным процессом. И чем более развернутым, структурированным является текст, тем более ресурсоемкой является эта задача для ребенка. В условиях дефицита ресурсов дети с ПТНР используют тактику компромисса и неосознанно упрощают свои тексты и высказывания до уровня своих ресурсных возможностей [16; 53; 66].

На протяжении одного года исследования существенного прогресса в навыках порождения персонального нарратива и структурных характеристиках текста в обеих группах не было обнаружено. В группе детей с ПТНР

отмечалась даже тенденция к некоторому упрощению структурных форм нарративного текста во втором и третьем срезах. Мы связываем это со снижением эффекта новизны самой процедуры для детей и переходу на более простые формы дискурса: бытовой разговор, болтовня [19] и элементарные нарративные структуры.

Особого внимания заслуживает выявленный у детей с ПТНР своеобразный регресс в распределении разных по зрелости форм нарратива, произошедший в третьем срезе. Он выразился в росте доли элементарной формы нарратива (типа А и В) и сокращении доли относительно зрелых его форм (типа F и G). Мы связываем его с тем фактом, что интервал между срезами 2 и 3 совпал с летним отдыхом детей, во время которого нередко происходит регресс недостаточно полноценно усвоенных знаний и навыков, особенно у детей с отклонениями в развитии [67; 68].

Заключение

Формирование устного дискурса — это для ребенка значимый, но трудоемкий и длительный процесс. Устный дискурс — это гибкая система навыков порождения текстов разного жанра. При наличии функционально слабых когнитивных или языковых ресурсов дети, как показало наше исследование, отстают не только в освоении языковых средств, но и в усвоении навыков порождения дискурсивных текстов некоторых самых востребованных жанров. Однако в целом жанровый репертуар у них существенно не отличался от сверстников с нормой развития. Дистрибутивный сопоставительный анализ жанрового репертуара коммуникативного поведения показал, что и дети с недоразвитием экспрессивной речи остаются достаточно сенситивными к социально-прагматическим регуляторам, которые задает культурно ориентированный социум. Однако такой структурно непростой жанр, как персональный нарратив, осваивается ими медленнее. Это обстоятельство следует учитывать в организации коррекционно-развивающей работы.

Библиографический список / References

1. Halliday, M.A.K. (1975). *Learning How to Mean — Explorations in the Development of Language*. London: Edward Arnold Ltd.
2. Zalevskaja, A.A. (1999). *Introduction to Psycholinguistics*. Moscow: RGGU. (In Russ.). Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М: РГГУ, 1999.
3. Kornev, A.N. & Balčiūnienė, I. (2022). Acquisition of discourse at 4–5 years of age: Functional dynamic analysis of the impact of genre and register on the Part-of-Speech Profile. *Experimental Psychology (Russia)*, 15(1), 160–176. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150110> (In Russ.). Корнев А.Н., Балчиюниене И. Формирование устного дискурса у детей 4–5 лет: функционально-динамический анализ влияния жанра и регистра на грамматический частотный профиль // Экспериментальная психология. 2022. № 15(1). С. 160–176. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150110>

4. Isenina, E.I. (1987). The early period of language acquisition: questions and hypotheses. *Issues in Psychology*, 2, 104–113. (In Russ.).
Исенина Е.И. Начальный период развития речи у детей: проблемы и гипотезы // Вопросы психологии. 1987. № 2. С. 104–113.
5. Kazakovskaya, V.V. (2006). *Question-answer Units in a Dialogue 'Adult-child'*. Saint-Petersburg: Nauka. (In Russ.).
Казакoвская В.В. Вопросо-ответные единства в диалоге «взрослый-ребенок» / Отв. ред. А.В. Бондарко, М.Д. Воейкова. СПб.: Наука, 2006.
6. Lisina, M.I. (1974). Child's communication with an adult as a behavior. In: *Communication and Impact on the Mental Development in the Preschoolers*. Moscow. (In Russ.).
Лисина М.И. Общение ребенка со взрослым как деятельность // Общение и его влияние на развитие психики дошкольника. М., 1974.
7. Sonnenschein, S. & Whitehurst, G.J. (1984). Developing referential communication: A hierarchy of skills. *Child Development*, 55(5), 1936–1945. <https://doi.org/10.2307/1129940>
8. Mar, R.A. (2004). The neuropsychology of narrative: Story comprehension, story production and their interrelation. *Neuropsychologia*, 42(10), 1414–1434.
9. Ceytlin, S.N. (Ed.) (2000). *Child Speech: The Early Stages*. Saint-Petersburg: RGPU n.a. A.I. Gertsen publ. (In Russ.).
Цейтлин С.Н. (отв. ред.) Речь ребенка: ранние этапы. Труды постоянно действующего семинара по онтолингвистике. Выпуск первый. СПб.: Изд-во РГПУ, 2000.
10. Ceytlin, S.N. (2009). *Papers on Derivation in Child Language*. Moscow: Znak. (In Russ.).
Цейтлин С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009.
11. Voejkova, M.D. (2015). *Acquisition of Nominatives: The Early Stages of Russian Nominative Morphology Acquisition*. Moscow: Languages of Slavonic Culture. (In Russ.).
Воейкова М.Д. Становление имени: ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. М.: Языки славянских культур, 2015.
12. Eliseeva, M.B. (2014). *Development of the Individual System of Language*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. (In Russ.).
Елисеева М.Б. Становление индивидуальной языковой системы ребенка. М.: Языки славянской культуры, 2014.
13. Williams, J. & Rebuschat, P. (2022). Implicit learning and second language acquisition. In: *The Routledge Handbook of Second Language Acquisition and Psycholinguistics*. Evanston, IL: Routledge. pp. 281–293. <https://doi.org/10.4324/9781003018872-27>
14. Ahufinger, N., Ferinu, L., Sanz-Torrent, M., Andreu, L. & Evans, J.L. (2022). Statistical word learning in Catalan–Spanish and English-speaking children with and without developmental language disorder. *International Journal of Language & Communication Disorders*, 57(1), 42–62. <https://doi.org/10.1111/1460-6984.12673>
15. Gillis, J.U., Gul, A., Fox, A., Parikh, A. & Arbel, Y. (2022). Artificial grammar learning in children with developmental language disorder. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*, 65(1), 292–302. https://doi.org/10.1044/2021_jslhr-21-00050
16. Kornev, A.N. & Balčiūnienė, I. (2023). Impact of the genre of oral discourse on the distribution of lexical and grammatical errors in 6-year-olds with primary speech underdevelopment. *Specialnoe obrazovanie = Special Education*, 1(60), 90–103. https://doi.org/10.26170/1999-6993_2023_01_08 (In Russ.).
Корнев А.Н., Балчиюниене И. Влияние жанра устного дискурса на распределение лексических и грамматических ошибок у детей 6 лет с первичным недоразвитием речи // Специальное образование. 2023. № 1(60). С. 90–103. <https://doi.org/10.26170/1999-6993>
17. Bliss, L.S. & McCabe, A. (2008). Personal narratives. Cultural differences and clinical implications. *Topics in Language Disorders*, 28(2), 162–177. https://doi.org/10.5149/9780807869581_weld.6

18. Bakhtin, M.M. (1986). *The aesthetics of verbal creativity*. Moscow: Isskustvo. (In Russ.).
Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
19. Sedov, K.F. (2004). *Discourse and personality*. Moscow: Labirint. (In Russ.).
Седов К.Ф. Дискурс и личность. М.: Лабиринт, 2004.
20. Kibrik, A.A. (2009). Mode, genre, and other parameters for discourse classification. *Voprosy Jazykoznanija*, 2009, 2, 3–21. (In Russ.).
Кибрик, А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 3–21.
21. Dementyev, V.V. (2010). *The Theory of Speech Genres*. Moscow: Znak. (In Russ.).
Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010.
22. Biber, D., Egbert, J., Kelle, D. & Wizner, S. (2021). Towards a taxonomy of conversational discourse types: An empirical corpus-based analysis. *Journal of Pragmatics*, 171, 20–35. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2020.09.018>
23. Longacre, R.E. (1996). *The Grammar of Discourse*. Berlin: Springer Science & Business Media. <https://doi.org/10.1007/978-1-4899-0162-0>
24. Quasthoff, U., Heller, V. & Morek, M. (2017). On the sequential organization and genre-orientation of discourse units in interaction: An analytic framework. *Discourse Studies*, 19(1), 84–110. <https://doi.org/10.1177/14614456166683>
25. Applebee, A. (1978). *The Child's Concept of the Story: Ages two to Seventeen*. Chicago: The Chicago University Press.
26. Bliss, L.S. & McCabe, A. (2006). Comparison of discourse genres: Clinical implications. *Contemporary Issues in Communication Science and Disorders*, 33, 126–137. https://doi.org/10.1044/cicsd_33_f_126
27. Grabe, W. (2002). Narrative and expository macro-genres. In: *Genre in the Classroom: Multiple Perspectives*. Abingdon: pp. 249–267. <https://doi.org/10.4324/9781410604262-23>
28. Asgarabadi, Y.H., Rouhi, A. & Jafarigohar, M. (2015). Learners' gender, reading comprehension, and reading strategies in descriptive and narrative macro-genres. *Theory and Practice in Language Studies*, 5(12), 2557–2564. <https://doi.org/10.17507/tpls.0512.17>
29. Konjgov, V.I. & Neupokoeva, O.V. (2011). *Functional Types of Speech*. Moscow: Academia. (In Russ.).
Коньков В.И., Неупокоева О.В. Функциональные типы речи. М.: Академия, 2011.
30. Nechaeva, O.A. (1974). *Functional-Semantic Types of Speech: Description, Exposition, Narration*. Ulan-Ude: Burjatskoe kn. izd-vo. (In Russ.).
Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи: описание, рассуждение, повествование. Улан-Уде: Бурятское кн. изд-во, 1974.
31. Rogova, K.A. (Ed.) (2017). *Functional-Semantic Items of the Speech: Typology, Prior Models, and Principles for Extraction*. Saint-Petersburg: Zlatoust. (In Russ.).
Функционально-смысловые единицы речи: типология, исходные модели и принципы развертывания (под общей ред. К.А. Роговой). СПб.: Златоуст, 2017.
32. Berman, R.A. & Nir-Sagiv, B. (2007). Comparing narrative and expository text construction across adolescence: A developmental paradox. *Discourse Processes*, 43(2), 79–120. <https://doi.org/10.1080/01638530709336894>
33. Lundine, J.P. & McCauley, R.J. (2016). A tutorial on expository discourse: Structure, development, and disorders in children and adolescents. *American Journal of Speech-Language Pathology*, 25(3), 306–320. https://doi.org/10.1044/2016_ajslp-14-0130
34. Lundine, J.P. (2020). Assessing expository discourse abilities across elementary, middle, and high school. *Topics in Language Disorders*, 40(2), 149–165. <https://doi.org/10.1097/tld.0000000000000211>
35. Blum-Kulka, S., Hamo, M. & Habib, T. (2010). Explanations in naturally occurring peer talk: Conversational emergence and function, thematic scope, and contribution to the development of discursive skills. *First Language*, 30 (3–4), 440–460. <https://doi.org/10.1177/0142723710370528>

36. Balčiūnienė, I. & Kornev, A.N. (2021). Discourse acquisition along with the early and preschool age. *Pediatrician (St. Petersburg)*, 12(5), 85–95. <https://doi.org/10.17816/PED12585-95> (In Russ.).
Балчиюниене И., Корнев А.Н. Формирование дискурсивных навыков у детей раннего и дошкольного возраста // Педиатр. 2021. № 12(5). С. 85–95. <https://doi.org/10.17816/PED12585-95>
37. Berman, R.A. & Katzenberger, I. (2004). Form and function in introducing narrative and expository texts: A developmental perspective. *Discourse Processes*, 38(1), 57–94. <https://doi.org/10.1207/s15326950dp3801>
38. Szaflarski, J.P., Altaye, M., Rajagopal, A., Eaton, K., Meng, X., Plante, E. & Holland, S.K. (2012). A 10-year longitudinal fMRI study of narrative comprehension in children and adolescents. *Neuroimage*, 63(3), 1188–1195. <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2012.08.049>
39. Nelson, K.E. & Khan, K.S. (2019). New frontiers in facilitating narrative skills in children and adolescents. *Narrative, Literacy and Other Skills: Studies in Intervention*, 1, 73–200. <https://doi.org/10.1075/sin.25.09nel>
40. Gillam, R.B., Pena, E.D. & Miller, L. (1999). Dynamic assessment of narrative and expository discourse. *Topics in Language Disorders*, 20(1), 33–47. <https://doi.org/10.1097/00011363-199911000-00005>
41. Eisenberg, S.L., Ukrainetz, T.A., Hsu, J.R., Kaderavek, J.N., Justice, L.M. & Gillam, R.B. (2008). Noun phrase elaboration in children’s spoken stories. *Language, Speech, and Hearing Services in Schools*, 39, 145–157. [https://doi.org/10.1044/0161-1461\(2008/014\)](https://doi.org/10.1044/0161-1461(2008/014))
42. Zhinkin, N.I. (2005). Psychological characteristics of spontaneous speech. *Foreign Languages at School*, 4, 136–144. (In Russ.).
Жинкин Н.И. Психологические особенности спонтанной речи // Иностранные языки в школе. 2005. № 4. С. 136–144.
43. Gorelov, I.N. (2003). *Selected Papers in Psycholinguistics*. Moscow: Labirint. (In Russ.).
Горелов И.Н. Избранные труды по психолингвистике. М.: Лабиринт, 2003.
44. Bates, E., Thal, D., Finlay, B.L. & Clancy, B. (2002). Early language development and its neural correlates. In: Boller F., Segalowitz S.J., Rapin I. (eds.). *Handbook of Neuropsychology*. Amsterdam: Elsevier. pp. 109–176.
45. Kornev, A.N. (2006). *Handbook on Child Logopathology: Clinical and Psychological Perspectives*. Saint-Petersburg: Rechj. (In Russ.).
Корнев А.Н. Основы логопатологии детского возраста: клинические и психологические аспекты. СПб.: Речь, 2006.
46. Nelson, K. (1998). *Language in Cognitive Development: The Emergence of the Mediated Mind*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/cbo9781139174619>
47. Vygotsky, L.S. (2019). *Thought and Language*. Saint-Petersburg: Piter. (In Russ.).
Выготский Л.С. Речь и мышление. СПб.: Питер, 2019.
48. Felton, M. & Kuhn, D. (2001). The development of argumentative discourse skill. *Discourse Processes*, 32 (2–3), 135–153. <https://doi.org/10.1207/s15326950dp3202&3>
49. Griffin, T.M., Hemphill, L., Camp, L. & Wolf, D.P. (2004). Oral discourse in the preschool years and later literacy skills. *First Language*, 24(2), 123–147. <https://doi.org/10.1177/0142723704042369>
50. Yurieva, N.M. (2013). Oral narrative in child language (Materials of the experiment). *Journal of Psycholinguistics*, 18, 114–120. (In Russ.).
Юрьева Н.М. Устное повествование в детской речи (по материалам эксперимента) // Вопросы психолингвистики. 2013. № 18. С. 114–120.
51. Lemyaskina, N.A. (2012). Speech genres in language consciousness of younger pupils. *Journal of Psycholinguistics*, 16, 150–155. (In Russ.).
Лемьякина Н.А. Речевые жанры в языковом сознании младшего школьника // Вопросы психолингвистики. 2012. № 16. С. 150–155.

52. Koshscheeva, O.V. (2012). *Acquisition of Communicative Competence from the Perspective of Speech Genre* [dissertation]. Saratov: SGU im. Chernyshevskogo publ. (In Russ.).
Кошечева О.В. Речежанровый аспект становления коммуникативной компетенции в онтогенезе: дисс. ... на соиск. уч. ст. к. филол. наук. Саратов: СГУ им. Н.Г. Чернышевского, 2012.
53. Kornev, A.N. & Balčiūnienė, I. (2021). Development of genre variability of oral personal discourse in 4–6-year-old children: longitudinal study. *Psycholinguistic Research in Verbal Behavior*, 19, 60–71. (In Russ.).
Корнев А.Н., Балчиюниене И. Формирование жанрового репертуара устного персонального дискурса у детей 4–6 лет: лонгитюдное исследование // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2021. № 19. С. 60–71. <https://doi.org/10.26170/2411-5827>
54. Dobrova, G.R. (2018). *Different ways of Child Language Acquisition*. Moscow: Languages of Slavonic Culture. (In Russ.).
Доброва Г.Р. Вариативность речевого развития детей. М.: Языки славянских культур, 2018.
55. Kibrik, A.A. & Podlesskaya, V.I. (Eds.). (2009). *Night Dream Stories: A Corpus Study of Spoken Russian Discourse*. Moscow: Languages of Slavonic Culture. (In Russ.).
Кибрик А.А., Подлеская В.И. (Ред.). Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур, 2009.
56. Graesser, A.C. & Goodman, Sh.M. (1985). Implicit knowledge, question answering, and the representation of expository text. In: B.K. Britton, J.B. Black (eds.). *Understanding Expository Text. A Theoretical and Practical Handbook for Analyzing Explanatory Text*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315099958-5>
57. Balčiūnienė, I. & Kornev, A.N. (2019). Spoken discourse in the 4-5-year ages: Piloting the new method for corpus data collecting. In: *The 8th Interdisciplinary Seminar 'Analysis of the Spoken Russian' (AR3-2019)*. Saint-Petersburg: SPbGU publ. pp. 31–38. (In Russ.).
Балчиюниене И., Корнев А.Н. Особенности устного дискурса у детей 4–5 лет: апробация нового метода получения корпусных данных // Восьмой междисциплинарный семинар «Анализ разговорной русской речи» (AR3-2019). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2019. С. 31–38.
58. Kornev, A.N., Balčiūnienė, I. & Nikolaeva, Yu.L. (2019). New methodology for oral discourse elicitation in 4-5-year-old children: Characteristics of personal discourse in the dialogue 'child-doll'. *Medicine: Theory and Practice*, 4, 272–273. (In Russ.).
Корнев А.Н., Балчиюниене И., Николаева Ю.Л. Новый метод вызывания устного дискурса у детей 4–5 лет. Особенности персонального дискурса в диалоге ребенок-кукла // Медицина: теория и практика. 2019. № 4. С. 272–273.
59. Gribova, O.E. (2016). Formation of text comprehension competence in students with general speech underdevelopment (understanding factual information): stages and peculiarities. *Special Education*, 2, 15–25. (In Russ.).
Грибова О.Е. Становление текстовой компетенции у обучающихся с общим недоразвитием речи (аспект понимания фактуальной информации текста): этапы и закономерности // Специальное образование. 2016. № 2. С. 15–25.
60. Glukhov, V.P. (2017). *Methodology for Intervention of Connected Speech in Preschool Children with Developmental Language Disorder*. Moscow: MGPU publ. (In Russ.).
Глухов В.П. Методика формирования связной речи детей дошкольного возраста с системным речевым недоразвитием. М.: МПГУ, 2017.
61. McCabe, A. & Rollins, P.R. (1994). Assessment of preschool narrative skills. *American Journal of Speech-Language Pathology*, 3, 45–56. <https://doi.org/10.1044/1058-0360.0301.45>
62. Raven, J., Raven, J.K. & Court, J. (2007). *Manual for Raven's Progressive Matrices*. Moscow. (In Russ.).
Равен Дж., Равен Дж.К., Корт Дж. Руководство для Прогрессивных Матриц Равена. М., 2007.
63. MacWhinney, B. (2000). *The CHILDES Project: Tools for Analyzing Talk*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates.

64. Berman, R.A. & Slobin, D.I. (eds.) (1994). *Relating Events in Narrative. A Crosslinguistic Developmental Study*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Inc.
65. Bruner, J. (1985). Narrative and paradigmatic modes of thought. *Teachers College Record*, 86(6), 97–115. <https://doi.org/10.1177/016146818508600606>
66. Balčiūnienė, I. & Kornev, A.N. (2023). Linguistic disfluencies in Russian speaking typically and atypically developing children: Individual variability in different contexts. *Clinical Linguistics & Phonetics*. <https://doi.org/10.1080/02699206.2023.2176786>
67. Menard, J. & Wilson, A.M. (2014). Summer learning loss among elementary school children with reading disabilities. *Exceptionality Education International*, 23(1), 72–85. <https://doi.org/10.5206/eei.v23i1.7705>
68. Jaekel, N., Jaekel, J., Fincher, E. & Brown, C.L. (2022). Summer regression — the impact of summer on English learners' reading development. *Frontiers in Education*, 7, 817–284. <https://doi.org/10.3389/educ.2022.817284>

Сведения об авторах:

Корнев Александр Николаевич, кандидат медицинских наук, доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой логопатологии, заведующий лабораторией нейрокогнитивных технологий НИЦ, Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет (194100, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Литовская, 2); *e-mail*: k1949@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6406-1238; Scopus Author ID: 55570221000; ResearcherID: B-6504-2018; Loop profile: 576937; Scopus Author ID: 56982662600.

Балчиюниене Ингрида, PhD, доцент кафедры литовского языка, Университет Витовта Великого (44248, Литва, г. Каунас, ул. К. Донелайчио, д. 58); *e-mail*: ingrimi@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8307-1108; ResearcherID: L-9731-2013; Scopus Author ID: 25642358700; Loop profile: 695172; SciProfiles: 1766725.

Вишонкина Анастасия Андреевна, ассистент кафедры логопатологии, Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет (194100, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Литовская, 2); *e-mail*: nvishonkina@mail.ru

Information about the authors:

Aleksandr N. Kornev, MD, D. Sc. in Psychology, Assoc. Prof., the Head of the Department of Logopathology, the Head of the Laboratory for Neurocognitive Technologies of the Center of Scientific Research, Saint Petersburg State Pediatric Medical University (2, Litovskaya Str., Saint Petersburg, Russian Federation, 194100); *e-mail*: k1949@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6406-1238; Scopus Author ID: 55570221000; ResearcherID: B-6504-2018; Loop profile: 576937; Scopus Author ID: 56982662600.

Ingrida Balčiūnienė, PhD in Linguistics, Assoc. Prof. of the Department of Lithuanian Studies, Vytautas Magnus University (58, Donelaičio Str., Kaunas, Lithuania, 44248); *e-mail*: ingrimi@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8307-1108; ResearcherID: L-9731-2013; Scopus Author ID: 25642358700; Loop profile: 695172; SciProfiles: 1766725.

Anastasia A. Vishonkina, MA in Language therapy, a Senior Lecturer at the Department of Logopathology, Saint Petersburg State Pediatric Medical University (2, Litovskaya Str., Saint Petersburg, Russian Federation, 194100); *e-mail*: nvishonkina@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-4-1091-1106

EDN: DHMCLX

UDC 81'233-053.6:159.922

Research article / Научная статья

Influence of Anxiety on Texts Retelling in Adolescents

Irina V. Privalova , Anna A. Petrova

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation,

 ivprivalova@mail.ru

Abstract. The signs of anxiety in ontogeny have not yet been sufficiently studied, as well as the indicators of anxiety in a certain age group in speech ontogeny. The hypothesis about the influence of schoolchildren's anxiety on the text retelling process is set forth. Examining transcripts of oral retelling evidence that psychological conditions of adolescents affect their speech production. The material for this study was collected according to mass experiments, which were conducted in several secondary schools of the Republic of Tatarstan in 2020–2021. All in all, there were interviewed 458 students of the 5th grade aged from 11 to 12 years. Boys and girls were interviewed in almost equal proportions what allows speaking about gender representativeness. In order to design socio-psychological portraits of the respondents, there have been conducted a number of supplementary tests preceding the main interviews: the general awareness test, the anxiety test, the test on concentration and attention span, the Russian language test. Our research of anxiety of adolescents is based on the Integrative Anxiety Test which followed the Encyclopedia of Psychodiagnostics (ed. D. Raigorodsky). The main target of the experiment is to explore the alterations in the propositional structures integrity in text retelling that may happen as a result of anxiety influence. Having analyzed more than 300 text retellings, we have concluded that psychological factors may affect the mechanisms of information processing and verbalization. There are two types of anxiety manifestations in text retellings in adolescents. First, manifestations of anxiety on the superficial level which is revealed in alterations in the sound and lexical matter. Second, typical are the manifestations of anxiety on the deep level of propositions with complete change of semantic roles, appearance of additional propositional elements or fragmentation of existing propositions.

Keywords: anxiety, text retellings, adolescents, ontogenesis, propositions, semantic roles

Article history:

Received: 23.05.2023

Accepted: 15.09.2023

For citation:

Privalova, I.V. & Petrova, A.A. (2023). Influence of Anxiety on Texts Retelling in Adolescents. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14 (4), 1091–1106. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1091-1106>

© Privalova I.V., Petrova A.A., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Влияние фактора тревожности на пересказ текстов подростками

И.В. Привалова , А.А. Петрова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, *Казань, Российская Федерация*,
 ivptivalova@mail.ru

Аннотация. Признаки тревожности в онтогенезе еще недостаточно изучены. Также малоисследованными остаются такие показатели как индикаторы тревожности в определенной возрастной группе в речевом онтогенезе. Авторами данной статьи выдвинута гипотеза о влиянии фактора тревожности у школьников на процесс пересказа ими учебных текстов. Изучение транскриптов устных пересказов свидетельствует о том, что психологические состояния подростков влияют на процесс речевого производства. Материал для данного исследования был собран в ходе массовых экспериментов, которые проводились в 2020–2021 гг. на базе нескольких общеобразовательных школ Республики Татарстан. Всего было опрошено 458 учащихся 5-х классов в возрасте от 11 до 12 лет, которые нами относятся к младшему подростковому возрасту. Мальчики и девочки были опрошены практически в равных пропорциях, что позволяет говорить о гендерной репрезентативности полученных данных. Для построения социально-психологических портретов респондентов был проведен ряд тестов, предшествующих основному интервью: тест общей осведомленности; тест на тревожность; тест на концентрацию и объем внимания; тест по русскому языку. Наше исследование тревожности у подростков основано на интегративном тесте тревожности, взятом из электронного варианта Энциклопедии психодиагностики под редакцией Д.Я. Райгородского. Основной целью эксперимента является изучение изменений целостности пропозиций при пересказах текстов, которые могут происходить в результате действия фактора тревожности. Проанализировав более 300 пересказов текстов, мы пришли к выводу, что психологические факторы могут влиять на процесс обработки информации и ее дальнейшую вербализацию. Нами были выделены два типа проявлений тревожности при пересказах текстов у детей младшего подросткового возраста. Во-первых, проявления тревожности на поверхностном уровне, которые отмечаются в изменениях звукового и лексического материала. Во-вторых, проявления тревожности на глубинном уровне пропозиций, связанные с полной сменой смысловых ролей, возникновением дополнительных препозиционных элементов или дроблением существующих пропозиций.

Ключевые слова: тревожность, пересказы текста, подростки, онтогенез, пропозиции, семантические роли

История статьи:

Дата поступления: 23.05.2023

Дата приема в печать: 15.09.2023

Для цитирования:

Privalova I.V., Petrova A.A. Influence of Anxiety on Texts Retelling in Adolescents // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 1091–1106. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1091-1106>

Introduction

Text retelling is the process of secondary information production under special conditions of speech functioning. The process of thought “clothing” into verbal matter has not been thoroughly studied yet. There are various hypotheses concerning the ways of thoughts taking shape into the language code. Among

them, the hypothesis of [1] about “the universal subject code” and the hypothesis of [2] about the “syncoping” character of inner speech compared to external speech. Any speech generation model is thought to be a sophisticated cognitive complex. Speech activity development goes hand in hand with subject-cognitive mechanisms development. Logical comprehension of reality contributes to the genesis of speech production skills. Meanwhile, active acknowledgement of the surrounding world refines the ability to clearly and figuratively express one’s thoughts, to describe sensations and emotions. Admittedly, the number of adolescents with inconsistent skills in presenting their own thoughts and in retelling texts is constantly growing. It happens due to the fact that modern adolescents acquire more image information than text information. Failures in subject-cognitive activity do not allow mental images be shaped consistently. (The term “mental image” stands for a set of conceptual and perceptual ideas about the real world). In modern children, the primary introduction to new objects occurs not through visual perception rather through pure visualization. As a result, the balance in the chain ‘mental image — verbal sign — individualized parameters associated with a verbal sign’ gets disturbed. Absence of subject-cognitive activity negatively affects images formation and consolidation of a verbal-nominative complex. All this cannot but negatively influences the ability to retell texts that a teenager has just read.

Text retelling is a consecutive production of utterances that are united by the given topic. There are a number of peculiarities typical to the utterance generation mechanism. For example, speech genres specify the type of an utterance: monologue utterances are not similar to dialogues and friendly conversations are unlike discussions. Messages presented in a written way is more carefully thought out and arranged according to the rules of grammar and syntax. While as oral communication, the rules of syntax are often neglected. In spoken narratives, individual characteristics of a speaker are manifested, such as age, education, social environment, professional occupation, and psychological state. Furthermore, the sound design of spoken narratives is full of segmented units of spontaneous speech: hesitations, pauses, linking words, repetitions in the form of clarifying words, and so on. It is obvious that utterances production in text retellings differs from utterances production in dialogues. Various situations involve different ways of unfolding thoughts into words and a speaker is bound to change strategies of speech behavior depending on the targets.

Apart from the above described characteristic features of text retellings, there are some psychological issues that have to be considered in a more detailed way. At this certain point, one has to dwell upon the importance of the phenomenon of anxiety that comes to fore.

In view with the said above, the **purpose of our research** is to demonstrate how anxiety affects the surface structure of narrations in text retellings by adolescents. However, it is planned to consider the types of deep transformations on the level of key propositions, which also spring up as the result of anxiety.

Our **hypothesis** is that there are two levels on which anxiety effect is revealed. The effect of anxiety can manifest itself in text retellings in adolescents on the superficial level through the choice of particular sound and lexical matter. As well, it can also manifest itself on the deep level and affect the structure of certain propositions.

Methodological Considerations

In our studies, we have put forth the idea about the relationship between anxiety among schoolchildren and the process of text retellings. In broad words, the attempt was made to establish how the psychological condition of adolescents affects speech production.

As far as the term “anxiety” is concerned, there is no scientific disagreement regarding it. Almost all scientists are unanimous about the fact that the word “anxiety” is used to describe different psychological and emotional deviations. Still the degree and severity of these deviations might vary. Tackling the issue of emotions is not easy either since “we can only generalize with caution regarding emotives and emotions because it is not easy to know for sure what members of a specific speech community really feel or want to express” [3. P. 38].

There are scientists who qualify anxiety as mental disorder [4]. The range of anxiety disorders is rather multifarious since it includes panic disorder, agoraphobia, generalized anxiety disorder, specific phobia, social phobia, obsessive-compulsive disorder, acute stress disorder, and post-traumatic stress disorder. Anxiety affects the stability of mood and emotional tone. What is important for us is the fact that anxiety and speech production are closely connected. It is obvious that anxiety may influence thinking and cognitive functions: “The anxiety disorders are the most common mental disorders. It is manifest by disturbances of mood, as well as of thinking, behaviour, and physiological activity” [5. P. 80].

Anxiety is a widespread phenomenon, which popularity is regrettably increasing worldwide. Yuan Xi argues that “anxiety is very common because the social environment is consistently changing and the pace of modern life is soaring. Statistics indicate that there are considerable number of people who are experiencing anxiety all over the world, and the number keeps growing” [6. P. 9]. Anxiety, as social phenomenon, has become a highly demanded issue for research [7–9].

Besides, it is important to distinguish between such phenomena as “anxiety” as mental illness and “anxiety” as psycho-emotional condition. Mental illness is referred to by the medical term “generalized anxiety disorder”. E. Schweizer suggests that generalized anxiety disorder may occur without a co-morbid psychiatric disorder, with a patient experiencing consistent worry over multiple areas of his/her life for at least six months [10. P. 843]. Psychologists compare depression and anxiety and notice some important similarities and discrepancies between them [11; 12]. L.A. Clark and D. Watson assert that “anxiety and depression can be reliably and

validly assessed; moreover, although these disorders share a substantial component of general affective distress, they can be differentiated on the basis of factors specific to each syndrome” [13. P. 316].

Noteworthy, we study anxiety not as a disease or a clinical case rather as the psycho-emotional condition that is recorded in adolescents over a certain period of time (from several minutes to several hours). It manifests itself as a condition of restlessness, agitation, distraction of attention, mild stress. This condition can arise under the influence of certain circumstances — in our case, this may be a new situation, an unusual task, an unfamiliar environment, unknown teachers, etc. Anxiety in schoolchildren can be caused by concern for the result or the desire to do the best job and get the highest score.

Anxiety disorders are not a rare thing among adolescents. It has been found out that more than 20 % of children suffer from emotional health problems. Adolescent anxiety affects daily influences and are risk factors for severe psychiatric disorders in adolescence. Early adolescence happens to be the most sensitive period for anxiety development, and “...some (vulnerability) factors may have a decisive influence on individual’s brain plasticity towards the emergence or exacerbation of anxiety symptoms” [14. P. 528].

Anxiety has proven to be the most common and serious problem for school and college students, especially female students. Interestingly enough, the mild cases of anxiety are more typical to girls, whereas an increasing prevalence of depression has been found among male students during school years. Most scientists agree that it is important to adopt school and collegial policies that reflect gender, social and age differences (see among them: [15; 16]. Jose García-Fernández and his co-authors have arrived to conclusion that there is a correlated three-factor structure related to school situations (Anxiety about Aggression, Anxiety about Social Evaluation, and Anxiety about Academic Failure) and a three-factor structure related to the response systems of anxiety (Physiological Anxiety, Cognitive Anxiety, and Behavioral Anxiety) [17. P. 286]

The topic that has a primary importance for us is anxiety in ontogenesis within a special emphasis on anxiety in a particular age group and in speech ontogenesis. There have been made several attempts to study anxiety, which is revealed in the process of speech formation in ontogenesis. Thus, T.A. Ratanova, E.V. Likhacheva have studied correlation of school anxiety with cognitive peculiarities of junior schoolchildren and have suggested a triple approach to anxiety as 1) a psychological condition; 2) a personality trait; 3) a processes of personal characteristics conditioning [18. P. 39]. They have studied school anxiety in terms of its connection with the cognitive and personal characteristics of primary schoolchildren. 103 schoolchildren of the 4th grade of secondary schools in Komi Republic took part in the experiment. The results of the test have demonstrated the predominance of non-verbal intellectual indicators over verbal-logical ones. In particular, it has been found that anxiety of schoolchildren negatively correlates with indicators

of academic performance and intelligence. More anxious teenagers have lower academic performance and intellectual development than their less anxious classmates. Non-agitated schoolchildren experience less difficulty when completing tasks based on their knowledge, on the ability to operate with numbers and establish the sequence of depicted events. They less successfully cope with tasks requiring analysis, synthesis and on finding out identities-differences. As well, schoolchildren spend a good deal of their time to perform differentiations. It is in correlation with academic performance, with indicators of general, verbal and non-verbal intelligence, and with most of the verbal and non-verbal subtests of the Wechsler test [18. P. 43]. In brief, there were more difficulties in semantic information processing than in sensory-perceptual information processing.

All adolescents that participated in our experiments had an increased level of anxiety and all anxiety factors. With a higher level of anxiety, there is a greater severity of anxiety factors, what indicates the presence of school fears and problems. According to A.M. Prikhozhan, by adolescence, a teenager accumulates a lot of experience in living through agitated emotional conditions. Anxiety becomes a stable personality trait. The analysis of the anxiety dynamics among students throughout schooling makes it possible to identify age-related “peaks of anxiety”, which fall upon 1, 5, 7, 9, and 11 grades [19. P. 102]. As seen, schoolchildren of our control group belong to the “peak of anxiety”.

Objective anxiety assessment tools have been developed, among which the most famous is the DASS test (Depression Anxiety and Stress Scale). The traditional questionnaire contains 46 items, each of which describes a specific negative symptom. Each item is scored on a four-point Likert scale from 0 to 3, where 0 is a symptom not related to the respondent and 3 is a symptom that occurs all the time or most of the time. P.F. Lovibond and S.H. Lovibond did not only design but also refined DASS test in such a way that it became possible to develop self-report anxiety and depression scales that cover the full range of core symptoms of anxiety and depression, meet high psychometric standards, and provide maximum discrimination between several scales [20. P. 335]. Currently, the DASS test is widely used and gets modified based on the specific situations and characteristics of the respondents. On top of that, the number of parameters has become a flexible category and is altered according to the specificity of the scientific target (see in: [21; 22]).

Methods of Research and Material

The **material** for this study was collected in course of mass experiments, which were conducted in several secondary schools of the Republic of Tatarstan in 2020–2021. The participants were school students not only from such a big megapolis like Kazan, but also from the schools located in the near-by rural areas. So, the social representativeness of the respondents was rather high. All in all, there were interviews with 458 students of the 5th grade aged from 11 to 12 years. Boys

and girls were interviewed in almost equal proportions what allows speaking about gender representativeness.

The main **target** of the experiment is to explore the changes in the propositional structures integrity in text retellings that may happen as a result of anxiety influence.

For this purpose, two types of source texts were used. One text was the original taken without any changes from the school textbook. And the second text was a modified version of the original text. Based on the assumption that the psychology of schoolchildren's development and their cognitive-speech skills have not been shaped yet, the original texts were simplified according to the methodology of [23]. Thus, one of the approaches for modification was the substitution of nouns for infinitives: $N \rightarrow V_{Inf}$. For instance: *The animal always performs the same actions necessary for its life: **searching** for food, **pursuing** prey, **preparing** food* $\rightarrow$ *The animal always performs the same actions necessary for its life: it **looks for** food, **pursues** prey, **prepares** food.*

To assess the perception of the original and modified texts, all schoolchildren were divided into two subgroups. Each of the respondents had to read only one version of the text no more than twice and then he/she had to retell it immediately after reading. The assessment of the quality of the reproduced information was made through counting the main propositions and subpropositions in the retellings and their subsequent comparison with the text proposed for reading. The identification of the main propositions and subpropositions was carried out on the basis of the methodology by Ch. Fillmore [24; 25] for the English language. The version of this methodology was developed taking into account the specifics of the Russian language by A. Mustajoki [26], E.V. Kashkin, O.N. Lyashevskaya [27], and further refined by M.I. Solnyshkina, E.V. Martynova, M.I. Andreeva [28].

In order to design socio-psychological portraits of the respondents, there have been conducted a number of tests preceding the main study. Among them were the general awareness test (WISC), the anxiety test, the test for concentration and attention span, the Russian language test. The results of the general awareness test (WISC), test for concentration and attention span and the Russian language test can be called intellectual tests since they reflect the cognitive abilities of the respondents. It is obvious that the cognitive abilities of respondents affect the text retelling skills and minimize the influence of distorting factors, so they cannot be ignored. All participants of our experiments have successfully passed all three the above-mentioned tests. This fact can be treated as an indicator that the schoolchildren's cognitive abilities were at approximately the same level. No significant deviations were recorded. Therefore, we can say that the indicator of the cognitive functions happened to be not so critical for the representativeness of the data obtained. No doubt, it would be interesting to trace the correlation between the proportion of successful test retellings and the assessment of the level

of respondents' cognitive abilities. And this may be the next step forward in our further investigations on speech ontogenesis.

Our research of anxiety in adolescents was based on Integrative Anxiety Test which was taken from the Encyclopedia of Psychodiagnostics¹. There have been worked out a special gradation according to the degree / scale of anxiety (from 0 to 35). Thus, up to 10 were 35 % of all text retellings; from 10 to 20–35 % of retellings; from 20 to 30–23 % of retellings; from 30 and above — up to 7 % of retellings.

A few words should be said about speech ontogeny peculiarities of the adolescents, who have comprised the control group of our respondents. Speech development of the group of our subjects (age 11–12) is characterized by a number of features: “On the phonological level, the formation of the phonetic apparatus and the awareness of articulatory actions are noted. The active individual vocabulary is compiled and it varies from 10,000 to 15,000 units. However, there is a significant discrepancy between the number of actively used lexical units and those of the passive dictionary since many units are understood but are not actively used in speech. There is grammatical patterning and self-correction of “incorrect” grammatical forms. Children at this age have difficulty with correct syntactic constructions, especially word order. The ongoing explains some uniformity, similarity and primitivism of the text derivatives produced by them” [29. P. 138].

I.N. Gorelov and K.F. Sedov argue that while growing up, a child masters a variety of psycholinguistic strategies and tactics for unfolding an idea into speech [30. P. 83]. The older a teenager becomes, the more speech generation models and strategies he or she develops. As adolescents mature and develop their language skills, more diverse speech generation patterns and strategies are likely to emerge. The arsenal of models for generating statements is expanded thanks to the participation in various communicative situations. Speech abilities development is associated with the physiological development of an individual. “Dynamics of the language development fit in the period up to 12 years — the features of individual articulation are eliminated, the correct use of antonyms is mastered, there is an understanding of ambiguous words and idioms that have both concrete and socio-psychological meaning” [31. P. 41].

Results and Discussion

Having analyzed more than 300 text retellings, we have noticed some universal tendencies in anxiety manifestation in the speech of adolescents. All of them can be split into two big groups: 1) manifestations of anxiety on the superficial level that is revealed in the sound and lexical matter; 2) manifestations of anxiety on the deep level of propositions.

---

¹ Integrative Anxiety Test. URL: https://psylab.info/Integrative_Anxiety_Test (accessed: 23.01.2023).

Manifestations of anxiety on the superficial level that is revealed in alterations in the sound and lexical matter

The sample of the text retelling № 1.

(K5P06 T — 31 S — 6 W)² “...*imagine such a scene // animal / bird flies / across the sea and / probably / it it is looking for / food for chicks // that is / it / goes to do work // but is it true/no, this reasoning would be wrong//only a person can work /because the bird does not achieve any of its goals//the bird does the same thing/the animal does the same thing/every day//it gets food/hunts /and/ feeds his chicks//only a person can achieve his goals// and one more/position that makes a person (...) that makes a person work (...) a working person//this is that a person sometimes improves his achievements goals//” (end of retelling)*

In this retelling, one can notice many self-interruptions, attempts of auto-correction, searching for the right word or its replacement, what causes occasional failures. A teenager seems feverishly try to build a sentence at the surface level and structure it according to the purpose of the statement. Meanwhile, because of a certain deal of anxiety he/she cannot build the correct logical connection (*animal — bird — it*). As a result, the statement is interrupted and the repeated use of the personal pronoun “it” turns it into one of the pause fillers. Such fillers are common in colloquial speech when an attempt is made to retrieve a suitable word from memory. This is also true about for the verbal lexemes “flying — looking for — going”; in other words, a “verbal pun” is created with logical and grammatical inconsistencies, such as “*work is going to be gone*”. The logical imbalance is also revealed in the statement “*only a man can work / because the bird does not achieve any of its goals*”.

The sample of the text retelling № 2.

(K5A02 T — 35 s — 4 M) 30 i “...*imagine / that you are lying in a meadow and see wildlife / how a bird flies to its chicks with food / how a squirrel jumps from branch to branch // probably / animals can't ... can't do what we do // they do it from that that one must live... (remark in the transcript *Inaudible further*) but a person can (remark in the transcript *Inaudible*) a person can work and...” // (end of retelling)*

There is a sudden stop in the retelling, which is followed by some attempts to continue it. Increased anxiety primarily leads to a sharp reduction in the intensity (loudness) in articulation of phrases and a gradual transition to a whisper, and

² The response of every participant of the experiment was assigned a special code. The first digits indicate the serial number, and the letter A stands for “anxiety”, S — Social desirability, and the last one denotes gender — either M or W.

finally to a complete cessation of retelling. Anxiety has created such a situation which resulted in a complete paralysis of memory and motor skills of speech. Such behavior reaction can be termed as “stupor”.

All retellings of schoolchildren with increased anxiety are characterized by two trends.. In a fairly large group of retellings, there is an apparent completeness of presentation, which is expressed in a large number of statements without long pauses and without pronunciation intensity reduction. However, careful cognitive analysis demonstrates that new information is not transmitted in such narrations, and schoolchildren repeat the same things in different variations with a pile of new lexemes. There are unsuccessful attempts to logically compare the presented ideas. This technique of narration could be termed “feverish speaking”. The second part of the retellings is characterized by a minimal piling up of statements after unsuccessful attempts to extract the necessary concept from memory and a refusal to continue the retelling. Adolescents have difficulties in finding the right word and in putting words together into phrases. After several failures to continue the retelling, all attempts are stopped and a teenager falls silent. “This type of retelling could be labeled as a “narrative stupor”. It is impossible to cope with a stressful situation without psychological defense mechanisms, the role of which is to reduce and overcome the state of anxiety. There are three forms of behavioral reactions that manifest themselves in a situation of danger: flight, aggression, stupor” [32. P. 21].

The sample of the text retelling № 3.

(K5G11 T — 9 S — 4 W) < 10: “...today we will talk about the work of an animal and a person // imagine you are lying in a clearing and watching the life of animals // a bird flies to feed its chicks / a squirrel is looking for / nuts to prepare, uh, for the winter // well, it turns out that animals also work //no/ this is not true// after all, animals do the same thing from mmm do something/ but that is, mmm they do not create something//and people do something new/ something unreleased/ then / what we don't know//that is, they invent something// thereby we learn to work// can animals really plan something?// no/ because aa/ only people can plan the goal of work/achievement/ what they have to do and the result itself//what can we find out/ that animals mmm can't work/because they don't know how/ to plan anything and do nothing//they only have reflexes//”

The above presented example is the retelling of an adolescent with reduced anxiety. It is characterized by completeness of presentation, logical interpretations and conclusions. The statements are structured in accordance with their goal. Above all, the retelling contains questions and answers to them, what testifies about the ability to reason, compare and generalize. Reduced anxiety does not block the connection in the development of the mental-verbal complex: a deep frame-concept is retrieved freely from memory, then, an adequate lexical unit springs up at the surface level, and motor skills of speech are launched. It seems that

a teenager freely argues with someone or auto-reflects on something. This just indicates the activation of the stage of ontogeny “I — concepts” in this age interval. These patterns of speech behavior correlate well with the age-related psychological characteristics of the adolescent period. At the age of 11—12, a child continues to develop mental and logical operations. He/she is able to classify objects, to draw analogies, to make generalizations and to draw conclusions. Skills of inferential knowledge and hypotheses are formed. There is planning in the long and short term. There is clarity in the presentation of unrealized thoughts and structured narratives. No wonder, since “the verbal product is considered by psycholinguists as an indicator of the work of thought processes” [33. P. 186]. Intellectual mechanisms as memory and attention become more sophisticated: “Children are developing their ability to concentrate for a long time on large volumes of the studied material, they can manage and control attention. Mechanical memory starts functioning along with intellectual memory. Teenagers actively master mnemonic techniques” [29. P. 139]. At the age of 11—12, abstract thinking is being shaped. Schoolchildren begin to think figuratively and understand such figures of speech as metaphors and idioms: “Starting from the age of 7—8, the ability of children to correctly interpret the chosen idioms progresses significantly. By age 12, they can correctly identify the idiomatic meaning of an expression 8 times out of 10” [34. P. 16].

Manifestations of anxiety on the deep level of propositions

The psychological factors may affect the process of structuring information. The anxiety factor is believed to disrupt the process of denunciation of thought into verbal matter. The most popular cases include (but are not limited to): the change of semantic roles, the appearance of additional propositional elements and the violation of the original propositional structure integrity, fragmentation of the deep propositions [35].

Complete change of semantic roles

The initial proposition in the source text is “*A bird is flying to the nest to feed its chicks*”. In the secondary narration of test retelling, it has been modified to the variant: “...*there are many birds carrying worms to their nests, they are ready to feed the chicks*” (**K6B23**) — A (N)Ps Pr (Asp=PROC; short procedural / dynamic) A Cir (loc) ‘to’ A {A (N)Ps Pr A} A; {A (N)Ps Pr A}. In this oral secondary structure, one can notice the introduction of a new possessor of the beneficiary along with the change of the primary goal. The predicate “feed” is substituted for the predicate “carry”. The replacement of the predicate of the semantic structure “to fly” → “to carry” implies the introduction of other actants associated with the new predicate. As a result, one can spot the generation of a new situation. The elimination of the predicate, the predicate specifier and its replacement by another predicate leads

to a crucial change in the deep semantic structure; hence, in contrast to the original, the situation itself has been changed.

In some text retellings, there was observed the substitution of a verb “to fly” for the verbal combination “to gather worms”. The frame structure with the verb “to fly” has its own open positions for actants, which are determined by the valency structure of the verb. The concept and the situation are different in the text of the recall: not flight, but gathering. This semantic immersion is not observed in the first part of a similar unit of the primary text. However, the second propositional scheme with the meta-conjunction “to” is preserved, what means that the goal of the agent’s actions remains unchanged. In this case, the place constant *Cir* (loc) “to” A “to the nest” is eliminated. It is probably important for the student to convey the actual state of affairs — “feeding the chicks”.

Appearance of additional propositional elements

The appearance of additional elements in the text of the retelling, which are not in the original text, may evidence that a teenager seeks to individualize the presentation: “...*there are many birds carrying worms to their nests, they are ready to feed the chicks*” (K6B23). Personal moments appear in his visual representation of the situation, what confirms the hypothesis about the development of “I — concepts” self-awareness. For example, in the original text there is no word “worms” and this is a teenager’s fantasy that tells him about a cliché-image: “birds eat worms”.

One more example with some transformations of the following original sentence from the source text: “Here is a squirrel jumping from branch to branch — probably making supplies for the winter”. It can be compared with the secondary texts of the retellings, in which additional elements appear: (K5P09) “*I see a squirrel jumping from branch to branch, to branch, to branch*”. (COP 513) “*Here’s a squirrel jumping from branch to branch, gathering food for the winter*”. And in the following example, there are signs of a high degree of anxiety as hesitations and difficulty in structuring and verbalizing thoughts: (K5G11) “...*a squirrel is looking for uh / nuts to prepare uh for the winter.*”

Fragmentation of the deep propositions

The fragmentation of the deep proposition, is also observed in some cases. Let us take a look at the following example (K5A20): “**The bird flies to the nest, feed its chicks**” — A (N)Ps Pr (Asp=PROC; short procedural / dynamic state of affairs) *Cir* (loc) “to” A (X meta-conjunction G) Pr inf {A (N)Ps Pr A} A. The trend of adding and emphasizing at the deep level of the possessor is observed in more than two thirds of text retellings. For the fifth graders, it was important to emphasize that the bird feeds its own chicks but not someone else chicks.

Conclusions

Summing up, in ontogeny, the signs of anxiety as well as the indicators of anxiety in a certain age group in speech ontogeny is a very intriguing issue for investigation. Anxiety and speech production mechanisms are closely connected, more particularly, anxiety affects thinking and cognitive functions in a number of various ways. There are two types of anxiety — mental disorder and unstable psycho-emotional condition, which manifests itself as agitation, restlessness, absent-mindedness, etc. Such condition may arise in schoolchildren under the influence of certain circumstances like a new environment, a difficult task, a demanding teacher, a conflict with classmates, etc. Anxiety in adolescents may have a negative influence on their academic performance, social adaptation, and successful acquisitions of information. Among others, it influences the process of text derivatives generation. Adolescents are characterized by having inconsistent skills in presenting their own thoughts and in making text recalling. The inconsistency soars under the influence of anxiety factors. The examination of transcripts of the oral text retellings presented by adolescents has shown that anxiety effect is revealed in two ways. It can manifest itself on the superficial level through the choice of particular sounds and lexemes. As well, it can manifest itself on the deep level and affect the structure of certain propositions. The psychological factors may affect the process of information organization. The most popular cases include (but are not limited to): the change of semantic roles, the appearance of additional propositional elements and fragmentation of existing propositions. As a result, one can observe the violation of the original propositional structure integrity.

So, a preliminary pilot analysis of the anxiety factor influence on text retellings has demonstrated that less anxious children cope with retelling better than more anxious ones. We intend to retest this hypothesis in the future and take into account other data from psychological tests.

References

1. Zhinkin, N.I. (1982). *Speech as a conductor of information*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982.
2. Vygotsy, L.S. (2019). *Thinking and Speech*. Sankt-Petersburg: Peter. (In Russ.).
Выготский Л.С. Мышление и речь. Санкт-Петербург: Питер, 2019.
3. Khalil, A.A.A. & Larina, T.V. (2022). Terms of Endearment in American English and Syrian Arabic Family Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13 (1), 27–44. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-27-44>
4. Kholá, T. & Waki, F. (2019). Worrying about Worry: A Generalized Anxiety Disorder Case Study. *Pakistan Journal of Professional Psychology: Research and Practice*, 10 (1), 68–79.
5. Almokhtar, A., Adwas, J.M. & Jbireal, Azab Elsayed Azab (2019). Anxiety: Insights into Signs, Symptoms, Etiology, Pathophysiology, and Treatment. *The South African Journal of Medical Sciences*, 2 (10), 80–91.
6. Yuan, Xi (2020). Anxiety: A Concept Analysis. *Frontiers of Nursing*, 7 (1), 9–12. <https://doi.org/10.2478/fon-2020-0008>

7. Lima, R.A., de Barros, M.V.G., Dos Santos M.A.M., Machado, L., Bezerra, J. & Soares, F.C. (2020). The Synergic Relationship Between Social Anxiety, Depressive Symptoms, Poor Sleep Quality and Body Fatness in Adolescents. *Journal of Affective Disorders*, 260, 200–205. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2019.08.074>
8. Knappe, S., Sasagawa, S. & Creswell, C. (2015). Developmental epidemiology of social anxiety and social phobia in adolescents. In: Ranta K., La Greca A.M., García-López L.J., Martunnen M. (eds.), *Social anxiety and phobia in adolescents*. Springer. pp. 39–70. https://doi.org/10.1007/978-3-319-16703-9_3
9. Dryman, M.T. & Heimberg, R.G. (2018). Emotion Regulation in Social Anxiety and Depression: A Systematic Review of Expressive Suppression and Cognitive Reappraisal. *Clinical Psychology Review*, 65, 17–42. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2018.07.004>
10. Schweizer, E. (1995). Generalized Anxiety Disorder: Longitudinal Course and Pharmacologic Treatment. *Psychiatric Clinics of North America*, 18 (4), 843–857.
11. Katon, W. & Roy-Byrne, P.P. (1991). Mixed Anxiety and Depression. *J Abnorm Psychol*, 100 (3), 337–345. <https://doi.org/10.1037//0021-843x.100.3.337>
12. Eysenck, M.W. & Fajkowska, M. (2018). Anxiety and Depression: Toward Overlapping and Distinctive Features. *Cognition & Emotion*, 32 (7), 1391–1400. <https://doi.org/10.1080/02699931.2017.1330255>
13. Clark, L.A. & Watson, D. (1991). Tripartite Model of Anxiety and Depression: Psychometric Evidence and Taxonomic Implications. *Journal of Abnormal Psychology*, 100 (3), 316–336. <https://doi.org/10.1037//0021-843x.100.3.316>
14. De la Torre-Luque, A., Fiol-Veny, A., Balle, M., Nelemans, S.A. & Bornas, X. (2020). Anxiety in Early Adolescence: Heterogeneous Developmental Trajectories, Associations with Risk Factors and Depressive Symptoms. *Child Psychiatry and Human Development*, 51 (4), 527–541. <https://doi.org/10.1007/s10578-019-00936-y>
15. Gao, W., Ping, S. & Liu, X. (2020). Gender Differences in Depression, Anxiety, and Stress among College Students: A Longitudinal Study from China. *Journal of Affective Disorders*, 263, 292–300. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2019.11.121>
16. Daros, A.R., Daniel, K.E., Meyer, M.J., Chow, P.I., Barnes, L.E. & Teachman, B.A. (2019). Impact of Social Anxiety and Social Context on College Students' Emotion Regulation Strategy Use: An Experience Sampling Study. *Motivation and Emotion*, 43 (5), 844–855. <https://doi.org/10.1007/S11031-019-09773-X>
17. García-Fernández, J.M., Inglés, C.J., Marzo, J.C. & Martínez-Monteaudo, M.C. (2014). Psychometric properties of the school anxiety inventory-short version in Spanish secondary education students. *Psicothema*, 26 (2), 286–292. <https://doi.org/10.7334/psicothema2013.288>
18. Ratanova, T.A. & Likhacheva, E.V. (2009). Correlation of School Anxiety with Cognitive Peculiarities of Junior Schoolchildren. *Psychological Journal*, 30 (3), 39–51. (In Russ.). Ратанова Т.А., Лихачева Э.В. Связь школьной тревожности с когнитивными особенностями младших школьников // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 3. С. 39–51.
19. Prikhozhan, A.M. (2000). *Anxiety in Children and Adolescents: Psychological Nature and Age Dynamics*. Moscow—Voronezh: MODEK. (In Russ.). Прихожан А.М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. М., Воронеж: МОДЭК, 2000.
20. Lovibond, P.F. & Lovibond, S.H. (1995). The Structure of Negative Emotional States: Comparison of The Depression Anxiety Stress Scales (DASS) with the Beck Depression and Anxiety Inventories. *Behaviour Research and Therapy*, 33 (3), 335–343. [https://doi.org/10.1016/0005-7967\(94\)00075-u](https://doi.org/10.1016/0005-7967(94)00075-u)
21. Scholten, S., Velten, J., Bieda, A., Zhang, X.C., Margraf, J. (2017). Testing Measurement Invariance of the Depression, Anxiety, and Stress Scales (DASS-21) Across Four Countries. *Psychological Assessment*, 29 (11), 1376–1390. <https://doi.org/10.1037/pas0000440>

22. Daza, P., Novy, D., Stanley, M. & Averill, P. (2002). The Depression Anxiety Stress Scale DASS-21: Spanish Translation and Validation with a Hispanic Sample. *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*, 24 (3), 195–205. <https://doi.org/10.1023/a:1016014818163>
23. McCarthy, K.S., McNamara, D.S., Solnyshkina, M.I., Tarasova, F.Kh. & Kupriyanov, R.V. (2019). The Russian Language Test: Towards Assessing Text Comprehension, *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 18 (4), 231–247. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.18>
24. Fillmore, Ch.J. (2003). Valency and semantic roles: the concept of deep structure case. In: Vilmos Agel, Ludwig M. Eichinger, Hans Werner Eroms, Peter Hellwig, Hans Jürgen Heringer, and Henning Lobin (eds.) *Dependenz und Valenz: Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung*. Walter de Gruyter. Ch. 36. pp. 457–475.
25. Fillmore, Ch.J. (2012). Encounters with Language. *Computational Linguistics*, 38 (4), 701–718. https://doi.org/10.1162/COLI_a_00129
26. Mustajoki, A. (2006). *Theory of Functional Syntax: From Semantic Structures to Linguistic Means*. Moscow: Languages of Slavic Culture. (In Russ.).
Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М.: Языки славянской культуры, 2006.
27. Kashkin, Ye.V. & Lyashevskaya, O.N. (2013). Semantic Roles and Construction Net in Russian Framebank. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*, 1 (12), 325–344. (In Russ.).
Кашкин Е.В., Ляшевская О.Н. Семантические роли и сеть конструкций в системе FrameBank // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Материалы ежегодной Международной конференции «Диалог»: в 2 т. Т. 1. Вып. 12 (19). М., 2013. С. 325–344.
28. Solnyshkina, M.I., Martynova, E.V. & Andreeva, M.I. (2020). Propositional Modeling as A Tool to Assess Text Information Complexity. *Scientific Notes of the National Society for Applied Linguistics*, 3 (31), 47–57. (In Russ.).
Солнышкина М.И., Мартынова Е.В., Андреева М.И. Пропозициональное моделирование для оценки информативности текста // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. 2020. № 3 (31). С. 47–57.
29. Petrova, A.A., Privalova, I.V., Kazachkova, M.B. & Yessenova, K.U. (2023). Specifics of Text Derivatives Propositions in Speech Ontogeny. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 9 (1), 136–152. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2023-9-1-0-9>
30. Gorelov, I.N. & Sedov, K.F. (2001). *The Basics of Psycholinguistics*. Moscow: Labyrinth. (In Russ.).
Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 2001.
31. Belyanin, V.P. (2003). *Psycholinguistics*. Moscow: Flinta. (In Russ.).
Белянин В.П. Психолингвистика. М.: Флинта, 2003.
32. Astarov, V.M. (2001). *Anxiety in Children*. Moscow: PerSe. (In Russ.).
Астапов В.М. Тревожность у детей. М.: PerSe, 2001.
33. Privalova, I.V. (2021). Methods of Psycholinguistic Research as Possible Cognitive Approaches to Linguistic Data Processing. In: Dubrovskaya, T.V. & Sukhova, N.V. (eds.), *Humanities — Arts and Humanities in Progress*. Geneva: Springer Nature. pp. 20, 181–201. https://doi.org/10.1007/978-3-030-84071-6_11
34. Eliseeva, N.N. & Gorobets, E.A. (2017). Perception of Idioms by Russian-Speaking Children: Materials for a Neurolinguistic Questionnaire. *Philology and Culture*, 4 (50), 16–21. (In Russ.).
Елисеева Н.Н., Горобец Е.А. Восприятие идиом русскоговорящими детьми: материалы для нейролингвистического опросника // Филология и культура. 2017. № 4 (50). С. 16–21.

35. Petrova, A.A. Solnyshkina, M.I. (2021). Immediate recall as a secondary text: Referential parameters, pragmatics and propositions. *Russian Journal of Linguistics*, 25 (1), 221–249. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-221-249> (In Russ.).
Петрова А.А., Солнышкина М.И. Неподготовленный устный пересказ как вторичный текст: референциально прагматические и пропозиционные характеристики // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Т. 25. № 1. С. 221—249. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-221-249>

Information about the authors:

Irina V. Privalova, D.Sc. in Philology, a Leading Research Fellow of the Research Laboratory “Text Analytics” at the Institute of Philology and Intercultural Communication of Kazan (Volga Region) Federal University (33, Tatarstan street 2, Kazan, Russian Federation, 420021); *Research interests*: psycholinguistics, intercultural and mass communication, as well as corpus linguistics; *e-mail*: ivprivalova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7740-2185; eLIBRARY SPIN-code: 9909–6839, Research ID: D-1768-2017; Scopus ID 57191959637

Anna A. Petrova, D.Sc. in Philology, a Leading Research Fellow of the Research Laboratory “Text Analytics” at the Institute of Philology and Intercultural Communication of Kazan (Volga Region) Federal University (33, Tatarstan street 2, Kazan, Russian Federation, 420021); *Research interests*: psycholinguistics, language ontogenesis, multimodality in communication, and cognitive linguistics; *e-mail*: petrova16@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4322-1324; eLIBRARY SPIN-code: 7184–4466; Research ID: E-1237-2015; Scopus ID 56241167000

Сведения об авторах:

Привалова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник НИЛ «Текстовая аналитика» Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420021, Российская Федерация, г. Казань, ул. Татарстан 2, д. 33); *Сфера научных интересов*: психолингвистика, межкультурная и массовая коммуникация, корпусная лингвистика; *e-mail*: ivprivalova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7740-2185; eLIBRARY SPIN-код: 9909–6839; Research ID: D-1768-2017; Scopus ID 57191959637

Петрова Анна Александровна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник НИЛ «Текстовая аналитика» Института филологии и межкультурной коммуникации Казанский (Приволжский) федеральный университет (420021, Российская Федерация, г. Казань, ул. Татарстан 2, д. 33); *Сфера научных интересов*: психолингвистика, языковой онтогенез, изучение проявления мультимодальности в процессе коммуникации, когнитивная лингвистика; *e-mail*: petrova16@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4322-1324

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-4-1107-1121

EDN: DFZTCZ

UDC 81'233-053.2:612.846

Research article / Научная статья

How do Eye Movements and Visual Attention in Letter-Finding Tasks Differ in Children with Different Levels of Reading Skills?

Ruzalina I. Shajhutdinova Kazan Federal University, *Kazan, Russian Federation*, ruzalinkaa@mail.ru

Abstract. Children with different levels of reading proficiency demonstrate different information processing speed, reading accuracy and cognitive strategies. The study presents the results of analyses of eye movement features when performing letter search tasks in lexical and sub-lexical environments. The task of searching for a particular grapheme by the respondents is approximated to real-life conditions, since in the course of language learning students regularly face the tasks of searching for certain orthograms in educational texts or self-checking tasks (i.e., errors in their own texts), which is especially important for children with dysorthographia, regulatory dysgraphia, and other learning difficulties. Forty-nine children aged 9 to 10 years participated in the study. Reading skills were assessed using the Standardized Assessment of Reading Skills (SARS). Nonverbal intelligence was assessed by using Raven's coloured progressive matrices. Participants performed a letter search task in text and letter list, eye movements were recorded using the EyeLink 1000 Plus eye tracker. Rank correlation analyses showed that the level of reading skill development was related to the efficiency of finding specific items in a given context. In addition, the duration and number of gaze fixations on the searched units in the letter list were not always related to the number of correct answers, indicating a complex process of visual attention during the search task. In addition, it was observed that foveal vision was not always necessary for performing search tasks in children with normally developed reading skill levels. The study also investigated the concept of functional visual field and how the surroundings of the items being searched affect the attentional mechanisms involved in visual search. Overall, this study provides evidence on the relationship between reading skills, attention and visual information processing, which contributes to understanding reading strategies in children with dyslexia and creating new methods for screening children with dyslexia in the future.

Keywords: dyslexia, letter-finding tasks, eye tracking, visual information processing, reading skills, attention, functional visual field

Financing. Acknowledgements:

The work was funded by the Strategic Academic Leadership Program of Kazan (Volga Region) Federal University (Priority 2030).

© Shajhutdinova R.I., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Article history:

Received: 01.02.2023

Accepted: 15.09.2023

For citation:

Shajhutdinova, R.I., (2023). How. do Eye Movements and Visual Attention in Letter-Finding Tasks Differ in Children with Different Levels of Reading Skills? *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(4), 1107–1121. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1107-1121>

Существуют ли различия в движениях глаз при выполнении задач на поиск букв у детей с разным уровнем развития навыка чтения?

Р.И. Шайхутдинова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация,
 ruzalinkaa@mail.ru

Аннотация. Дети с разным уровнем сформированности навыка чтения демонстрируют разную скорость обработки информации, точность прочтения текстов и когнитивные стратегии. В исследовании приводятся результаты анализа особенностей движения глаз при выполнении заданий на поиск букв в лексическом и сублексическом окружении. Задача поиска определенной графемы респондентами приближена к реальным условиям, поскольку в ходе изучения языковых дисциплин учащиеся регулярно сталкиваются с задачами поиска тех или иных орфограмм в учебных текстах или с задачами самопроверки (т.е., ошибок в собственных текстах), что особенно важно для детей с дизорфографией, регуляторной дисграфией и другими трудностями обучения. В исследовании приняли участие 49 детей в возрасте от 9 до 10 лет. Навыки чтения оценивались с помощью Стандартизированной методики исследования навыка чтения (СМИНЧ). Невербальный интеллект оценивался с помощью цветных прогрессивных матриц Равена. Участники выполняли задание на поиск букв в тексте и списке букв, движения глаз регистрировались с помощью айтрекера EyeLink 1000 Plus. Ранговый корреляционный анализ показал, что уровень развития навыков чтения связан с эффективностью поиска конкретных элементов в определенном контексте. Кроме того, длительность и количество фиксаций взгляда на искомым единицах в списке букв не всегда были связаны с количеством правильных ответов, что свидетельствует о сложном процессе зрительного внимания в ходе выполнения поисковой задачи. Кроме того, было замечено, что фовеальное зрение не всегда обязательно для выполнения поисковых задач у детей с нормально развитым уровнем навыка чтения. В исследовании также изучались концепция функционального зрительного поля и то, как окружение искомым элементов влияют на механизмы внимания, задействованные в зрительном поиске. В целом данное исследование позволяет получить сведения о взаимосвязи между навыками чтения, вниманием и обработкой визуальной информации, что способствует пониманию читательских стратегий у детей с дислексией и созданию новых методов скрининга детей с дислексией в дальнейшем.

Ключевые слова: дислексия, задачи на поиск букв, айтрекинг, обработка визуальной информации, навыки чтения, внимание, функциональное поле зрения

Финансирование и благодарности:

Публикация выполнена в рамках проекта программы стратегического академического лидерства Казанского (Поволжского) Федерального университета (Приоритет 2030).

История статьи:

Дата поступления: 25.06.2023

Дата приема в печать: 15.09.2023

Для цитирования:

Shajhutdinova R.I. How do Eye Movements and Visual Attention in Letter-Finding Tasks Differ in Children with Different Levels of Reading Skills // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 1107–1121. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1107-1121>

Introduction

Dyslexia is a neurodevelopmental disorder characterized by slow and/or inaccurate reading, which continues to adulthood, despite intact nonverbal general abilities and exposure to the written language and remediation over the years [1].

Dyslexia affects approximately 3 % to 17 % of the population depending on the language. So, it is reported to range from 5.0 % to 17.5 % of school-aged children whose native language is English and it is around 3.45 % in China [2].

One of the practical tasks that primary school children face is the ability to find and identify individual letters in a text or a list of letters. Moreover, letter finding tasks are often found in remedial programs for children with reading disorders [3; 4]. However, there is no oculographic data on how elementary school children without and with reading disabilities perform on the letter-finding task. Understanding how normotypic and dyslexic children perform these tasks can add insight to intervention strategies.

In recent years, research efforts have been directed toward investigating the cognitive mechanisms underlying visual search tasks and letter search tasks [5–8]. These tasks involve visual search tasks, visually scanning a text or a list of letters to identify a specific target letter. In these tasks the performance of children with dyslexia remains a topic of interest.

The hypothesis of sluggish attentional shifting (SAS) has been proposed as a potential explanation for the challenges dyslexic individuals face in processing rapid stimulus sequences [9]. The findings from several studies suggest that individuals with dyslexia exhibit deficits in endogenous orienting (tasks, whereby shifts of attention are under volitional control) [5; 10; 11]. Their performance on a visual search task involving stimuli that triggered exogenous orienting (In which an automatic shift of attention is elicited in response to peripheral cues) was comparable to that of a control group. However, when faced with a visual search task that required endogenous orienting, the dyslexic group performed worse. In another study [6] researchers employed the Attentional Network Task [7], which permits the separation of alertness, orienting, and executive control effects. No significant differences between dyslexic adults and controls were observed

in terms of alerting effects and executive control. But dyslexic individuals struggle with directing their attention in the peripheral visual field.

The current study aims to bridge the existing gap in the literature by examining and comparing the performance of children with and without dyslexia in letter search tasks. By doing so, the study seeks to explore potential differences in processing speed, accuracy, and cognitive strategies employed by these two groups. Additionally, the research will investigate whether children with dyslexia exhibit unique patterns of eye movements during letter search tasks, as eye-tracking methodologies can provide valuable insights into attention allocation and visual scanning patterns. The findings of this study have the potential to enhance our understanding of dyslexia's impact on visual processing and inform the development of targeted interventions to improve reading and related skills in children with dyslexia.

Methods

Participants

This study involved 49 children, 22 girls and 29 boys (summarized in Table 1 and 2) ages 8 years 7 months to 11 years 7 months (mean = 9 years 11 months; median = 9 years 10 months; SD = 10,7). Of these, 15 were second graders (average age 8 years 11 months), 18 were third graders (average age 9 years 10 months) and 16 were fourth graders (average age 10 years 10 months). They did not have any diagnosed neurological disorders (according to parents), visual impairments, or auditory analyser disorders. The participants were from regular Kazan primary schools; their families had middle socioeconomic status. The parents of all children gave informed consent for them to participate in the study. Kazan is a bilingual region, so it was quite expected that some of the respondents are bilingual (18 children out of 49). However, all children are taught in Russian and, according to the parents' survey, Russian is the dominant language for all of them.

Written informed consent forms were signed by parents or legal representatives of the children; children also orally agreed to participate. The study was approved by the Committee on Ethical Assessment of Empirical Research, Kazan State University, Russia.

Table 1

Grades		
Grade	Counts	% of Total
2	15	30.6%
3	18	36.7%
4	16	32.7%

Table 2

Gender of participants		
Gender	Counts	% of Total
boy	27	55.1%
girl	22	44.9%

Источник: здесь и далее — исследование автора.
Source: here and further — author's research.

Measures

The assessment of reading skills was conducted using the only available standardized test for the assessment of reading skills in Russian-speaking children: the Standardized Assessment of Reading Skills (SARS) in Russian [12]. We used the model proposed by the authors of the methodology to categorize children into groups (normotypical readers, at-risk group, children with dyslexia): non-pathological forms of reading delay should be considered within one standard deviation of the mean reading fluency score for the corresponding grade level, and that scores below one and a half standard deviations of the mean should be considered to belong to the spectrum of dyslexia. We are aware that there is new data on SARS in 2018 [13], but we have relied on the norms suggested by the authors of the methodology. We relied only on one diagnostic criterion — the speed reading. We recorded but did not assess reading comprehension in this study.

Non-verbal intelligence was evaluated using the Raven's colored progressive matrices. Additionally, we investigated the eye movements of the participants while they performed a task involving letter search in a text and a list of letters.

Text with a readability level 39 % (for grades 3–4) [14] and a list of letters displayed on the screen were used as stimulus material. The children read the text twice: in the first reading, the participants were not tasked with finding the letter; in the second reading, the participants were tasked with finding all the letters D. After the first reading of the text, the participants were told what task they would be asked to do on the second reading of the text. This will allow us to analyse how the gaze movement strategies of children with different reading skills change when different tasks are assigned during reading. The text contained 440 characters, 73 spaces, 342 letters, 69 words, 8 sentences; there are no words with more than 4 syllables, 69 words up to 4 syllables, 8.63 words per sentence on average, 2.12 words on average per sentence. The number of characters with spaces in the text and the list of letters coincided (440 signs). The respondents were tasked to find the letter D (Д in Russian) in the text and in the list of letters, the number of which also coincided and was equal to 8. Children read an excerpt from L.F. Voronkova's story "How the Christmas tree was decorated". The text was adapted to the tasks of the study: in order to make the number of letters to be searched for the same in the text and the word list, we removed two lexemes containing these letters without changing the meaning of the sentence. 80 % of the text's vocabulary is included in the list of 5000 most frequent words of Russian children's literature [15]. The frequency of two nouns was less than 6 ipm: *gornitsa* (ipm — 5.4), *prigorshnya* (ipm — 2.6) [16]. We have considered in detail the characterization of the frequency of lexemes in the text, since the high frequency of most lexemes in the text creates conditions for the implementation of the direct access algorithm. Readers use two strategies: phonological recoding occurs when reading low-frequency words, but reading

high-frequency words is realized holistically [17]. Since high-frequency units are perceived holistically by the reader, we hypothesize that finding units in the lexical environment will be difficult for good readers (compared to searching for units in a list of letters) who are less likely to resort to the phonological recoding route. The next task of searching for a letter in a list of letters, which is described just below, does not involve the direct access route because context is excluded.

The task of finding a particular letter among others is a modified Bourdon-Wiersma test [18]. The Bourdon-Wiersma test involved in this study requires participants to identify and select a cluster of dots from a sheet comprising 50 lines of dot patterns. These dot patterns consist of groups of 3, 4, or 5 dots. However, in the current study the context in which the units sought are found is different. The list of letters displayed on the screen was the second stimulus material for respondents. The number of characters with spaces in the list of letters was equal to the number of characters in the text (440). The list contained 8 letters Д and 8 letters И, as well as other letters of the Russian alphabet. All letters were arranged in random order in the form of strings. The number of Д letters to be searched for was also the same (8). The number of optically similar letters (Russian letter И) in the list of letters also coincided with the number of Д letters.

Therefore, the task for the informants was to find the letter D (Д in Russian) in the text and in the list of letters and name their number (8) to the experimenter. Participants were provided with detailed instructions for the experiment; then the researchers were asked to go through a training session after going through the calibration and validation procedures. For a more accurate registration of all parameters of gaze movements, a tower was used to fix the head. The letters were printed in black on a white background, using the Courier New monospace font, which was 26 pt. Monospace fonts are inferior to proportional fonts in the task of increasing the accuracy of letters recognition by readers [19].

The tasks were presented on a computer screen. Eye movements were recorded. The necessary adjustment of the equipment was carried out: calibration and validation by nine points. The first task was reading a text. The second task was to find the letters D in the text (both lowercase and uppercase); the instruction was presented by ear and as text on the screen. The respondent had to name the number of letters found to the experimenter.

Participants were seated on a comfortable chair in a darkened room. Eye movements were recorded using the EyeLink 1000+ equipment (SR Research), sampling rate 1000 Hz. The informant sat at a distance of 70 cm in front of a 22-inch screen (1920 x 1080). The eye movements were processed using the DataViewer software (SR Research). The experiment was run through Experiment Builder.

When conducting behavioural techniques, we assessed the following parameters (Table 4): reading technique coefficient (CoRT), accuracy of responses when naming the number of letters in the list of letters (Acc_L) and in the text (Acc_T). (Several children (4 out of 49) named the number of units searched for in the letter list as greater than 8. The oculomotor patterns of these 4 children should probably be analysed in more detail). We also assessed the following gaze movement parameters: number of fixation on words with the letter/letters D in the text at the first reading (without letter search task) (NF_WD_1), number of fixation on words with the letter/letters D in the text at the second reading (with letter search task) (NF_WD_2), total viewing time (msec) on words with the letter/letters D in the text at the first reading (without letter search task) (DT_WD_1), total viewing time (msec) on words with the letter/letter D in the text at the second reading (with letter search task) (DT_WD_2), total viewing time (msec) on the letters D in the list of letters (DT_LD) and total viewing time (msec) on the letters L in the list of letters optically similar to D (DT_LL).

The significance of the normal distribution was determined using the Shapiro-Wilk test. The One-Way Analysis of Variance with nonparametric Welch's Assumption was used to analyze the parameters of gaze movement in different groups. Spearman correlation analysis was used to identify the relationship between the variables.

Results and Discussion

Being based on the primary analysis, the study examined the reading technique coefficients (Table 3) of the children under investigation ($M = 90,8$; $SD = 16,6$) [12]. The diagnostic examination yielded notable findings, indicating that out of the total sample of 49 children, 12 exhibited signs of dyslexia. These children displayed low coefficients of reading technique, which are characteristic of dyslexia. Importantly, their non-verbal intelligence remained intact, their speech development was normal, and there were no apparent auditory or visual perception disorders. Clinical psychologists and speech therapists at the Centre for Speech Pathology of the Scientific and Clinical Centre for Precision and Regenerative Medicine of Kazan Federal University confirmed dyslexia in these 12 children. Additionally, the study identified that 11 children out of the 49 demonstrated a non-pathological delay in the development of reading skills. Finally, 26 children out of the 49 exhibited reading indicators within the range of average statistical norms. These findings provide a preliminary understanding of the distribution of reading abilities within the studied group.

The Jamovi package was used for statistical calculations. The distribution in the sample is non-normal (Shapiro-Wilk test), so parametric analysis of variance with Welch's correction was used for further analysis.

Table 3

Coefficients of reading technic (CoRT) and age of participants

	Value	CoTR	Age
N		49	49
Mean		90.8	119
Median		93	118
Standard deviation		16.6	10.7
Minimum		56	103
Maximum		133	139

We hypothesize that children with high reading proficiency have more accurate letters in the list of letters retrieval than dyslexic and at-risk children. But we also hypothesize that finding units in the lexical environment will be difficult for good readers (compared to searching for units in a list of letters) who are less likely to resort to the phonological recoding route. In order to test this hypothesis, we applied One-Way Analysis of Variance with nonparametric Welch's Assumption. Significant differences were found in letters retrieval accuracy in all three groups, but only in the letters list condition (Welch = 6.98, $p = 0.004$). But no significant differences were found in unit search accuracy in the semantic environment condition (Welch = 1.76, $p = 0.199$).

Analyses of posterior differences (Games-Howell test) revealed that children with non-pathological reading delays (R) were more successful at grapheme retrieval than children with dyslexia (D) ($p = 0.004$). Also, children with normal reading skills (N) performed more accurately on the grapheme retrieval task in the letter list condition than children with dyslexia ($p = 0.015$). Thus, the hypothesis was partially confirmed. It is likely that the strategy of unit retrieval varies depending on the presence of context, so differences in children with different levels of reading skill development will not be so obvious, since children with high reading skill are less likely to use the phonological decoding route and more likely to use the direct access route. Consequently, children with more developed reading skill will be distracted by semantic space. It is necessary to investigate the influence of programming and control functions on the task of visual search for a given unit in a lexical environment.

The results of the study indicate that children with higher reading skill levels exhibit a greater degree of success in the task of locating specific items within a given list. In contrast, children with lower reading skill levels demonstrate a less effective strategy when searching for the designated items. This finding suggests that children with underdeveloped reading skills may possess lower levels of concentration and

sustained attention compared to their peers with stronger reading abilities. These findings align with prior research conducted in the field, further supporting the notion that reading proficiency is closely tied to attentional abilities and the capacity for sustained focus [4].

Table 4

Games-Howell Post-Hoc Test — Accuracy (In the list of letters)

Letter	Value	D	R	N
D	Mean difference	—	-0.248	** -0.1987
	p-value	—	0.004	0.015
R	Mean difference	—	—	0.0494
	p-value	—	—	0.571
N	Mean difference	—	—	—
	p-value	—	—	—

Note. * $p < .05$, ** $p < .01$, *** $p < .001$

The main parameters of gaze movement analyzed were the number of fixations on the areas of interest and the total duration of gaze on the areas of interest. We expected that the number of gaze fixations on the searched letter would be equal to the number of searched letters that the respondent found in the list of letters. However, subjects were not asked to fixate their gaze on the unit they were looking for, they only had to name the number of letters they found. We obtained the following results: 6 respondents (12.2 %) had a response equal to the number of fixations on the searched units in the list of letters, 36 respondents (73.1 %) had fewer fixations on the relevant areas of interest than the number of letters found, and finally, 7 respondents (14.7 %) had more fixations on the relevant areas of interest than the number of letters found. All this suggests a complex and ambiguous process of attention, visual attention during the search task. We assumed that the accuracy of fulfilment of the search task (the number of found graphemes) is not always related to the number of fixations on the corresponding areas of interest, since, according to some data, the parafovea is also involved in the visual search task.

Consequently, the involvement of central foveal vision in the search task is optional in children with highly developed reading skills. This idea that foveal vision is optional in the search task is supported by research [20]. The necessity of high-acuity foveal vision for achieving normal search performance in naturalistic scenes has been challenged. Surprisingly, when individuals performed a search task with artificially impaired foveal or central vision, their search performance remained largely unaffected. While participants were able to successfully locate the search object in the scene, they encountered difficulties in accurately confirming the target’s identity when searching

without central vision. These intriguing findings indicate that visual search in naturalistic scenes relies less on foveal vision than previously believed, suggesting a potentially greater role for peripheral vision in guiding search behavior. Moreover, the study emphasizes the significance of contextually relevant search targets within naturalistic scenes and underscores the influence of attention in visual search processes. As a result, these findings advance our comprehension of the underlying mechanisms involved in visual search within naturalistic environments.

There is also the idea of a functional visual field. The concept of the functional visual field (FVF) or useful field of view (UFOV) is relatively straightforward [21]. It acknowledges our inability to process the entire visual field simultaneously. To account for this limitation, the idea of a FVF proposes a region surrounding the point of fixation within which visual processing occurs, while outside this region, processing does not take place. As an example, G.J. Andersen, R. Ni et al., state that “Any information that falls within the UFOV is processed whereas any information that falls outside of this region is not processed” [22].

However, the results of the current experiments indicate that the FVF is more complex than this initial understanding. Firstly, we observe and process stimuli across the visual field beyond the boundaries of the Attentional FVF [20], [23]. Secondly, it has always been evident that the characteristics of the task and stimuli influence the FVF. The present experiments highlight this aspect using basic visual search tasks. The influence of the task on the FVF becomes more apparent and significant in real-world search tasks. For instance, the FVF will change depending on whether a person is looking for their given spelling in the task text or an error in their own text, which is especially important for children with learning difficulties. The task of searching for a certain grapheme by the respondents is close to real conditions, because in the course of learning language disciplines, students regularly face the tasks of searching for certain orthograms in educational texts or the tasks of self-checking (i.e., errors in their own texts), which is especially important for children with dysorthographia, regulatory dysgraphia and other learning difficulties.

There is a discernible pattern as to what the observers process in the functional visual field [24]. The observers are more likely to detect a target that is situated close to their current point of fixation. Furthermore, in these experiments, observers demonstrate a higher likelihood of locating the target when it appears to the left or right of fixation compared to other directions. This finding may be linked to the organized, grid-like arrangement of the stimuli, which potentially prompts observers to search along rows, akin to reading a display [25], [26]. However, it is worth noting that a horizontal bias in saccades has also been observed in search tasks featuring items arranged in more random arrays [27]. Although we did not analyse this bias when examining the data for the element search in the letter list, it remains possible that specific search

tasks and individual searchers interact in ways that yield idiosyncratic patterns of covert attention during fixation. Nevertheless, obtaining robust evidence to support such a hypothesis would necessitate extensive data collection efforts.

We assume that reading strategies will be different in the studied groups depending on the type of task set before the respondents. The analyses showed that significant differences between the groups were present only in terms of the total duration of fixations and total number of fixations on the areas of interest during the initial reading of the text without establishing a search task (DW_WD_1: Welch = 8.78, $p = 0.003$), (NF_WD_1: Welch = 14.16, $p = 0.001$). Analyses of posterior differences (Games-Howell criterion, Table 5, 6 and 7) revealed that dyslexic children had longer fixations on given lexemes than children in the at-risk group ($p = 0.018$) and in the typical readers group ($p = 0.005$); and also dyslexic children had a greater number of fixations on given areas of interest compared to the typical readers group ($p < 0.001$). However, the establishment of a search task apparently alters reading strategies, as there were no significant group differences (DW_WD_2: Welch = 1.37, $p = 0.276$); (NF_WD_2: Welch = 1.43, $p = 0.263$).

Table 5

Games-Howell Post-Hoc Test — DT_WD_1

Letter	Value	D	R	N		
D	Mean difference	—	12069	*	14532	**
	p-value	—	0.018		0.005	
R	Mean difference		—		2463	
	p-value		—		0.290	
N	Mean difference			—		
	p-value			—		

Note. * $p < .05$, ** $p < .01$, *** $p < .001$

Table 6

Games-Howell Post-Hoc Test — NF_WD_1

Letter	Value	D	R	N		
D	Mean difference	—	13.2	22.69		***
	p-value	—	0.075	<.001		
R	Mean difference		—	9.47		
	p-value		—	0.061		
N	Mean difference			—		
	p-value			—		

Note. * $p < .05$, ** $p < .01$, *** $p < .001$

Oculomotor strategies differ in terms of the total viewing time on the D unit sought (Welch = 1.43, $p = 0.263$); there are differences between the at-risk group and the dyslexic group (Table 8), having a longer total viewing time on the letter sought in the grapheme list ($p = 0.003$).

Table 7

Games-Howell Post-Hoc Test — DT_LD

Letter	Value	D	R	N	
D	Mean difference	—	3135	**	1826
	p-value	—	0.003		0.112
R	Mean difference		—		-1309
	p-value		—		0.073
N	Mean difference			—	
	p-value			—	

Note. * $p < .05$, ** $p < .01$, *** $p < .001$

Finally, the Russian letter Д/D is similar to the letter Л/L in printed texts. We analyzed how similar the parameters of gaze movement we considered are when respondents work with a list of letters. Correlation analysis showed that the relationship between the indicators of total viewing time on the letters D and L is significant and positive ($\rho = 0.530$, $p = 0.001$). Distinguishing optically similar letters is not an easy task, especially for children with visual-spatial difficulties. Given the direct correlation between total viewing time on these optically similar graphemes in the whole sample, we can assume that children with different reading skills have difficulties in performing the search task in the presence of optically similar units. However, these assumptions should be strengthened by further analysis of oculomotor activity during recognition of letters that are not optically similar to the searched unit.

Longer total duration of fixation on the sought units and at the same time relatively low percentage of correct answers about the number of units in the presented lists of letters correlates with the hypothesis of sluggish attentional shifting. Numerous studies have revealed notable differences in the temporal aspects of attentional orienting between dyslexic individuals and control groups. The hypothesis of sluggish attentional shifting (SAS) has been proposed as a potential explanation for the challenges dyslexic individuals face in processing rapid stimulus sequences [27]. Notably, this hypothesis has garnered support for its applicability in both the visual and auditory modalities [28; 29]. Additionally, the SAS hypothesis offers insights into the frequently observed response delays among dyslexic participants.

Conclusions

We conducted the analysis of the indicators of reading skill level and some aspects of oculomotor activity in children performing the task of searching for a letter in different environments (text and a list of symbols), as well as the level of success in performing the search task. The results of the analysis showed that children with a more developed reading skill were more successful in finding the sought unit in the list of symbols, than children with dyslexia and the risk group.

The next stage of the analysis could be not only the study of fixations on areas of interest, but also fixations on areas close to the areas of interest, since, according to research, peripheral vision is also involved in the search task. Analysis of variance showed that children with developmental dyslexia fix their eyes for longer and more often fix their eyes on areas of interest compared to children from the risk group and the group with normal reading skills, but the number of correct answers to the question about the number of given units in the list of letters is lower.

Thus, it becomes obvious that when performing a search task, the environment of the searched unit is important. This is probably due to the fact that semantic activation is not only an automatic process, but is also influenced by regulatory functions, the level of development of which also depends on the level of reading skill formation. It is necessary to study the relationship between programming and control functions and the ability to perform search tasks in different lexical and sub-lexical environments.

References / Библиографический список

1. Horowitz-Kraus T., Rosch, K., Fotang, J., Mostofsky, S., Schlaggar, B., Pekar, J., Taran, N. & Farah, R. (2023). Fluent contextual reading is associated with greater synchronization of the visual and auditory networks, fluent reading and better speed of processing in children with dyslexia. *Cortex*, 168, 62–75. <https://doi.org/10.1016/j.cortex.2023.07.007>
2. Zhu K, Liu Q, Xie X, et al. (2022). The combined effect between BDNF genetic polymorphisms and exposure to metals on the risk of Chinese dyslexia. *Environmental Pollution*, 308, 119–640. <https://doi:10.1016/j.envpol.2022.119640>
3. Velichenkova, O.A. & Rusetskaya, M.N. (2015). *Logopedic work on overcoming reading and writing disorders in junior schoolchildren*. Moscow: National Book Center. (In Russ.).
Величенкова О.А., Русецкая М.Н. Логопедическая работа по преодолению нарушений чтения и письма в младших классах. М.: Национальный книжный центр, 2015.
4. Sadovnikova, I.N. (1995). *Violations of written speech and their overcoming in younger schoolchildren: a book for speech therapists*. Moscow: VLADOS. (In Russ.).
Садовникова И.Н. Нарушения письменной речи и их преодоление в младших школьниках: книга для логопедов. М.: ВЛАДОС, 1995.
5. Buchholz, J. & McKone, E. (2004). Adults with dyslexia show deficits on spatial frequency doubling and visual attention tasks. *Dyslexia*, 10(1), 24–43. <https://doi.org/10.1002/dys.263>
6. Buchholz, J. & Aimola Davies, A. (2008). Adults with dyslexia demonstrate attentional orienting deficits. *Dyslexia*, 14, 247–270. <https://doi.org/10.1002/dys.356>
7. Fan, J., McCandliss, B.D., Sommer, T., Raz, A. & Posner, M.I. (2002). Testing the Efficiency and Independence of Attentional Networks. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 14(3), 340–347. <https://doi.org/10.1162/089892902317361886>

8. Mangano, G.R., Oliveri, M., Turriziani, P., Smirni, D., Zhaoping, L. & Cipolotti, L. (2015). Repetitive transcranial magnetic stimulation over the left parietal cortex facilitates visual search for a letter among its mirror images. *Neuropsychologia*, 70, 196–205. <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2015.03.002>
9. Rayner, K., Smith, T.J., Malcolm, G.L., Henderson, J.M. (2009). Eye Movements and Visual Encoding During Scene Perception. *Psychological Science*, 20(1), 6–10. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2008.02243>
10. Liu, S., Liu, D., Pan, Z. & Xu, Z. (2018). The association between reading abilities and visuospatial attention in Hong Kong Chinese children. *Dyslexia*, 24, 263–275. <https://doi.org/10.1002/dys.1584>
11. Judge, J., Knox, P.C. & Caravolas, M. (2013). Spatial orienting of attention in dyslexic adults using directional and alphabetic cues. *Dyslexia*, 19, 55–75. <https://doi.org/10.1002/dys.1452>
12. Kornev, A.N. & Ishimova, O.A. (2010). *Methods for diagnosing dyslexia in children: a manual*. St. Petersburg: Polytechnic University Publ. (In Russ.).
Корнев А.Н., Ишимова О.А. Методы диагностики дислексии у детей: руководство. СПб.: изд-во Политехнического университета, 2010.
13. Dorofeeva, S.V., Reshetnikova, V., Serebryakova, M., Goranskaya, D., Akhutina, T.V. & Dragoy, O. (2019). Assessing the Validity of the Standardized Assessment of Reading Skills in Russian and Verifying the Relevance of Available Normative Data. *The Russian Journal of Cognitive Science*, 6(1), 4–24.
14. Laposhina, A. & Lebedeva, M. (2021). Textometr: an online tool for automated complexity level assessment of texts for Russian language learners. *Russian language studies*, 19(3), 331–345. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-3-331-345>
15. Maslinsky, K., Lekarevich, E. & Aleinik, L. (2021). Korpus russkoi prozy dlia detei i iunoshestva [Corpus of Russian prose for children and youth]. *Repozitorii otkrytykh dannykh po russkoi literature i fol'kloru. V2*. <https://doi.org/10.31860/openlit-2021.4-C001> (In Russ.).
Маслинский К., Лекаревич Е., Алейник Л. Корпус русской прозы для детей и юношества, 2021 // Репозиторий открытых данных по русской литературе и фольклору, V2. <https://doi.org/10.31860/openlit-2021.4-C001>
16. Lyashevskaya, O.N. & Sharoff S.A. (2009). *Modern Russian Frequency Dictionary (based on the data from the Russian National Corpus)*. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.).
Ляшевская О.Н., Шарофф С.А. Современный русский частотный словарь (по данным Русского национального корпуса). М.: Азбуковник, 2009.
17. Yap, M.J. & Balota, D.A. (2015). Visual word recognition. In: *The Oxford handbook of reading*. Oxford: Oxford University Press. pp. 26–43.
18. Van der Ven, A.H., & Smit, J.C. (1989). Het geheim van de Bourdon-Wiersma test ontraadseld? [The secret of the Bourdon-Wiersma test unraveled?]. *Nederlands tijdschrift voor de psychologie en haar grensgebieden*, 44, 260–270.
19. Alekseeva, S.V., Dobrego, A.S., Konina, A.A. & Chernova, D.A. (2019). To the question of the mechanisms of recognition of Cyrillic letters in reading: the role of the font type. *Bulletin of the Tomsk State University*, 438, 11–18. <https://doi.org/10.1016/j.neulet.2010.06.084> (In Russ.).
Алексеева С.В., Доброго А.С., Кони́на А.А., Черно́ва Д.А. К вопросу о механизмах признания кириллицы в чтении: роль шрифта типа // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 438. С. 11–18. <https://doi.org/10.1016/j.neulet.2010.06.084>
20. Clayden, A., Fisher, R., Nuthmann, A. (2020). On the relative (un) importance of foveal vision during letter search in naturalistic scenes. *Vision Research*, 177, 41–55. <https://doi.org/10.1016/j.visres.2020.07.005>
21. Wolfe, B., Dobres, J., Rosenholtz, R. & Reimer, B. (2017). More than the Useful Field: Considering peripheral vision in driving. *Applied Ergonomics*, 65, 316–325. <https://doi.org/10.1016/j.apergo.2017.07.009>

22. Andersen, G.J., Ni, R., Bian, Z. & Kang, J. (2011). Limits of spatial attention in three-dimensional space and dual-task driving performance. *Accident Analysis & Prevention*, 43(1), 381–390. <https://doi.org/10.1016/j.aap.2010.09.007>
23. Bronfman, Z.Z., Brezis, N., Jacobson, H. & Usher, M. (2014). We See More Than We Can Report: “Cost Free” Color Phenomenality Outside Focal Attention. *Psychological Science*, 25(7), 1394–1403. <https://doi.org/10.1177/0956797614532656>
24. Wu, C. & Wolfe., J. (2002). The Functional Visual Field (s) in simple visual search. *Vision Research*, 190, 107965. <https://doi.org/10.1016/j.visres.2021.107965>
25. Bertera, J.H. & Rayner, K. (2000). Eye movements and the span of the effective stimulus in visual search. *Perception and Psychophysics*, 62(3), 576–585. <https://doi.org/10.3758/BF03212109>
26. Kamienkowski, J.E., Navajas, J. & Sigman, M. (2012). Eye movements blink the attentional blink. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 38(3), 555–560, <https://doi.org/10.1037/a0027729>
27. Hari, R. & Renvall, H. (2001). Impaired processing of rapid stimulus sequences in dyslexia. *Trends in Cognitive Sciences*, 5(12), 525–532. [https://doi:10.1016/s1364-6613\(00\)01801-5](https://doi:10.1016/s1364-6613(00)01801-5)
28. Lallier, M., Thierry, G., Tainturier, M.-J., Donnadieu, S., Peyrin, C., Billard, C., & Valdois, S. (2009). Auditory and visual stream segregation in children and adults: An assessment of the amodality assumption of the “sluggish attentional shifting” theory of dyslexia. *Brain Research*, 1302, 132–147. <https://doi:10.1016/j.brainres.2009.07.037>
29. Lallier, M., Donnadieu, S. & Valdois, S. (2010). Visual attentional blink in dyslexic children: parameterizing the deficit. *Vision Research*, 50, 1855–1861. <https://doi.org/10.1016/j.visres.2010.06.006>

Information about the author:

Ruzalina I. Shajhutdinova, PhD in Philology, Senior Researcher at the Neurocognitive Research Laboratory, the Institute of Philology and Intercultural Communication, Speech Therapist at the Center for Speech Pathology, Kazan Federal University (18, Kremlyovskaya street, Kazan, Russian Federation, 420008); e-mail: ruzalinkaa@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1684-7188; Scopus ID: 57204615746; eLIBRARY SPIN-code: 2913–5145.

Сведения об авторе:

Шайхутдинова Рузалина Ильясовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник НИЛ «Нейрокогнитивные исследования», Казанский федеральный университет (420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, 18); e-mail: ruzalinkaa@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1684-7188; Scopus ID: 57204615746; eLIBRARY SPIN-код: 2913–5145.

СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА. ПАРЕМИОЛОГИЯ SEMiotics. SEMANTICS. PAREMIOLOGY

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-4-1122-1138

EDN: CNHRIQ

УДК 81'367'42

Научная статья / Research article

Дискурсивные эмблемы как объект семиотического анализа

В.И. Карасик

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва,
Российская Федерация

Московский государственный лингвистический университет, Москва,
Российская Федерация

 vkarasik@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются дискурсивные эмблемы — узнаваемые идентифицирующие знаки участников общения. Установлено место этих знаков в общей системе семиотического истолкования реальности, это индексальные единицы, характеризующие отношение знака к интерпретатору и интерпретатора к знаку (вектор прагматики знака, по Ч. Моррису). Эмблемы в отличие от аллегорий и символов нужно знать, а не разгадывать. Совокупность эмблем представляет собой внешнюю форму культуры. Дискурсивные эмблемы органически присущи любому типу коммуникации и могут рассматриваться как показатели специфики дискурса. Их лингвокультурный смысл состоит в индикации принадлежности коммуникантов к единому сообществу. В персональном обиходном дискурсе эмблемы сводятся к демонстрации сокращенной дистанции общения, в институциональном дискурсе — к актуализации принадлежности его участников к определенной социально-ролевой группе, в художественном дискурсе — к акцентированию множественного и ценностно маркированного прочтения смыслов, к расширенному модусу интерпретации.

Ключевые слова: эмблема, знак, семиотика, дискурс, прагматика

История статьи:

Дата поступления: 15.05.2023

Дата приема в печать: 15.09.2023

Для цитирования:

Карасик В.И. Дискурсивные эмблемы как объект семиотического анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 1122–1138. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1122-1138>

© Карасик В.И., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Discourse Emblems as the Object of Semiotic Analysis

Vladimir I. Karasik

Pushkin State Russian Language Institute, *Moscow, Russian Federation*

Moscow State Linguistic University, *Moscow, Russian Federation*

 vkarasik@yandex.ru

Abstract. The study deals with discourse emblems treated as recognizable identifying signs of communication participants. They occupy a certain place in a general system of semiotic interpretation of reality — they are indices characterizing the pragmatic vector of a sign, according to Ch. Morris. The difference between emblems and allegories or symbols consists in their main quality — the former should be immediately recognized by the people who belong to a certain culture whereas the latter may be deciphered. Emblems as a system constitute an outer form of culture. Discourse emblems are inherent in any type of communication and may be regarded as discourse type indices. Their linguistic and cultural essence is to show communication partners as belonging to the joint community. Emblems in a personal habitual discourse demonstrate a restricted communicative distance, in an institutional discourse they indicate the group status of communicative partners, and in an artistic discourse they show a multiplex extensible variety of meanings contained in the text or any art object having an aesthetic value.

Keywords: emblem, sign, Semiotics, discourse, Pragmatics

Article history:

Received: 15.05.2023

Accepted: 15.09.2023

For citation:

Karasik, V.I. (2023). Discourse. Emblems as the Object of Semiotic Analysis. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(4), 1122–1138. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1122-1138>

Введение

Любое общение насыщено знаками, понимание которых является непременным условием использования языка. Коммуникативный подход к языку предполагает выдвижение на первый план цель общения, которая состоит в воздействии на адресата, его информировании и самовыражении участников интеракции. В основу данной работы положено предположение о том, что прагматические характеристики знаков могут быть установлены на основании модусов интерпретации, которые определяются обстоятельствами общения, отношениями между коммуникантами и нормами культуры. Рассматриваются дискурсивные эмблемы — узнаваемые идентифицирующие знаки участников общения.

Современная семиотическая теория представляет собой множество концепций, в рамках которых выделяются работы, посвященные сущности и типам знаков, их содержательным разновидностям и характеристикам их функционирования в культуре и общении. В исследованиях сущности знака

развивается известная теория Ф. де Соссюра, согласно которому основными свойствами знака являются его двусторонность (единство понятия и образа как означаемого и означающего), произвольность (немотивированность), оппозиционность, безразличие к способу реализации, ограниченное число знаков, линейность, и диалектическое сочетание неизменчивости и изменчивости [1. С. 99–111]. В наши дни тезис о произвольности знака существенно уточнен: немотивированными признаются только определенные разновидности знаков. Отсюда вытекает идея иерархии семиотических объектов — предзнаки, простые и сложные знаки (знаки знаков). Семиотическая теория является одним из оснований общей лингвистики и вместе с тем получает развитие в психологии, социологии, культурологии и философии.

В классической семиотике выделяются три содержательных аспекта знака — его отношение к реальности (семантика), к интерпретатору (прагматика) и другим знакам (синтактика) [2. С. 50]. Такое понимание строится на выделении трех видов представлений: «подобия (иконы), их отношения к своим объектам являются простой общностью какого-нибудь качества; индексы, или знаки, их отношения к своим объектам состоят из соответствий факту; символы, или общие знаки, их отношение к своим объектам имеет характер предписаний» [3. С. 104–105]. В научной литературе высказано важное уточнение: именно интерпретатор определяет понимание знака как индекса, либо иконы, либо символа [4]. Отсюда вытекает тезис о прагматике как функциональной основе знака. Вместе с тем многомерность мира дает возможность построить и такие модели знака, в которых на первый план выступают описания формальных характеристик знака и его семантических характеристик, а прагматика в таком случае трактуется как особенность употребления: пространственность, хронологический статус, степень нормативности, область применения, ареал использования [5. С. 233].

Модели знаков и знаковых систем

Социальные функции знаковых систем в понимании Ю.М. Лотмана сводятся к примарным и вторичным характеристиками общения. Первые подразумевают сообщение некоторого факта, вторые — сообщение мнения другого об известном факте. Эта корреляция соотносима с классическим противопоставлением диктума и модуса. В первом случае участники общения заинтересованы в аутентичности информации, во втором случае — происходит обогащение субъекта текстами, несущими чужую точку зрения [6. С. 19]. Вторичные характеристики общения составляют суть знаковой модели поэтического дискурса. Перспективным следует признать текстоцентрическое понимание семиотики, вторичную семиотику, сфокусированную не на знаке, а на правилах интерпретации различных дискурсивных практик [7. С. 262]. Ю.М. Лотман утверждает, что «семиотический опыт должен парадоксально

предшествовать любому семиотическому акту. <...> ... Семиотическое пространство (семиосфера) не есть сумма отдельных языков, а представляет собой условие их существования и работы, в определенном смысле, предшествует им и постоянно взаимодействует с ними» [8. С. 250]. Ученый отмечает, что «всякое построение социальной модели подразумевает разделение окружающей человека действительности на мир фактов и мир знаков с последующим установлением между ними тех или иных отношений (семиотических, ценностных, экзистенциальных и т.д.)» [8. С. 401]. Знаковый объект сочетает в себе незнаковую и знаковую функции (дом как жилище и как знак в семиотике архитектуры) [9. С. 15].

В культурологии выделены познавательные возможности, заложенные в знаке: 1) он возникает и первое время функционирует внутри ограниченной социальной группы, 2) он связан с определенной исторической эпохой, временем и читается через ассоциации с ними, 3) общественный и культурный опыт, на основе которого переживается знак, постоянно меняется, 4) он характеризуется единством объективной картины мира и личного ее переживания [10. С. 37–42]. Эти характеристики знака позволяют считать, что основной функционирования языка является его двуединая функция — коммуникативная и моделирующая [11. С. 23]. Эвристически ценной представляется идея Г.Г. Почепцова о суперзнаках как объединении ряда однотипных знаков, такова, например, узнаваемая деталь одежды или прически [12. С. 19].

Особый аспект знаковости выделен В.В. Дементьевым: жанры являются средством типологического осмысления лингвокультур [13. С. 179], наличие и степень развития того или иного жанра в определенной лингвокультуре является показателем ее специфики.

Заслуживает внимания исследование знаковых способов информационной связи, в котором знаки рассматриваются как способы опосредованной передачи информации, при этом противопоставляются три категории знаков: дейктические (индексалы), идентифицирующие (имена собственные, ярлыки) и характеризующие (общие имена, дескрипции) [14. С. 70]. Автор отмечает, что животные осуществляют сигнально-индексальную коммуникацию, в то время как люди — знаковую. Под сигналом понимается внешнее воздействие на систему-приемник, в ответ на которое срабатывает готовая программа реакции. Отметим, что подобные реакции, как вербальные, так и невербальные, свойственны всем людям в определенных ситуациях, и есть индивиды, для которых такие реакции являются доминирующими.

Использование знаков в общении может быть намеренным и ненамеренным, пример такого ненамеренного коммуникативного знака приводит Н.Б. Мечковская: собеседник, отвечая на случайный вопрос, вдруг краснеет, и мы понимаем, что эта информация задела его за живое. Для таких ситуаций автор предлагает термин «парасемиотика» (по аналогии с паралингвистикой) [15. С. 8]. В иной терминологии соотношение между ненамеренными

и намеренными знаками обозначается как корреляция между симптомами и сигналами. Э. Лич противопоставляет сигналы и индексы: сигнал — это автоматическая естественная связь между знаком и объектом, индекс — указательная произвольная связь, сигналы метонимичны, индексы метафоричны [16. С. 19].

Обсуждая направления семиотики, Ю.С. Степанов выделяет в рамках этой области знания био-, этно-, лингво-, абстрактную и общую семиотику [17]. Важными разновидностями семиотического моделирования реальности ученый считает противопоставление явных и неявных знаков, с одной стороны, и конкретных и абстрактных знаков, с другой стороны (примерами первого соотношения являются взмах рукой в знак прощания и соблюдение определенной дистанции при обращении к прохожему, примерами второго соотношения — различие между звуком речи и фонемой).

Оригинальная иерархическая модель знаковых систем предложена А.Б. Соломоником, который противопоставляет по признаку степени абстрактности естественные, образные, языковые, записываемые и формализованные знаковые системы первого и второго порядков, базисными единицами которых являются соответственно естественный знак, образ, слово, иероглиф, символ с постоянным и переменным значением [18. С. 76]. В этой схеме объединяются знаковые единицы разной природы, при этом в основе такой модели лежит предположение о том, что математическая формула является высшим семиотическим объектом. Каждая из знаковых систем имеет свою функцию: за естественными знаками закреплена функция ориентировки в обыденной жизни, за образными знаками — характеристика изображаемого, языковые знаки объясняют действительность, системы записи фиксируют опыт людей для передачи следующим поколениям, формализованные знаки используются для открытий явлений, недоступных наблюдениям [18. С. 135–137]. Ценность приведенной модели состоит в последовательном раскрытии семиотических оснований освоения познаваемой реальности, и поэтому знаки науки занимают в этой модели самую высокую ступень. Но мир многомерен, и если мы согласимся с тем, что видовым отличием человека, по словам И.А. Бродского, является поэзия, иерархическая модель знаков примет иной вид. Принципиально другой будет и аксиологическая знаковая система, сориентированная на осмысление ценностей, выраженных в символах.

Коммуникативный и лингвокультурный подходы к языку предполагают органичную встроенность языка в культуру, коммуникативную ситуацию и сознание коммуникантов. Отсюда вытекает приоритетность прагматического истолкования языковых и любых других знаков, хотя понятно, что научное описание знаков неизбежно сводится к челночной процедуре объяснения — от смысла к значению и от значения к смыслу и установлению типов понимания и непонимания знаков [19. С. 29–30].

В семиотических исследованиях подчеркивается значимость социально-культурного понимания знаков, вне контекста знак не может быть понят [20; 21]. В этом плане эмоционально-оценочная интерпретация знаков, обусловленная ценностями культуры и особенностями конкретного периода эпохи, является важнейшим и определяющим семиотическим принципом общения. Обратим внимание на знаковый момент в поведении тех, кто сбрасывает памятники известным политикам или коммерсантам [22].

Заслуживают внимания предложенные в работах лингвистов классификации символов, в частности противопоставление символов-понятий, символов-ситуаций и символических сюжетов [23].

Лингвосемиотический подход к описанию реальности представляет собой развитие интерпретативного, т.е. прагматического, осмысления знака. В этом плане показательны описания лингвосемиотики власти [24], автомобильного путешествия [25], театральности [26], эмблематической лексики [27; 28], политического дискурса [29; 30], коммуникативных ошибок [31], селфи как культурного феномена [32].

Типы эмблем в дискурсе

Одним из возможных направлений лингвосемиотического моделирования реальности является выделение эмблем, аллегорий и символов как интерпретативных знаковых феноменов [33]. Эмблеме предлагается трактовать как узнаваемый интерпретатором знак принадлежности объекта к какому-либо культурно значимому классу (униформа, акцент в речи, нарушения этикета и т.д.), аллегория — как требующий расшифровки однозначно интерпретируемый знак (стрекоза и муравей в басне), символ — как ценностно маркированный образ, допускающий множественное истолкование (крест, звезда, свастика). Один и тот же объект может получить эмблематическое, аллегорическое или символическое осмысление либо вообще не будет истолкован как знак. Эта проблематика неоднократно привлекала к себе внимание исследователей [8; 34–36]. Отметим, что в культурологии эмблема часто понимается в узком смысле как изображение, обычно соединенное с кратким текстом. Соответственно, в таком случае выделяются изображения с подписью, которая вербально дублирует иконический образ (изображение слона с подписью «слон»), либо содержит ключ к расшифровке истолкования (изображение лимона с подписью «Ложный друг», внешне плод красив, но на вкус горек). Иногда подпись противоречит содержанию изображения, по случайной ошибке либо намеренно (известен пример, когда в одном словаре под изображением курицы была подпись «Петух»). В наши дни такое расхождение смыслов активно используется в шутовом жанре «демотиватор» — изображении, подпись под которым противоречит содержанию образа. Вместе

с тем представляется допустимым и развиваемое в данной работе широкое понимание эмблемы как знака, имеющего любую форму выражения и допускающего единственное истолкование носителями определенной культуры. Заметим, что в весьма информативном «Словаре по семиотике культуры» [37] термин «эмблема» отсутствует.

Классификация эмблем может быть построена на разных основаниях. С позиций семантики эти знаки соответствуют возможным терминальным пунктам идеографических словарей, при этом приходится констатировать, что подобная рубрикация в тезаурусах практически бесконечна, поскольку бесконечен и многовариантен мир. С позиций прагматики актуальным является ситуативно-личностное прочтение эмблемы, и, соответственно, можно выделить типы модуса в общении, важнейшими из которых являются оценки. С позиций синтактики можно выделить типы ассоциативных связей эмблем с другими эмблемами. В дополнение к прагматическому объяснению эмблем можно предложить трехмерную модель их классификации. Во-первых, противопоставляются интенциональные и перцептивные эмблемы (нечто демонстрируется либо считывается как знак). Во-вторых, выделяются открытые и закрытые эмблемы (первые опознаются, а вторые не опознаются как знаки). В-третьих, существуют определяющие и уточняющие эмблемы (первые позволяют отнести объект к какому-либо классу, вторые дают возможность более точно идентифицировать объект). Следует подчеркнуть, что эмблемы считываются моментально, они функционируют на уровне узнавания, их дальнейшее осмысление может перевести их в символы.

Эмблематика жестов, одежды, пищи, запахов детально описана в научной литературе. Представляют интерес некоторые запреты, зафиксированные в приметах. Например, многие знают, что разбить зеркало — к несчастью, рассыпать соль — к ссоре. Но существуют и приметы, о которых знают только определенные группы людей. Так, раньше некоторые наши студенты клали пятикопеечную монету в обувь, чтобы получить пятерку. Это индексальный знаковый перенос по цифре. Вьетнамские студенты-русисты сообщили мне, что перед экзаменом нельзя есть яйцо. Встретив мой удивленный взгляд, они сказали: «*Можно получить ноль!*». В этом случае наблюдается индексальный перенос по внешнему признаку. В российской академической системе такой оценки нет. В нашей стране практически всем известно, что в доме нельзя свистеть — денег не будет. Кстати, многие приметы имеют подобное обоснование, например, нельзя отдавать денежный долг вечером. Близкий смысл имеет и запрет на вынос мусора после захода солнца — счастья не будет. В монгольской традиционной культуре также запрещается свистеть в доме, но по другой причине — змеи заползут. В культуре некоторых народов банту в Африке девушкам нельзя подметать пол в хижине

ночью — замуж не выйдешь. Эмблемы чужих культур часто являются для представителей иных сообществ закрытыми. Необходимо отметить, что многие молодые люди иронически относятся к этим традиционным предписаниям поведения. Остановимся на эмблемах в разных типах дискурса.

Обстоятельства общения определяют тип дискурса — персональный либо институциональный. Участники персонального (лично обусловленного) дискурса обмениваются коммуникативными знаками, объединяющими их опыт, демонстрирующими высокую степень эмпатии, искренности и готовности гибко реагировать на настроение партнера:

- Привет! Как дела? Какие планы на завтра? Может быть, съездим на Вернисаж?
- Привет! Хорошая идея. Встретимся как в прошлый раз на прежнем месте, хорошо?
- А если дождь, то не поедем.
- Конечно.

В этом фрагменте телефонного разговора коммуниканты используют фатические и указательные знаки, при этом фатика соответствует нормам разговорного общения между равными его участниками, а указательные знаки понятны говорящему и адресату. Это разговор интеллигентных людей разного пола. Знаковым моментом в этом диалоге является соблюдение норм стандартного регистра общения. По мнению М.А. Кронгауза, в современном закрытом русском мужском общении между хорошо знакомыми людьми (в армии, в тюрьме) отсутствие вульгаризмов воспринимается как знак недоверия [38]. Обратим внимание на формально-этикетный вопрос «*Как дела?*». Он не требует ответа, если адресат понимает, что это вопрос вежливости. Именно поэтому в американском английском такой же вопрос “*How are you?*” редуцировался до односложного слова “*Hi!*”.

Особую эмблематическую функцию в обиходной речи выполняют слова и словосочетания, которые Н.В. Богданова-Бегларян называет «прагматемы» [39]. В частности, выражение «*типа того / типа того что*» «семантически представляет собой «бессодержательный заполнитель пауз, «словесный мусор», который встречается в несколько затрудненной неразвитой речи, чаще у представителей криминального мира» [40. С. 608]. Динамика развития этого коммуникативного знака привела его к использованию в качестве шуточной имитации речи таких людей: «*Ты что, типа притомился?*». Жаргонизмы, как известно, выполняют парольную функцию, отделяя своих от чужих. Принято считать, что такие языковые единицы могут быть непонятны представителям другого сообщества, но это не совсем верно. Прежде всего такие выражения эмблематически закрепляют право говорящих считаться своими.

Эмблематика институционального дискурса обусловлена его функциональными характеристиками. Л.С. Бейлинсон отмечает, что основными

функциями этого дискурса являются следующие: «1) перформативная — выполнение действий, определяющих суть того или иного института (борьба за власть, установление истины, соблюдение закона и т.д.); 2) нормативная — установление и сохранении норм и правил поведения между институтом и обществом, между агентами и клиентами и между агентами внутри института; 3) презентационная — создание имиджа института и его агентов; 4) парольная — установление границы между агентами и клиентами» [41. С. 10–11]. В институциональном дискурсе его участники демонстрируют свой статус, поддерживают определенную коммуникативную дистанцию и используют знаки, характерные для соответствующей ситуации общения:

- Здравствуйте, Ольга Вячеславовна!
- Здравствуйте, Александр Михайлович! Что с Вами в этот раз?
- Да вот, похоже, опять подхватил какой-то вирус.
- Давайте, я Вас послушаю.

Пациент приходит на прием к врачу, и хотя они знакомы, общение носит тематически определенный институциональный характер. Дистанцированность подчеркивается принятыми в русской лингвокультуре обращениями в общении между взрослыми людьми, не являющимися близкими друзьями, разговор включает коммуникативные знаки демонстрации своей дискурсивной роли (врач — пациент), общение разворачивается по жесткому сценарию визита к врачу. Эмблематически маркированным является использование профессионализмов и терминов. Стоматолог будет удивлен, если пациент скажет, что его беспокоит кариес и вероятный пульпит в правой верхней шестёрке. Так говорить имеет право только врач.

Эмблематические знаки научного дискурса определяют специфику научного функционального стиля, это определения, термины, логические связи в речи, аргументы, ссылки и т.д. Например:

«Представляется целесообразным называть заимствованием процесс перемещения различных элементов из одного языка в другой. Под различными элементами понимаются единицы различных уровней структуры языка — фонологии, морфологии, синтаксиса, лексики, семантики»¹.

Нарушения эмблематики сразу же свидетельствуют о том, что говорящий относится к иной лингвокультуре. Так, например, завершив свое выступление на защите диссертации, аспирантка из Китая сказала: «*Вот и всё*». Все присутствующие улыбнулись.

Эмблематика политического дискурса состоит в знаках агонального противостояния, определяющими борьбу за власть. Этот дискурс бывает открытым и закрытым и в публичном формате реализуется в средствах массовой

информации. Приведу пример дебатов кандидатов в Московскую городскую думу 9 сентября 2014 г. на телеканале «Москва 24»:

Антон Молев: Я принял решение выдвигаться в качестве депутата в Московскую городскую Думу, потому что понимаю, как и чем конкретно можно помочь не только системе образования, но и городу в целом: на уровне законов, на уровне конкретных решений, на уровне представления интересов всех жителей нашего района.

Денис Парфенов: Дорогие друзья, сегодня Компартия защищает интересы самого широкого круга трудящихся, всех тех, кто создает богатства и приумножает их, всех тех, кто своим трудом зарабатывает себе на жизнь, передает знания, создает новые ценности, с помощью которых мы развиваем нашу страну и наш город.

Михаил Тимонов: В общественной деятельности недавно. Был наблюдателем, координатором наблюдателей района Богородское, затем координатором наблюдателей ВАО. Принимал участие в формировании Единой московской сети наблюдателей, благодаря которой теперь выборы стали достаточно честными, и прежние 30 процентов фальсификации снизились примерно сейчас до 2–3 процентов.

Николай Лазарев: Значит, ЛДПР, я всегда могу сказать, что в 1993 году закончились последние честные выборы, когда победила ЛДПР, когда были демократические выборы и когда ЛДПР прошла в первый думский созыв. Пять созывов Мосгордумы — это грязная игра, это кандидаты на выбывание, они ничего не сделали, и они ничего не обещают избирателям².

В приведенном примере видны следующие эмблематические знаки политического дискурса: построение собственного положительного имиджа (*я понимаю, чем и как конкретно можно помочь* — подразумевается: *я достаточно компетентен; Компартия защищает интересы самого широкого круга трудящихся* — подразумевается: *мы выражаем интересы большинства*) и отрицательного имиджа конкурентов (*прежние 30 процентов фальсификации снизились* — подразумевается: *другие партии обманывают народ; Пять созывов Мосгордумы — это грязная игра*, подразумевается: *другие партии ведут себя нечестно*). Каждый из кандидатов в депутаты выбирает определенную коммуникативную стратегию убеждения избирателей: один показывает свою готовность к практической деятельности, другой риторически акцентирует ценности своей партии, третий демонстрирует свой положительный опыт, четвертый выбирает полемику как доминирующий способ самопрезентации.

Эмблематика электронного сетевого дискурса отражает его функциональную сущность: это компьютерно опосредованное общение в свободное время между людьми, имеющими общие интересы. Важнейшими характеристиками такой коммуникации являются знаки самопрезентации, оценочной диалогичности и визуальной иллюстративности. Это принципиально не институциональный, а персональный дискурс.

² Режим доступа: <https://www.m24.ru/articles/vybory/09092014/55345> (дата обращения: 20.12.2022).

Участник сети «ВКонтакте», публикующий свои посты под ником «Удивительная планета», приводит фотографию огромной вертикальной каменной скалы, на вершине которой выстроено здание, к нему ведет лестница, насчитывающая более 30 пролетов.

Рис. 1. Отдельно стоящая скала между городками Гуатапе и Эль-Пеньол

Источник: Википедия. URL: <https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D0%BB%D1%8C-%D0%9F%D0%B5%D0%BD%D1%8C%D0%BE%D0%BD-%D0%B4%D0%B5-%D0%93%D1%83%D0%B0%D1%82%D0%B0%D0%BF%D0%B5> (дата обращения: 07.03.2023).

Fig. 1. Detached rock between the towns of Guatape and El Penol

Source: Wikipedia, compiled by the authors. Retrieved March 7, 2023, from <https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D0%BB%D1%8C-%D0%9F%D0%B5%D0%BD%D1%8C%D0%BE%D0%BD-%D0%B4%D0%B5-%D0%93%D1%83%D0%B0%D1%82%D0%B0%D0%BF%D0%B5>

Заголовок: «*Идеальное место для самоизоляции найдено! Это в Колумбии!*». Пользователи сети не оставили сообщение без внимания:

В.П.: Страшный сон доставщика еды 🤢

Т.Ш.: От Всемирного потопа наверное спастись можно будет! Такой камень волна не вывернет наверное?

Д.Ш.: Татьяна, такой точно не вывернет))

М.С.: Я кажется машину не закрыл. — Так спустись и проверь.

О.Х.: За хлебом пойдешь, мусор не забудь 🤢

О.К.: Если забыл соль купить?

Н.Л.: Сдохнешь, пока самоизолируешься

Н.Ц.: Я туда если один раз поднимусь, то действительно изолируюсь на долго ахах)

Только доставка еды офигевать будет 😂😂😂

П.Ч.: Сходи на двор, дровишек принеси ...

Е.О.: А если приспичит ай ай...

Инициатор общения демонстрирует себя как человека, способного с улыбкой оценивать наш удивительный мир. Стремление найти спокойное место в нашем бурном и непредсказуемом мире вполне понятно. Автор иронически показывает свое отношение к этой жизненной позиции, уточняя, что такие места на Земле есть. С некоторыми оговорками этот диалог можно назвать примером постироники, распространенного современного

иронического комментария, включающего серьезное основание и карнавальное переворачивание смыслов. Комментаторы реагируют на исходное сообщение (его ключевой компонент — фотография), комически подчеркивают трудности подъема на эту скалу (часто фигурирует персонаж «доставщик еды»), приводят аллюзии с библейским сказанием о всемирном потопе, а также с житейскими обычными ситуациями. Такие дискурсивные эмблемы выражены разговорным языком на сокращенной коммуникативной дистанции. Используются смайлики и эмодзи, знаки эмоциональной оценки.

Эмблематика художественного дискурса весьма разнообразна. Ключевым моментом для понимания знаков этого типа общения является право интерпретатора расширительно толковать содержание текста или любого арт-объекта, опираясь на определенные техники интерпретации [42]. Языковые знаки в поэтическом тексте приобретают дополнительные смыслы. Таково стихотворение А.А. Тарковского «Слово»:

Слово только оболочка,
Пленка, звук пустой, но в нем
Бьется розовая точка,
Странным светится огнем,
Бьется жилка, вьется живчик,
А тебе и дела нет,
Что в сорочке твой счастливчик
Появляется на свет.
Власть от века есть у слова,
И уж если ты поэт,
И когда пути другого
У тебя на свете нет,
Не описывай заране
Ни сражений, ни любви,
Опасайся предсказаний,
Смерти лучше не зови!
Слово только оболочка,
Пленка жребиев людских,
На тебя любая строчка
Точит нож в стихах твоих.

Этот текст, написанный классическим пушкинским четырехстопным хореем, допускает несколько направлений истолкования. Первое сводится к пониманию особой значимости поэтического слова, которое подобно живому существу. Фразеологизм «*родиться в сорочке*» подразумевает идею чудесного спасения от беды. Слово рождается не случайно,

хотя на первый взгляд представляет собой только оболочку. Загадочный образ «розовая точка» допускает множество прочтений. Возможно, это образ души, пульсация новой жизни, отсюда и описание «*бьется жилка, вьется живчик*». Возможно, это мерцание посланца из других миров. Второе направление в толковании этого текста состоит в выражении идеи пророческой судьбы поэтического слова, у него есть «*власть от века*», поэтическое слово становится реальностью, оно определяет расклад судеб («*жребиев людских*»). Такое истолкование силы слова неоднократно было заявлено в русской поэзии. Еще один вектор интерпретации эмблематики образа поэтического слова дан в финальном двустишии «*На тебя любая строчка точит нож в стихах твоих*». Это тема жертвенности, платы за поэтический дар. Интертекстуальная связь с известным стихотворением Н.С. Гумилева «Волшебная скрипка» очевидна. Эмблематический образ оболочки и пленки соотносится с человеческим телом. «Звук пустой» вызывает ассоциацию с бранным прахом. Заметим, что рождение поэтического текста суверенно, поэт констатирует, что является в определенном смысле только свидетелем слова, которое ему открылось. Предложенные векторы толкования этого стихотворения, разумеется, субъективны и могут быть уточнены и дополнены. Но такая субъективная эмблематика и составляет специфику восприятия поэтического текста, переход в область третьей сигнальной системы, в которой слова «*понятны лишь сперва, потом значенья их туманны*» (Д. Самойлов).

Заключение

Существующие модели семиотического истолкования реальности могут быть дополнены выделением эмблем как особых индексальных знаков, характеризующих отношение знака к интерпретатору и интерпретатора к знаку (вектор прагматики знака, по Ч. Моррису). В отличие от аллегорий и символов эмблемы нужно знать, а не разгадывать. Совокупность эмблем представляет собой внешнюю форму культуры. Дискурсивные эмблемы — узнаваемые идентифицирующие знаки участников общения — органически присущи любому типу коммуникации и могут рассматриваться как показатели специфики дискурса. Их лингвокультурный смысл состоит в индикации принадлежности коммуникантов к единому сообществу. В персональном обиходном дискурсе эмблемы сводятся к демонстрации сокращенной дистанции общения, в институциональном дискурсе — к актуализации принадлежности его участников к определенной социально-ролевой группе, в художественном дискурсе — к акцентированию множественного и ценностно маркированного прочтения смыслов, к расширенному модусу интерпретации.

Библиографический список

1. *Соссюр Ф. де*. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.
2. *Моррис Ч.У.* Основания теории знаков // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. М.: Академический Проект, 2001. С. 45–97.
3. *Пирс Ч.С.* Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000.
4. *Шилина М.Г., Зарифиан М.* Переосмысливая семиотику: новая категоризация знака? // Вестник Российского университета дружбы народов. Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 2. С. 305–313. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-305-313>
5. *Гринев-Гриневиц С.В., Сорокина Э.А.* Основы семиотики. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012.
6. *Лотман Ю.М.* Динамическая модель семиотической системы // Предварительные публикации института русского языка АН СССР. Вып. 60. М., 1974.
7. *Золян С.Т.* Между миром и языком: к основаниям семиотики текста // Метод: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: сб. науч. тр. Вып. 5. Методы изучения взаимозависимостей в обществоведении. Ред. и сост. М.В. Ильин. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 250–264.
8. *Лотман Ю.М.* Между эмблемой и символом // Лотмановский сборник. Т. 2. Сост. Е.В. Пермяков. М.: Изд-во РГГУ, 1997. С. 416–423.
9. *Бразговская Е.Е.* Языки и коды. Введение в семиотику культуры. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2008.
10. *Кнабе Г.С.* Семиотика культуры. М.: Изд-во РГГУ, 2005.
11. *Савицкий В.М.* О соотношении основных функций языка // Язык: жизнь смыслов vs смысл жизни: монография / под ред. Н.А. Боженковой, М.Р. Желтухиной. М.: ИНФРА-М, 2023. С. 17–23.
12. *Почепцов Г.Г.* Семиотика. М.: Рефл-бук, 2002.
13. *Дементьев В.В.* Что дало жанроведение современной лингвистике? // Жанры речи. 2020. № 3(27). С. 172–194.
14. *Чертков Л.Ф.* Знаковость: опыт теоретического синтеза идей о знаковом способе информационной связи. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1993.
15. *Мечковская Н.Б.* Семиотика. Язык. Природа. Культура. М.: Академия, 2007.
16. *Лич Э.* Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. М.: Восточная литература, 2001.
17. *Степанов Ю.С.* Семиотика. М.: Наука, 1971.
18. *Соломоник А.Б.* Очерк общей семиотики. Минск: МЕТ, 2009.
19. *Леонтович О.А.* Слово и образ в поисках друг друга: монография. Волгоград: Принтерра-Дизайн, 2022.
20. *Hodge R., Kress G.* Social Semiotics. Cambridge: Polity, 1988.
21. *Kress G.* Sociolinguistics and Social Semiotics // The Routledge Companion to Semiotics and Linguistics. Ed. by P. Copley. London and New York: Routledge, 2001. P. 66–82.
22. *Corrain L.* The iconoclasm of the everyday // Paolo Fabri. Unfolding Semiotics. Pour la semiotique a venir. Semiotics Monographs. Ed. by I. Pezzini. Thessaloniki: Aristotle University, 2023. P. 49–68.
23. *Якушевич И.В.* Лингвокогнитивная типология символов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2012. № 4. С. 5–13.
24. *Астафурова Т.Н., Олянич А.В.* Лингвосемиотика власти: знак, слово, текст: монография. Волгоград: Нива, 2008.
25. *Некрасова Т.Н., Олянич А.В.* Лингвосемиотика автомобильного путешествия: монография. Волгоград: ВГАУ, 2013.
26. *Олянич А.В., Распаев А.А.* Лингвосемиотика театральности в англоязычном политическом общении: монография. Волгоград: Изд-во ВГАУ, 2015.
27. *Крысин Л.П.* Можно ли по речи узнать интеллигента? // Общественные науки и современность. 2004. № 5. С. 157–164.

28. *Осьмак Н.А.* Чувак и чувиха в современной повседневной речи // Коммуникативные исследования. 2018. № 1(15). С. 45–55.
29. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.
30. *Чумакова Е.В.* Прецедентные ситуации как политические эмблемы // Политическая лингвистика. 2013. № 3(45). С. 144–148.
31. *Епихина Е.М.* Эмблематическая интерпретация коммуникативных ошибок // Фундаментальные исследования: научный журнал. 2014. № 1. С. 730–733.
32. *Paschalidis G.* Introduction: the Semiotics of Selfies // *Punctum*. 2018. № 4(2). P. 5–9.
33. *Карасик В.И.* Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, 2010.
34. *Григорьева Е.Г.* Эмблема: принцип и явление (теоретический и исторический аспекты) // Лотмановский сборник. Т. 2. Сост. Е.В. Пермяков. М.: Изд-во РГГУ, 1997. С. 424–448.
35. *Воркачев С.Г.* В чаще символов: образ в языке и культуре: монография. М.: Флинта, 2023.
36. *Пчелов Е.В.* Медведь в России: эмблемы и гербы // Культура в фокусе знака: сб. науч. тр. Ред. В.Ю. Лебедев, А.Г. Степанов. Тверь: СФК-офис, 2010. С. 217–230.
37. *Махлина С.Т.* Словарь по семиотике культуры. СПб.: Искусство-СПб, 2009.
38. *Кронгауз М.А.* Русский язык на грани нервного срыва. М.: АСТ: CORPUS, 2017.
39. *Богданова-Бегларян Н.В.* Путь прагматикализации, или рождение прагматемы (что пропадает и что рождается в «бермудском треугольнике» повседневной речи) // *Język i metoda*. 2019. № 6. С. 125–136.
40. *Химик В.В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004.
41. *Бейлинсон Л.С.* Профессиональный дискурс: признаки, функции, нормы: монография. Волгоград: Перемена, 2009.
42. *Москвин В.П.* Поэтика неясности. Комментарии и расшифровка тёмных мест в стихотворных текстах О. Мандельштама: монография. М.: ФЛИНТА, 2021.

References

1. Saussure, F. de. (1977). *Works in Linguistics*. Moscow: Progress. (In Russ.).
2. Morris, Ch.W. (2001). Foundations of sign theory. In: *Semiotics: an anthology*, Yu.S. Stepanov (Ed.). Moscow: Academic Project. pp. 45–97. (In Russ.).
3. Pierce, Ch.S. (2000). *Selected philosophical works*. Moscow: Logos. (In Russ.).
4. Shilina, M.G. & Zarifian, M. (2023). Rethinking Semiotics: a new categorization of sign? *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(2), 305–313. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-305-313> (In Russ.).
5. Grinev-Grinevich, S.V. & Sorokina, E.A. (2012). *Foundations of Semiotics*. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.).
6. Lotman, Yu.M. (1974). A dynamic model of semiotic system. *Preliminary publications of the Russian Language Institute, Russian Academy of Science*, 60. Moscow. (In Russ.).
7. Zolyan, S.T. (2015). Between the world and language: to the foundation of Semiotics of text. In: *Method. Moscow yearbook of social sciences: a collection of articles*. Iss. 5. Methods of study of interdependences in Social science, M.V. Ilyin (Ed.). Moscow: INION Russian Academy of Science. pp. 250–264. (In Russ.).
8. Lotman, Yu.M. (1997). Between emblem and symbol. In: *Lotman collection of articles*. Vol. 2. E.V. Permyakov (Ed.). Moscow: Russian Humanities University publishers. pp. 416–423. (In Russ.).
9. Brazgovskaya, E.E. (2008). *Languages and codes. Introduction into semiotics of culture*. Perm: Perm university publ. (In Russ.).
10. Knabe, G.S. (2005). *Semiotics of culture. An academic transcript*. Moscow: Russian Humanities University publ. (In Russ.).

11. Savitsky, V.M. (2023). On the correlation of the main functions of language. In: *Language: life of meanings vs meaning of life*, N.A. Bozhenkova, M.R. Zheltukhina (eds.). Moscow: Infra-M. pp. 17–23. (In Russ.).
12. Pocheptsov, G.G. (2002). *Semiotics*. Moscow: Refl-book. (In Russ.).
13. Dementyev, V.V. (2020). What has Genres studies given to modern Linguistics? *Speech genres*, 3(27), 72–194. (In Russ.).
14. Chertov, L.F. (1993). *Signs: an experience of theoretical synthesis of ideas of sign-oriented information connection mode*. St. Petersburg: St. Petersburg University publ. (In Russ.).
15. Mechkovskaya, N.B. (2007). *Semiotics. Language. Nature. Culture*. Moscow: Academy. (In Russ.).
16. Leach, E. (2001). *Culture and communication: Logic of symbols interconnection. To the usage of structural analysis in Social Anthropology*. Moscow: Eastern Literature. (In Russ.).
17. Stepanov, Yu.S. (1971). *Semiotics*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
18. Solomonik, A.B. (2009). *An essay of general Semiotics*. Minsk: MET. (In Russ.).
19. Leontovich, O.A. (2022). *Word and image in search of each other: a monograph*. Volgograd: PrinTerra-Design. (In Russ.).
20. Hodge, R. & Kress, G. (1988). *Social Semiotics*. Cambridge: Polity.
21. Kress, G. (2001). Sociolinguistics and Social Semiotics. *The Routledge Companion to Semiotics and Linguistics*, P. Cobley (Ed.). London and New York: Routledge. pp. 66–82.
22. Corrain, L. (2023). The iconoclasm of the everyday. In: *Paolo Fabri. Unfolding Semiotics. Pour la semiotique a venir. Semiotics Monographs*, I. Pezzini (Ed.). Thessaloniki: Aristotle University. pp. 49–68.
23. Yakushevich, I.V. (2012). Linguocognitive typology of symbols. *Russian Journal of Linguistics*, 4, 5–13. (In Russ.).
24. Astafurova, T.N. & Olyanich, A.V. (2008). *Linguosemiotics of power: sign, word, text: A monograph*. Volgograd: Niva. (In Russ.).
25. Nekrasova, T.N. & Olyanich, A.V. (2013). *Linguosemiotics of automobile journey: a monograph*. Volgograd: Volgograd Agrarian University publ. (In Russ.).
26. Olyanich, A.V. & Raspaev, A.A. (2015). *Linguosemiotics of theatre in English political communication: a monograph*. Volgograd: Volgograd Agrarian University publ. (In Russ.).
27. Krysin, L.P. (2004). Is it possible to recognize an intelligent person by speech? *Social sciences and modernity*, 5, 157–164. (In Russ.).
28. Os'mak, N.A. (2018). “Chuvak” and “chuvikha” in modern everyday speech. *Communicative investigations*, 1(15), 45–55. (In Russ.).
29. Sheigal, E.I. (2004). *Semiotics of political discourse*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
30. Chumakova, E.V. (2013). Precedent situations as political emblems. *Political linguistics*, 3(45), 144–148. (In Russ.).
31. Epikhina, E.M. (2014). Emblematic interpretation of communicative errors. *Fundamental research*, 1, 730–733. (In Russ.).
32. Paschalidis, G. (2018). Introduction: the Semiotics of Selfies. *Punctum*, 4(2), 5–9.
33. Karasik, V.I. (2010). *Linguistic crystallization of meaning*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
34. Grigoryeva, E.G. (1997). Emblem: principle and phenomenon (theoretical and historical aspects). In: *Lotman collection of articles*. Vol. 2. E.V. Permyakov (Ed.). Moscow: Russian Humanities University publ. pp. 424–448. (In Russ.).
35. Vorkachev, S.G. (2023). *In the thicket of symbols: Image in language and culture: A monograph*. Moscow: Flinta. (In Russ.).
36. Pchelov, E.V. (2010). Bear in Russia: emblems and blazons. In: *Culture in the focus of sign: a collection of articles*, V.Yu. Lebedev, A.G. Stepanov (eds.). Tver: SFK-office. pp. 2017–2300. (In Russ.).
37. Makhlina, S.T. (2009). *A dictionary of Semiotics of culture*. St. Petersburg: Arts-SPB. (In Russ.).
38. Krongauz, M.A. (2017). *The Russian language on the verge of neural breakdown*. Moscow: AST: CORPUS. (In Russ.).

39. Bogdanova-Beglaryan, N.V. (2019). The way of pragmaticalization, or a birth of pragmateme (what is lost and what is born in the “Bermuda triangle” of everyday speech). *Język i metoda*, 6, 125–136. (In Russ.).
40. Khimik, V.V. (2004). *A great dictionary of Russian colloquial expressive speech*. St. Petersburg: Norint. (In Russ.).
41. Beilinson, L.S. (2009). *Professional discourse: features, functions, norms: A monograph*. Volgograd: Peremena. (In Russ.).
42. Moskvina, V.P. (2021). *Poetics of vagueness. Commentaries and deciphering of dark places in poetic texts by O. Mandelstam: a monograph*. Moscow: Flinta. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (117485, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, 6); профессор кафедры русского языка как иностранного Московского государственного лингвистического университета (119034, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, 38); *Сфера научных интересов*: лингвокультурология, теория дискурса, теория языковой личности, лингвосомиотика; *e-mail*: vkarasik@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8306-5317, РИНЦ Author ID/SPIN-код: 6068–6478; Scopus ID: 57193175093; Researcher ID: C-3975-2016.

Information about the author:

Vladimir I. Karasik, D.Sc. in Philology, Professor, Dept. of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute (6, Akademika Volgina Str., Moscow, Russian Federation, 117485); Dept. of the Russian as a foreign language, Moscow State Linguistic University (38, Ostozhenka, Moscow, Russian Federation, 119034); *Research interests*: linguoculturology, theory of discourse, theory of linguistic personality, linguistics; *e-mail*: vkarasik@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8306-5317; SPIN-code: 6068–6478; Scopus ID: 57193175093; ID: C-3975-2016.

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-4-1139-1153

EDN: CHRWFE

UDC 811.161.1'37-112

Research article / Научная статья

Semantic Transformations of the Lexeme *Икона* in the Russian Language of the Newest Period

Tatiana M. Shkapenko , Svetlana S. Vaulina Immanuel Kant Baltic Federal University, *Kaliningrad, Russian Federation* tshkapenko@kantiana.ru

Abstract. The study focuses on the analysis of semantic changes of the lexeme *икона*, considered in a synchronous-diachronic perspective. The relevance of the study is determined by its implementation in an interdisciplinary, linguo-philosophical, as well as a contrastive, Russian-English paradigm. This ensures the objectivity of conclusions about the causes and consequences of neosemantization of the word *икона* in modern Russian. Proceeding from the study of lexicographic data, illustrative material of the National Corpus of the Russian Language and open Internet resources, it is proved that the emergence of new lexical-semantic variants of the noun *икона* is the result of semantic borrowings from the English language. The appearance in the English word *icon* of terminological meanings relating to the field of semiotics and computer technology is based on the concretization of the primary meaning “image, likeness”, in which it was borrowed from the Greek language. The emergence of a new lexical-semantic variant “idol, idol of the masses” in the semantic structure of the word *icon* is based on the actualization of the potential seme “symbol”. The use of this meaning in relation to various celebrities of pop culture leads to the positioning of icons of style, fashion and sex symbols at the highest levels of the value hierarchy of the consumer society. Anglo-American linguoconcepts penetrate into the modern Russian language as a result of calquing the lexical units from English-language publications. Despite the functioning of the lexical units *икона стиля, моды, фэшн-икона* and the word *икона* in the meaning of a religious artifact in different types of discourses, the presence of a common seme «object of worship» causes their semantic diffusion. The parallel use of the word *икона* in relation to diametrically opposed objects of sacralisation leads to a linguoaxiological clash of “own” and “strange” spheres. The result of this collision is the desacralisation of the concept *икона* in the national language consciousness.

Keywords: icon, icon of style, desacralization, semantic borrowing, semantic derivation, neosemantization, anglosemantisms

Article history:

Received: 15.08.2023

Accepted: 15.09.2023

© Shkapenko T.M., Vaulina S.S., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation:

Shkapenko, T.M. & Vaulina, S.S. (2023). Semantic Transformations of the Lexeme *Икона* in the Russian Language of the Newest Period. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(4), 1139–1153. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1139-1153>

Семантические преобразования лексемы *икона* в русском языке новейшего периода

Т.М. Шкапенко , С.С. Ваулина

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация
 tshkapenko@kantiana.ru

Аннотация. Проанализированы семантические изменения в лексеме *икона*, рассматриваемые в синхронно-диахронической перспективе. Актуальность исследования определяется его выполнением в междисциплинарной, лингвофилософской, а также в контрастивной, русско-английской парадигме, что обеспечивает объективность выводов о причинах и последствиях неосемантизации слова *икона* в русском языке. На основе изучения лексикографических данных, иллюстративного материала Национального корпуса русского языка и открытых интернет-ресурсов установлено, что возникновение новых лексико-семантических вариантов существительного *икона* является результатом семантических заимствований из английского языка. Появление у слова *icon* терминологических значений, относящихся к области семиотики и компьютерных технологий, основывается на процессе специализации первичного значения «изображение, подобие», в котором оно было заимствовано из греческого языка. Лексико-семантический вариант «идол, кумир масс» возникает в семантической структуре слова *icon* в результате актуализации потенциальной семы «символ». Употребление слова *icon* в этом значении по отношению к различным знаменитостям поп-культуры приводит к позиционированию икон стиля, моды и секс-символов на высших уровнях ценностной иерархии общества потребления. В современный русский язык англо-американские лингвоконцепты проникают в результате калькирования российскими масс-медиа соответствующих лексических сочетаний в англоязычных изданиях. Несмотря на то, что кальки *икона стиля, моды, фэшн-икона* и лексема *икона* в значении религиозного артефакта функционируют в различных типах дискурсов, наличие у них общей семы «предмет поклонения» приводит к семантической диффузии собственного, автохтонного, и заимствованного значений. Параллельное использование слова *икона* по отношению к диаметрально противоположным объектам сакрализации приводит к лингвоаксиологическому столкновению «своего» и «чужого». В результате понятие *икона* подвергается десакрализации в национальном языковом сознании.

Ключевые слова: десакрализация, семантическое заимствование, семантическая деривация, неосемантизация, англосемантизм

История статьи:

Дата поступления: 15.08.2023

Дата приема в печать: 15.09.2023

Для цитирования:

Shkapenko T.M., Vaulina S.S. Semantic Transformations of the Lexeme *Икона* in the Russian Language of the Newest Period // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 1139–1153. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1139-1153>

Introduction

While existing as the means to meet the nomination demands of people, lexis of a language represents one of the most variable and mobile layers. Semantic transformations of lexemes involve metaphoric and metonymic shifts, widening or narrowing of meanings, the redistribution of nuclear and peripheral semes within a word meaning, changing of evaluative-connotative components. One could consider be a specific type of semantic transformations the process of desacralization which is understood as “a devaluation of sacred (divine) patterns, religious ideas, world view assumptions”¹.

The desacralization process is determined by means of a great many of extralinguistic factors of social, ideological and political character. According to the opinion of E.V. Petrukhina, in lexis of various languages, the loss of sacred meaning is due to the lessening of the Christian world view, the secularization of culture and worldview picture [1. P. 239]. Pressure of secularization has been most vividly sensed since the previous century — the end of the 1990s. The influence of the American linguoculture functioning as a donator of globalization processes leads to the importation of the consumer society ideals possessing hedonistic imperatives: live here and now; retrieve worldly goods and physiologically gained pleasures of your existence, and do not experience earthly austerity reckoning upon the forthcoming prosperity in the unearthly afterworld. As assemblers-translators of the ideological assumptions there used to serve various borrowed lexical units, which are often contradicting the cultural-and-semantic word memory of the target language. The word *икона* belongs to the Anglosemantisms of the type, and in Russian, for quite a many years it possessed the only one referential correlation to the most important artifacts of the Orthodox culture. The aim of the study is to realize the analysis of semantic transformations having taken place in the meaning of the Russian word *икона* in the newest period of time. The realization of the set aim previews to distinguish the peculiarities of the Russian word *икона* functioning in the diachronic-synchronic prospects involving the English language data as a donator of semantic and linguocultural changes within the meaningful content of the lexeme *икона* in the Russian language of the 2000s — the newest time period.

Methods and materials

Theoretical-and-methodological basis of the carried out study are laid in the works by Russian and foreign scholars — philosophers and philologists devoted to the analysis of both — the sacred and exoteric Anglosemantization [7–11]. The analysis used the methods of definitional, component, functional-and-semantic and

---

¹ Philosophy: Encyclopedic Dictionary (2004), A.A. Ivin (Ed.). Moscow: Gardariki. P. 226. (In Russ.).

contextual analyses The materials of the study were extracted from explanatory dictionaries of both the Russian and English languages, the National Corpus of the Russian Language and the open Internet resources.

Икона: historical-genetic and linguocultural aspects

The Russian word *икона* is etymologically of the Greek origin, wherein it has got the meaning of “image, portrayal”: “икона — Old Russ, Ancient Slav. (min. the year of 1096 and al.) from mid.-Greek εἰκόνα, Greek. εἰκών². According to the Orthodox-Slavonic language dictionary: *икона* — Greek. εἰκών = икона, образъ, изображение (‘icon, image, portrayal’): of 1) Христа, Богоматери и святыхъ; (‘Jesus Christ, God’s Mother and Saints’); 2) событий из священной и церковной истории (‘the events of the Holy Church history’)³. The V. Dahl’s Dictionary explains the meaning of the word *икона* as «ж. образ, изображение лица Спасителя, Небесных Сил или угодников» (lit.: “image, fem.; ‘the portrayal of Christ the Savior, Holy forces or Saints’)⁴.

The Encyclopedic definition characterizes the icon as “one of the main phenomena of the Orthodox culture on the whole, and Russian culture, in particular; the important category of the Orthodox religious and aesthetical consciousness”⁵. There are mentioned the following functions of the icon: 1) the narrative about the events of the Holy history; 2) the expression of the main moral Christianity principle — jen-humanity, love for men as a consequence of the love of God for people and human love of God, <...> 6) the function of the specific symbol possessing the real energy of the archetype; this is the source of sacred and miraculous icon’s functions; 7) the embodiment of the collegiality, communalism, the unity of the earthly and heavenly, the communion of all the creatures before the Creator, and so on⁶.

Commenting on the depth and width of the icon influence on the clerical, state, social and private life of a Russian man, V.V. Lepakhin enumerates 21 functions of the icon, and among those “devotional (prayers), miraculous, liturgical, historical, bethink, ancestral and aesthetic functions are the core ones”⁷.

The significance and multitasking functionality of the icon as well as separate stages of its history are reflected in the diachronic processes of word-building.

²Fasmer, M. (1987). *Etymological Dictionary of the Russian Language*: in 4 vols. Moscow: Progress. Vol. 2. P. 125.

³Dyachenko, G. (1998). *Complete Church Slavonic Dictionary*. Moscow: TERRA Knizhny club. P. 219.

⁴Dal, V.I. (1979). *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian language*: in 4 vols. Moscow: Russian language. (In Russ.). P. 40.

⁵New Philosophical Encyclopedia (2001). Stepin, V.S. (Ed.). Moscow: Mysl’. (In Russ.). P. 92.

⁶New Philosophical Encyclopedia (2001). Stepin, V.S. (Ed.). Moscow: Mysl’. (In Russ.). P. 92.

⁷Lepakhin, V.V. *I con functions*. URL: https://portal-slovo.ru/art/35905.php?ELEMENT_ID=35905&PAGEN_1=3 (accessed: 21.02.2022).

While the family of words in the V. Dahl's Dictionary includes 22 derivatives, the Dictionary by A.N. Tikhonov fixes 12 derivatives⁸. It's worth mentioning that not a single one dictionary on word-building includes in the family of words sets widely used diminutive *иконка*. The fact to mark its absence could cause a surprise because the meaning of the word is not limited just to mean a small size of a definite referent (word collocations of the word *икон* with Russian adjectives *маленький*, *небольшой*, *миниатюрный* and the like re quite regular), but at the same time it signifies personal "mastering" of a sacred object by an individual, its conceptualization as an individual amulet or talisman, a sacred tutelary artifact. Such semantics directly follows the examples of using the diminutive in various historic epochs, e.g. in Russian:

Достала она иконку — родительское, видно, благословение — старинная иконка, небольшая, обложенная серебром, которая у брата всегда была при нем в левом, как просила мама, внутреннем кармане (NCRL)⁹.

У меня пропала маленькая иконка Преподобного Сергия, с которой я никогда не расставался, она была на мне, когда в 1932 году я тонул в сибирской тайге (NCRL)¹⁰.

Before the borrowed word *икона*, which dates back to the year of 1073, was included in the Orthodox lexicon, there was used in the same meaning the word of Common Slavonic origin *образ* (lit.: 'image'), and I.I. Sreznevskij dates it back to the year of 993 as the first example of using it in Russian: *Подпись на иконе Корсун Бож. Матери Начать образ писуць пьсати*. Different from the borrowed lexeme, the archetypal Russian word *образ* rendered a few meanings and I.I. Sreznevskij quotes those in Russian: 1) видъ, образъ ('view, image'); 2) видъ, подобие (view, similarity); 3) призракъ ('phantom'); 4) изображение, икона, образ *εἰκόν* ('portrayal, icon, image'); 5) образец, пример ('pattern, example'); 6) знак, символ ('sign, symbol'); 7) чин, сан (rank, rite); 8) способ, форма ('method, form'); 9) естество ('essence'); 10) грамматический термин ('grammar term'). In Ancient Russian memorial scripts the word *образ* meaning 'icon' is often accompanied with an adjective determinant, précising its sacred reference: *святой* ('saint'), *нерукотворный* ('achiropoeta'), *божественный* ('divine'). In some quotations both members of word collocations are written with the capital letter, e.g. (Russian): *Свершишиа церковь камену Святый Образъ*¹¹.

⁸ Tikhonov, A.N. (1985). *Word-building Dictionary of the Russian Language*. Moscow: Russian language. (In Russ.). P. 94.

⁹ NCRL — here and there on — The National Corpus of Russian Language. URL: <https://ruscorpora.ru> (accessed: 12.02.2023).

¹⁰ Sreznevsky, I.I. (1958). *Materials for the Dictionary of the ancient Russian language on written materials*. Moscow: Publishing house of foreign and national dictionaries. (In Russ.). P. 1087.

¹¹ Sreznevsky, I.I. (1958). *Materials for the Dictionary of the ancient Russian language on written materials*. Moscow: Publishing house of foreign and national dictionaries. (In Russ.). P. 541.

The 20th century explanatory dictionaries specify the sacred meaning of the noun *образ* as an independent homonymous one with the adjective lexeme. In speech, the discrimination of the homonyms takes place not only with the help of the Russian adjective *святой* (*святой образ; образ святых*), but also by means of the attached morphological marker of the plural noun form of the inflexion with the stressed *-а*:

Вопиеть лѣтописецъ. Святые образа безстыдно потоптаны! О горе! (NCRL).

A homonym also marks a derivative of *образок*, which represents the autochthonous doublet of *иконки*. Parallel diminutive forms of both words confirm the necessity of the dramatic nominative implication: to denote a small size of the signified, on the one hand, and the strife to personify a sacred object/ on the other hand. In the experience of a God believer, *образок* and *иконка* represent a special symbol to exteriorize the heavenly and sacred and, consequently, possessing real energy of the archetype, the capability to “conserve” and “protect” its possessor from earthly misfortunes, e.g. in Russian:

Я расставил иконы, как было раньше, задержал в своих руках образок своего ангела-хранителя — мученика Анатолия (NCRL).

According to the NCRL data, the word *образок* is much more often used (236 records, 373 entries), to compare with the word *иконка* (103 records, 132 entries). Among God believers, such priority of a Slavonic word over the lexeme of the Greek genesis one could estimate as an intuitive feeling of language bearers as to the greater applicability of a word of the native origin for the goals to nominate a private object so that in the sphere of sacrum to minimize the distance between the transcendental and ordinary, trivial, the heavenly and earthly, between the All-mighty God and off-dependent Self. As is known, icons and images were placed by Orthodox believers in the so-called “beautiful (sacred, apex) corners”, oil lamps were lightened in front of them, believers genuflected (knelt down) in front of them and offered prayers to the Saints portrayed on the religious artifacts. At the same time in relation to the sacred images in temple buildings, the lexeme *икона* is predominantly used as it’s specific to denote the icon paintings even while being a buy and sell object, e.g. in Russian:

Русская икона во всем мире признана одной из вершин живописного искусства (NCRL);
Если икона старая, ее можно загнать за крутые бабки (NCRL).

In fixed and codified by the Church names of various icons the word *икона* is a must requirement, e.g.: *Kazanskaya, Tikhvinskaya, Feodorovskaya* and others, *the God Mother icon, the Reverend Sergej Radonezhskij icon* and so on.

Therefore until the beginning of the 21st century, in Russian, the word *икона* (*иконка*) has got solely one meaning referring to the sphere of sacrum. Parallel functioning of the autochthonous lexeme *образ* (*образок*) bearing the very same meaning was and still is situationally and contextually marked.

The lexeme *icon* polysemy development in the English language

The 1912 Oxford Dictionary states the Greek origin of the word and mentions the only one meaning:

Icon, n.: «Image, statue (Eastern Church), painting, mosaic, of sacred personage, itself regarded as sacred»¹².

The first semantic transformations of this word started in the mid-20th century with the earlier introduction of the terms *icon*, *iconic* by Ch.S. Peirce, an American philosopher and semiologist, in the frames of the proposed triade of linguistic signs — symbol, index, icon: «Peirce thought that “representations” generate further interpretants in one of three possible ways. <...>. These he calls likenesses, but they are more familiarly known as *icons*»¹³. The scholar proposed to use a word as one of the basic terms of semiotics which was motivated with the general and common meaning of “similarity, image, portrayal”, and it doesn’t involve even implicitly any association with the icon as an object of religious art. Proceeding from the “desacralized” meaning of the Greek borrowing and appealing to the tradition to use Latin or Greek sources in order to create term, Ch.S. Peirce narrows the meaning of the word and assigns the quality of a terminological lexeme to it.

Similar type of semantic transformation takes place in the process to attach to the word *icon* the meaning which came into being in course of the development of computer technologies already in the 21st century. According to the dictionary, “icon: a small picture or symbol on a computer screen that you point to and click on with a mouse to give a computer an instruction”¹⁴. So the prototypical meaning of the Greek word had undergone the narrowing of a concrete referent, possessing the exterior objectivized correlation in proper graphical symbols or notes.

A little earlier, in the middle of the 20th century the noun *icon* got into the focus of attention of American experts in the field of mass-culture, who were actively inventing “selling” metaphors. The word began to be used in relation to a person who embodied some kind of perfectness and enjoyed great popularity among the people:

«Icon: a person widely admired especially for having great influence or significance in a particular sphere»¹⁵. It’s worth mentioning that the

¹² The Concise Oxford Dictionary of Current English (1912). Oxford: Clarendon Press. P. 402.

¹³ URL: <https://plato.stanford.edu/entries/peirce-semiotics> (accessed: 20.03.2023).

¹⁴ Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (accessed: 6.03.2023).

¹⁵ Merriam-Webster Dictionary. URL: <http://www.merriam-webster.com> (accessed: 6.03.2023).

metaphorization directed from an image or portrayal to a man has already had its linguocognitive precedents: thus/ the collocation *political figure* is widely used in various languages with the aim to denote the formation of features making up the portrait of a given politician. However, the use of the word *icon* in the innovational contexts *icon of style*, *fashion-icon* leads to the fact that the neosemantized noun starts unexpectedly to connect both — the array of bearer's features and a certain sacred sense initially belonging only to the meaning connected with the reference to the Orthodox culture artifacts.

It's necessary to underline that there's no strong reason to describe the appearance of this lexico-semantic variation as an effect of the meaning desacralization referring to an object of the Orthodox religious art. It's quite obvious that the given object stays in the periphery of the linguocultural consciousness of representatives of the Anglo-Saxon culture and doesn't involve those senses which could form the motivational base to develop new lexico-semantic variations of the word¹⁶. The act to nominate thinking movement in the direction from a portraying to a symbol seems much more approved while this symbol represents a certain sign to denote something. It's of no coincidence that the word *symbol* in its dictionary definition combines both the motivational and derivative meanings of the noun *icon*:

«Icon — 1. (computing) a small *symbol* on a computer screen that represents the program or a file. 2. A famous person or thing that people admire and see as a *symbol* of a particular idea, way of life, etc.»¹⁷.

Resorting to the nominators' idea on the symbol as a source of metaphorical derivational meaning of “a man-an icon” is also supported with the parallel functioning of such an important definition to identify a sex-symbol in modern American culture:

«Sex-symbol: a usually renowned person <...> noted and admired for conspicuous sex appeal»¹⁸.

The noun *symbol* is also often used in meta-reflexives of the Internet users who are giving their own definitions of the word *icon*:

«If you describe something as an icon, you mean that they are important as a symbol of something; `an icon of style'», and:

«An icon or celebrity, who everyone sees as sexually attractive»¹⁹.

¹⁶ I.V. Bugayev remarks that the English word *icon* doesn't possess any religious sense, and the sacred meaning is marked in graphics with the letter **k**: *ikon* [12. P. 18].

¹⁷ Oxford Advanced Learners Dictionary of Current English (2000). Oxford: Oxford University Press. P. 671.

¹⁸ Merriam-Webster Dictionary. URL: <http://www.merriam-webster.com> (accessed: 6.03.2023).

¹⁹ Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com> (accessed 10.03. 2023).

Among the persons who are meant as icons or sex-symbols there are considered Marilyn Monroe, Grace Kelly, Kim Kardashian, Chris Pratt and many others. Resorting to such symbols of the past times as Marilyn Monroe and Grace Kelly is useful for their mythology and sacralization.

In the consumer society the producing of mass-culture icons is churned out; natural profane reality turns into the supernatural sacred reality, Similar to a religious icon, people pray the idols including their glossy pictures, they are revered, and the idols put forward a set of certain actions which are awaited from their admirers or fans. The icons are created and positioned not just as some best models of human beings, but also as an efficient marketing means increasing the sales of must-have things or ideas.

According to the Cambridge Dictionary, famous people-icons are used to represent a certain set of beliefs and opinions or the way of life: «Icon: a very famous person that is used by society to represent a set of beliefs or a way of life»²⁰.

One of the types of a man-icon, the most important consumer society's axiological orientation makes the icon of style or fashion:

«*Style icon, icon of style*: fashion icon, a person that is very well known as being highly fashionable»²¹. Style icons are characterized as influential people who introduce new styles <...>, trigger new style which others may follow.

Mass orientation to impersonate some idols is formulated here by means of politically correct desirability modality. In fact, all creations bearing in themselves prototype content are created by business with the aim to cause admiration and give motivation to imitate and copy. Mass-culture leads to “resurrection of hypnotic means to influence consciousness and almost fantastic belief in rites and rituals of adoration cult of idols and gods of mass-culture” [13. P. 133]. In this connection, the opinion of E.L. Yakovleva, who includes the cult of modern icons in the sphere of *specific religion* called *Post / Neopaganism* seems quite reasonable [14. P. 91]. The great market mechanism elaborates the sacralization of personalities chosen to be the icons of style. In the course to create a cult figure, an idol there are involved modern “believers” themselves, who have the possibility of the interactive Eucharist and commenting of all activities. Multipliable fan-clubs together with the earlier emerged paparazzi also legalize the status-quo already established under the conditions of consumer society: discriminating the society into celestial dwellers living in the Paradise already here on the Earth and the crowds of admirers idolizing them. As a result, the new lexico-semantic variation of the noun *icon* codifies not only the word semantics, but its pragmatics as well to form “optimal necessary” instinct of copying to provide for commercial demand, and also necessary mass positive admiration to new idols to conserve security and social order.

²⁰ Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (accessed: 6.03.2023).

²¹ Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (accessed 10.03. 2023).

Anglosemantization of the word *икона* in the Russian language of the newest times

It the end of 1990s Russia took the orbit of globalization which brought radical changes of linguocultural and axiological areas. After 70 years of material goods and benefits abstention the Russians obtained a chance to “get the Eucharist” to the diametrically opposite civilization, among those the icons which it produced during the period of social well-being. In Russia, getting more and more reach, there was quickly established the ideology of glamour, started to develop fashion industry, came into being the society positioning itself as a secular, high society⁴ there started to replicate foreign and emerge its own local icons of style and fashion, as well as sex-symbols.

As any other American mass-culture product, icons of style and sex are translated into Russian by means of calques of the lexical nomination data of the donator source language. Fashion magazines, formed according to western patterns include in the published articles both the terms themselves (*icon of style or fashion, fashion-icon*) and lavishly illustrated stories of the persons, “iconized” in the West or bred inside of a proper country (In Russian):

*Иконы стиля: от Мэрилин Монро до Анджелины Джоли. Женщины всего мира считают их эталонами стиля; Круче, чем Джоли! 5 российских звезд, ставших иконами*²² (Literally: “*The icons of style: from Merylin Monroe to Angelina Jolie. Women worldwide consider them to be the icons of style; Much cooler than Jolie! 5 Russian stars who became icons of style*”).

Besides the translation calques, in Russian, *the icon of fashion* or *icon of style* are regularly used with this meaning as transliterated or transcribed from English *фэшн-икона, бьюти-икона* or hybrid English-Russian analogue *fashion-икона*. In various sites such composites occupy strong position previewing the story about fashion patterns, sexuality and style, being used as a pragmatic trigger and meaning to overtake the attention of the targeted audience; in Russian:

*Ими восхищаются. Им подражают. Их гардероб признан лучшим в современности. Знакомьтесь, иконы стиля XXI века. Каждая из них обладает колоссальной властью над нашим стилем и формирует в нас свой, особый вкус*²³ (Literally: “*They are admired. They are mirrored. Their outfit is valued as the best modern one. Get to know the 21st century icons of style. Each of them has got a colossal power over our style and on us, they impose their own special style*”).

Together with the prepositional marker *бьюти-* (beauty-) the word *икона* (icon) quite often has got the prepositional affixoid *секс-* (sex-): *Секс-икону Саманту в сиквеле сериала „Секс в большом городе” заменит небинарный стэнд-ап*

²² URL: <https://discoverstyle.ru> (accessed: 6.03.2023).

²³ The Concise Oxford Dictionary of Current English (1912). Oxford: Clarendon Press. P. 402. URL: <https://sokolov.ru> (accessed: 6.03.2023).

комик²⁴ (Literally: ‘The sex-icon Samantha of the series sequel “Sex in the Big City” is going to be substituted by a non-binary standup comic’).

The American way to iconize something or somebody used to be extrapolated on the Soviet reality. The Internet is full of titles (In Russian): «Секс-символы советского времени, кино, кинематографа. Топ-10, 20, 30 секс-символов советского кино» (Literally: ‘Sex-symbols of the Soviet time: cinema and film-making Top-10, 20, 30 sex-symbols of the Soviet cinema’). As is stated, «... женщины того периода старались подражать голливудским секс-символам, при этом даже ни разу не посмотрев фильмов с ними. Для женщин музыкальная комедия „Карнавальная ночь“ стала настоящим откровением, а молодая дебютантка в роли Леночки Крыловой буквально в один момент стала иконой стиля»²⁵ (Literally: ‘women of that time tried to follow Hollywood sex-symbols, and at that, they’ve never seen even once the films with Hollywood sex-symbols. For women the musical comedy “Carnival Night” made a real revelation, and a young debutant playing the role of Lenchka Krylova has at once literally become the icon of style’). “A Komsomol member, a sportswoman, and just a beauty” — the precedential characteristics given in the Soviet history to the actress Natalya Varlej who unexpectedly acquired American features to make a “sex-icon Natalya Varlej”. Just a few sited pose a question if it’s proper to extrapolate onto the Soviet reality a lexical label of borrowed from the American environment (In Russian): Уместен ли вообще этот термин (секс-икона) по отношению к нашим актерам того времени?²⁶ (Literally: ‘If on the whole the term of sex-icon proper in relation to our actors of those times?’).

Using of the word *icon* meaning the body lower part which is put on the pedestal of the spiritual top could be unconditionally interpreted as a case of borrowing a homonym. However, semantics of homonyms at least in the historic prospect, tries to escape crossings of meaning, and keeping the distance in the target linguistic consciousness. If the *icon* meaning a “pictograph” doesn’t really interact with the meaning of the Orthodox cult object due to its referential distance, the *icon of style* or *fashion* which is admired and worshipped, couldn’t but evoke among the bearers of the Russian linguoculture a false linguocognitive interpretation and ill-feeling of the depreciation of the bases of the proper national worldview. Essentially, the functional role of an icon “to present an object of sacrum” stays at most the same, but the sphere of its denotation does cardinaly change. If the Orthodox artistic portrayal includes picturing the faces of Saints, in the “neo-icons” living personages are subjected to sacralization. If the meaningful content of the Orthodox icons reflect the sacred and synonymously reveals sacred, hidden, Holy, heavenly, supernatural, transcendent, eternal, truthful, and high, the meaningful content of the glamour

²⁴ URL: <https://chekhovdelo.ru> (accessed: 6.03.2023).

²⁵ URL: <https://dubikvit.livejournal.com> (accessed: 6.03.2023).

²⁶ URL: <https://dubikvit.livejournal.com> (accessed: 6.03.2023).

icons is revealed in the line of synonyms like profane, obvious, ordinary, earthly, passing, near-sided, low, sex-appealing, fleshy, material, non-spiritual, glamorous.

The connection between the new icons as the desacralized old ones is observed even by ordinary language bearers. Thus when Mr.R. Zakharuk, the Director of the Frankfort Museum of Icons added to the collection of Orthodox icon paintings some samples devoted to the sex-symbol Merylin Monroe, it arose justified doubts on the reasonability of their incorporation:

Икона освящает дом. Но в наши дни священные образы, созданные церковью, заменили «иконы» поп-культуры. Музей икон во Франкфурте показывает это на примере культа Мэрилин Монро²⁷ (Literally: 'An icon blesses a house. But nowadays sacred portrayals, created by the Church, are substituted by the pop-culture "icons". The Frankfort Museum of Icons demonstrates it on the example of Merylin Monroe's cult').

In fact, the incorporation of sacred icons with profane, earthly ones witnesses on the emerging idea of sex and style icons to present the modern analogue of religious icons. As Ms.B. Domb-Kalinowska writes: “The notion of the “icon” has undergone the degradation and vulgarization, and in the general apprehension, the borderline between the icons, belonging to the sacrum sphere, and equating them with mass-culture idols has been practically erased” [15. P. 7]. Current erosion of meanings is supported with the profane sacralization, typical for the glamour ideology, when “the classical sacralization” (uprising to God the Creator concepts being in the center of the world view) are easily substituted with the profane sacralization (the new time concepts that mounted Man the Creator in the place of God)” [16. P. 72]. The icons of style, fashion or sex result in the deification (theosis) of a Man as the Creator of his own success where outward features popularity, the highest salaries and living standards, beauty or sexuality — present the sacralizational simulacra.

Conclusions

Transformations and changes in the meanings of the Russian word *икона* demonstrate the result of semantic borrowing of the corresponding lexico-semantic variations of the English word *icon*. If the loanword terminological meanings as the type of a sign in semiotics and the graphic sign, pictograph function in the modern Russian language as homonymous units in relation to the religious meaning of the word, the implantation into the linguistic consciousness such linguoconcepts as style or fashion icon which position various sex-symbols as the modern icons evoke sensation of meaningful closeness of religious icon and profane, a more modern analogue, in the globalization period being implanted like fashionable, and progressive, and civilizational concepts. And though these brought from the outside

---

²⁷ URL: <https://www.pinterest.ie/pin> (accessed: 6.03.2023).

concepts could hardly become classical for the Russian culture, because they are not borne naturally to make a phylogenetic product, their active replication in modern discursive practices leads to semantic diffusion and axiological erosion of “Self” and “Alien”, and, as a result, to the desacralization of the icon notion in the national linguistic consciousness.

References

1. Petrukina, E.V. (2018). The Processes of Desacralization of Vocabulary in the Russian Language: the role of derivational formants. *Russian language in a multicultural world*. Moscow. pp. 238–248. (In Russ.).
2. Kayua, R. (2003). *Myth and Man. Man and the Sacred*. Moscow: OGI Publ. (In Russ.).
3. Kudashov, V.I. & Burtasova, N.S. (2015). Sacralisation of Ideals and Values in Management of the Mass Consciousness. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 8(5), 1011–1021. (In Russ.).
4. Shirokova, M.S. (2010). Some Features of Desacralization as the Main Structure-forming Mechanism of the Elements of the Church Worldview (on the Example of Concepts of *Sacrifice* and *Prayer*). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 9(2), 13–19. (In Russ.).
5. Shkuran, O.V. (2019). Language units with sacred semantics: linguocultural and lexicographic aspects. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(2), 336–352. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-10-2-336-352> (In Russ.).
6. Obmorokova, A.M. & Nemaeva, N.O. (2016). Orthodox artistic culture as a traditional means of sacralization of basic social ideals. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 9(2), 394–405.
7. Paducheva, E.V. (2004). *Dynamic Models in the Semantics of Vocabulary*. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.).
8. Shkapenko, T.M. & Vaulina, S.S. (2020). Problems of Terminology and Theoretical Description of Language Derivation Levels. *Science Journal of VolSU. Linguistics*, 19(6), 204–215. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.16> (In Russ.).
9. Belov, V.A. (2020). Semantic Derivation of Nouns. *Tomsk State University Journal*, 459, 5–14. (In Russ.).
10. Vasilieva, G.M. (2023). Ecology: Dynamics of semantic changes of the word in the mirror of Russian explanatory dictionaries of the 20th — early 21st centuries. *Russian Journal of Lexicography*, 29, 71–86. <https://doi.org/10.17223/22274200/29/4> (In Russ.).
11. Witalisz, A. (2007). *Anglosemantisms in Polish Language*. Kraków: Tertium Publ. (In Polish).
12. Bugaeva, I.V. (2016). Concept I con in Russian Language Picture of the World. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 3(20), 13–20. (In Russ.).
13. Mordovina, L.V. & Shilova, A. (2009). The Phenomenon of Mass Culture in Modern Society. *Analytics of Cultural Studies*, 2(14), 133–134. (In Russ.).
14. Yakovleva, E.L. (2017). Modern transformations: from paganism to (post) neo-paganism (on the example of glamorous social). *Sociodynamics*, 2, 91–100. (In Russ.).
15. Dąb-Kalinowska, B. (2000). *Ikons and Images*. Warsaw: DIG Publ. (In Polish).
16. Schmidt, V.V. (2011). On the sign and symbol in religion and society in the aspects of inter-institutional dialogue. *Religious Studies*, 3, 69–74. (In Russ.).

Библиографический список

1. Петрухина Е.В. Процессы десакрализации лексики в русском языке: роль словообразовательных формантов // Русский язык в поликультурном мире. Сб. научных ст. II Международного симпозиума. М., 2018. С. 238–248.
2. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М.: ОГИ, 2003.

3. *Kudashov V.I., Burtasova N.S.* Sacralisation of ideals and values in management of the mass consciousness // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2015. Т. 8. № 5. Р. 1011–1021.
4. *Широкова М.С.* Некоторые особенности десакрализации как основного структурообразующего механизма элементов церковной картины мира (на примере концептов жертвоприношение и молитва) // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2010. Т. 9. № 2. С. 13–19.
5. *Шкурин О.В.* Языковые единицы с сакральной семантикой: лингвокультурологический и лексикографический аспекты // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2019. Т. 10. № 2. С. 336–352. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-10-2-336-352>
6. *Obmorokova A.M., Nemaeva N.O.* Orthodox artistic culture as a traditional means of sacralization of basic social ideals // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2016. Т. 9. № 2. С. 394–405.
7. *Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
8. *Шкапенко Т.М., Ваулина С.С.* Проблемы терминологизации и теоретического описания уровней языковой деривации // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание*. 2020. Т. 19. № 6. С. 204–215. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.16>
9. *Белов В.А.* Семантическая деривация имен существительных // *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 459. С. 5–14.
10. *Васильева Г.М.* Экология: динамика семантических изменений слова в зеркале русских толковых словарей XX — начала XXI в // *Вопросы лексикографии*. 2023. № 29. С. 71–86. <https://doi.org/10.17223/22274200/29/4>
11. *Witalisz A.* *Anglosemantyzmy w języku polskim*. Kraków: Wyd-ctwo Tertium, 2007.
12. *Бугаева И.В.* Концепт икона в русской языковой картине мира // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика*. 2016. № 3(20). С. 13–20.
13. *Мордовина Л.В., Шилова А.* Феномен массовой культуры в современном обществе // *Аналитика культурологии*. 2009. № 2(14). С. 133–134.
14. *Яковлева Е.Л.* Современные трансформации: от язычества к (пост) неоязычеству (на примере гламурного социального) // *Социодинамика*. 2017. № 2. С. 91–100.
15. *Dąb-Kalinowska B.* *Ikony i obrazy*. Warszawa: Wyd-ctwo DIG, 2000.
16. *Шмидт В.В.* О знаке и символе в религии и обществе в аспектах межинституционального диалога // *Религиоведение*. 2011. № 3. С. 69–74.

Information about the authors:

Tatyana M. Shkapenko, D.Sc. in Philology, Associate Professor, Professor of the Institute for the Humanities, I. Kant Baltic Federal University (14 Alexander Nevsky str., Kaliningrad, Russian Federation, 236041); *Research interests*: linguistics of globalization, lexical semantics, pragmalinguistics. The author of more than 100 academic publications, including monographs, articles, manuals; *e-mail*: tshkapenko@kantiana.ru
ORCID: 0000-0002-6892-4205

Svetlana S. Vaulina, D.Sc. in Philology, Professor, Professor of the Institute for the Humanities, I. Kant Baltic Federal University (14, Alexander Nevsky st., Kaliningrad, 236041 Russian Federation); *Research interests*: modality, functional linguistics, lexical semantics. The author of more than 200 academic publications, including monographs and articles; *e-mail*: svaulina@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7109-2836

Сведения об авторах:

Шкапенко Татьяна Михайловна, доктор филологических наук, доцент, профессор Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (236041, Российская Федерация, г. Калининград, ул. Александра Невского, 14). *Сфера научных интересов*: лингвистика глобализации, лексическая семантика, прагмалингвистика. Автор свыше 100 публикаций, среди которых научные монографии, статьи, учебные пособия; *e-mail*: tshkapenko@kantiana.ru
ORCID: 0000-0002-6892-4205

Ваулина Светлана Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, профессор Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (236041, Российская Федерация, г. Калининград, ул. Александра Невского, 14). *Сфера научных интересов*: модальность, функциональная лингвистика, лексическая семантика. Автор свыше 200 публикаций, среди которых научные монографии, статьи, учебные пособия; *e-mail*: svaulina@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7109-2836.

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-4-1154-1177

EDN: CCLHLL

УДК 811.512.37'373

Научная статья / Research article

Категоризация отношения к действительности в паремиологических единицах

Е.Е. Иванов

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова, Могилев, Республика
Беларусь

 ivanov_ee@msu.by

Аннотация. Рассматривается семантика пословиц с точки зрения ее отношения к окружающему миру как объекту познания, оценки, верификации и вербализации. Цель исследования — описать основные семантические типы паремиологических единиц (пословиц) по критерию «отношение к действительности» в эмпирическом, аксиологическом, онтологическом и логическом аспектах. Исследование проведено на материале калмыцких пословиц из сборника В.Л. Котвича (1905). Использована авторская методика категоризации семантики афористических единиц и их дифференциации на семантические типы по критерию «отношение к действительности». В результате исследования выявлено, что в пословицах представлены все основные аспекты афористической категоризации действительности, в соответствии с которыми пословичная семантика дифференцируется на шесть категорий: номологическая, сентенциональная (в эмпирическом аспекте), трюистическая, грегериическая (в аксиологическом аспекте), парадоксальная (в логическом аспекте), абсурдная (в онтологическом аспекте). Установлено, что категоризация отношения к действительности в пословицах характеризуется разной количественной представленностью и содержательной неоднородностью. В наибольшей степени в пословицах представлено отношение к действительности как к объекту оценки, в наименьшей степени — как к предмету верификации. Пословицы различных семантических категорий имеют специфический набор прототипов, понятий и образов. Категоризация отношения к действительности в пословицах имеет универсальный характер, однако отличается избирательностью в плане ее распределения по семантическим типам и понятийно-образной реализации, что репрезентирует этнолингвокультурное своеобразие категоризации и концептуализации пословичной картины мира каждого народа.

Ключевые слова: паремиология, пословица, пословичная семантика, категоризация, отношение к действительности, семантический тип, концепт, образ, пословичная картина мира

© Иванов Е.Е., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование. Благодарности:

Публикация выполнена в рамках проекта D.2-F/S2022 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН (Российская Федерация). Исследование частично выполнено в рамках Государственной программы научных исследований 2021–2025 гг., проект № 20211335 (Республика Беларусь).

История статьи:

Дата поступления: 30.08.2023

Дата приема в печать: 15.09.2023

Для цитирования:

Иванов Е.Е. Категоризация отношения к действительности в паремиологических единицах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 1154–1177. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1154-1177>

Categorization of Attitude to Reality in Paremiological Units

Eugene E. Ivanov

RUDN University, *Moscow, Russian Federation*

Mogilev State A. Kuleshov University, *Mogilev, Republic of Belarus*

 ivanov_ee@msu.by

Abstract. The study deals with the proverbial semantics from the point of view of its attitude to the surrounding world as an object of cognition, evaluation, verification and verbalization. The aim of the study is to describe the main semantic types of paremiological units (proverbs) according to the criterion of “relation to reality” in empirical, axiological, ontological and logical aspects. The research was done on the material of proverbs in the Kalmyk language from the collection of V.L. Kotvich (1905). The author’s methodology of categorizing the semantics of the aphoristic units, and their differentiation into semantic types according to the criterion of “relation to reality” was used. It has been revealed, that in the proverbs all major aspects of aphoristic categorization of the reality are represented, according to which the proverbial semantics is differentiated into six categories: “nomological” and “centential” (In the empirical aspect), “truistic” and “gregarious” (In the axiological aspect), and also paradoxical (In the logical aspect) and absurd (In the ontological aspect). It has been established that the categorization of the attitude to reality in proverbs is characterized by different quantitative representation and content heterogeneity. The attitude to reality as an object of cognition and evaluation is represented to the greatest extent in proverbs, and to the least extent — as an object of verification. Proverbs of different semantic categories have a specific set of prototypes, concepts and images. The categorisation of the attitude to reality in proverbs is universal, but it is distinguished by selectivity in terms of its distribution in the semantic types and conceptual imagery, which represents the ethnolinguistic and cultural specificity of the categorisation and conceptualisation of the proverb picture of the world.

Keywords: paremiology, proverb, proverb semantics, categorisation, attitude to reality, semantic type, concept, image, proverb world picture

Financing. Acknowledgements:

This publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project no. D.2-F/S2022 (Russian Federation). The study was partially funded by the State Program of Scientific Research 2021–2025, project no. 20211335 (Republic of Belarus).

Article history:

Received: 30.08.2023

Accepted: 15.09.2023

For citation:

Ivanov, E.E. (2023). Categorization of Attitude to Reality in Paremiological Units. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(4), 1154–1177. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1154-1177>

Введение. Постановка проблемы

Новейшие паремиологические исследования на материале разных языков убедительно показывают, что от глубины описания когнитивной природы пословичной семантики в аспекте ее отношения к действительности непосредственно зависит интерпретация как национально-культурной специфики, так и типологической общности плана содержания паремий [1–19]. Именно поэтому современное лингвистическое понимание такого рода паремиологических единиц, как пословицы [20; 21] во многом определяет их когнитивные исследования [22–26], которые начинают развиваться в отдельное направление внутри паремиологии как лингвистической дисциплины [27].

Как известно, категоризация семантики пословиц традиционно описывается в рамках предметно-тематического подхода, издавна широко применяемого в паремиографии самых разных языков мира. Свое наиболее системное теоретическое обоснование предметно-тематический подход получил совсем недавно в терминах аксиологической лингвистики при выявлении и описании ценностных доминант в провербиальной картине мира на основании названий предметных/тематических рубрик в сборниках и словарях пословиц [28–31].

В настоящее время в рамках когнитивной лингвистики и лингвокультурологии сформировался понятийно-концептуальный подход к категоризации семантики пословиц, который используется для описания ключевых концептов пословичной картины мира [32], когнитивно-прагматического аспекта плана содержания пословиц [33], их когнитивно-дискурсивных смыслов [34].

Однако и предметный, и понятийный критерии традиционно используются для семантической категоризации лексических и фразеологических единиц как номинативных по своей природе. Семантика же пословиц как единиц синтаксического уровня языковой системы принципиально отличается от лексической и фразеологической семантики, поэтому и должна описываться на принципиально иных основаниях. В этом смысле для категоризации пословичной семантики может быть использован опыт семантического описания афористических единиц, одной из основных разновидностей которых являются паремии — прежде всего пословицы [35. С. 914–916].

Актуальность исследования заключается в том, что изучение особенностей категоризации действительности в семантике пословиц позволит,

во-первых, выявить характер их отношения к окружающему миру как объекту познания, оценки, верификации и вербализации, во-вторых, дифференцировать пословицы на семантические типы в зависимости от эмпирической, аксиологической, онтологической или логической природы представления в них действительности, и в-третьих, определить национально-культурные особенности каждого семантического типа пословиц.

Цель исследования — установить и описать основные семантические типы паремнологических единиц (пословиц) по критерию «отношение к действительности» в эмпирическом, аксиологическом, онтологическом и логическом аспектах в проекции на этнокультурное своеобразие категоризации и концептуализации действительности в рамках пословичной картины мира.

Методология исследования

В качестве методологической основы исследования использовано современное понимание языковой семантики пословиц [5; 20], теории пословичной картины мира [32], теории когнитивной семантики пословиц [33; 34], основные положения теории пословицы как афористической единицы языка [35–38], а также методы и приемы определения национально-культурно обусловленных компонентов пословичной семантики [39; 40].

Для выявления и описания категоризация отношения к действительности в пословицах использована разработанная автором данной статьи методика категоризации семантики афористических единиц и их дифференциации на семантические типы по критерию «отношение к действительности» (на материале славянских и германских языков) [41. С. 63–65].

Так, установлено, что в афористических единицах выражаются типичные ситуации, основанные на «закономерности связей между неединичными объектами в границах реального мира или одного из вымышленных миров» [41. С. 63], при этом закономерности различаются «по сфере своего действия, по условиям и формам своего проявления, по степени необходимости своего существования, по своему соответствию реальному порядку вещей в мире» [41. С. 64].

На основании этого афористические единицы, в том числе и пословицы, дифференцируются на семантические типы, предназначенные для выражения определенного рода типичных ситуаций (и их ментальных аналогов — закономерностей действительности) на основании ряда гетерогенных критериев, имеющих универсальный характер, что подтверждается, как показали ранее проведенные исследования, на материале генетически и типологически далеких языков [41].

Симптоматично, что «большинство выделенных семантических типов афористических единиц имеют нечётко очерченные границы, однако строгую организацию членства (для всех элементов данной категории

характерен типичный набор признаков, что позволяет объединять данные элементы в одну категорию). Такой подход представляется полностью применимым и к семантической категоризации единиц пословичного фонда» [42. С. 319]. Авторская методика категоризации семантики афористических единиц апробирована на материале тувинских пословиц, которые были дифференцированы по отношению к действительности на основании наиболее значимых аспектов категоризации провербиальной семантики: эмпирического и аксиологического [42], онтологического и логического [43].

Материалы исследования

Материалом для исследования послужили 312 пословиц калмыцкого языка из сборника В.Л. Котвича [44], которые приводятся здесь в форме буквальной передачи их содержания, сделанного составителем (с указанием их порядкового номера в авторском издании). Выбор для анализа именно калмыцких пословиц является случайным, что обеспечивает достаточно высокую степень верификации результатов исследования (поскольку предполагается, что предложенная когнитивно-семантическая категоризация паремиологических единиц является релевантной для любого языка, который мог бы быть на месте калмыцкого). В свою очередь, выбор именно сборника В.Л. Котвича в качестве основного паремиографического источника обусловлен тем, что в нем представлен аутентичный материал, достаточно цельно отражающий этническую картину мира и ментальность калмыцкого народа до периода его массовой русификации во времена СССР (предварительный анализ пословиц из данного сборника показал минимальное количество русскоязычных заимствований и влияний).

Кроме этого были использованы зафиксированные в существующих когнитивных исследованиях пословичного фонда калмыцкого языка [45–47] элементы и модели концептуально-семантической организации избранных для анализа пословиц.

Результаты исследования

В результате исследования все избранные для анализа пословицы дифференцированы по отношению их содержания к окружающему миру как объекту познания, оценки, верификации и вербализации на две семантически противопоставленные группы (пословицы противоречащие и не противоречащие действительности), внутри которых было выделено шесть семантических типов, которые соответствуют четырем избранным аспектам категоризации провербиальной семантики.

Не противоречащие действительности паремиологические единицы (пословицы) — это номологические и сентенциальные (в эмпирическом аспекте), трюистические и грегерические (в аксиологическом аспекте), а противоречащие действительности — это парадоксальные (в логическом аспекте) и абсурдные (в онтологическом аспекте).

Паремиологические единицы (пословицы)

Источник: составлено автором статьи в программе Word.

Paremiological units (proverbs)

Source: compiled by the author of the article in Word.

Каждый семантический тип пословиц, выделяемый по их отношению к действительности, имеет качественные и количественные особенности, обусловленные лингвокультурной и этнокультурной спецификой как семантического пространства пословичного фонда языка, так и пословичной картины мира, отражающей национальный менталитет, мировосприятие, культуру, историческое прошлое, традиционный уклад жизни и ценностные доминанты данного народа.

Обсуждение

Семантическая типология пословиц достаточно строго упорядочена в соответствии с организацией их отношения к действительности в языковом сознании и предполагает последовательную корреляцию отдельных

семантических типов на основе совокупностей соответствующих значимых признаков проявления типичных ситуаций (и их когнитивных коррелятов — закономерностей действительности), выражаемых в единицах пословичного фонда языка.

Номологические пословицы

В пословицах с номологической¹ семантикой выражаются такие не противоречащие действительности типичные ситуации, которые характеризуются одновременно тремя значимыми признаками своего проявления: существенностью, необходимостью и регулярностью (каждый из которых эмпирически детерминирован). Нейтрализация хотя бы одного из этих признаков приводит к утрате номологической значимости (силы закона, который неизменно выполняется в реальном мире безотносительно воли и желания человека).

В этом смысле все пословицы дифференцируются по отношению их семантики к действительности на номологические и неномологические. Формальным признаком их отличия друг от друга является то, что номологические пословицы нельзя перефразировать в семантически контрарную синтаксическую конструкцию (resp. из утвердительной в отрицательную или из отрицательной в утвердительную) без утраты их общего значения (resp. без противоречия реальной действительности), напр.: ‘Хорошая медь не ржавеет’ [44. № 86] — ср. ‘Хорошая медь ржавеет’ (?!); ‘После смерти не бывает радости’ [44. № 155] — ср. ‘После смерти бывает радость’ (?!); ‘На телеге нельзя догнать зайца’ [44. № 288] — ср. ‘На телеге можно догнать зайца’ (?!) и т.п. Ненормологические по семантике пословицы, в свою очередь, легко поддаются контрарному перефразированию, сохраняя не противоречащее реальной действительности содержание (хотя моделируемая в результате такого перефразирования новая типичная ситуация может в некоторых случаях противоречить воле и желанию человека или его мировосприятию). Напр.: ‘Думающий о будущем — умен, чинящий дырявое ведро — мастер’ [44. № 23] — ср. ‘Думающий о будущем — не умен, чинящий дырявое ведро — не мастер’ (!); ‘Если дитя не плачет, мать не дает груди’ [44. № 74] — ср. ‘Если дитя плачет, мать не дает груди’ (!); ‘Когда сыт, не вспомнишь о жилах, которые ел во время голода’ [44. № 141] — ср. ‘Когда сыт, вспомнишь о жилах, которые ел во время голода’ (!) и т.п.

Номологические пословицы образуют основу традиционной протонаучной картины мира, в их семантике представлены наиболее значимые фрагменты окружающей действительности как объекта познания и верификации в рамках эмпирического опыта, не выходящего за пределы перцепции.

¹ Номологический (от греч. *nomos* ‘закон’) — имеющий отношение к общим законам природы и общества.

В номологических пословицах выражены значимые в познавательном плане представления и знания о природе, человеке и социальной действительности, входящие в этническую картину мира народа и полученные им в результате многовековых наблюдений и многочисленных проверок на собственном опыте, напр.: ‘Минувшей бури нельзя догнать буркою’ [44. № 178]; ‘Прошедшего дождя не заманить армяком’ [44. № 179]; ‘Собственный запах неизвестен человеку’ [44. № 3]; ‘Вор не любит лунного света, дурной человек не любит хорошего’ [44. № 9]; ‘Верхом на теленке не доедешь до кочевья; читая сказки, не сделаешься ученым’ [44. № 19]; ‘Собака не жиреет, лижа свою кровь’ [44. № 184]; ‘Хорошие качества лошади узнают при езде, хорошие качества серебра узнают при плавке’ [44. № 194]; ‘Хорошие качества железа узнают при ковке, хорошие качества лошади узнают при скачке’ [44. № 195]; ‘Чем больше плавить золото, тем больший появляется блеск, медь же теряет блеск’ [44. № 196]; ‘У глупого нет здоровой мысли (памяти)’ [44. № 31] и т.д.

Номологические пословицы по отдельности достаточно редко обладают национально-культурной семантикой (которая реализуется в них в основном благодаря этнокультурно маркированным лексическим компонентам типа «бурка», «кочевье» и под.), однако в своей совокупности образуют такое множество единиц, которое репрезентирует этнокультурно детерминированную избирательность пословичной картины мира в познании и эмпирической верификации явлений, эксплицирующих существенные, необходимые и регулярные связи между неединичными объектами действительности.

Трюистические пословицы

В пословицах с трюистической семантикой выражаются такие не противоречащие действительности типичные ситуации, которые характеризуются одновременно тремя значимыми признаками своего проявления: общеизвестностью, стереотипностью и очевидностью (имеющими аксиологическую природу, поскольку обусловлены не столько самой действительностью, сколько ее оценкой носителями той или иной лингвокультуры, исходя из их опыта и мировоззрения). Нейтрализация хотя бы одного из этих признаков приводит к утрате пословицей своего трюистического содержания (отражения самоочевидных и неизменных явлений действительности, которые безусловно знакомы каждому человеку в рамках данной этнической и/или социальной группы).

В этом смысле все пословицы, которые не обладают номологической семантикой, дифференцируются по отношению их содержания к действительности на трюистические и не трюистические. Формальным признаком их отличия друг от друга является то, что трюистические пословицы всегда имеют переносный смысл. Будучи употребленными в прямом значении трюистические пословицы тут же утрачивают присущую всем пословицам как

фольклорному жанру эпистемологическую значимость (и начинают восприниматься как высказывания, лишённые коммуникативной цели, избыточные или даже бессмысленные в данной речевой ситуации), напр.: ‘Язык — без костей’ [44. № 158] — ср. ‘О языке во рту человека и костях в нём’ (?!); ‘Против вши не обнажают меча’ [44. № 227] — ср. ‘Об отказе сражаться мечом с насекомым-паразитом’ (?!); ‘У палки два конца’ [44. № 292] — ср. ‘О какой-либо конкретной палке и ее двух концах’ (?!) и под. В свою очередь, не трюистические по семантике пословицы эпистемологически значимы и коммуникативно уместны как в переносном, так и в прямом значении, напр.: ‘Мышь, которой суждено погибнуть, играет с хвостом кошки’ [44. № 152] — ср. ‘Кто рискует своей жизнью, тот рано или поздно умрет’ (в переносном смысле) и ‘Ни одна мышь не выживет, если не будет прятаться от кошки’ (в прямом смысле); ‘Нельзя воевать одинокому’ [44. № 229] — ср. ‘Одному человеку невозможно обезопасить себя от недругов’ (в переносном смысле) и ‘Один человек на войне бесполезен’ (в прямом смысле); ‘Не видя воды, не снимай сапог’ [44. № 248] — ср. ‘Не торопись делать что-либо раньше времени’ (в переносном смысле) и ‘Не разувайся (Не раздевайся), пока не дошел до воды’ (в прямом смысле) и под.

Трюистические пословицы фиксируют и хранят базовые, опорные представления о действительности, критично необходимые для восприятия и осмысления человеком самого себя и всего того, что его окружает в мире, напр.: ‘Упавший на землю встает, опираясь на землю’ [44. № 191]; ‘Спинной хребет поддерживают ребра, а ребра поддерживают хребет’ [44. № 193]; ‘В океане нет грязи’ [44. № 210]; ‘Хотя бы луна и ясно светила, но с дневным светом она не сравнится’ [44. № 242]; ‘Небо далеко, земля тверда’ [44. № 304] и т.п.

По признакам стереотипности и очевидности отражаемой действительности содержание трюистических пословиц весьма близко содержанию номологических пословиц, однако не может выступать в качестве фрагмента протонаучной картины мира (и, соответственно, как аксиоматическая основа собственно научной системы знаний). При этом в наивной картине мира содержание трюистических пословиц занимает весьма заметное место в силу самоочевидности отражаемых фрагментов действительности, выступает тем необходимым минимумом знаний о самом себе и о мире, которым обладает каждый без исключения представитель традиционной культуры, напр.: ‘Свинья не видит неба’ [44. № 202]; ‘Собаке не нужно железо’ [44. № 204]; ‘У волка, ест ли он или нет, пасть — красная’ [44. № 205]; ‘Сахар сладок по всем четырём углам’ [44. № 208]; ‘Откуда ни отведать четырехугольный кусок сахара, всюду сладок’ [44. № 209]; ‘Рука руку моет’ [44. № 212] и т.п.

Исключительная роль пословиц трюистического содержания в наивной картине мира подтверждается тем симптоматичным фактом, что в лексический состав каждой такой пословицы входят единицы (либо гипонимы таких единиц, а также их синонимы-дублиеты), образующие ядро основного лексического

фонда, т.е. базовый, «стержневой» словарь, который составляет основу лексико-семантической подсистемы любого языка, а значения слов, входящих в такой словарь, — семантическую базу лингвокогнитивной категоризации действительности в каждой этноязыковой картине мира. Так, в калмыцком языке каждая трюистическая пословица имеет в своем составе компонент из его базового семантического словаря, ср.: ‘земля’ [44. № 191]; ‘небо’ [44. № 202]; ‘луна’ [44. № 242]; ‘кость = хребет, ребро’ [44. № 193]; ‘рука’ [44. № 212]; ‘собака’ [44. № 204]; ‘зверь (дикое животное) = волк’ [44. № 205]; ‘вошь’ [44. № 227]; ‘четыре’ [44. № 208, № 209]; ‘сказать’ [44. № 167]; ‘море = океан’ [44. № 210] и др. При этом половина трюистических пословиц содержит более одного такого компонента, ср.: ‘язык’ и ‘кость’ [44. № 158]; ‘нога’ и ‘земля’ [44. № 232]; ‘вода’ и ‘пить’ [44. № 280]; ‘глотка’ и ‘мягкий’ [44. № 246]; ‘птица’ и ‘крыло’ [44. № 250]; ‘рука’ и ‘мыть’ [44. № 212]; ‘земля’ и ‘небо’ [44. № 304]; ‘палка’ и ‘два’ [44. № 292] и др.

Как можно видеть, трюистические пословицы не характеризуются этнокультурной маркированностью, однако состав их лексических компонентов из числа базового словаря в своей совокупности позволяет судить об этнокультурном своеобразии дифференциации фрагментов действительности в рамках традиционной картины мира на основе опыта и мировоззрения данного народа.

Грегериические пословицы

В пословицах с грегериической² семантикой выражаются такие не противоречащие действительности типичные ситуации, которые характеризуются одновременно тремя значимыми признаками своего проявления: частностью, локальностью, субъективностью (в смысле оппозиций «частное vs. общее», «локальное vs. глобальное», «субъективно vs. объективно значимое», выбор каждого элемента в которых всегда аксиологически детерминирован, т.е. непосредственно зависит от соответствующей оценки той или иной типичной ситуации в проекции на совокупный социальный и духовный опыт представителей данного этноса или субкультуры). Нейтрализация хотя бы одного из этих трех признаков приводит к утрате пословицей своего грегериического содержания (отражения различных сторон и аспектов повседневности, приватной жизни человека, малозначимых проявлений бытия в природе и социуме).

² Грегериический — производное от термина «грегерия» (исп. *gregueria*), придуманного в середине XX века испанским писателем Р. Гомесом де ла Серна в качестве названия жанра таких литературных изречений, содержание которых направлено на отражение мелких сторон жизни, в отличие от афоризмов, в которых рассматриваются глобальные проблемы бытия, см. *Гомес де ла Серна Р. Грегерики // Избранное. М.: Художественная литература, 1983. С. 294–341.*

В этом смысле все пословицы, которые не обладают номологической и трюистической семантикой, дифференцируются по отношению их содержания к действительности на грегерические и не грегерические. Формальным признаком их отличия друг от друга является то, что доминантными (стержневыми) компонентами всех без исключения грегерических пословиц выступает конкретная лексика, т.е. прототипы таких пословиц (свободные высказывания, которые послужили производной основой для провербиальных единиц языка) имеют фактологическую семантику, т.е. обозначают только чувственно воспринимаемые типичные ситуации, напр.: ‘Как ни много волос на голове, их можно сбрить бритвой’ [44. № 245]; ‘Человек, едущий верхом на верблюде, близок к небу’ [44. № 268]; ‘Собака начинает плавать, когда (вода) достигнет челюсти’ [44. № 270]; ‘Лампада, прежде чем потухнуть, вспыхивает’ [44. № 290]; ‘Хотя небо и высоко, но осадки (во время бури) падают быстро’ [44. № 303] и т.п. В свою очередь, не грегерические пословицы наполнены как конкретной, так и абстрактной лексикой, прототипы таких пословиц часто имеют абстрактную семантику, т.е. обозначают типичные ситуации, не подпадающие сенсорному восприятию, отвлеченные от конкретных объектов, свойств, отношений, напр.: ‘Беспутный не знает спокойствия’ [44. № 47]; ‘Бережливость полезна для самого себя (для жизни, души)’ [44. № 50]; ‘Если рассказывать о своем благодеянии, то польза теряется’ [44. № 130]; ‘Пока умный мудрствовал, глупый трижды откусил’ [44. № 310] и под.

Важно отметить, что грегерическая семантика свойственна пословицам только в их прямом значении, тогда как переносный смысл способствует вербализации глубокой и социально значимой мысли. В этом случае обращение в пословичном прототипе к той или иной частной, локальной, индивидуальной типичной ситуации действительности позволяет с помощью образного переосмысления какого-либо конкретного события из повседневной жизни максимально выразительно (за счет актуализации сенсорного восприятия мира) репрезентировать общую, глобальную и общезначимую идею, которая при своем прямом выражении будет восприниматься как абстрагированная от реальной жизни и потому оставаться малоубедительной (в рамках мировосприятия, свойственного традиционному укладу жизни), напр.: «Большой камень бьют малым камнем» [44. № 218] — в переносном смысле ‘Что-нибудь значительное может быть разрушено чем-нибудь незначительным’; ‘У попутчиков один котел’ [44. № 215] — в переносном смысле ‘Те, кто связан общими интересами, должны держаться вместе’; ‘На кале одного верблюда скользят тысячи верблюдов’ [44. № 221] — в переносном смысле ‘Поступок одного может причинить вред многим’ и т.п.

Грегерические пословицы довольно часто этнокультурно маркированы как своими прототипами, так и отдельными лексическими компонентами, в которых отражаются повседневность и реалии традиционного уклада жизни данного народа.

Сентенциональные пословицы

В пословицах с сентенциональной семантикой выражаются такие не противоречащие действительности типичные ситуации, которые характеризуются одновременно тремя значимыми признаками своего проявления: познавательность, нравоучительность, дидактичность (имеющими эмпирическую природу, поскольку каждый признак является результатом коллективного теоретического и практического опыта представителей данной этнокультуры). Нейтрализация хотя бы одного из этих признаков приводит к утрате пословицей своего сентенционального содержания (отражения наиболее важных, ценных и необходимых для жизни в обществе мнений о человеке, социуме и окружающей их среде, входящих в систему мировоззренческих, ценностных и воспитательно-педагогических доминант этнической картины мира).

В этом смысле все пословицы, которые не обладают номологической, трюистической или грегериической семантикой, дифференцируются по отношению их содержания к действительности на сентенциональные и не сентенциональные.

Наиболее очевидным формальным признаком такого их разграничения является, во-первых, преимущественно абстрактная лексика (и абстрактные значения полисемантов) в составе компонентов сентенциональных пословиц, что достаточно редко встречается у пословиц с не сентенциональной семантикой, напр.: ‘Умный скрывает достоинства внутри, глупый держит их на языке’ [44. № 17]; ‘У коварного (удача бывает) раз, у способного (искусного) два’ [44. № 25]; ‘В клевете нет правды, во лжи нет добра’ [44. № 32]; ‘В доме ленивого нет топлива, в доме обжоры нет пищи’ [44. № 42]; ‘Юноша, думающий о будущем умен; девушка, чинящая старье, умна’ [44. № 59]; ‘Когда богат, все — родственники, если обеднеешь, все — враги’ [44. № 139]; ‘Красноречивый — впереди, неискusstный в речах — позади’ [44. № 165]; ‘Сильный рычит, бессильный же визжит’ [44. № 273]; ‘Приглашение — из лицемерия, случайная встреча — по счастливой судьбе’ [44. № 293]; ‘Чем плохой (человек) со штанами, лучше хороший без штанов’ [44. № 299] и т.п.

Во-вторых, пословицы с сентенциональной семантикой употребляются в речи в основном в морализаторской функции, тогда как не сентенциональные пословицы в этой функции употребляться не могут. Именно поэтому сентенциональные пословицы часто имеют императивную модальность, которой лишены не сентенциональные пословицы, напр.: ‘Не обижай (другого), называя дурным: нельзя знать, что будет. Не лъсти хорошему: нельзя знать, каков будет’ [44. № 8]; ‘Дурного не спрашивай: сам скажет’ [44. № 15]; ‘Знающему говори слово; меткому стрелку подгони сайгу’ [44. № 20]; ‘С мастером не спорь из-за удил’ [44. № 24]; ‘Не бери дочери того, у кого жена плоха; не садись в почетной части юрты у того, у кого дверь плоха’ [44. № 64]; ‘Как бы далеко ни было, иди дорогою; как бы стар ни был, бери девушку’ [44. № 65];

‘Когда растешь, испытывай мучения; когда стар становишься, испытывай благоденствие’ [44. № 66]; ‘При жизни отца познавай людей, с (хорошим) конем познавай земли’ [44. № 80]; ‘С богатырем не спорь из-за пищи, с богачем не спорь из-за счастья’ [44. № 136]; ‘Лижи из пролитого (чтобы не пропало даром)’ [44. № 145]; ‘Не говори секретных слов своей жене’ [44. № 170]; ‘Слепой корове не показывай воды’ [44. № 200]; ‘Лучшую пищу давай другому, лучшую одежду надевай на себя’ [44. № 252] и т.п.

Очень многие сентенциональные пословицы национально-культурно маркированы как содержанием своих прототипов (отражающих мировоззренческие основы и нравственные принципы традиционного социума), так отдельными своими лексическими компонентами, которые обозначают этнокультурные реалии и концепты, напр.: ‘Если дурному окажешь услугу, он не знает этого; если хорошему сделаешь зло, он не забудет этого’ [44. № 6], где «хороший» означает ‘удалой’, поэтому «хороший» у калмыков «не должен позволять обижать или оскорблять себя» [44. С. 67]; ‘Чем мужчине стыдиться, лучше пусть зандановое дерево переломится’ [44. № 52], ‘Мужчина (неизменно стремится) к тому, что он задумал; зандановое дерево (неизменно) качается’ [44. № 53], где «зандановое дерево» (в калмыцком языке *зандн* ‘сандал’³), воплощает собой образ мирового древа, которое у монголоязычных народов в одном из своих вариантов — это «Сандаловое дерево, растущее далеко на западе на огромной пустынной равнине» [48. С. 92]; ‘Между двумя хурулами жадный манчжик бывает голоден’ [44. № 112], где «хурул» (религ. уст. *хурл*) — это ‘молебен, ламское богослужение’⁴, а «манчжик» (религ. уст. *манжэ*) — ‘ученик в калмыцком монастыре’⁵; ‘Чем быть нойоном, не знающим дела, лучше быть рабом у знающего’ [44. № 107], где «нойон» — это представитель сословия знатных людей, глава аристократического рода, а после XVII века — региональный правитель у монголоязычных народов, у калмыков *нойн* (ист.) — ‘1) феодальный князь, господин; 2) чиновник’⁶ и т.п.

Сентенциональные пословицы занимают центральное место среди не противоречащих действительности единиц пословичного фонда, которые логически либо онтологически противопоставлены противоречащим действительности пословицам.

Парадоксальные пословицы

В пословицах с парадоксальной семантикой выражаются такие противоречащие действительности типичные ситуации (как продукт когнитивной деятельности), которые характеризуются возможностью своего

³ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б.Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 240.

⁴ Там же. С. 611.

⁵ Там же. С. 341.

⁶ Там же. С. 380.

рационального объяснения без привлечения дополнительной информации об источнике их порождения, в рамках собственно логического истолкования (поэтому сама возможность возникновения парадоксальных типичных ситуаций как мыслительной интерпретации реального мира всегда логически детерминирована). Отсутствие возможности рационального объяснения противоречащей действительности пословицы приводит к утрате парадоксального содержания (выражения типичных ситуаций, не существующих в реальности, но необходимых как для ее познания и верификации в рамках традиционного массового сознания, так и для ее освоения и преобразования в процессе общественной практики и последующего отображения в этнической картине мира).

В этом смысле все пословицы, которые противоречат объективной реальности, дифференцируются по характеру их противоречия действительности на парадоксальные и непарадоксальные. Формальным признаком их отличия друг от друга является то, что парадоксальные пословицы интерпретируются с логической точки зрения как ложные, а это значит в обязательном порядке соотносятся в сознании носителей языка с противоположным по смыслу высказыванием — истинным по отношению к реальной действительности, напр.: ‘От человеческого языка трескается даже булыжник’ [44. № 162] — ср. ‘От воздействия человеческого языка булыжник не сможет треснуть ни при каких обстоятельствах’ (!); ‘Голосистая собака ничего не видит’ [44. № 189] — ср. ‘Голосистая (громко и часто лающая) собака не может ничего не видеть, если только она не лишилась зрения’ (!); ‘У не имеющего желаний нет глаз’ [44. № 190] — ср. ‘У всех людей есть глаза, в том числе у тех, кто не имеет желаний’ (!) и под.

В парадоксальных пословицах противоречие их содержания действительности реализуется при помощи одного из следующих трех возможных способов:

1. эпистемологический парадокс, когда противоречие действительности обусловлено ее намеренным искажением, моделированием в пословице на основе реальных типичных ситуаций таких ситуаций, существование которых невозможно, напр.: ‘Собака бежит под телегою и говорит: «я тащу»’ [44. № 187] (собака может бежать под телегой, но не может говорить); ‘В стране слепых закрывай глаза; в стране хромых поднимай ногу’ [44. № 216] (есть люди слепые и хромые, но нет таких стран, где бы жили только слепые или только хромые); ‘При отсутствии собаки лает (и) свинья’ [44. № 237] (собака может и не быть, но свинья не может лаять); ‘Ворона, подражая гусю, вошла в воду и погибла’ [44. № 217] (вороны могут передразнивать гуся, но никогда не пойдут в воду на глубину) и под.;
2. семантический парадокс, когда противоречие действительности возникает благодаря неадекватной интерпретации значения или образного содержания одного из лексических компонентов пословицы, в силу чего обозначаемая

типичная ситуация воспринимается как ирреальная, напр.: ‘Для упавшей в колодец хорошей лошади лягушка становится жеребцом’ [44. № 260], где реализуется, на первый взгляд, эпистемологический парадокс, поскольку в реальном мире лошади в колодцы не падают, а лягушки не превращаются в жеребцов, однако при внимательном рассмотрении оказывается, что парадоксальное содержание пословицы основывается только на двузначности лексического компонента «хороший», который помимо общего значения ‘положительный по своим качествам’ употребляется у калмыков еще и для обозначения удалства, т.е. ‘удалой’ (как и в приведенной выше пословице ‘Если дурному окажешь услугу, он не знает этого; если хорошему сделаешь зло, он не забудет этого’ [44. № 6]), с учетом чего содержание пословицы «о лошади и лягушке» можно описывать уже как не парадоксальное, ср. ‘Удалая лошадь, даже провалившись в колодец, ищет себе жеребца, воспринимая в качестве такового даже лягушку’ (!); ‘Вор не считается человеком’ [44. № 257], где парадоксальная семантика обусловлена пониманием лексического компонента «человек» только в его значении как ‘живое существо’ (в то же время парадокс нейтрализуется при актуализации еще одного значения слова «человек» — ‘личность как воплощение высоких моральных качеств’) и т.п.;

3. формально-логический парадокс, когда противоречие действительности возникает в результате элиминации (или содержательной деактуализации) той части пословицы (или ее прототипа), которая обеспечивает истинность пословичного смысла (аналогично тому, когда логически истинное высказывание воспринимается как ложное в случае опущения тезисов, из которых это высказывание было выведено в соответствии с правилами формальной логики), напр.: ‘Бегающая собака гложет кости’ [44. № 174], где одна часть пословицы элиминирована, что способствовало восприятию содержания оставшейся части как парадоксального, при этом параллельно сохранился в употреблении один из вариантов полной версии пословицы, который дает полное представление о логически правильном рассуждении, ср. ‘Если (собака) дома, она голодает; если ходит, гложет кости’ [44. № 175]; ‘Лучше цепь, чем собака’ [44. № 297], где при актуализации всех необходимых для логически правильного рассуждения тезисов, парадоксальное содержание пословичного умозаключения нейтрализуется (ср. ‘Собака станет старой и умрет, а цепь, на которую она была посажена, останется для новой собаки, поэтому лучше цепь, чем собака’) и под.

Парадоксальные пословицы не отличаются национально-культурным своеобразием лексического состава, однако своими прототипами отражают значимые фрагменты традиционного мировосприятия и повседневного уклада жизни народа, которые в аномальной логической форме репрезентированы в пословичной картине мира.

Абсурдные пословицы

В пословицах с абсурдной семантикой выражаются такие противоречащие действительности типичные ситуации (как продукт когнитивной деятельности), которые не поддаются объяснению с точки зрения ее рационального истолкования (в этом смысле порождение абсурдных ситуаций как способ мыслительной интерпретации окружающего мира лежит за пределами логического мышления, манифестирует онтологический аспект провербиальной категоризации действительности). Наличие рационального объяснения противоречащих действительности пословиц приводит к утрате их абсурдного содержания (выражения типичных ситуаций, отрицающих своим содержанием реальность, однако необходимых как для ее непротиворечивого осмысления, так и для ее адекватного восприятия в рамках синкретического мышления, свойственного, как известно, ранним формам мировоззрения, широко представленного в фольклоре и сохранившегося по сей день в тех отдельных фрагментах этнической картины мира, которые детерминированы традиционным массовым сознанием).

В этом смысле все пословицы, которые противоречат объективной реальности дифференцируются по характеру их противоречия действительности на абсурдные и не абсурдные (парадоксальные). Формальным признаком их отличия друг от друга является то, что абсурдные пословицы не могут быть интерпретированы с логической точки зрения ни как ложные, ни как истинные, поскольку не образуют в формально-логическом плане коррелятивную пару с противоположным по смыслу высказыванием — истинным (или ложным) по отношению к реальной действительности (т.е. и абсурдную пословицу, и ее семантический коррелят — логически противопоставленное высказывание — невозможно в равной степени однозначно квалифицировать в рамках оппозиции истинно vs. ложно), напр.: ‘Для сына астролога не остается места мочиться’ [44. № 113] — ср. ‘Сын астролога всегда найдет место, где сможет помочиться’ (?!); ‘Гнилое дерево обмазывают кровью’ [44. № 267] — ср. ‘Сгнившее дерево нецелесообразно обмазывать кровью’ (?!); ‘Ненавистному человеку показывают убежавшую лошадь’ [44. № 287] — ср. ‘Человеку, которого ненавидишь, незачем показывать убежавшую лошадь’ (?!) и т. п.

Искажение реальной действительности до бессмыслицы в содержании абсурдных пословиц может быть обусловлено одним из двух возможных факторов:

1. актуализация уникальной в когнитивном плане (единичной, разовой) метафоры, детерминирующей окказиональную лексическую сочетаемость компонентов пословицы, что в совокупности и порождает бессмыслицу, напр.: ‘Мысли на столе, а подмышки в пыли’ [44. № 148], где метафора «мысли на столе» означает ‘гордиться собой’, а метафора «подмышки в пыли» — ‘не иметь оснований для того, чтобы гордиться собой’, т.е. в пословице «разумеется человек, который гордится, не имея оснований

- для этого» [44. С. 88]; ‘При слухе о свадьбе катятся сухие (пустые) головы’ [44. № 188], где метафора «сухие головы» — ‘легкомысленные люди’, «которые руководствуются неосновательными слухами» [44. С. 94] и т.п.;
2. мотивация пословичного прототипа (внутренней формы) содержанием ситуативного (или вербального) контекста возникновения и последующего употребления пословицы, без знания которого невозможно адекватное понимание ее смысла, неотделимого от данного ситуативного контекста, напр.: ‘Не родился, а уж пасет отцовский табун’ [44. № 38] и ‘Родился раньше отца и пас дедовский табун’ [44. № 39], где смысл пословиц обусловлен их текстовым первоисточником, поскольку обе они «заимствованы из одной народной сказки и употребляются в виде насмешки над лгуном» [44. С. 72]; ‘Чем пестрота мерина, лучше пестрота чаши’ [44. № 298], где пословица обретает смысл, становится понятной в контексте ситуации гостеприимства и означает, что «для гостя приятнее покусать, чем рассматривать имущество хозяина» [44. С. 108] и под.

Как можно видеть, многие абсурдные пословицы национально-культурно маркированы отдельными метафорически переосмысленными лексическими компонентами и/или содержанием своих прототипов, в которых отражаются и традиционный уклад жизни с его хозяйственной и обрядовой практикой, и этническая картина мира со всей совокупностью детерминирующих ее природных, социальных и мировоззренческих факторов и условий.

Заключение

Анализ семантики паремиологических единиц (пословиц) с точки зрения ее отношения к окружающему миру как объекту познания, оценки, верификации и вербализации позволил выявить и описать их семантические типы в соответствии с категоризацией действительности в эмпирическом, аксиологическом, онтологическом и логическом аспектах.

Категоризация отношения к действительности в пословицах имеет универсальный характер (поскольку в проанализированных паремиологических единицах калмыцкого языка представлены все четыре ее аспекта), однако отличается избирательностью в плане своего распределения по семантическим типам и понятийно-образной реализации.

Установлено, что пословицы дифференцируются по отношению их содержания действительности на две семантически противопоставленные друг другу группы (противоречащие и не противоречащие объективной реальности). Пословицы, содержание которых не противоречит действительности, подразделяются в эмпирическом аспекте на номологические и сентенциальные, а в аксиологическом аспекте на трюистические и грегериические. Пословицы, содержание которых противоречит действительности,

разграничиваются на основании противопоставления логического и онтологического аспектов противоречия реальному миру, соответственно, на парадоксальные и абсурдные.

В пословицах с номологической семантикой отражаются знания о законах, которые неизменно выполняются в реальном мире безотносительно воли и желания человека. В пословицах с сентенциальной семантикой отражаются наиболее важные, ценные и необходимые знания о человеке, социуме и окружающей их среде, входящие в систему мировоззренческих, ценностных и воспитательно-педагогических доминант этнической картины мира. В пословицах с трюистической семантикой отражаются самоочевидные и неизменные знания о действительности, которыми безусловно владеет каждый индивид в рамках данной этнической и/или социальной группы. В пословицах с грегерической семантикой отражаются знания о различных сторонах и аспектах повседневности, приватной жизни человека, малозначимых проявлений бытия в природе и социуме. В пословицах с парадоксальной семантикой отражаются противоречащие действительности знания, которые характеризуются возможностью своего рационального объяснения и необходимы для познания и верификации окружающего мира (в рамках традиционного массового сознания), так и для его освоения и преобразования (в процессе общественной практики). В пословицах с абсурдной семантикой отражаются такие противоречащие действительности знания, которые невозможно объяснить с точки зрения рационального истолкования окружающего мира, однако которые необходимы для его адекватного восприятия и непротиворечивого осмысления в рамках синкретического мышления.

Пословицы разных семантических типов имеют специфический набор прототипов, понятий и образов и являются в разной мере этнокультурно маркированными. В большей степени (на материале проанализированного пословичного фонда калмыцкого языка) национально-культурным своеобразием отличаются сентенциальные, грегерические и абсурдные пословицы, в меньшей — номологические, трюистические и парадоксальные. То или иное распределение семантических типов паремиологических единиц (пословиц) репрезентирует этнолингвокультурное своеобразие категоризации и концептуализации действительности в пословичной картине мира каждого народа.

Библиографический список

1. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. 2018. № 4(54). С. 303–317. <https://www.doi.org/10.17223/18572685/54/18>
2. Kotova M. Yu., Raina O. V. Towards a linguistic vision of the world at the paremiological level of language // Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature. 2020. № 17(3). P. 487–504. <https://www.doi.org/10.21638/spbu09.2020.309>

3. Бредис М.А., Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю., Кужугет Ш.Ю. Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. 2021. № 4. С. 143–160. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>
4. Бредис М.А., Иванов Е.Е. Типология пословиц прибалтийско-финских народов России обогатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне) // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 4. С. 607–615. <https://www.doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>
5. Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю. Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 220–233. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>
6. Бредис М.А., Ломакина О.В., Борисова А.С., Лазарева О.В. Числовой код тувинской лингвокультуры в пословицах (на фоне ряда тюркских и монгольских языков народов России) // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 276–293. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>
7. Бредис М.А., Иванов Е.Е. Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. 2022. № 26. С. 5–29. <https://www.doi.org/10.17223/22274200/26/1>
8. Бредис М.А., Иванов Е.Е. Провербиальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 17–36. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>
9. Зиновьева Е.И., Алёшин А.С. Семья в компаративных паремиях тувинского, шведского и русского языков // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 131–145. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>
10. Иванов Е.Е., Марфина Ж.В., Шкуран О.В. Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 47–68. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>
11. Ломакина О.В. Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 6–16. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>
12. Петрушевская Ю.А. Белорусские параллели вепских пословиц: в поисках типологически общего и этноспецифического // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 3. С. 497–505. <https://www.doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-497-505>
13. Петрушевская Ю.А. Тувинские и белорусские пословичные параллели (типологическая общность на фоне этнокультурной специфичности) // Новые исследования Тувы. 2022. № 3. С. 241–263. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.16>
14. Alyoshin A., Ivanov E. Swedish parallels of Belarusian proverbs: Structural-semantic modeling // *Scandinavian Philology*. 2023. Vol. 21. № 1. P. 5–23. <https://www.doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.101>
15. Зиновьева Е.И., Чжао С. Пословицы концептуального поля ПРЯМОТА — ЛУКАВСТВО с семантикой сравнения в русском и китайском языках: интегративный подход // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 2. С. 328–346. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-328-346>
16. Иванов Е.Е. Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре // Новые исследования Тувы. 2023. № 1. С. 243–258. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>
17. Иванов Е.Е., Монгуш Ш.В. Мир диких животных и их образов в тувинских загадках // Новые исследования Тувы. 2023. № 3. С. 65–83. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2023.3.5>
18. Николаева Е.К., Селиверстова Е.И., Ломакина О.В., Сувандии Н.Д. Образ горы в тувинской паремике как проявление этномаркированной ментальности (на фоне алтайских, хакасских, бурятских и калмыцких пословиц) // Новые исследования Тувы. 2023. № 3. С. 51–64. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2023.3.4>

19. *Петрушевская Ю.А.* Провербиальные универсалии в тувинском пословичном фонде (на фоне современных европейских языков) // Новые исследования Тувы. 2023. № 1. С. 259–279. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2023.1.15>
20. *Бредис М.А., Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 34–43.
21. *Ivanova E.V.* On the Basic Lines of Proverbial Studies in Russian Paremiology // Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature. 2021. № 18(4). P. 875–892. <https://www.doi.org/10.21638/spbu09.2021.415>
22. *Маслова В.А.* Новые русские пословицы: когнитивный и лингвокультурологический аспекты // Вестник Новгородского государственного университета. 2014. № 77. С. 81–84.
23. *Серегина М.А.* Паремия как форма представления знаний народа в языке: когнитивно-структурный аспект // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 1. С. 19–25. <https://www.doi.org/10.20916/1812-3228-2016-1-19-25>
24. *Иванова Е.В.* Пословица как когнитивный знак особого типа // Когнитивные исследования языка. 2017. № 31. С. 92–98.
25. *Магировская О.В.* Конструирование картины мира в пословицах и поговорках: основные модели и механизмы интерпретации // Когнитивные исследования языка. 2022. № 1(48). С. 426–454.
26. *Селиверстова Е.И.* Бинарные структуры в тувинских пословицах как проявление национально-маркированного видения мира // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 115–130. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>
27. *Алефиренко Н.Ф., Добровольский Д.О., Мокиенко В.М., Адамия З.К., Дамман Е.А., Зимин В.И., Иванова Е.В., Ковшиова М.Л., Натхо О.И., Ратиани Л.М., Семенов Н.Н., Федуленкова Т.Н., Хомутова Т.Н., Ширяева Т.А., W. Mieder.* Пословицы в фразеологическом поле: когнитивный, дискурсивный, сопоставительный аспекты. Владимир: ВГУ, 2017.
28. *Ничипорчик Е.В.* Отражение ценностных ориентаций в паремиях. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2015.
29. *Нелюбова Н.Ю.* Отражение этнокультурных ценностей в пословицах франкоязычных стран // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 2. С. 323–335. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-323-335>
30. *Нелюбова Н.Ю.* Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 146–163. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>
31. *Нелюбова Н.Ю.* Репрезентация ценностей в карельском паремиологическом фонде (на фоне паремий неродственных языков) // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 3. С. 476–485. <https://www.doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-476-485>
32. *Иванова Е.В.* Мир в английских и русских пословицах. СПб.: СПбГУ, 2006.
33. *Семенов Н.Н.* Русские паремии: функции, семантика, прагматика. Старый Оскол: РОСА, 2011.
34. *Абакумова О.Б.* Пословицы в языке, сознании и коммуникации: когнитивно-дискурсивное моделирование смысла пословицы в дискурсе и референциально-оценочная типология русских, английских, испанских, французских и чешских пословиц о правде и лжи. СПб.: Алеф-Пресс, 2013.
35. *Иванов Е.Е.* Афоризм в кругу малых текстовых форм в устном, письменном и электронном дискурсах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. С. 898–924. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924>
36. *Иванов Е.Е.* О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке // Русистика. 2019. Т. 17. № 2. С. 157–170. <https://www.doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>

37. Иванов Е.Е. Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 4. С. 659–706. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>
38. Иванов Е.Е. Функции афористических единиц в русском языке // Русистика. 2022. Т. 20. № 2. С. 167–185. <https://www.doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185>
39. Петрушевская Ю.А. Методология определения национального, интернационального и универсального в фразеологии и паремиологии белорусского языка // WEST — EAST. Scientific Journal of ISPOP. 2021. Vol. 5. № 1. P. 61–72. <https://www.doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-61-72>
40. Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Петрушевская Ю.А. Национальная специфичность пословичного фонда (основные понятия и методика выявления) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 993–1032. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-993-1032>
41. Иваноў Я.Я. Семантыка афарыстычных выказванняў (на матэрыяле славянскіх і германскіх моў) // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4: Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2004. № 1. С. 63–68.
42. Иванов Е.Е. Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты) // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 317–337. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>
43. Иванов Е.Е. Абсурдные и парадоксальные пословицы в тувинском языке (онтологический и логический аспекты категоризации пословичной семантики) // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 6. С. 1373–1389. <https://www.doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1389>
44. Котвич В.Л. Калмыцкие загадки и пословицы. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1905.
45. Есенова Т.С., Есенова Г.Б. Образ мужчины в русском и калмыцком языковом сознании (на материале пословиц) // Языки. Культуры. Перевод. 2016. № 1. С. 113–119.
46. Утунашэн Ц., Кичикова Н.А. Зоонимы как отражение ментальности в калмыцком и русском языках (на материале калмыцких и русских пословиц и поговорок // Русская речь в инонациональном окружении. 2016. № 9. С. 33–39.
47. Чеджиева Ж.Д., Очирова В.С., Мучкаева Г.М. Концепты «ум» и «глупость» в калмыцком и английском языках (на материале пословиц и поговорок) // Вестник Иссук-Кульского университета. 2020. № 48. С. 274–277.
48. Хейчиева А.Б. Сакральные места (объекты) в культуре калмыков: Одинокый тополь // Монголоведение. 2017. Т. 9. № 2. С. 91–101. <https://www.doi.org/10.22162/2500-1523-2017-11-91-101>

References

1. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2018). Alue constants of the Rusin paremiology (compared with the Ukrainian and Russian languages). *Rusin*, 4(54), 303–317. <https://www.doi.org/10.17223/18572685/54/18> (In Russ.).
2. Kotova, M.Yu. & Raina, O.V. (2020). Towards a linguistic vision of the world at the paremiological level of language. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 17(3), 487–504. <https://www.doi.org/10.21638/spbu09.2020.309>
3. Bredis, M.A., Ivanov, E.E., Lomakina, O.V., Nelyubova, N.Yu. & Kuzhuget, Sh.Yu. (2021). A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethnolinguoculturological commentary as compared to European paremies. *The New Research of Tuva*, 4, 143–160. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.11> (In Russ.).
4. Bredis, M.A. & Ivanov, E.E. (2021). Typology of proverbs of the Baltic-Finnish peoples of Russia about wealth and poverty (On the European paremiological material). *Bulletin of Ugric Studies*, 11(4), 607–615. <https://www.doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615> (In Russ.).

5. Ivanov, E.E., Lomakina, O.V. & Nelyubova, N.Yu. (2021). Semantic analysis of Tuvan proverbs: models, imagery, concepts (against the European paremiological background). *New Research of Tuva*, 3, 220–233. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17> (In Russ.).
6. Bredis, M.A., Lomakina, O.V., Borisova, A.S. & Lazareva, O.V. (2022). Numerical code of Tuvan linguistic culture in proverbs (as contrasted to a number of Turkic and Mongolian languages of the peoples of Russia). *The New Research of Tuva*, 4, 276–293. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.4.20> (In Russ.).
7. Bredis, M.A. & Ivanov, E.E. (2022). Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs. *Russian Journal of Lexicography*, 26, 5–29. <https://www.doi.org/10.17223/22274200/26/1> (In Russ.).
8. Bredis, M.A. & Ivanov, E.E. (2022). Proverbial factors in translating Tuvan proverbs in the light of normative and poly-lingual paremiography (As contrasted to Russian and English languages). *The New Research of Tuva*, 1, 17–36. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.2> (In Russ.).
9. Zinovieva, E.I. & Alyoshin, A.S. (2022). The family in comparative paremies of Tuvan, Swedish and Russian languages. *New Research of Tuva*, 1, 131–145. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.9> (In Russ.).
10. Ivanov, E.E., Marfina, Zh.V. & Shkuran, O.V. (2022). Animal nouns in Tuvan proverbs and sayings: problems of studying and aspects of functioning. *New Research of Tuva*, 1, 47–68. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.4> (In Russ.).
11. Lomakina, O.V. (2022). Tuvan paremiology: Its linguoculturological and linguoaxiological potential. *The New Research of Tuva*, 1, 6–16. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.1> (In Russ.).
12. Petrushevskaya, Yu.A. (2022). Belarusian parallels of Vepsian proverbs: in search of typologically common and ethno-specific. *Bulletin of Ugric Studies*, 12(3), 497–505. <https://www.doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-497-505> (In Russ.).
13. Petrushevskaya, J.A. (2022). Tuvan and Belarusian proverbial parallels (Typological community amid ethnocultural specificity). *The New Research of Tuva*, 3, 241–263. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.16> (In Russ.).
14. Alyoshin, A. & Ivanov, E. (2023). Swedish parallels of Belarusian proverbs: Structural-semantic modeling. *Scandinavian Philology*, 21(1), 5–23. <https://www.doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.101>
15. Zinovieva, E.I. & Zhao, S. (2023). Comparative Semantics in Russian and Chinese Languages: Integrative Approach. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(2), 328–346. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-328-346> (In Russ.).
16. Ivanov, E.E. (2023). Linguoculturological commentary in the Tuvan-Russian-English Paremiological Dictionary. *The New Research of Tuva*, 1, 243–258. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2023.1.14> (In Russ.).
17. Ivanov, E.E. & Mongush, Sh.V. (2023). The world of wild animals and their images in Tuvan riddles. *New Research of Tuva*, 3, 65–83. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2023.3.5> (In Russ.).
18. Nikolaeva, E.K., Seliverstova, E.I., Lomakina, O.V. & Suvandii, N.D. (2023). The image of a mountain in Tuvan paroemias as a manifestation of ethno-marked mentality (as compared to Altai, Khakas, Buryat and Kalmyk proverbs). *New Research of Tuva*, 3, 51–64. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2023.3.4> (In Russ.).
19. Petrushevskaya, Yu.A. (2023). Universals in the Tuvan proverbial fund (as compared to modern European languages). *The New Research of Tuva*, 1, 259–279. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2023.1.15> (In Russ.).
20. Bredis, M.A., Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2019). Proverbs in contemporary linguistics: definition, status, and functioning. *Bulletin of Moscow University. Series 19: Linguistics and Cross-Cultural Communication*, 3, 34–43. (In Russ.).
21. Ivanova, E.V. (2021). On the Basic Lines of Proverbial Studies in Russian Paremiology. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 18(4), 875–892. <https://www.doi.org/10.21638/spbu09.2021.415>

22. Maslova, V.A. (2014). New Russian proverbs: cognitive, linguistic and cultural aspects. *Vestnik of NovSU*, 77, 81–84 (In Russ.).
23. Seregina, M.A. (2016). Paremiias (proverbs and proverbial phrases) as a form of representation of people' knowledge in language: cognitive-structural aspect. *Issues of Cognitive Linguistics*, 1, 19–25. <https://www.doi.org/10.20916/1812-3228-2016-1-19-25> (In Russ.).
24. Ivanova, E.V. (2017). Proverb as a cognitive sign of a special type. *Cognitive studies of language*, 31, 92–98. (In Russ.).
25. Magirovskaya, O.V. (2022). Construing a worldview in proverbs and sayings: basic interpretation models and mechanisms. *Cognitive studies of language*, 1(48), 426–454. (In Russ.).
26. Seliverstova, E.I. (2022). Binary structures in Tuvan proverbs as a manifestation of the nationally marked vision of the world. *New Research of Tuva*, 1, 115–130. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.8> (In Russ.).
27. Alefirenko, N.F., Dobrovolsky, D.O., Mokienko, V.M., Adamia, Z.K., Damman, E.A., Zimin, V.I., Ivanova, E.V., Kovshova, M.L., Natkho, O.I., Ratiani, L.M., Semenenko, N.N., Fedulenkova, T.N., Khomutova, T.N., Shiryaeva, T.A. & Mieder, W. (2017). *Proverbs in the phraseological field: cognitive, discursive, comparative aspects*. Vladimir: VSU Publ. (In Russ.).
28. Nichiporchik, E.V. (2015). *Reflection of value orientations in paroemias*. Gomel: Francysk Skaryna Gomel State University. (In Russ.).
29. Nelyubova, N.Yu. (2019). Representation of ethno-cultural values in the proverbs of French-speaking countries. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(2), 323–335. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-323-335> (In Russ.).
30. Nelyubova, N.Yu. (2022). Axiological dominants of paremiias as typological markers in Russian, Tuvan and French ethnic cultures. *The New Research of Tuva*, 1, 146–163. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.10> (In Russ.).
31. Nelyubova, N.Yu. (2022). Representation of values in the Karelian paremiological fund (against the background of proverbs of unrelated languages). *Bulletin of Ugric Studies*, 12(3), 476–485. <https://www.doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-476-485> (In Russ.).
32. Ivanova, E.V. (2006). *The World in English and Russian Proverbs*. St. Petersburg: St. Petersburg State University. (In Russ.).
33. Semenenko, N.N. (2011). *Russian Paremiias: Functions, Semantics, Pragmatics*. Stary Oskol: ROSA. (In Russ.).
34. Abakumova, O.B. (2013). *Proverbs in Language, Consciousness, and Communication: Cognitive Modelling of Ideas behind a Proverb in Discourse, and Referential/Evaluative Typology of Russian, English, Spanish, French, and Czech Proverbs about Truth and Lies*. St. Petersburg: Aleph-Press. (In Russ.).
35. Ivanov, E.E. (2022). Aphorism in the Circle of Small Text Forms in Oral, Written and Electronic Discourses. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(4), 898–924. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924> (In Russ.).
36. Ivanov, E.E. (2019). Aphoristic units recurrence in modern Russian language. *Russian Language Studies*, 17(2), 157–170. <https://www.doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170> (In Russ.).
37. Ivanov, E.E. (2020). Aphorism as an object of linguistics: The main properties. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(4), 659–706. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706> (In Russ.).
38. Ivanov, E.E. (2022). Functions of aphoristic units in the Russian language. *Russian Language Studies*, 20(2), 167–185. <https://www.doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185> (In Russ.).
39. Petrushevskaya, J.A. (2021). Methodology for determining national, international and universal in Belarusian phraseology and paremiology. *WEST — EAST. Scientific Journal of ISPOP*, 5(1), 61–72. <https://www.doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-61-72> (In Russ.).

40. Ivanov, E.E., Lomakina, O.V. & Petrushevskaya, J.A. (2021). The national specificity of the proverbial fund: Basic concepts and procedure for determining. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(4), 993–1032. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-993-1032> (In Russ.).
41. Ivanov, E.E. (2004). Semantics of aphoristic phrases: A case study of Slavic and Germanic language materials. *Journal of the Belarusian State University*, 1, 63–68. (In Bel.).
42. Ivanov, E.E. (2022). Semantic typology of Tuvan proverbs (Empirical and axiological aspects). *The New Research of Tuva*, 4, 317–337. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.4.22> (In Russ.).
43. Ivanov, E.E. (2022). Absurd and Paradoxical Proverbs in Tuvan: Ontological and Logical Aspects of the Categorization of Proverbial Semantics. *Oriental Studies*, 15(6), 1373–1389. <https://www.doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1389> (In Russ.).
44. Kotvich, V.L. (1905). *Kalmyk riddles and proverbs*. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. (In Kalm. and Russ.).
45. Esenova, T.S. & Esenova, G.B. (2016). The image of a man in the Russian and Kalmyk linguistic consciousness (on the material of proverbs). *Languages. Culture. Translation*, 1, 113–119. (In Russ.).
46. Utunashen, Ts. & Kichikova, N.A. (2016). Zoonyms as a reflection of mentality in the Kalmyk and Russian languages (on the material of Kalmyk and Russian proverbs and sayings). *Russian Speech in a Foreign Environment*, 9, 33–39. (In Russ.).
47. Chedzhieva, Zh.D., Ochirova, V.S. & Muchkaeva, G.M. (2020). Concepts of “mind” and “stupidity” in Kalmyk and English (In proverbs and sayings). *Vestnik IGU*, 48, 274–277. (In Russ.).
48. Heichieva, A.B. (2017). Sacred Places (Objects) in Kalmyk Culture: The Single Poplar. *Mongolian Studies*, 9(2), 91–101. <https://www.doi.org/10.22162/2500-1523-2017-11-91-101> (In Russ.).

Сведения об авторе:

Иванов Евгений Евгеньевич, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики факультета иностранных языков, Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова (212022, Республика Беларусь, г. Могилев, ул. Космонавтов, 1); e-mail: ivanov-rudn@mail.ru; ivanov_ee@msu.by
ORCID: 0000-0002-6451-8111; Scopus Author ID: 57222386652

Information about the author:

Eugene E. Ivanov, D.Sc. in Philology, Professor, a Leading Research Fellow of the Department of Foreign Languages, the Philological Faculty, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); the Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Foreign Languages, Mogilev State University n.a. A. Kuleshov (1, Kosmonavtov str., Mogilev, Republic of Belarus, 212022); e-mail: ivanov-rudn@mail.ru; ivanov_ee@msu.by
ORCID: 0000-0002-6451-8111; Scopus Author ID: 57222386652.

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-4-1178-1200

EDN: CAUGSW

УДК 811.134.2'22'276.6:32

Научная статья / Research article

Семиотика эмотиконов и эмодзи в дискурсивном пространстве испанской политической интернет-коммуникации

М.В. Ларионова¹ , А.В. Демкина²

¹Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД РФ,

Москва, Российская Федерация

²Министерство иностранных дел Российской Федерации, *Москва, Российская Федерация,*

 larionova.m@list.ru

Аннотация. Семиотика графических символов — эмотиконов и эмодзи в испанском политическом дискурсе в интернет-пространстве — объект проведенного исследования, цель которого состоит в установлении значимых семиотических, когнитивных и функциональных характеристик эмотиконов и эмодзи как паралингвистических средств письменного общения в испанской политической интернет-коммуникации. Материалами исследования служат публикации испанских государственных органов, политических партий и политиков в официальных аккаунтах сетевой платформы Twitter. Актуальность исследования обусловлена необходимостью проведения анализа функционального и воздействующего потенциала эмотиконов и эмодзи как неотъемлемой части современного испанского политического дискурса в интернет-среде и определения их характеристик с позиций теоретического языкознания, теории дискурса, семиотики и прагмалингвистики. В работе делается вывод о том, что семиотические характеристики эмодзи и эмотиконов в качестве иконических знаков и символов позволяют им выполнять ряд важных функций в дискурсивной интернет-коммуникации: *номинативную* — идентифицируя референты, благодаря тому, что связаны с ними физическим сходством; *синтаксическую* — структурируя пунктуационный и интонационный контур сообщения; *когнитивную* — передавая дополнительные конвенциональные смыслы, имплицированные толкованием репрезентируемых объектов; *коммуникативную* — создавая интонационный контур и эмоциональный фон сообщения; *воздействующую* — задавая вектор прагматической интерпретации сообщения и его эмпатийный потенциал. При этом вербальная и невербальная составляющие поликодовых интернет-сообщений не противопоставляются друг другу, а взаимно обуславливают целостное восприятие, представление и интерпретацию реальности.

© Ларионова М.В., Демкина А.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: семиотика, эмотиконы, эмодзи, политический дискурс, лингвокогнитивистика, прагмалингвистика, испанский язык

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2023

Дата приема в печать: 15.09.2023

Для цитирования:

Ларионова М.В., Демкина А.В. Семиотика эмотиконов и эмодзи в дискурсивном пространстве испанской политической интернет-коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 1178–1200. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1178-1200>

Semiotics of Emoticons and Emoji in the Discursive Space of Spanish Political Internet Communication

Marina V. Larionova¹ , Anastasia V. Demkina²

¹MGIMO-University, Moscow, Russian Federation,

²The Ministry of the Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

 larionova.m@list.ru

Abstract. The purpose of the study is to establish significance of graphic symbols — semiotic, cognitive and functional characteristics of emoticons and emoji as paralinguistic means of written communication in Spanish political Internet communication. The materials of the study are the publications of Spanish government bodies, political parties and politicians in the official Twitter accounts. The relevance of the study stems from the need to analyze the functional and impact potential of emoticons and emoji as an integral part of modern Spanish political discourse in the Internet and determine their characteristics from the standpoint of theoretical linguistics, discourse theory, semiotics and pragmalinguistics. The paper concludes that the semiotic characteristics of emoji and emoticons as iconic signs and symbols allow them to perform a number of important functions in the discursive Internet communication, for instance, nominative — identifying referents, due to the fact that they are associated with them by physical similarity; syntactic — structuring the punctuation and intonation contour of the message; cognitive — conveying additional conventional meanings implied by the interpretation of the represented objects; communicative — creating an intonation contour and emotional background of the message; influencing — setting the vector of pragmatic interpretation of the message and its empathic component. At the same time, the verbal and non-verbal components of polycode Internet messages are not opposed to each other, but mutually determine the integral perception, representation and interpretation of reality.

Keywords: semiotics, emoticons, emojis, political discourse, cognitive linguistics, pragmalinguistics, Spanish language

Article history:

Received: 01.05.2023

Accepted: 15.09.2023

For citation:

Larionova, M.V. & Demkina, A.V. (2023). Semiotics of Emoticons and Emoji in the Discursive Space of Spanish Political Internet Communication. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(4), 1178–1200. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1178-1200>

Введение

В дискурсивном пространстве интернет-коммуникации, наряду с вербальной текстовой репрезентацией реальности, используются невербальные семиотические коды, опирающиеся на когнитивные механизмы кодирования и декодирования в процессе передачи и получения информации. Процесс поликодового выражения и восприятия действительности, в большей степени ориентированный на образы, а не на текст, превратился в устойчивую тенденцию современной сетевой коммуникации — *гиперцепцию*, то есть способность одновременного восприятия и понимания нескольких типов информации (текстовой, аудиовизуальной, символьной, цветовой, графической и др.), их самостоятельной синхронизации при декодировании с учётом преимуществ электронной коммуникации перед традиционным вербальным текстом благодаря производимому эффекту присутствия и минимальной трудоёмкости как при создании сообщения, так и при его интерпретации.

В интернет-среде дискурсивные сообщения, как правило, включают различные паралингвистические средства письменной коммуникации: *смайлики*: стилизованные графические изображения улыбающегося лица; *эмотиконы*: типографические или графические изображения любых человеческих эмоций и *эмодзи*: стилизованные графические изображения не только эмоций, но и различных предметов, объектов, явлений или действий¹. Они представляют собой пиктограммы, которые обладают собственным семиотическим кодом и транслируют дополнительные семантические и прагматические смыслы. В 2019 г. Фонд исследований современного испанского языка Fundeu BBVA признал *emojis* — эмодзи и *emoticonos* — эмотиконы словом года в Испании². Таким образом, лингвисты фактически констатировали ставшее нормой повышение роли и значения подобных графических символов в современном сетевом дискурсивном пространстве.

В качестве компонентов испанской интернет-коммуникации эмотиконы и эмодзи активно функционируют уже с 2011 г., когда компания Apple интегрировала набор пиктограмм наряду с основными мировыми алфавитами в операционную систему iOS. Первоначально были утверждены 76 значков, в 2015 г. их стало 1624, на современном этапе существует уже 3663 символа, которые подразделяются на 10 тематических блоков. Число пиктограмм увеличивается каждый год: в 2022–2023 гг. появится ещё 31 новый эмодзи — в 2023–2024 гг. появится ещё 108 новых

¹ Для целей статьи эмотиконы и эмодзи рассматриваются как паралингвистические феномены общего семиотического порядка, различия между ними не проводятся.

² Los emojis y emoticonos, palabra del año de la Fundeu BBVA [Электронный ресурс] Режим доступа: https://cincodias.elpais.com/cincodias/2019/12/29/fortunas/1577612144_528643.html (дата обращения: 28.07.2022).

эмодзи. Их первоначальные варианты можно найти на веб-сайте Emojipedia (<https://emojipedia.org/>), своеобразной энциклопедии эмодзи, документирующей и объясняющей значение, определяющей наиболее популярные эмодзи и анализирующей тенденции их употребления. Онлайн-сервис Emojitracker (<https://emojitracker.com>) в реальном времени осуществляет мониторинг аналитики и функционирования эмодзи в Twitter. С 2014 г. отмечается Всемирный день эмодзи, а с 2019 г. компании Google и Apple традиционно представляют ежегодный аналитический доклад Emoji Trend Report.

Первоначально эмотиконы и эмодзи активно использовались преимущественно в личной переписке в мессенджерах и социальных сетях. Однако очень быстро они стали неотъемлемой частью сферы международной онлайн-коммуникации в интернет-пространстве, включая политический дискурс. Это обусловлено рядом причин, в том числе увеличением частотности употребления подобных единиц пользователями на всех онлайн-ресурсах, что в свою очередь объясняется семиотической поликодовостью онлайн-сервисов, в которых вербализированная информация сопровождается использованием аудиовизуального интерактивного контента. Кроме того, эмотиконы и эмодзи приобрели значительную популярность в интернет-коммуникации, поскольку помогают пользователям быстро и ёмко донести до адресата основную смысл сообщения, одним символом выразить гамму эмоций, имитируя живое общение и усиливая его эмпатийную составляющую. В зависимости от прагматики коммуникативной ситуации эмотиконы и эмодзи получают новые интерпретации и транслируют дополнительные смыслы, выходящие за границы собственных значений: контекстуальное содержание универсальных смайликов-эмотиконов и эмодзи-символов понятно каждому человеку вне зависимости от того, на каком языке он говорит.

Актуальность, цель и материалы исследования

Стратегии употребления эмотиконов и эмодзи, ставших повсеместной тенденцией в интернет-коммуникации, включающей политический дискурс, а также их семиотический потенциал требуют дополнительного научного осмысления. Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа функционального и воздействующего потенциала эмотиконов и эмодзи в испанском политическом дискурсе в интернет-среде с позиций теоретического языкознания, семиотики и теории дискурса. Цель исследования — выявить значимые семиотические, лингвокогнитивные и функциональные характеристики эмотиконов и эмодзи как паралингвистических средств письменного общения в испанской политической интернет-коммуникации.

Корпус примеров для исследования — более 5 000 твитов — составляют публикации испанских государственных органов, политических партий и политиков в официальных аккаунтах сетевой платформы Twitter. Выбор материалов объясняется тем, что в течение последнего десятилетия социальная сеть Twitter остаётся одной из наиболее авторитетных площадок для распространения политиками ключевых сообщений в рамках испанского информационного пространства [1].

Начиная с 2011 г., Twitter активно используется в Испании как эффективный инструмент политической деятельности и одновременно как способ успешного воздействия на мнения и поведение широкой аудитории избирателей в ходе проведения различных политических и электоральных кампаний, а также как канал для самопродвижения, транслирования определённого имиджа³. В свою очередь, электорат имеет возможность в режиме онлайн следить за аккаунтами в Twitter ключевых политиков и политических партий, в интерактивной форме реагировать на происходящие события, высказывать собственные суждения и давать оценки, поддерживая или критикуя адресанта. По данным исследовательского департамента испанского и португальского отделения Twitter (Twitter España у Portugal), 80 % испанских избирателей считают Twitter наиболее влиятельной политической платформой, способствующей гражданской активности и развитию политического диалога в обществе: прямое взаимодействие политиков и граждан на платформе Twitter не только позволяет улучшить имидж политических акторов, но и напрямую влияет на укрепление доверия и позитивный исход при голосовании (об этом говорит 85 % принявших участие в опросе граждан Испании)⁴.

Таким образом, Twitter становится нишевой социальной сетью политической коммуникации в Испании⁵.

Методы исследования

Осмысление эмодзи и эмотиконов, представляющих многоаспектный феномен дискурсивной действительности и деятельности, требует применения как междисциплинарного, так и полипарадигмального подходов,

---

³ La trampa de pensar que Twitter es muy importante El Español 14/5/2022 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.elespanol.com/quincemil/articulos/actualidad/galicia/la-trampa-de-pensar-que-twitter-es-muy-importante> (дата обращения: 28.07.2022).

⁴ Los emojis más utilizados en Twitter durante el debate del 13J [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.elmundo.es/f5/2016/06/14/575ff807ca474175038b45a7.html> (дата обращения: 28.07.2022).

⁵ La trampa de pensar que Twitter es muy importante // [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.elespanol.com/quincemil/articulos/actualidad/galicia/la-trampa-de-pensar-que-twitter-es-muy-importante> (дата обращения 29 июля 2022).

объединяющих методологический инструментарий различных теорий и концепций в области дискурсологии, политологии, социальной психологии и ряда других сфер гуманитарного знания. В рамках настоящего исследования используется комплекс методов системного лингвистического анализа — семиотический, лингвокогнитивный, семантический, контекстуальный, а также отдельные методики дискурс-анализа. Синтез методов лингвистического анализа на стыке семиотики, когнитивистики и теории дискурса позволяет произвести корректную интерпретацию сообщений, содержащих в качестве графических символов эмодзи и эмотиконы, на примере испанской политической интернет-коммуникации с целью установления их дискурсивных функций и характеристик прагматического потенциала.

Теоретические основания исследования

Вопросам изучения отдельных аспектов функционирования эмотиконов и эмодзи в различных видах дискурса посвящён ряд работ отечественных и зарубежных учёных, в которых отмечается значение данных единиц как смыслообразующих социально значимых знаков и символов, способных благодаря своему эмпатийному потенциалу решать задачи объединения пользователей вокруг определённых идей, концепций, событий [2–6]. Исследователи приходят к выводу, что эмотиконы и эмодзи употребляются прежде всего в позитивно и негативно окрашенных сообщениях и гораздо реже в нейтральных [3]. Кроме того, по мнению учёных, дискурсивная уникальность эмотиконов и эмодзи определяется тем фактом, что графические знаки-пиктограммы могут не только семантически дополнять письменное вербальное сообщение, но и выступать в качестве самостоятельных паралингвистических элементов интернет-коммуникации [4], реализуя смыслоразличительные задачи, присутствующие устной коммуникации: передача интонации, жестов, мимики как формы проявления чувств.

Ряд исследователей анализируют роль эмотиконов и эмодзи в испанской политической коммуникации применительно к конкретным политическим событиям — выборам или протестным акциям [7; 8]. Тем не менее, семиотические и когнитивные параметры функционирования эмотиконов и эмодзи в интернет-пространстве испанского политического дискурса требуют дополнительного изучения с учётом прагматической функции воздействия — основной для сферы политической коммуникации. Значение графических пиктограмм в качестве дополнительного инструмента выражения образности, экспрессивности, эмоциональности и эмпатийности, свойственных испанскому социокультурному мировоззрению, нуждается в семиотическом осмыслении, объединяющем, семантический, прагматический и синтагматический аспекты исследуемых объектов как неотъемлемой части испанской политической коммуникации.

Рассматривая дискурсивную специфику репрезентации реальности в интернет-пространстве, важно подчеркнуть, что вербальный знак часто дополняется образом, что обусловлено мозаичностью представления и восприятия информации на электронных носителях. На «двойное кодирование» информации обращает внимание психолог и семиотик А. Павийо [9], о бинарной дополнительности вербальных и невербальных кодов упоминает Ю. Лотман [10], Ж. Фоконье использует понятия «бленд», «блендирование» [11], исследуя симбиоз визуально-вербальных репрезентативных возможностей.

Соотношение вербального и невербальных семиотических кодов в рамках интернет-текста как когерентного целого преимущественно реализуется как *дополнительное* или *интегративное* [12. С. 55], когда репрезентативные возможности одного знакового кода расширяются благодаря потенциалу других семиотических кодов, актуализируя тем самым синергетику дискурса. При отношениях *дополнительности* вербальное содержание дублируется визуальными и графическими компонентами, которые служат для усиления значимости передаваемой информации, её эмфатизации. В свою очередь, *интегративные* отношения предполагают равноправный характер вербальных и невербальных элементов поликодового текста, при том, что изъятие любого компонента неизбежно ведёт к потере части значений или к искажению общего смысла всего сообщения. При этом общий смысл поликодового дискурсивного сообщения всегда превышает простую сумму смыслов составляющих его элементов.

Материал статьи позволяет достоверно утверждать, что в политической интернет-коммуникации, наряду с аудио, визуальными, графическими, шрифтовыми, цветовыми компонентами невербального дискурса, эмотиконы-смайлики и пиктограммы-эмодзи, представляющие собой особые паралингвистические метазнаки и метасимволы, используются наиболее часто и обладают собственным дискурсивным функционалом, обусловленным их семиотическим кодом.

Свидетельством укрепления позиций эмотиконов и эмодзи в испаноязычном информационном и социальном пространстве могут служить прецеденты их трактовки в сфере судебного дискурса для подтверждения правоты или неправоты ответчиков в суде⁶. В испанской юридической практике фиксируются случаи, квалифицирующие использование эмотиконов и эмодзи в качестве убедительного доказательства виновности или

⁶ См., например: Los emojis llegan a los tribunales como prueba (o no) en los juicios La Razón. 19.05.2019 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.larazon.es/tecnologia/los-emojis-llegan-a-los-tribunales-como-prueba-o-no-en-los-juicios-AF23401122/> (дата обращения 27.06.2022); ¿Es el 'emoji' cuchillo una amenaza? Así interpretan los jueces el lenguaje de WhatsApp. El Confidencial. Pedro del Rosal. 04.09.2021 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.elconfidencial.com/juridico/2021-09-04/asi-interpretan-los-jueces-el-lenguaje-de-whatsapp_3269734/ (дата обращения 27.06.2022)

невиновности обвиняемых в материалах следствия: судьи интерпретируют отправку интернет-сообщений или публикации в социальных сетях, содержащие эмодзи или эмодзи, как коммуникацию, которая грозит наступлением юридических последствий для её участников⁷.

Подобную позицию разделяют российские исследователи, которые утверждают, что свойственное эмодзиам приращение смысла вербализованных сообщений, а также трансформация эмоциональной направленности или маскировка коммуникативных интенций автора, должны учитываться при решении задач судебной лингвистической экспертизы в правовой практике [6]. Именно повышенное внимание к эмодзиам и эмодзи как паралингвистическим средствам письменной коммуникации со стороны юристов свидетельствует не только об их существенной роли в межличностной коммуникации, но и закрепляет их статус в качестве полноправных элементов институциональных дискурсивных практик.

Эмодзи и эмодзи в испанском политическом дискурсе: семиотические коды

Семиотические характеристики эмодзиам и эмодзи определяют их семантическую, прагматическую, синтагматическую специфику и дискурсивную полифункциональность в испанской политической сетевой коммуникации. Графические символы, участвуя в процессе дискурсивного взаимодействия, встраиваются в поликодовый формат интернет-сообщения, получают и реализуют семиотическую функцию передачи смыслов и, следовательно, отражения и конструирования реальности. Представляется важным подчеркнуть, что воздействующий потенциал эмодзиам и эмодзи, актуализируется и становится эффективным именно в рамках дискурсивного пространства, объединённого коммуникативными, интенциональными и прагматическими установками дискурсивных коммуникантов и коррелирующего с конкретной социально-политической ситуацией.

Рассмотрим подробнее семиотические механизмы дискурсивного воздействия, благодаря которым в политической интернет-коммуникации акцентируются предзаданные смыслы, имплицитные и эксплицитные, в интересах адресанта и с учётом его коммуникативной интенции:

Представленное сообщение, опубликованное на официальном аккаунте Правительства Испании в Twitter, фактически (рис. 1) является интерактивным алгоритмом действий для женщин, оказавшихся в трудной жизненной

---

⁷ ¿Es el 'emoji' cuchillo una amenaza? Así interpretan los jueces el lenguaje de WhatsApp. El Confidencial. Pedro del Rosal. 04.09.2021. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.elconfidencial.com/juridico/2021-09-04/asi-interpretan-los-jueces-el-lenguaje-de-whatsapp_3269734/ (дата обращения 26.06.2022).

ситуации. Поликодовый характер твита выражается в том, что помимо непосредственно текстовой информации в нём содержатся эмодзи и пиктограммы-эмодзи, гиперссылки и хештеги, позволяющие читателю быстрее сориентироваться в пространстве текста. Так, индексальное изображение стрелки (👇) упрощает навигацию внутри информационного сообщения, позволяет быстро локализовать ссылку для получения дополнительной информации; символные картинки (флажок 🚩, стационарный телефон 📞, входящее электронное сообщение 📧, смартфон 📱) дублируют, поясняют или замещают собой вербальные компоненты, экономя ограниченное нормой количество символов в твите; фиолетовый кружок (🟪), поднятый вверх кулак с фиолетовым платком на запястье (✊) указывают на идеологическую соотнесённость твита с темой феминизма; хештеги *#ViolenciaMachista* — *#МачистскоеНасилие*, *#NiUnaMenos* — *#НиОднойБольше*, *#PuntoVioleta* — *#ФиолетоваяТочка*, помимо текстовой, выполняют гипертекстовую функцию, выступают как гиперссылка, при нажатии на которую пользователь получает доступ к другим актуальным сообщениям по теме, наконец, интерактивная ссылка, отправляющая на сайт <https://violenciagenero.igualdad.gob.es/informacionUtil/home.htm>, даёт возможность получить доступ к более подробной информации: адресат сообщения, переходя по ссылке, попадает на официальный сайт правительства Испании в раздел, посвящённый противодействию домашнему насилию.

19.06.2022. Tuit.

La Moncloa @desdelamoncloa

🚩 (флажок: здесь и далее перевод наш — М.Л., А.Д.) Правительственная организация Испании. Если ты нуждаешься в поддержке или консультации в случае *#МачистскоеНасилие*, можешь обратиться

📞 (стационарный телефон) 016

📧 (входящее электронное сообщение) 016-online@igualdad.gob.es

📱 (смартфон)

🟪 (фиолетовый кружок: цвет сторонников борьбы с насилием над женщинами. — М.Л., А.Д.) Дополнительная информация на: *#ФиолетоваяТочка* 👇 (стрелка «вправо вниз») <https://violenciagenero.igualdad.gob.es/informacionUtil/home.htm> *#НиОднойБольше* (поднятый вверх кулак с фиолетовым платком — один из символов феминизма и сторонников борьбы с насилием над женщинами).

Рис. 1. Скриншот сообщения, размещенного на сайте Правительства Испании в Twitter от 19.06.2022

Fig. 1. Screenshot of the message posted on the website of the Government of Spain on Twitter from 19.06.2022

Таким образом, пользователи Twitter, благодаря вербальным и невербальным семиотическим компонентам поликодового твит-сообщения, функционирующего как текстовый и гипертекстовый интерактивный инструмент сетевого дискурса, имеют возможность не только получать информацию и обмениваться ею, но и, выбирая способ её интерпретации, осуществлять необходимые действия. Эмотиконы и эмодзи упрощают восприятие и понимание сообщения, обеспечивая его эмпатийность, психологически сокращающую дистанцию между адресантом и адресатом; хештеги, классифицирующие и организующие информационное сообщение, воспроизводят его главную тему, лейтмотив, в максимально концентрированной форме, объединяют пользователей вокруг определённого движения или события; гипертекстовая интернет-ссылка, наоборот, расширяет информационные рамки, предполагает более подробное знакомство с историей вопроса. В целом, сочетание вербальных и невербальных составляющих, как и метатекстовых и гипертекстовых компонентов твита, обеспечивает целостное и эффективное восприятие информации, имплицитное её прагматические установки.

Структура и конституирующие параметры политической интернет-коммуникации подчинены её интенциональности, всегда ориентированной на решение задач, которые ставит перед собой адресант, на продвижение определённой картины мира, репрезентирующей его политические интересы, с целью оказания воздействия на суждения и поведение аудитории-адресата, включающей в себя потенциальный электорат. Эффективность политического дискурса в контексте множественности репрезентаций действительности различными политическими акторами и борьбы за доминирование как в дискурсивном, так и в реальном политическом пространстве, зависит не только от смыслового содержания, но и от модально-оценочной составляющей политического сообщения, которую создают, наряду с текстом, эмотиконы и эмодзи.

В отличие от вербальных компонентов, означающих референт с помощью слова, визуальные знаки, к которым относятся эмотиконы и эмодзи, осуществляют непосредственное указание на объект речи или на его отображение в образе-представлении. Ч. Пирс, предложивший классификацию для семиотики классификацию знаков, выделил знаки-иконны, которые содержат образ предмета, знаки-индексы, указывающие на предмет непосредственно, и знаки-символы, обозначающие предмет произвольно [13].

На основании семиотического критерия кодирования информации по способу отображения референта паралингвистические визуальные знаки, представленные эмотиконами и эмодзи, также возможно разделить на *индексы* (дейктические знаки, замещающие референт простым указанием на него), *иконны* (иконические знаки, являющиеся картинками референтов и в зависимости от степени подобия подразделяющиеся на *образы* (обладают высокой степенью достоверности и дают достаточное визуальное представление об объекте) и *схемы* (семиотически условные знаки, репрезентирующие

системно-структурные свойства объекта или какие-либо действия), а также *символы* (символьные знаки, отображающие абстрактные референты, часто не имеющие визуального сходства с замещаемым референтом) [14]. Семиотические знаки-индексы, знаки-образы и знаки-символы дифференцируются между собой в зависимости от природы знаковой связи: для знаков-индексов она носит реальный характер, для знаков-образов она основана на подобии, а для знаков-символов является конвенциональной.

Эмотиконы-смайлики и эмодзи, интегрированные в интернет-публикацию, создают особый эмоциональный фон непринуждённости, свободного общения, без них ограниченный количеством знаков текст твита, который лишён полноценного ряда смысловых различительных средств, присущих устной коммуникации (интонации, жестов, мимики как формы проявления чувств), теряет привлекательность для аудитории адресатов-получателей.

Семиотический функционал эмотиконов и эмодзи в испанском политическом дискурсе

Использование эмотиконов и эмодзи в испанской политической сетевой коммуникации для реализации различных языковых функций обусловлено их семиотическим потенциалом, включающим семантическую, прагматическую, и синтагматическую составляющие. Так, эмотиконы и эмодзи, представляющие пиктограммы, изображающие различные эмоции, в интернет-среде выполняют прежде всего *коммуникативную функцию*, создавая, поддерживая интонационный контур послания и его эмоциональный фон и функционируя в качестве своеобразных дискурсивных междометий или аналогов жестыкуляции (рис. 2).

Рис. 2. Пример эмотиконов и эмодзи, выражающих эмоции
Fig. 2. An example of emoticons and emojis expressing emotions

Кроме того, чтобы отразить в виртуальной коммуникации дополнительную модальность — возмущение, вызванное риторикой социалистов, авторы твита, наряду со смайликами, используют графику заглавных букв, что традиционно трактуется как повышение голоса (¡BASTA! — ХВАТИТ!).

Передавая различные эмоции с помощью эмодзи и эмодзи, адресант политического сообщения получает возможность *прагматически* управлять настроением адресата, добиваясь большей дискурсивной эффективности (рис. 3).

Рис. 3. Пример употребления эмодзи и эмодзи для повышения дискурсивной эффективности
Fig. 3. Example of the use of emoticons and emojis to improve discourse efficiency

Отметим, что эмодзи и эмодзи чаще всего ставятся в твите после логически и/или модально значимого фрагмента сообщения, а также в конце текстового сообщения, *синтаксически* выполняя функцию знаков препинания. Пунктуация является частью графической системы языка и позволяет структурировать и передавать смысловые отношения, которые остаются невыраженными ни лексически, ни грамматически. Решая пунктуационную задачу, эмодзи и эмодзи маркируют синтаксический и интонационный контур твита (рис. 4).

Рис. 4. Пример эмодзи и эмодзи, маркирующих синтаксический и интонационный контур твита
Fig. 4. Example of emoticons and emojis marking syntactic and intonation tweet

В политической дискурсивной среде *семантическая* нагрузка эмодзи и эмодзи определяется их способностью передавать дополнительные смыслы за счёт диффузности транслируемых значений, которые актуализируются благодаря поддерживающему сообщению прагматическому контексту. Иконы-пиктограммы дублируют вербальные компоненты или замещают их словесную репрезентацию, формируют добавочные смыслы, которые не выражены вербально, снимают нейтральность выделенных фрагментов текста, категоризируют и смысловозаменяют отдельные его разделы (рис. 3).

22.06.2022. Tuit.

ИСРП @ИСРП

 (флаг Европейского союза) @санческастехон (гиперссылка на официальный аккаунт в Twitter председателя правительства Испании П. Санчеса) представляет «План по производству вакцин и укреплению сист. здравоохранения стран Латинской Америки и Карибского бассейна»: Этот План содержит два важных пункта:

 (иконка с изображением шприца) Всеобщий доступ к эффективным и безопасным вакцинам.

 (иконка с изображением медучреждения) Крепость общественного здравоохранения.

Рис. 5. Примеры эмодзи и эмодзи, которые категоризируют и смысловозаменяют отдельные разделы твита

Fig. 5. Examples of emoticons and emojis that categorize and make sense of individual tweet sections

Графическая неоднородность текста за счёт шрифтового и цветового варьирования, сочетание языковых, иконических, графических элементов и других аудиовизуально значимых средств (, ,)¹, выделенное голубым цветом для быстрого визуального поиска интерактивное имя политика @санческастехон, позволяющее осуществить мгновенный переход по ссылке на его Твиттер-аккаунт, видео выступления П. Санчеса в Европейской комиссии с наложенным логотипом правительства Испании, которое при нажатии можно посмотреть в более широком формате — всё это создаёт, благодаря семиотической полифонии смыслов, особую систему кодирования, передачи и интерпретации информации в политических текстах нового электронного формата.

В свою очередь, неотделимость дискурса испанского политика от общеевропейской повестки достигается за счёт прагматических инструментов, а именно, эффективного встраивания вербальной составляющей твита в соответствующий прагматический контекст. Окружение председателя правительства Испании символами Евросоюза (расположение соответствующего графического баннера на заднем плане, присутствие в кадре флага ЕС, использование флажка-эмодзи) — всё это позволяет на прагматическом уровне транслировать аудитории-адресату взаимосвязь актора-адресанта с европейскими ценностями, а множественный характер наличия подобных символов снижает риск коммуникативной ошибки, разночтения или несчитывания реципиентом заложенного политиком ключевого сообщения.

Дискурсивная роль встраиваемых в текстовые сообщения твита иконических знаков-образов и символов, которые отражают внешний вид обозначаемых ими вещей или понятий, состоит в том, чтобы передавать информацию в концентрированном виде, облегчая её восприятие и декодирование: флаг

Европейского союза 🇪🇺, — отсылка к Евросоюзу, иконка шприца 💉 символизирует вакцинацию, значок медучреждения 🏥 — систему здравоохранения). Изображение как иконический знак выполняет таким образом собственно *номинативную функцию* благодаря тому, что связано со своим референтом наблюдаемым визуальным сходством, иными словами, форма как информация о денотате берёт на себя роль значения.

Например, в приведённом ниже твите о турне партии «Вокс» в провинцию Кадис в рамках предвыборной кампании текстовая информация дублируется с помощью значков автобуса и легковых автомобилей, выстроившихся в форме кортежа: 🚌🚗🚗🚗🚗🚗🚗, а поддержка кандидатуры Макарены Олоны от партии Вокс на пост председателя правительства Андалусии выражается символом согнутой в локте руки с испанским флагом 🤝🇪🇸. Примечательно, что в данном контексте испанский флаг символизирует также и правую националистическую партию Вокс, которая использует его в качестве компонента собственного логотипа (рис. 6).

17.06.2022. Tuit.

Вокс Кадис @кадисвокс

!! (два красных восклицательных знака используются для привлечения внимания) ВОКС отправляется в автобусное турне #РеальныеПеремены в провинцию Кадис

🚌🚗🚗🚗🚗🚗 (иконки автобуса и шести легковых автомобилей, выстроившихся в форме кортежа)

В это воскресенье мы сделаем @Macarena_Olona председателем правительства Андалусии 🤝🇪🇸 (согнутая в локте рука и испанский флаг).

Рис. 6. Пример использования эмодзи и эмодзи для дублирования вербального компонента
Рис. 6. Example of using emoticons and emojis to duplicate the verbal component

Помимо номинативной, иконические знаки-образы и символы реализуют *когнитивную функцию*, передавая дополнительные конвенциональные смыслы, имплицированные толкованием репрезентируемых объектов. Графические изображения, как и слова, могут выражать понятия разного уровня абстракции, эквиваленты интеллектуальных концептов через некий чувственный иконический образ. В приведённом ниже примере такие эмодзи, как красная роза 🌹 — традиционный символ социалистов и голубой пин, или кружок 🟡 — традиционный символ — правоцентристов, позволяют на иконическом уровне представить своеобразные дебаты Испанской социалистической рабочей партии и Народной партии. При этом, благодаря иконкам в виде зелёной

галочки , символизирующей положительный ответ «да» или согласие, и красного крестика , обозначающего отрицательный ответ, запрет или «нет», реципиенты данного сообщения получают возможность мгновенно расшифровать закодированное послание — понять, какую партию им следует поддерживать, а какую нет (рис. 7).

ИСРП @ИСРП

 (профиль спикера) @санческастехон отвечает Фейхоо (Альберто Нуньес Фейхоо — лидер «Народной партии»):

Вы должны дать ответ на следующий вопрос.

➤ Социальные права, либо социальный регресс?

  Мы выступаем за социальные права.

  А вы своими словами и действиями, очевидно, выступаете за социальный регресс.

19.06.2022. Tuit.

Рис. 7. Пример использования эмодзи для выражения понятий разного уровня абстракций
Fig. 7. An example of using emojis to express concepts of different levels of abstraction

Тем не менее, дискурсивная роль эмотиконов и эмодзи значительно шире и состоит в том, чтобы задавать вектор интерпретации сообщения, выполняя тем самым *воздействующую функцию*, обеспечивающую прагматику политического дискурса. Так, знаки-образы, знаки-символы и знаки-символы интенсифицируют побуждающие к действию директивные речевые акты, как это следует, например, из твита автономного сообщества Мадрид, призывающего граждан принять участие в Неделе донорства (рис. 8).

Эмотиконы, картинки-образы и картинки-символы, интегрируемые в твиты-директивы, служат средством создания дискурсивной эмпатии, сокращающей дистанцию между политиками, как, например, в официальном твите ИСРП, призывающем электорат посмотреть в прямом эфире интервью министра финансов Испании от партии ИСРП М.Х. Монтеро для программы «Общественное зеркало» (рис. 9). Известно, что эмпатийность является одной из распространённых прагматических стратегий в дискурсе: стратегия неформального обращения, призыв к открытому обмену мнениями фреймируют характер общения с подписчиками, в перспективе способствуют достижению необходимого уровня близости с электоратом.

13.06.2022. Tuit.

Рис. 8. Пример реализации эмодзи и эмодиконами воздействующей функции политического дискурса

Fig. 8. An example of the implementation of emoji and emoticons acting function of political discourse

Автономное сообщество Мадрид @СообществоМадрид

🩸 (красная капля — символ донора). Автономное сообщество Мадрид проводит «Неделю донорства» для пополнения запасов в преддверии лета.

📅 (эмодзи календарь). До воскресенья 19 июня.

🏥 (иконка с изображением медучреждения) 25 городских поликлиник.

👩‍⚕️ 👨‍⚕️ (иконки с изображением медработников) 100 мобильных пунктов.

📱 (смартфон) c.madrid/donarsangre
Присоединяйся к акции!

#ДариЖизнь 🤲 (согнутая в локте рука).

27.06.2022. Tuit.

Рис. 9. Пример реализации эмодзи и эмодиконами дискурсивной эмпатии

Fig. 9. An example of implementation of emojis and emoticons of discursive empathy

ИСРП @ИСРП

🕒 ☕ (Будильник и чашка кофе) Доброе утро!

Начинаем день с интервью министра финансов и государственной администрации Испании @М.Х. Монтеро в программе @ОбщественноеЗеркало.

🕒 (Наручные часы) Начало в 9:15.

▶️ Смотрите в прямом эфире здесь: atresplayer.com/directos/anten...

Благодаря использованию участниками интернет-коммуникации эмодзи и смайликов в качестве способа концептуализации и представления информации, устанавливается особый вид отношений между политической организацией, политиками, с одной стороны, и избирателями, — с другой.

Когнитивная упрощённость восприятия иконических изображений, включающих репрезентацию конкретных предметов, абстрактных понятий, эмоций, модальных оценок, жестов, действий, превращает их в удобный инструмент дискурсивного мониторинга, результаты которого прагматически значимы для политической аналитики. Рассмотрим примеры.

Испанское подразделение международного аналитического агентства Kreab Research Unit составило на основании публикаций в Twitter облако эмодзи и эмодзи, наиболее востребованных в период электоральной кампании ноября 2019 г. в твитах основных испанских партий⁸. Визуально оно представляет актуальные тематические ярлыки, активно использовавшиеся каждой из партий в борьбе за голоса избирателей (рис. 10). Более крупные изображения отражают высокую частотность их употребления в твитах. К ним относятся символы-идентификаторы политических акторов, визуализирующие их в сетевом дискурсивном пространстве: флаг Испании 🇪🇸 и голубой пин 🇪🇺 для Народной партии; красная роза 🌹, красное сердечко ❤️ и красный пин 📌 для ИСПП; иконка апельсина 🍊 — логотип партии Граждане; поднятый вверх кулак 🦊, обозначающий солидарность, и фиолетовое сердечко 💜 — символ феминизма как приоритетной идеологии Podemos; флаг Испании как часть логотипа ВОКС VOX 🇪🇸 и изображение мегафона 📣 в качестве обязательного элемента почти всех публикаций, метафорически транслирующее идею громкости, силы, уверенности и твёрдости партийных деклараций. В остальном, набор эмодзи и эмодзи во многом совпадает у политических противников, различных по своей идеологии и политической повестке, но одинаково заинтересованных в получении максимально широкой электоральной поддержки.

Рис. 10. Облако эмодзи и эмодзи, наиболее востребованных в период электоральной кампании ноября 2019 г. в твитах основных испанских партий

Источник: составлено авторами.

Fig. 10. Cloud of emoticons and emojis most in demand during the November 2019 election campaign in tweets from the main Spanish parties

Source: compiled by the authors.

⁸ Los emojis más usados por los partidos durante la campaña electoral [Электронный ресурс] URL: https://verne.elpais.com/verne/2019/11/09/articulo/1573309443_772284.html (Дата обращения 01.08.2022)

и занятиям, смайлики в основном поддерживают позитивный эмоциональный и эмпатийный контур семантического поля феминизма в представлении пользователей Twitter.

Специфические прагматические условия навигации в сетевом пространстве дискурса определяют когнитивную необходимость «упрощения объективной реальности» для облегчения её понимания адресатом [15. С. 76]. В силу схематизации представляемой через эмодзи и эмотиконы информации, что неизбежно снижает её аналитичность, происходит некое переосмысление актуальной картины мира, репрезентированной в сетевой коммуникации. Правомерно говорить о том, что паралингвистические компоненты способны оказывать дискурсивное воздействие на суждения и поведение реципиента информации, задавая вектор интерпретации сообщения в соответствии с интенциями его адресанта. Приведём в качестве примера аналитику успешности-неуспешности четырёх главных политиков-участников избирательной кампании июня 2016 г., представленную с помощью эмодзи и эмотиков международного агентством Kantar Twitter TV Ratings¹⁰ (рис.12).

Рис. 11. Аналитика четырёх ведущих политиков — участников избирательной кампании июня 2016 г., представленная с помощью эмодзи и эмотиков

Источник: Los emojis más utilizados en Twitter durante el debate del 13J EL MUNDO [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.elmundo.es/f5/2016/06/14/575ff807ca474175038b45a7.html> (дата обращения 01.08.2022).

Fig. 11. Analyst of four leading politicians — participants of the election campaign of June, 2016, presented with the help of emoticons and emojis

Source: Los emojis más utilizados en Twitter durante el debate del 13J EL MUNDO. Retrieved August 1, 2022, from <https://www.elmundo.es/f5/2016/06/14/575ff807ca474175038b45a7.html>

Были проанализированы 1,8 млн твитов, опубликованных испанцами за время проведения электоральных теледебатов. Twitter в период телетрансляции превратился в особую референциальную платформу, где пользователи в онлайн режиме обменивались мнениями, давали комментарии и оценки политикам и их заявлениям, напрямую звучащим с телеэкрана (количество твитов превышало 13 000 в минуту)¹⁰. Инструментом для отбора и анализа твитов,

¹⁰ Los emojis más utilizados en Twitter durante el debate del 13J EL MUNDO [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.elmundo.es/f5/2016/06/14/575ff807ca474175038b45a7.html> (дата обращения 01.08.2022).

содержащих эмодзи, послужил специально созданный хештег #Politimoji. Больше всего пиктограмм получил социалист П. Санчес: его партии симпатизируют 18 % участников опроса, но оценка партийной программы и личности политика в основном негативная — самыми популярными стали эмотиконы смеющегося до слёз 😂 (27 %) и плачущего лица 😭 (18 %), одобрение 👏 (хлопающие ладошки) продемонстрировали лишь 3 % пользователей; лидер Народной партии М.Рахой сумел избежать активной критики, испанцы преимущественно выразили поддержку ему лично (аплодисменты 👏 8 %, значок победы V 🙌 5 %) и его партии (18 % и 10 %); глава новой центристской партии Граждане (символ — апельсинчик 🍊, логотип партии — 11 % поддержки) А. Ривера не вызвал особого доверия у аудитории (14 % прямого неодобрения — большой палец вниз 👎, 6 % — смеющееся до слёз лицо 😂); молодая (на тот момент) партия Подемос и её генеральный секретарь П. Иглесиас не удостоились открытой критики, хотя 8 % выразили недоверие к партийной программе (сомневающееся лицо 🙄). Одобрили феминистическую повестку 7 % (сиреневое сердечко 💜), подчеркнули интеллектуальность лидера 6 % (очки как символ «учёности» 📖). Опубликованные менее, чем за две недели до выборов, аналитические данные итогов теледебатов, представленные смайликами и пиктограммами, стали удобным способом косвенного прагматического воздействия на позиции избирателей накануне голосования и достаточно точно отразили предвыборные настроения испанских избирателей, коррелирующие с реальными цифрами поддержки, которую позже получили кандидаты ведущих партий: НП (Рахой) — 33,03 % голосов; ИСРП (Санчес) — 22,66 %; Подемос (Иглесиас) — 21,1 %; Сьюдаданос (Ривера) — 13,05 %¹¹.

Анализ результатов

В условиях множественности репрезентаций действительности различными политическими акторами и борьбы за дискурсивное доминирование модально-оценочная составляющая поликодового политического сообщения, включающая картинки-образы, картинки-символы, картинки-индексы и эмотиконы-смайлики, наряду со смысловым содержанием, актуализирует не выраженную вербально интенциональную модальность целевой коммуникативной установки адресанта.

Семиотические характеристики эмодзи и эмотиконов в качестве иконических знаков и знаков-символов позволяют им выполнять ряд важных функций в дискурсивной интернет-коммуникации: *номинативную* — идентифицируя референты, благодаря тому, что связаны с ними визуально

¹¹ Resultados Electorales en Total España: Elecciones Generales 2016 | EL PAÍS (elpais.com) Режим доступа: <https://resultados.elpais.com/elecciones/2016/generales/congreso/> (дата обращения 01.08.2022).

наблюдаемым сходством; *синтаксическую* — структурируя пунктуационный и интонационный контур сообщения; *когнитивную* — передавая дополнительные конвенциональные смыслы, имплицированные толкованием репрезентируемых объектов; *коммуникативную* — создавая интонационный контур и эмоциональный фон сообщения; *воздействующую* — задавая вектор прагматической интерпретации сообщения и его эмпатийную составляющую.

Активное функционирование эмодзи и эмодзи в политическом интернет-дискурсе обусловлено необходимостью создания прагматического контекста, выгодного коммуникатору-адресанту. Иконки-пиктограммы и смайлики в качестве инструмента эмпатийной манипуляции позволяют моделировать особый эмоциональный фон внутри и вокруг политического сообщения с целью повышения доверия адресата к политическим акторам или их дискредитации.

Заключение

Таким образом, вербальная и невербальная составляющие поликодовых интернет-сообщений не противопоставляются друг другу, а дополняют и взаимно обуславливают целостное восприятие, представление и интерпретацию реальности. Подобная семиотическая когезия обеспечивает когнитивное единство поликодовой репрезентации действительности, когда любой звуковой и визуальный образ через имя, язык, соотносится с определённым понятием, категорией и откликается словесной концептуализацией.

Дальнейшее семиотическое исследование различных знаковых систем, представленных в поликодовых интернет-сообщениях, с позиций когнитивистики, политической лингвистики, теории дискурса и дискурс-анализа в рамках философских концепций постмодернизма и постструктурализма является перспективным направлением расширения знания о функционировании как отдельных элементов политического дискурса, так и сетевой политической коммуникации в целом.

Библиографический список / References

1. Rodríguez, R. & Ureña, D. (2012). Diez razones para el uso de Twitter como herramienta en la comunicación política y electoral. *Comunicación y Pluralismo*, 5, 89–116.
2. Fernández, C.B. & Rodríguez-Virgili, J. (2019). Electors are from Facebook¹², political geeks are from Twitter: Political information consumption in Argentina, Spain and Venezuela. *KOME: an International Journal of Pure Communication Inquiry*, 7(1), 42–62. <https://doi.org/10.17646/KOME.75698.62>

¹² Входит в корпорацию Meta, деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации с марта 2022 г.

3. Al-Majdawi, A. & Jabi, S.A (2020). Pragma-Semiotic Analysis of Emoticons in Social Media. *Education and Linguistics Research*, 6, 139. <https://doi.org/10.5296/elr.v6i2.17887>
4. Danesi, M. (2016). *The Semiotics of Emojis. The Rise of Visual Language in the Age of the Internet*. London: Bloomsbury Publ.
5. Logi, L. & Zappavigna, M. (2021). A social semiotic perspective on emoji: How emoji and language interact to make meaning in digital messages. *New Media & Society*, 146144482110329. <https://doi.org/10.1177/14614448211032965>
6. Galyashina, E.I. (2022). The Semiotics of Emoticons and Animated Pictures in the Aspect of Forensic Linguistic Expertise. *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2(90), 41–48. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.90.2.041-048> (In Russ.).
Галяшина Е.И. Семиотика эмодиконов и анимационных картинок в аспекте судебной лингвистической экспертизы // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2022. № 2(90). С. 41–48. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.90.2.041-048>
7. Sampietro, A., Calvo, D. & Campos-Domínguez E. (2020). Los emojis del 8M: Su uso en Twitter durante las movilizaciones feministas de 2019. *Dígitos. Revista de Comunicación Digital*, 6, 137–158. <https://doi.org/10.7203/rd.v1i6.170>
8. Gallardo Paúls, V., Enguix Oliver, S. & Oleaque Moreno, J.M. (2018). Estilos de gestión de los perfiles políticos en Twitter: imagen y texto en las cuentas de los partidos en la campaña del 26J. *Revista de Investigación Lingüística*, 21, 15–51.
9. Paivio, A. (1986). *Mental Representations: A Dual Coding Approach*. Oxford: Oxford University Press.
10. Lotman, Yu.M. (2010). *Semiosfera*. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb. (In Russ.).
Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2010.
11. Fauconnier, G. (2002). *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York: Basic Books.
12. Kress, G. & Van Leeuwen, T. (1996). *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. New York: Routledge.
13. Peirce, Ch.S. (2000). *Logical Basis of Semiotic Theory*. Saint Petersburg: Aletejya. (In Russ.).
Пирс Ч.С. Логические основания теории знаков. СПб.: Алетея, 2000.
14. Brazgovskaya, E.E. (2019). *Semiotics. Languages and Cultural Codes*. Moscow: Yurajt. (In Russ.).
Бразговская Е.Е. Семиотика. Языки и коды культуры. М.: Юрайт, 2019.
15. Kobrin, N.V. (2015). Role of Hashtags in the Formation of Linguistic Stereotype in Twitter. In: *Modern Tendencies of Science and Technology Development: Volume of Materials of VI International Scientific and Practical Conference*, 6 (V). Belgorod: IP Tkacheva E.P. pp. 75–78. (In Russ.).
Кобрин Н.В. Роль хэштегов в формировании лингвистического стереотипа в Твиттере // Современные тенденции развития науки и технологий: сб. науч. трудов по материалам VI Междунар. науч.-прак. конф., 6 (V). Белгород: ИП Ткачева Е.П., 2015. С. 75–78.

Сведения об авторах:

Ларионова Марина Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры испанского языка МГИМО МИД России (119454, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, 76); *научные интересы*: испанский медиа дискурс; *e-mail*: larioнова.m@list.ru

ORCID: 0000-0001-6466-7363; eLIBRARY SPIN-код: 365254.

Демкина Анастасия Владимировна, кандидат филологических наук, третий секретарь Министерства иностранных дел Российской Федерации (119002, Российская Федерация, г. Москва, Смоленский б-р, 32/34); *научные интересы*: испанский политический дискурс; *e-mail*: a.v.dyomkina@yandex

ORCID: 0000-0002-3233-8503; eLIBRARY SPIN-код: 4460–2010.

Information about the authors:

Marina V. Larionova, D.Sc. in Philology, Assistant-Professor, Associate Professor of the Department of Spanish Language, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (76, Vernadsky ave., Moscow, Russian Federation, 119454); *Research interests*: Spanish media discourse; *e-mail*: larionova.m@list.ru

ORCID: 0000-0001-6466-7363; eLIBRARY SPIN-code: 365254.

Anastasia V. Demkina, Ph.D. in Philology, Third Secretary of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (32/34 Smolenskaya-Sennaya Square, Moscow, Russian Federation, 119002), *Research interests*: Spanish political discourse; *e-mail*: a.v.dyomkina@yandex

ORCID: 0000-0002-3233-8503; eLIBRARY SPIN-code: 4460–2010.

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-4-1201-1216

EDN: BIGUGK

УДК 811.161.1'37

Научная статья / Research article

Семантическая структура слова в ракурсе междисциплинарных исследований

Г.В. Клименко

Московский государственный лингвистический университет, Москва,

Российская Федерация

 gal.klim2009@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено актуальным вопросам лингвокогнитологии и лингвокультурологии. Обе науки являются науками синтезирующего типа, дают возможность исследовать языковой знак в его глубинных функциях, связанных с ментальностью и культурой того или иного языкового сообщества. Объект исследования — общеупотребительная лексема русского языка *голова*, являющаяся ключевым знаком соответствующего концепта. Устанавливается ее семантическая структура, парадигматические и национально-культурные характеристики. Новизна работы заключается в комплексе применяемых методов: анализ словарных дефиниций, компонентный анализ, метод интроспекции, когнитивная интерпретация полученных результатов. Приводится культурологический комментарий. Теоретическая ценность исследования: синтезирующий подход позволяет выявить актуальную структуру вышеуказанной лексемы и определить соответствующий фрейм, а также культурные установки, транслируемые языковыми знаками. Исследование семантики языковых единиц, объективирующих концепт, позволяет перейти от значений слова к содержанию концепта как мыслительной единицы. Практическая ценность работы заключается в том, что ее результаты могут быть использованы в лексикографической практике, при чтении курсов «Когнитивная лингвистика», «Лингвокультурология», «Межкультурная коммуникация».

Ключевые слова: лингвокогнитология, лингвокультурология, лексема голова, семантическая структура

История статьи:

Дата поступления: 01.07.2022

Дата приема в печать: 15.09.2023

Для цитирования:

Клименко Г.В. Семантическая структура слова в ракурсе междисциплинарных исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 1201–1216. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1201-1216>

© Клименко Г.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Semantic Structure of the Word in the Perspective of Interdisciplinary Research

Galina V. Klimenko

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

 gal.klim2009@yandex.ru

Abstract. The study is devoted to actual issues of cognitive linguistic and cultural linguistic. Both sciences are sciences of the synthesizing type, and they make it possible to explore a linguistic sign in its deep functions related to the mentality and culture of a particular linguistic community. The object of the research is the commonly used Russian lexeme *a head*, which is the key sign of the corresponding concept. Its semantic structure, paradigmatic and national-cultural characteristics are established. The novelty of the study lies in the complex of applied methods: vocabulary definition analysis, contextual analysis, introspection method, cognitive interpretation of the results obtained. A culturological commentary is provided. Theoretical value of the study: the synthesizing approach allows us identify the structure and content of the concept, as well as cultural attitudes transmitted by language signs. Applied value: the results of the study can be used in lexicographic practice, as well as in the courses on cognitive linguistics, cultural linguistic, theory of intercultural communication.

Keywords: linguocognitology, linguoculturology, lexeme *a head*, semantic structure

Article history:

Received: 01.07.2022

Accepted: 15.09.2023

For citation:

Klimenko, G.V. (2023). Semantic. Structure of the Word in the Perspective of Interdisciplinary Research. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(4), 1201–1216. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1201-1216>

Введение

Конец XX и начало XXI в. прошли под знаком изменения в научной парадигме. В гуманитарных исследованиях развиваются такие междисциплинарные направления, как когнитивная лингвистика, этнолингвистика, психоллингвистика, социоллингвистика, лингвокультурология. Актуальность вышеуказанных дисциплин обусловлена новым подходом к триаде «язык — мышление — культура». Язык и здесь остается основным объектом изучения, но его роль становится решающей в процессах познания и освоения мира. Разрабатываются новейшая теория языка, новые методы его исследования. Связующим началом для всех вышеназванных наук становится когнитивная лингвистика, так как язык — единственный уникальный инструмент для проникновения в мышление, для изучения человеческого сознания. Широкий спектр проблем освещается такими известными учеными, как Н.Н. Болдырев, В.В. Воробьев, Е.С. Кубрякова, В.И. Карасик, З.Е. Попова, И.А. Стернин, Ю.С. Степанов, А. Вежицкая,

Дж. Лакофф и др. В рамках новой когнитивно-дискурсивной парадигмы появляются понятия ментального лексикона, когнитивных моделей, концептуализации и категоризации мышления. Язык начинает рассматриваться как сложный когнитивный процесс, активно изучаются такие структуры, как концепты, фреймы, сцены, сценарии, прототипы и др. Одним из ведущих методов анализа языка становится семантико-когнитивный подход. Возникает также интегрированная методология изучения языковых единиц — компьютерно-корпусные исследования.

Цели и задачи исследования

Главной целью нашей работы является анализ многозначной лексики *голова*: исследование ее семантических, синонимических, деривационных, ассоциативных характеристик, национально-культурных компонентов. Результаты анализа получают когнитивную интерпретацию. Будет предпринята попытка соединить традиционные и новые методы исследования полисемии, которая тесно связана с процессами концептуализации и категоризации, лежащими в основе мышления.

Краткий обзор ранее проведенных исследований

В соответствии с целями исследования обратимся прежде всего к проблеме определения значения слова. В традиционной лингвистике достаточно долго существовало понимание языка как замкнутой автономной системы, а полисемантическое слово представлялось как перечень значений. На вопрос, что такое значение, в том числе — лексическое значение, смысловая или семантическая структура слова, дают различные ответы такие крупные ученые, как В.В. Виноградов, В.А. Звегинцев, Ю.Д. Апресян, И.А. Стернин, М.В. Никитин, А.А. Уфимцева, Д.Н. Шмелев [1–7]. Информация, включаемая в данный термин, может соотноситься с терминами «означаемое», «план содержания», «внутренняя форма слова». Основоположник отечественной семасиологии В.А. Звегинцев считает, что «лингвистическое определение лексического значения слова имеет следующий вид: «Значение слова — это совокупность его лексико-семантических вариантов... Однако лексическое значение — наиболее подвижный элемент языка, чутко откликающийся на историю народа. Поэтому нужен также исторический аспект» [1. С. 91].

Виноградов В.В. дает развернутое определение этого термина: «Под лексическим значением слова обычно разумеют его предметно-вещественное содержание, оформленное по законам грамматики данного языка и являющееся элементом общей семантической системы словаря этого языка. Общественно закрепленное содержание слова может быть однородным, единым, но может

представлять собою внутренне связанную систему разнонаправленных отражений разных «кусочков действительности», между которыми в системе данного языка устанавливается смысловая связь» [2. С. 162]

В дальнейшем лингвистические исследования переходят от анализа языка как системы знаков к анализу его функционирования. Так, например, Кобозева И.А. указывает, что «денотат и сигнификат противостоят прагматическому слою значения слова. Этот слой характеризует отношение человека, использующее данное слово к обозначаемому словом объекту или адресату сообщения, а также информацию о прагматических функциях. В современной литературе по лексической семантике нет единого термина к данному слою. Этот слой может определяться как прагматический (Апресян, 1995), коннотативный (Телия, 1986), экспрессивный (Городецкий, 1969), стилистический (Винокур, 1990) [8. С. 87–88]

Однако развитие когнитивной лингвистики не могло пройти бесследно для данной проблемы. В научной литературе наших дней значение рассматривается как рефлекс суммы тех знаний, которые несет в себе та или иная когнитивная структура. Роль человека как наблюдателя объективного мира и носителя когниции активна в формировании значений языковых единиц. Как указывает Е.Л. Боярская, «значения слов зарождаются и формируются не только и не столько на уровне семантики, сколько на концептуальном уровне, имея свои основания в когнитивной системе» [9. С. 84]. В свою очередь, М.В. Никитин пишет, что «значение — это концепт, связанный знаком. В силу этого, помимо содержательной стороны, ему свойственны собственно языковые характеристики, который мы объединяем общим понятием языкового статуса значения.» [5. С. 48].

Другими словами, в настоящее время проблема языкового значения неразрывно связана с понятием концепта: «Концепт определяет семантику языковых единиц, используемых для его передачи... Значение слова — это лишь попытка дать общее представление о содержании выражаемого концепта, очертить известные границы представления его отдельных характеристик данным словом...» [10. С. 85–86]

Так как одной из задач нашего исследования является структурно-семантический анализ лексемы, то следует указать, что развитие лексической семантики, прагматики, теория фоновых долей Верещагина Е.М., Костомарова В.Г. и новейшие ассоциативные исследования (в том числе, экспериментальные) позволяют включать в семантическую структуру слова и некоторые дополнительные компоненты. Об этом очень подробно пишет Ю.Д. Апресян: «под лексическим значением понимается семантика знака (наивное понятие) и та часть его прагматики, которая включена в модальную рамку толкования. Лексическое значение слова обнаруживается в его толковании, которое представляет собой перевод слова на особый семантический язык» [3. С. 69]. Прагматика, в свою очередь, определяется данным автором как «...широкий

круг явлений, начиная от экспрессивных элементов значения, которые в разное время и разными авторами назывались *feeling, tone, valeur, emotive*, семантические ассоциации, коннотации и кончая теми модальными компонентами значения, которые Вежбицкая описывает как модальную рамку высказывания, а Ч. Филлмор — как пресуппозиции» [там же, С. 67]. Итак, значение вообще и лексическое значение в частности, как видно из вышеизложенного, сложная структура, в которой взаимодействуют категории реального мира, когнитивные категории, связанные с познанием, а также системные закономерности языка и прагматические факторы.

Суммируя современный и традиционный подходы, можно сказать, что значение слова — это знание о свойствах означаемого (семантика, синтактика, прагматика), воплощенное в когнитивных структурах — концептах, фреймах, сценариях, схемах.

Так как семасиология, лексическая семантика и когнитивная лингвистика тесно связаны, в работе используются общепринятые в науке термины «семантическая структура», «сема», «семема». Мы будем использовать термин «сема», как наиболее употребительный и прозрачный: «сема — является операциональной единицей компонентного анализа и реализуется как простейшая составляющая семемы» [11. С. 437]. Необходимым понятием в нашем исследовании будет также архисема — центральная и иерархически главная в структуре семемы, ее родовая интегрирующая. Кроме того, нами используется термин «национально-культурный компонент», т.е. часть языкового знака, в которой отражается национально-специфическое восприятие реалий, а следовательно, элемент культуры того или иного языкового сообщества.

Методы исследования

В настоящий момент главным научным феноменом в методологии является междисциплинарность, т.е. происходит интеграция наук на эмпирическом и теоретическом уровнях. В нашей работе мы попытались проанализировать семантическую структуру общеупотребительной лексики *голова* с позиций последних научных достижений: исследовать ее синонимические, деривационные, ассоциативные характеристики, национально-культурные компоненты. Результаты анализа получили когнитивную интерпретацию. Материалом для исследования послужили словарные дефиниции, а также отдельные произведения публицистической и художественной литературы, учитывались данные Национального корпуса русского языка¹. В работе использовался комплекс методов: метод анализа

¹ Национальный корпус русского языка, 2003–2023. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 06.05.2023).

словарных дефиниций, компонентный анализ, метод когнитивной интерпретации полученных результатов, культурологический комментарий. Данный комплекс для изучения семантической структуры слова *голова* применен впервые.

Процедура анализа

В целом процедура анализа определяется основными принципами когнитивной лингвистики и состоит в следующем: 1. Установление этимологии ключевого слова концепта. 2. Семемный анализ лексемы с использованием словарных статей и контекстов; выявление архисем и видовых сем. 3. Уточнение связей семных компонентов (прямых и переносных), построение модели полисеманта. 4. Исследование синонимических, деривационных и ассоциативных рядов лексемы, а также устойчивых сочетаний. 5. Выявление универсальных и национально-специфических компонентов лексемы. 6. Определение когнитивных моделей в структуре слова на основе полученных результатов. 7. Уточнение содержания концепта в современном русском языке.

Применение комплекса вышеуказанных методов поможет, на наш взгляд, выявить не только семантическую структуру тех или иных слов, их прагматику и синтактику, но и уточнить структуру и содержание вербализованного концепта.

Результаты исследования

Рассмотрим подробнее лексему *голова*, которая обладает, на первый взгляд, простым и понятным денотатом. Толковые словари (БАС, МАС, ССРЛЯ) приводят 10 значений: 1. Верхняя часть тела человека, верхняя или передняя часть тела животного, состоящая из черепной коробки и лица у человека или морды у животного. 2. В значении единицы счета (о человеке, о животном). 3. перен. Ум, разум, сознание. 4. Человек как носитель каких-либо взглядов, свойств, способностей. 5. Авторитетное лицо, руководитель; старший в семье. Председатель некоторых корпоративных выборных органов; военное или гражданское звание (устар.). *Городской, казачий, волостной голова*. 6. Передняя часть, начало чего-нибудь. *Голова колонны, войск* и т.п. 7. Утрата способности здраво рассуждать, трезво относиться к окружающим. 8. О волосах на голове. 9. Терминологические значения: *Голова руля* — верхняя часть руля, с которой соединяется рулевой привод (морск). *Голова сыра, сахара; набалдашник, голова улья, голова гитары, скрипки*. 10. Перен. (о деревьях, растениях и т.п.). *Подсолнечники еще ниже нагнули свои головы, и трава казалась темнее* (А.П. Чехов. Тяжелые люди). Таков в целом набор значений, приводимый словарями.

Первое значение — «*верхняя часть тела человека или животного*» — является архисемой, универсальной для многих языков, например: *a head, la tête, der Kopf* и др. Остальные значения имеют в словарях статус видовых сем (переносных значений). К данным сведениям можно добавить также значение «жизнь, физическое существование», которое фиксируется в Словаре древнерусского языка И.И. Срезневского, но в настоящее время сохранилось только во фразеологизмах типа *сломать голову, выдать головой* и др.

Однако наша рабочая гипотеза состоит в том, что в данной лексеме имеется не один семантический центр, а два: 1) верхняя часть тела человека; 2) человек как индивидуум и член социума. Соответственно концепт «Голова» также является двухъядерным, что находит отражение не только в семантической структуре слова, но и в ее синонимических, ассоциативных и деривационных рядах.

Рассмотрим подробнее, какова в настоящий момент структура лексемы, какова реальная иерархия ее значений. **Первое ядро** (часть тела человека) имеет свою ближнюю и дальнюю периферию. Так, ближе всего к прототипу переносное значение «волосы на голове», образованное по метонимической когнитивной модели: *И они вынырнули на поверхность. Первой показалась маленькая гладкая черная голова, а уже потом русая, с мокрым вихром на затылке* (В.А. Каверин. Много хороших людей и один завистник (1962)). Далее укажем метафорическую модель на основе сходства формы головы с каким-либо объектом: *голова сыра, сахара, голова скрипки, набалдашник: Дядя Баглиш вышел [с завода], отягощенный двумя головами сахара* (Б.Л. Горбатов. Мое поколение, гл. 3). Значение «голова колонны, группы» можно отнести к пространственной метафоре: *Голова колонны уже спускалась с горы к селу* (Н.А. Островский. Как закалялась сталь, ч. II). Метафоры, на наш взгляд, относятся к периферии данного ядра.

Обратившись ко **второму ядру** со значением «человек», прежде всего укажем на социальную иерархию, выраженную с помощью соматического кода: *голова* может означать «руководителя, начальника, председателя выборной должности или главного в семье», например: *Все положенные почести при этом воздаются номинальному главе семьи — мужчине. Мужская голова занята важными вопросами: чем кончится глобальный финансовый кризис, когда будет решен территориальный спор между Токио и Москвой?* (В.В. Овчинников. Размышления странника (2012)); *Являлся заместителем губернатора области. Избирался Городским Головой города Калуги. Занимал должность председателя регионального парламента* (Кто родился 21 ноября // Парламентская газета, 2021.11.-www.ruscorpora.ru).

Затем выделим значение «человек в качестве единицы при счете»: *Через неделю вышел отпуск. Гусары — товарищи не только по полку, но и по бригаде, дали обед Ростову, стоивший с головы по 15 руб. подписки* (Л. Толстой. Война и мир, т. II, ч. IV). И, наконец, уместно вспомнить примеры из Толкового

словаря Даля², где *головник*, *головщица* (*устар.*) превратились в современные *уголовник*, *уголовница*, т.е. обозначают асоциальный элемент: *А паче найдется головник такой, что станет кричать насупротив княжеского слова, пусть челядь ваша заткнет ему поганую глотку!* (Виталий Губарев. Преданье старины глубокой (1960–1980)). Все эти значения — результат метонимии, когда одна из частей тела используется для обозначения человека в целом. В ближней сфере второго ядра мы находим примеры употребления лексемы в метафорическом значении «ум, разум, интеллект»: *Дядя — студент, светлая голова, умница, надежда семьи. В конце войны он попал на дальневосточный фронт* (Зинаида Синявская. Пазлы // «Сибирские огни», 2013); *Он очень умный человек, — сказала Настенька. — Да, голова здоровая, — продолжал старик* (Писемский, Тысяча душ).

Психологические качества человека, черты его характера также можно отнести к периферисеме: *Послушай, дубовая голова, — сказал Парабукин. — Что ты от меня скулы воротить? Раскаешься* (К.А. Федин. Первые радости (1943–1945)); *Грустно склонив набок голову, он подошел к Грибоедову. Вот он, ветреная голова. Вот он, новое светило, профессор, писатель, путешественник. Новый остроумец, который грядет заменить старых комиков двадцатых годов* (Ю.Н. Тынянов. Смерть Вазир-Мухтара (1928)).

Далее нашу гипотезу мы постараемся доказать и на других уровнях, исследуя языковые и когнитивные характеристики лексемы: синонимический и ассоциативный ряд, деривационные особенности, фразеологические сочетания, когнитивные классификаторы.

1. Переходя к анализу устойчивых словосочетаний, в том числе паремий, с компонентом *голова* [103. примера; МАС³, БАС⁴, Ожегов⁵, Большой фразеологический словарь⁶], мы видим следующие семантические группы:

1. **Голова как обозначение ума, разума, смекалки** (49 примеров):

- а) наличие ума, смекалки, интеллекта: *человек с головой, быть на голову выше, есть голова на плечах; голова (котелок) варит; сто голов — сто умов; сколько голов — столько умов* и др. (7 примеров);
- б) отсутствие ума, интеллекта: *пустая голова, дырявая голова, голова без мозгов; солома в голове, каша в голове, без царя в голове; не всяк умен, кто с головою; хоть на голове густо, да в голове пусто* и др. (13 примеров);

² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Дрофа. Русский язык. Медиа, 2011.

³ Словарь русского языка в 4-х томах / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1984..

⁴ Большой академический словарь русского языка. Т.4/ Под ред. Л.И. Балахоновой. М.—СПб.: Наука, 2004.

⁵ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999.

⁶ Большой фразеологический словарь русского языка. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2019..

- в) различные мыслительные процессы : *ломать голову над чем-л., не идет из головы, не идет в голову, держать в голове, прийти в голову, выбросить из головы, вылететь из головы, взять из головы, забирать-забрать себе в голову, взбрехать—взбрести в голову, вбить—вбивать в голову, войти-входить в голову, лезть в голову, вылетать—вылететь из головы* и др. (29 примеров).
2. **Свойства характера:** *ветреная башка, дурья голова (башка), дубовая башка; горячая башка, отчаянная голова, баранья голова, куриная голова, садовая голова, задирать голову (высокомерие), кол на голове теши (упрямство), высоко держать голову (гордость), сам себе голова (уверенность)* и др. (21 пример).
3. **Начальник, руководитель, авторитет, главный, старший:** *без мужа, что без головы; всему делу голова, стрелецкий голова (уст-полковник), городской, волостной голова (уст.), без головы и дом не стоит, глава фирмы* и др. (8 примеров).
4. **Голова как символ жизни, физического существования:**
- а) убийство, уничтожение, гибель — *выдать кого-л головой, полатиться головой, сложить голову, снять голову с кого-л.* и др. (11 примеров);
- б) наказание, унижение — *намылить голову кому-л, устроить головомойку* (2 примера).
- в) брать ответственность, не боясь заплатить жизнью — *голову ставить в заклад, дать-давать голову на отсечение, ручаться головой, ответить головой* (4 примера).
- г) подчинение — *склонить голову перед кем, чем-л.* (1).
5. **Неожиданность** — *как обухом по голове ударить, свалиться как снег на голову, взбрести—взбрехать в голову, ударять—ударить в голову, в башку* (4 примера).
6. **Безвыходное положение:** *хвататься за голову, биться об стенку головой, терять голову* (3 примера).

Анализ устойчивых сочетаний с вышеуказанной лексемой, их высокая частотность и разнообразие свидетельствуют о значимости в национальной картине мира. Интересным фактом является тот момент, что в прямом значении «голова как часть тела» лексема практически не встречается во фразеологизмах (кроме *голова два уха*). Широко представлен фрейм, характеризующий человека с различных сторон: свойства характера, наличие ума, авторитет в обществе, в семье и т.д. Наиболее многочисленной оказывается группа со значением «ум, интеллект». Голова в данном случае предстает в национальном сознании как концептуальная метафора: сосуд, наполненный разумом или же пустой сосуд. Так, из проанализированных 103 фразеологических сочетаний 49 примеров реализуют этот образ. Приведем некоторые примеры из современной художественной и публицистической литературы:

Деньги всегда можно заработать, если у тебя есть голова (М. Горький. Трое); *Почему вошло в голову это название? Где он его прочел или услышал? — не мог Данила впоследствии ни себе, ни другим людям объяснить* (Виктор Астафьев. Пролетный гусь (2000)); *Мне казалось, что в голове, как в компьютере, что-то попискивает и движется: разнородные данные должны были в итоге свестись к одному знаменателю и выразиться некоторой денежной суммой...* (Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001);

2. Обратимся далее к деривационному уровню. В Словообразовательном словаре русского языка⁷ присутствует 196 однокоренных слов к лексеме *голова*. Применяв метод когнитивной интерпретации к данным дериватам, выделим следующие наиболее крупные группы: 1. Часть тела — *головка, головёнка, головушка* и др. (6 примеров). 2. Форма, размер — длинноголовость, короткоголовость, узкоголовый, большеголовый, яйцеголовый и др. (8 примеров). 3. Различные номинации человека — *главарь, головщик, головорез, уголовник* и др. (11 примеров). 4. Животные, птицы, рыбы, насекомые — *голован, вертиголовка, змееголов* и др. (11 примеров). 5. Названия растений — *болиголов, синеголовник* и др. (6 примеров). 6. Качества — *головотяпство, пустоголовость* и др. (9 примеров). Как видно из вышеприведенных фактов, в среде дериватов преобладают номинации человека и представителей фауны, а также качества характера. Менее многочисленны остальные группы.
3. Рассмотрим синонимический ряд данной лексемы. В «Словаре синонимов русского языка»⁸ находим следующую информацию: 1. Голова в зн. «верхняя часть тела человека» — *башка, котелок, черепок, черепушка, баклушка, кумпол, чердак* (прост.), *головушка* (прост. и нар.-поэт.), *глава* (устар., традиц.-поэтич.), *главизна* (уст., прост.). 2. Голова в зн. «начальник, руководитель» — *шеф, босс, начальство* (разг.), *сам* (прост.), *патрон, главный, старший, старшой* (прост.), *набольший* (уст. прост.). 3. Голова в зн. «ум» — *мозги* (прост.). Наибольшее количество синонимов относится к первому, прямому значению — 10 слов; к значению «начальник» — 9 слов, меньше всего синонимов к значению «ум» — 1 слово. В свою очередь, слово *котелок* в сочетании с глаголом *варить* в Словаре синонимов под ред. А.П. Евгеньевой⁹ отмечается именно в зн. «ум, рассудок», причем с положительной оценкой: «*Правильно! У него котелок варит!* — воскликнул Бакланов (Фадеев. Разгром). Обратившись к современному употреблению лексемы, мы найдем в художественной литературе еще ряд синонимов к 1-му значению: *кочан, капуста, тыква, репа, орех, арбуз* (разг.), которые представляют метафоры, образованные на основе сходства форм:

⁷ Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. М.: Русский язык, 1985. С. 235–237.

⁸ Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М.: Русский язык: Медиа, 2006. С. 91.

⁹ Словарь синонимов русского языка в 2-х томах / гл.ред. А.П. Евгеньева. Л.: Наука, 1970.

Глаза, синий и желтый, смотрят несколько вбок. Крупный кочан головы, лицо вполне человеческое, но рот чем-то напоминает кошачью пасть (Денис Гуцко. Творец (2011)); *Он крутит круглой, как репа, головой, восковая спелость которой выдает ее возраст. — Нет, нет и нет. Всё приходит издалека и всё рядом* (Владимир Скрипкин. Тинга // «Октябрь», 2002). Интересно отметить, что такие же примеры отмечены и в Русском ассоциативном словаре¹⁰: *кочан, капуста, арбуз, орех, тыква*. В этом же словаре ассоциаты к слову *голова* образуют семантические группы, уже знакомые нам по фразеологическому уровню, а именно: 1. Ум, рассудок, сознание — *компьютер, ум, разум, мозг мысль* и др. 2. Человек — *люди, братья, парень, профессор* и др. 3. Руководитель, начальник — *голова* (руководитель выборных органов, офицер), *глава дома* и др. 4. Утрата способности здраво рассуждать — *голова кругом, идет кругом, забита* и др.

4. Переходя к ассоциатам, находим в Русском ассоциативном словаре (кн.1, 2002) весьма похожие семантические группы:
- а) **ум, сознание, рассудок** — *компьютер, умница, ум, разум, размышление, мозг, орган мышления, мысль, на плечах, на месте, мусор;*
  - б) **человек** — *человек, братья, люди, моя персона, парень, профессор, профессор Доуэль, северный тип, дурак, идиот;*
  - в) **о волосах на голове** — *коса, лысина, волосы, моя седая;*
  - г) **руководитель, начальник, глава в каком-либо деле** — *Бриан — это голова; глава дома; голова в зн. «председатель и руководитель некоторых выборных органов в дореволюционной России, а также военное или гражданское звание»;*
  - д) **об утрате способности здраво рассуждать, трезво относиться к окружающему** — *забита, не на месте; кругом, идет кругом, кругом пошла.*

Таким образом, результаты анализа различных языковых уровней (лексического, семантического, фразеологического, деривационного, ассоциативного) подтверждают ранее высказанную мысль о наличии двух самостоятельных ядер: 1) верхняя часть тела человека или животного; 2) человек как личность и как член социума. С т.зр. традиционной лингвистики значение «человек» в толковых словарях дается как производное, но в плане когнитивных характеристик данное значение должно характеризоваться уже как автономное. Один и тот же сложный объект может рассматриваться с разных сторон, подводится под разные классификации. В данном конкретном случае вспомним, что и в древнерусском языке присутствуют указанные выше значения («часть тела», «человек»), т.е. можно считать их архисемами. О неединственности архисем пишет И.А. Стернин: «...архисему

¹⁰ Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. и др. Русский ассоциативный словарь. М.: Астрель, 2002.

отличает свойство, которое может быть названо неединственностью: для каждого значения может быть выделен целый ряд архисем, причем все они будут адекватными для данного значения» [4. С. 59]. Этот же момент мы находим у других лингвистов: «..в качестве содержательного ядра многозначного слова может выступать не один, а несколько центральных признаков» [12. С. 61]. Данные факты позволяют по-иному выстроить в словарях иерархию, в которой значение «человек» должно занять второе место, но не третье, четвертое. Остальные (переносные) значения должны располагаться после вышеуказанных значений.

5. Далее определим когнитивные модели, опираясь при этом на классификацию, разработанную Лакоффом. Автор выделяет 5 типов моделей в мышлении, определяя их как идеальные когнитивные модели [13. С. 370]: а) образно-схематические; б) пропозициональные; в) метафорические; г) метонимические; д) символические. Мы сделали попытку применить их к фактам естественного языка. «Основываясь на том факте, что телесный опыт отражается опосредованно в языковых репрезентациях, что именно соматический код лежит в основе первичного осмысления действительности, выделим прежде всего **образно-схематическую модель** в концепте «голова». Здесь первой, наиболее значимой схемой будет схема «вместилище», а ее структурными элементами — понятия «внутреннее», «граница», «внешнее». Границей между внешним и внутренним являются волосы, конкретно их цвет и форма. Однако внутреннее пространство головы в языке характеризует ярко выраженная **метафорическая модель**: Как было показано выше, ум, интеллект, характер человека реализуется с помощью таких метафор, как *котелок варит, пустоголовость, без царя в голове* и др. Внешние характеристики головы также могут быть организованы по этой модели, вспомним ряд синонимов *тыква, орех, арбуз, репа и др.*. Здесь уместно вспомнить классическую русскую литературу: «*Иван Иванович худощав и высокого роста; Иван Никифорович немного ниже, но зато распространяется в толщину. Голова у Ивана Ивановича похожа на редьку хвостом вниз; голова Ивана Никифоровича на редьку хвостом вверх*» (Н. Гоголь. Как поспорил Иван Иванович с Иваном Никифоровичем). Метафоры присутствуют также и в терминах: *голова реки, голова улья, верхняя часть руля, скрипки, гитары, верхняя часть рудной жилы, набалдашник и др.* Также в данном концепте реализована **метонимическая модель «часть — целое»**, основанная на базе телесного опыта. Структурные элементы здесь «целое», «части», «конфигурация». Номинация важной части тела (голова) используется для обозначения, как мы видели, *главного, начальника, старшего в семье* и т.д., в том числе — в криминальной сфере (*главарь*), а также убийцы (*головник, головница* — арх). Эти два последних слова были широко употребительными на протяжении нескольких веков, начиная с XI в. И, наконец,

отметим **символическую модель** в примерах, где «голова» выступает символом жизни — смерти (*выдать головой, сломать голову, потерять голову*)» [14. С. 115–116].

6. Обращаясь далее к культурологическим моментам, выделим в первую очередь антропоморфный код. Соматизм *голова* в русском языке имеет ярко выраженную специфику, а именно: прежде всего голова — носитель ментальных интеллектуальных способностей человека, затем — показатель эмоциональных состояний или свойств характера. Отметим также аксиологические моменты: когнитивные классификаторы характеризуют человека с т.зр. его физических (*большеголовой, круглоголовой*), интеллектуальных (*пустоголовость, дубиноголовый*) или эмоциональных качеств (*голова буйная, удалая, горячая*), здесь присутствуют антропно-ментальный и антропно-эмоциональный коды, например: *Отныне не спокойный, осторожный разведчик Самойлов, а горячая голова Коля Поцелуев должен был стать примером для организации* (Д.Н. Медведев. Сильные духом. (1948)). Кроме того, можно выделить элементы растительного и зооморфного кодов в характеристике человека: *баранья, куриная, мякинная, дубовая, еловая, садовая голова — Мякинная ты голова. Пищи ведь нету!* (Леонов. Барсуки) *Да пойми ты, куриная твоя голова, в какое положение ты меня ставишь!* (Сафронов. Сердце не прощает). *Обняла нас мама и говорит: — Дорогие вы мои головы садовые... Вернее, даже картонные!* (Олег Кургузов. Проездом из Лондона в Париж // «Трамвай», 1990). Также упомянем гастрономический код: *котелок варит, голова варит*. [15] Все эти примеры показывают специфическое национально-культурное восприятие объекта как фрагмента национальной картины мира. Следует помнить о том, что концепт — это не только квант сознания, но и ячейка культуры: «Изучение концептов позволяет нам фрагментарно реконструировать языковое сознание типового носителя языка. При этом важно внести уточнения: речь идет о реконструкции «наивной» языковой картины мира, то есть язык изучается не с точки зрения его системных свойств, а с точки зрения тех знаний и интерсубъективных смыслов, которые вызывают языковые знаки в сознании носителя языка» [16. С. 1149].

Следует констатировать, что наблюдается расширение понятия «концепт», в него включаются культурные, национально-специфические компоненты. Лингвокультурологи вводят понятие лингвокультурного концепта: «Концепт — синтезирующее лингвоментальное образование, методологически пришедшее на смену представлению (образу), понятию и значению... В качестве «законного наследника» этих семиотических категорий лингвоконцепт характеризуется гетерогенностью и многопризнаковостью, принимаемая от понятия дискурсивность представления смысла, от образа — метафоричность и эмотивность этого представления, а от значения — включенность его имени в лексическую систему языка. Таким образом, лингвокультурологи

едины в понимании объекта своего научного интереса как некоего культурного смысла, отмеченного этнической специфичностью и находящего языковое выражение» [17. С. 11].

Заключение

С опорой на синтез методов традиционной лингвистики, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, по-новому осмыслено функционирование лингвистических и культурных универсалий, в частности, соматизма *голова*. Проведенный анализ позволил выявить следующее: 1. Лексема *голова* имеет сложную иерархию значений, её семантический объем шире, чем тот, который представлен в толковых словарях. Выявлены две ядерные семы, каждая из которых имеет свой пучок видовых сем. 2. Лексема принадлежит к соматическому коду русской культуры, содержит национально-культурные компоненты, фиксирующие духовно-нравственные установки и социально значимые явления. 3. Метод когнитивной интерпретации позволил выявить когнитивные модели в структуре, в данном случае это образно-схематическая модель «вместилище, сосуд» — применительно к физическому объекту *часть тела* (первичный концепт), метонимическая модель «человек» и метафорическая модель — ментальные объекты «ум, характер, эмоции» (динамика первичного концепта). 4. Концепт «Голова» имеет вербальное выражение на лексическом, фразеологическом, деривационном уровнях. В семантико-когнитивном плане он относится к сложным структурам, объединяет телесную и духовную области, номинирует физические объекты (верхняя часть тела, человек как член социума) и такие духовные понятия, как ум, интеллект, характер, психологические и моральные качества.

Семантико-когнитивный подход, в рамках которого выполнено данное исследование, рассматривает семантическую структуру слова как средство доступа к содержанию концепта, как средство его моделирования. Междисциплинарный подход с опорой на вышеуказанный комплекс методов позволяет по-новому взглянуть на общечеловеческие и лингвистические универсалии.

Библиографический список

1. *Звегинцев В.А.* Семасиология. М.: Изд-во Московского ун-та, 1957.
2. *Виноградов В.В.* Избранные труды, т.3. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977.
3. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т.1. Лексическая семантика. М.: Языки русской культуры, 1995.
4. *Стернин И.А.* Лексическое значение слова в речи. Воронеж: изд. Воронежского ун-та, 1985.
5. *Никитин М.В.* Лексическое значение слова (структура и комбинаторика). М.: Высшая школа, 1983.

6. Уфимцева А.А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики. М.: Наука, 1986.
7. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973.
8. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: ЛИБРОКОМ, 2008.
9. Боярская Е.Л. Разработка методологии когнитивного анализа многозначного слова / Методы когнитивного анализа семантики слова. Компьютерно-корпусный подход. Под общ. ред. В.И. Заботкиной. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. С. 81–119.
10. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов, Изд.дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.
11. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл.ред. В.Н. Ярцева., М.: Советская энциклопедия, 1990.
12. Песина С.А. Слово в когнитивном аспекте: монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011.
13. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят о мышлении. М.: Гнозис, 2011.
14. Клименко Г.В. Концепты «голова», «лицо», «рука» в русском и английском языках. М.: Прометей, 2020.
15. Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры. М.: Гнозис, 2007.
16. Сафаралиева Л.А. Эволюция ассоциативно-вербальной сети концепта «Старость» в языковом сознании носителей русского языка 20-х гг. XXI столетия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С.1147–1159. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-1147-1159>
17. Воркачев С.Г. Постулаты лингвоконцептологии. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 11–13

References

1. Zvegintsev, V.A. (1957). *Semasiology*. Moscow: Moscow University Publ. (In Russ.).
2. Vinogradov, V.V. (1977). *Selected works*. Vol. 3. Lexicology and lexicography. Moscow: Nauka. (In Russ.).
3. Apresyan, Yu.D. (1995). *Selected works*. Vol. 1. Lexical semantics. Moscow: Languages of Russian culture. (In Russ.).
4. Sternin, I.A. (1985). *Lexical meaning of a word in speech*. Voronezh: Voronezh University Publ. (In Russ.).
5. Nikitin, M.V. (1983). *Lexical meaning of the word (structure and combinatorics)*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.).
6. Ufimtseva, A.A. & Stepanov, Yu.S. (1986). *Lexical meaning. The principle of semiological description of vocabulary*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
7. Shmelev, D.N. (1973). *Problems of semantic analysis of vocabulary*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
8. Kobozeva, I.M. (2008). *Linguistic semantics*. Moscow: LIBROCOM. (In Russ.).
9. Boyarskaya, E.L. (2019). Development of the methodology of cognitive analysis of a polysemantic word. In: *Methods of cognitive analysis of word semantics. Computer-corpus approach*. Moscow: YASK. pp. 81–119. (In Russ.).
10. Boldyrev, N.N. (2014). *Cognitive semantics. Introduction to Cognitive Linguistics: a course of lectures*. Tambov: TSU n.a. G.R. Derzhavin publ. (In Russ.).
11. Linguistic encyclopedic dictionary (1990). V.N. Yartseva (Ed.). Moscow: Soviet Encyclopedia. (In Russ.).
12. Pesina, S.A. (2011). *Word in cognitive aspect: V monograph*. Moscow: FLINT: Nauka. (In Russ.).
13. Lakoff, J. (2011). *Women, fire and dangerous things: what categories of language say about thinking*. B. 1: The Mind outside the Machine. (In Russ.).
14. Klimenko, G.V. (2020). *Concepts "head", "face", "hand" in Russian and English. Monograph*. Moscow: Prometheus. (In Russ.).

15. Gudkov, D.B. & Kovshova, M.L. (2007). *Russian culture's body code*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
16. Safaraliev, L.A. (2021). Evolution of the associative-verbal network of the concept of “Old Age” in the linguistic consciousness of native Russian speakers of the 20s of the XXI century. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(4), 1147–1159. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-1147-1159> (In Russ.).
17. Vorkachev, S.G. (2005). Postulates of linguoconceptology. In: *Anthology of concepts*. Vol. 1. Volgograd: Paradigm. pp.11–13. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Клименко Галина Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, заслуженный профессор кафедры русского языка как иностранного Московского государственного лингвистического университета (119034, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, 38); *научные интересы*: лексическая семантика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология; *e-mail*: gal.klim2009@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6552-4396. E-library SPIN-код:9874-7099

Information about the author:

Galina V. Klimenko, PhD (Philology), Associate Professor, the Honored Professor of the Department of Russian as a Foreign Language, Moscow State Linguistic University (38, Ostozhenka str., Moscow, Russian Federation, 119034); *Research interests*: lexical semantics, cognitive linguistics, linguoculturology; *e-mail*: gal.klim2009@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6552-4396. E-library SPIN-code:9874-7099.

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-4-1217-1234

EDN: BEOICO

УДК 81'23'27:316.77

Научная статья / Research article

Моделирование многомерного лингвокультурного концепта на материале концепта СТАРОСТЬ

Л.А. Сафаралиева , Н.В. Перфильева

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 kuznetsova-la@rudn.ru

Аннотация. Сложность однозначного определения и формулирования ценностных и образных концептуальных компонентов представляет предмет исследования, в котором синтезируются современные представления о концепте как ментальном образовании в российской лингвистике. На материале русского языка предлагается модель концепта СТАРОСТЬ, характеризуется его структура; принципы отбора лексических, паремиологических и фразеологических единиц, которые представляют собой лексический каркас концепта; обобщаются теоретические и практические подходы к определению ментальных образований или концептов, в частности, рассматриваются лингвокультурный и лингвокогнитивный аспекты представления концепта. Новизной исследования является моделирование лингвокультурного концепта, структура которого представляет собой многомерную модель, образованную его обязательными компонентами — 1) понятийным (значение и понятие), 2) ценностным, 3) образным, а также набором потенциальных ассоциатов. Подробно описывается алгоритм моделирования концепта, состоящий из нескольких этапов: определение стилистически нейтрального вербализатора концепта, реконструирование понятийного компонента, отбор лексических единиц образного и ценностного компонента. Отдельно рассматривается вопрос дифференциации и разграничения образного и ценностного компонентов, имеющих помимо отличных и общие источники реконструкции — фразеологические и ассоциативные словари. Результатом проведенного исследования стала модель многомерного лингвокультурного русского концепта СТАРОСТЬ, которая представляет собой образец для построения подобных моделей других концептов. Реконструкция многомерных моделей концептов позволит в перспективе представить фрагмент языковой картины мира носителей русской лингвокультуры.

Ключевые слова: концепт, концептуальные признаки, моделирование, многомерная модель, лингвокультура, русский язык, ассоциативный эксперимент

© Сафаралиева Л.А., Перфильева Н.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Дата поступления: 10.03.2023

Дата приема в печать: 15.09.2023

Для цитирования:

Сафаралиева Л.А., Перфильева Н.В. Моделирование многомерного лингвокультурного концепта на материале концепта СТАРОСТЬ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 1217–1234. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1217-1234>

The Modelling of a Multidimensional Linguocultural Concept on the Example of the Concept СТАРОСТЬ ‘SENILITY’

Lyubov A. Safaraliev , Natalia V. Perfilieva

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 kuznetsova-la@rudn.ru

Abstract. The novelty of the study is due to the modelling of a linguocultural concept, while its structure properly represents a multilevel model determined by its essential, obligatory components, such as meaning, notion, value and imagery components, as well as by the set of their potential associates. The study synthesizes modern ideas and views already developed in the Russian linguistics concerning a concept as a mental formation. There are generalized theoretical and applied approaches to the definition of mental formations or concepts, in particular, both linguocultural and linguocognitive formation aspects of a concept are discussed in detail. The complexity of elaborating a simple, unambiguous definition and formulating value and imagery conceptual components represents the subject of the study. On the basis of the Russian language material, the model of the concept СТАРОСТЬ (‘SENILITY’) is put forward, the concept’s structure is particularly characterized, as well as the principles of selecting lexical, paremiological and phraseological units which form the concept’s lexical frame. The elaborate algorithm to structure the concept consists of a number of stages: the defining of a semantically and stylistically neutral concept’s verbalization, the reconstructing of the notional component, the selecting of lexical units to express its value and imagery components. The issue of the differentiation and delimitation of value and imagery components is studied separately as both of them possess different and common reconstruction sources, e.g., phraseological and associative dictionaries. The model of the multidimensional linguocultural Russian concept СТАРОСТЬ ‘SENILITY’ as the pattern to construct similar models of other concepts, produces the main result of the given study. The reconstruction of multilevel models of concept is in prospect and would allow present the fragment of the worldview of the Russian linguoculture bearers.

Keywords: concept, conceptual features, modelling, multidimensional model, linguoculture, the Russian language, associative experiment

Article history:

Received: 10.03.2023

Accepted: 15.09.2023

For citation:

Safaraliev, L.A. & Perfilieva, N.V. (2023). The Modelling of a Multidimensional Linguocultural Concept on the Example of the Concept СТАРОСТЬ ‘SENILITY’. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(4), 1217–1234. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1217-1234>

Введение

Современные лингвистические исследования характеризуются выраженной антропоцентричностью, то есть сосредоточены на человеке как носителе языка и культуры. В связи с этим актуальными становятся междисциплинарные работы, в которых анализируется лингвистический материал и экстралингвистические данные из области истории, этимологии, культурологии, психологии и других. Бесспорно, изучение языка невозможно без обращения к истории, культуре, традициям, обычаям народа — его носителю. Подобные исследования языка реализуются и в рамках лингвокультурного подхода, центральным понятием которого, безусловно, выступает *концепт*. В.З. Демьянков определяет концепт как некое ментальное образование, индикатором которого следует назвать «содержательную сторону словесного знака, за которой стоит понятие, относящееся к умственной, духовной или материальной сфере существования человека, закреплённое в общественном опыте народа, имеющее в его жизни исторические корни, социально и субъективно осмысляемое и — через ступень такого осмысления — соотносимое с другими понятиями, ближайше с ним связанными или, во многих случаях, ему противопоставляемыми» [1. С. 606]. По определению В.А. Масловой, *концепт* предстает «ментальным, национально-специфическим образованием, планом содержания которого является вся совокупность знаний о данном объекте, а планом выражения — совокупность языковых средств (лексических, фразеологических, паремиологических и др.)» [2. С. 37]. Таким образом, в рамках лингвокультурологического подхода *концепты* должны осмысливаться на базе языкового материала. Так, в качестве имени *концепта* выступают лексические единицы языка — слова или словосочетания, а языковую модель *концепта* образуют, помимо упомянутых единиц, фразеологические единицы, пословицы, поговорки, отражающие национально-культурные образы. Представителями данного направления являются Г.Г. Слышкин [3–5], В.И. Карасик [6–10], С.Г. Воркачев [11; 12], Е.Ю. Прохоров [13], В.В. Воробьев [14], В.М. Шаклеин [15; 16] и др.

Еще одним подходом к изучению *концепта* считается лингвокогнитивный подход, в рамках которого язык понимается «как когнитивная способность», а также утверждается, что «человек не отражает мир в языке, а конструирует его с помощью языка в своем сознании» [21. С. 10]. Представителями лингвокогнитивного подхода являются Н.Н. Болдырев [17–21], И.А. Стернин и З.Д. Попова [22; 23] и др.

Об основных принципах, различающих лингвокультурный и лингвокогнитивный подходы к изучению *концепта*, пишет Ю.Е. Прохоров: «В рамках лингвокультурного подхода *концепт* понимается как единица культуры, фиксирующая коллективный опыт носителей языка и познаваемая человеком. Лингвокогнитивный подход определяет *концепт* как некое ментальное

образование в сознании человека, позволяющее познать коллективный культурный опыт носителей языка» [13. С. 90].

Следует отметить, что, несмотря на наличие большого количества исследований концепта, его структуры и принципов моделирования в рамках названных выше подходов, не обнаруживается единого алгоритма конструирования концептов. Полагаем, что разработанная нами модель многоуровневого концепта СТАРОСТЬ в дальнейшем может быть использована для построения других концептов в языковой картине мира русского языка.

Моделирование концепта СТАРОСТЬ проводилось на основе следующего материала:

- 35 словарей русского языка (толковых, этимологических, энциклопедических, ассоциативных, словарей синонимов);
- 40 фразеологических единиц русского языка;
- данные ассоциативного эксперимента со словом-стимулом *старость*, на которое было получено 273 реакции, из которых 66 были единичными.

Следует отметить, что в качестве лексем, вербализующих концепт СТАРОСТЬ, или *вербализаторов* концепта, выбраны лексемы *старость* и *старый* как наиболее нейтральные с точки зрения стилистической окраски.

Ассоциативно-вербальные сети концепта СТАРОСТЬ были реконструированы на основе результатов ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие 99 студентов филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. В ходе ассоциативного эксперимента необходимо было записать 3 первые реакции, возникающие при прочтении слова-стимула *старость*.

Обсуждение и результаты

Одним из первых исследователей, обобщивших подходы к моделированию лингвокультурных концептов, стал Г.Г. Слышкин, который сформулировал следующие положения:

1. Языковое и энциклопедическое значения слова имеют равноправный статус в рамках когнитивных исследований, выступая в качестве лингвистического и экстралингвистического содержания *концепта*.
2. В структуре *концепта* выделяются понятийный и образный элементы, отражающие соответствующие подходы к осмыслению окружающего мира.
3. Фрейм, гештальт, схема, сценарий и др. как моделируемые структуры сознания должны изучаться в качестве гипонимов *концепта* [5. С. 29].

Г. Г. Слышкин выделяет 3 модели реконструкции лингвокультурного *концепта*:

- взаимодействующие способы познания;
- ассоциативные связи языковых единиц, репрезентирующих концепт;
- разноуровневые языковые воплощения [5. С. 31–33].

Изначально модель «**взаимодействующих способов познания**» была предложена В.И. Карасиком, представившим концепт как совокупность «понятийного или фактуального, образного и ценностного компонентов» [10. С. 17–18]. При этом наличие ценностного компонента является основополагающим при выделении лингвокультурного концепта: «<...> ценности как высшие ориентиры поведения определяют содержание и специфику культуры в целом» [10. С. 14]. В.И. Карасик предлагает следующую схему моделирования концепта:

- 1) выделение понятийных характеристик на материале словарных дефиниций, содержащихся в толковых, этимологических словарях, словарях синонимов;
- 2) выявление актуальных перцептивных образов и контекстуальных связей номинантов концепта в составе высказываний;
- 3) анализ оценочно-маркированных высказываний на материале пословиц, поговорок, афоризмов, ценностно маркированных текстов.

С.Г. Воркачев при моделировании концептов предлагает описывать сущность концепта подобно структуре лексико-семантической парадигмы, поскольку любой концепт выражается не одной лексической единицей, а всей совокупностью слов, фразеологических, паремиологических единиц, афоризмов, имеющих синонимичное значение.

В структуре концепта С.Г. Воркачев выделяет 4 составляющие:

- 1) понятийный компонент как совокупность существенных признаков того или иного объекта, который сближается в некоторой степени с *содержанием понятия*;
- 2) образный компонент, включающий 3 составляющие: *метафорическую*, хранящую соответствующие образы-метафоры в сознании человека, *перцептивную*, фиксирующую чувственный опыт человека при восприятии концепта, *прецедентную*, представляющую собой совокупность ассоциативных признаков литературных персонажей, воплощающих сущность концепта;
- 3) ценностный компонент или значимость концепта как культурного элемента того или иного народа;
- 4) значимостный компонент или место имени концепта в лексической системе языка, который включает в себя этимологические, синтагматические, парадигматические, словообразовательные характеристики слова — имени концепта [12. С. 19].

Моделирование концепта как совокупности «**ассоциативных связей языковых единиц и значений**» предполагает взаимодействие системного образования — концепта с другими системами-концептами путем ассоциативного обмена единицами [5. С. 31]. При этом концепт описывается как фрагмент образования более высокого порядка — национальной концептосферы. Моделирование концепта осуществляется на материале языковых дефиниций, фразеологических оборотов, паремий.

В основу модели «**разноуровневого языкового воплощения**» положена концепция «трех ипостасей языка», предложенная Ю.Н. Карауловым, согласно которой язык предстает как:

- 1) совокупность текстов или продукт речевой деятельности носителя языка;
- 2) язык как система отобранных лингвистами статических единиц;
- 3) язык как потенция, готовая к реализации, но еще не реализованная носителем языка [24. С. 7–9].

Таким образом, в соответствии с вышеприведенной классификацией концепт может изучаться с трех сторон:

- как некий системный потенциал, доступный носителю языка, зафиксированный в лексикографических источниках;
- как набор языковых единиц, хранящийся в сознании носителя языка, потенциально репрезентирующих концепт;
- как продукт речевой деятельности носителя языка или совокупность текстов, в каждом из которых реализуется лишь небольшая часть концептуальных признаков.

Обратимся к анализу моделирования концептов в русле исследований лингвистов-когнитологов, исходя из следующего понимания языка: «Язык выступает как форма, как «некоторая упаковка», но знания, которые люди получают в языковой форме, не ограничиваются знаниями о самом языке. Наряду с представлением различных типов знаний в языке, в первую очередь рассматриваются способы концептуальной организации знаний. Эти задачи принадлежат когнитивной науке, которая занимается изучением процессов и средств усвоения, накопления и овладения знаниями» [25. С. 133].

З.Д. Попова и И.А. Стернин определяют *концепт* как некую мыслительную, ненаблюдаемую категорию. При этом исследователи разграничивают лингвокогнитивный и лингвокультурный подходы в изучении и описании *концепта* и призывают опираться исключительно на лингвистический материал: «Бесспорно, что культурологические работы важны и нужны, но лингвист, по нашему убеждению, должен идти от анализа лингвистических фактов» [22. С. 16]. В отличие от представителей лингвокультурологического подхода, признающих истинными концептами только те, что репрезентируют культурные ценности и имеют вербальное выражение, З.Д. Попова и И.А. Стернин считают, что не все концепты должны иметь словесные выражения: «Концепт есть комплексная мыслительная единица, которая в процессе мыслительной деятельности поворачивается разными сторонами, актуализируя в процессе мыслительной деятельности свои разные признаки и слои; соответствующие признаки или слои концепта вполне могут не иметь языкового обозначения в родном языке человека» [22. С. 37].

Так, слова, вербализующие *концепт*, передают лишь некоторую часть концептуальных признаков, актуальных для конкретной речевой ситуации, вызывающих в сознании человека иные, вероятностные или ассоциативные

признаки. То есть, слово или языковой знак «включает концепт в нашем сознании, активизируя его в целом и «запуская» его в процесс мышления» [22. С. 39].

З.Д. Попова и И.А. Стернин полагают, что «концепт имеет нежесткую организацию: он состоит из компонентов (концептуальных признаков), которые образуют концептуальные слои» [22. С. 60]. По мнению ученых, невозможно построить конечную модель концепта, можно лишь попытаться реконструировать его признаки или концептуальные слои, поскольку любой концепт «все время функционирует, актуализируется в разных своих составных частях и аспектах, соединяется с другими концептами и отталкивается от них» [22. С. 61].

Н.Н. Болдырев, представитель когнитивного направления, считает, что моделирование *концептов* должно проводиться в рамках экспериенциального подхода, который не только обращается к логико-понятийному или теоретическому моделированию связи языка и познания, но и учитывает опыт взаимодействия человека с окружающим миром, то есть включает в себя изучение свойств обыденного познания [19. С. 21]. Таким образом, значением слова, вербализующего *концепт*, будет выступать совокупность не только «объективных» семантических признаков, закрепленных в языке, но и «личные впечатления говорящего и ассоциации, являющиеся частью его опыта познания окружающего мира» [19. С. 21]. Так, языковые значения слов должны изучаться на основе соотнесения с конкретными *концептами* и *категориями*, то есть, происходит «выход за пределы собственно языковых знаний и обращение к знаниям неязыковым <...> и определение роли этих знаний в процессе формирования языковых значений» [19. С. 24]. В языке «концепт может быть вербализован отдельными словами и словосочетаниями, фразеологическими единицами, предложениями и текстами» [17. С. 43]. Соответственно, моделирование концепта должно осуществляться на материале словарных толкований единиц, репрезентирующих концепт, и с учетом речевых контекстов. Такой метод моделирования концепта называется **концептуальным анализом**.

Обобщая вышеизложенные подходы к исследованию концепта, мы предлагаем следующую структуру концепта и алгоритм его моделирования:

- **вербализатор // индикатор** концепта — имя концепта, представляющее собой лексему или лексемы с наименьшей стилистической коннотацией;
- **понятийный компонент**, объединяющий // включающий в себя понятия и значения, которые, в свою очередь, реконструируются на материале энциклопедических словарей и на материале словарных дефиниций из толковых, этимологических словарей, словарей синонимов и т.д.;
- **образный компонент** реконструируется на материале фразеологических единиц и/или паремий и данных ассоциативных экспериментов);
- **ценностный компонент** — обязательная составляющая лингвокультурного концепта (реконструируется на материале фразеологических единиц и/или паремий и данных ассоциативных экспериментов).

Каждый из компонентов концепта обладает неограниченным числом потенциальных ассоциатов, которые проявляются в конкретной речевой ситуации и отражают лишь определенный набор концептуальных признаков. Кроме того, именно потенциальные ассоциаты выступают связующим звеном в процессе взаимодействия концептов. Представим описанную выше модель концепта в виде схемы (рис. 1):

Рис. 1. Структура многомерного концепта
 Источник: составлено авторами статьи в программе SmartArt / MS Word.

Fig. 1. Structure of a multidimensional concept
 Source: compiled by the authors of the article in SmartArt / MS Word.

Предложенная нами модель многомерного концепта легла в основу реконструкции русского лингвокультурного концепта СТАРОСТЬ.

Процесс реконструкции модели русского концепта СТАРОСТЬ осуществляется в соответствии с алгоритмом, приведенным выше. На первом этапе

проводится определение **вербализатора** концепта: анализ лексикографических источников показал, что наиболее частотными и максимально нейтральными являются лексемы *старость* и *старый*.

Для реконструкции **понятийных** признаков концепта СТАРОСТЬ были проанализированы словарные дефиниции вербализаторов концепта — лексем *старость* и *старый*, содержащиеся в этимологических, толковых, энциклопедических, фразеологических словарях и словарях синонимов.

Толковые, энциклопедические словари и словари синонимов:

Проведенное исследование позволило выявить семантику лексемы *старость*, вербализующей концепт СТАРОСТЬ:

- *итоговый период жизни человека;*
- *дряхлость, ветхость кого-л., чего-л.;*
- *опыт и мудрость человека.*

Примечательно, что русская лексема *старость* не сочетается с именами существительными, обозначающими предметы и явления окружающего мира, поскольку обозначает только *период жизни человека*, то есть носителем признака *старость* в русском языке является только человек.

Анализ словарных дефиниций вербализатора *старый* позволил выделить следующие компоненты значения:

- *старший, крепкий, сильный;*
- *достигший старости;*
- *существующий длительное время;*
- *долго бывший в употреблении;*
- *прежний, предшествующий чему-л.;*
- *опытный;*
- *известный всем;*
- *испортившийся, пришедший в негодность.*

Этимологические словари:

В этимологическом словаре приводится следующее толкование лексемы *старый*:

«*Старый* — общеславянское. Того же корня, что лит. *Stóras* «толстый, сильный, тяжелый», др.-исл. *Stórr* «большой, гордый», др.-инд. *Sthirás* «крепкий» и др. Образовано с помощью суф. -р- (ср. бодрый) от основы ста- (см. статья (1))»¹.

¹ Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь. М.: Дрофа, 2004. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/school-etymological-dictionary/fc/slovar-209-3.htm#zag-4893> (дата обращения: 20.10.2022).

В Этимологическом словаре русского языка находим: «*ста́рый*, стар, старá, stáró, укр. Старій, др.-русск. Старь, ст.-слав. Старь ἕρων, πρεσβύτερος (Супр., Остром.), болг. Стар, сербохорв. Стàр, ста̀ра, ста̀ро; stàри, stàrà, словен. Stàr, stàra, чеш., слвц. Starý, польск., в.-луж., н.-луж. Stary. Родственно лит. Stóras «толстый, объемистый», др.-исл. Stórr «большой, сильный, важный, мужественный», с др. ступенью вокализма: др.-инд. Sthirás «крепкий, сильный»² [27].

В Этимологическом словаре русского языка фиксируется более развернутое толкование слова *старый*:

«*Старый* — индоевропейское -sta-г(о)- (большой). Общеславянское — starъ, starъjь (старый). Старославянское — старый. Слово «старый» известно с древнерусской эпохи (из памятников XI в.). Заимствовано из старославянского, где формы «старъ», «старый» восходят к общеславянскому корню starъ, starъjь и далее — к индоевропейской основе sta-г(о)-. Единого индоевропейского происхождения также следующие слова: древнескандинавское storr (большой), древнеиндийское sthira (крепкий, твердый)»³ [28].

Таким образом, этимом вербализаторов *старость* и *старый* является лексема *star-o*, которая содержит компонент значения *старший, крепкий, твердый*. Анализ однокоренных слов (*старший, стать, остановка, староста, старейшина*), содержащих исконный корень *-ста-*, позволяет предположить, что *старшим (старым)* человеком изначально называли более сильного, крепкого, мудрого или ставшего таким в силу возраста.

Фразеологические словари:

Исследование фразеологических единиц, содержащих компоненты *старость и/или старый*, позволило выделить следующие признаки концепта СТАРОСТЬ в русской языковой картине мира:

- старость — преклонный возраст человека;
- старость — временной период в прошлом;
- старый (о вещи/явлении) — существующий длительное время, известный всем;
- старый (о человеке) — неприятный, дряхлый, упрямый;
- старый (о человеке) — опытный, хитрый;

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Астрель: АСТ, 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/?ysclid=17urgav5we913272302> (дата обращения: 20.10.2022).

³ Семёнов А.В. Этимологический словарь русского языка. Серия «Русский язык от А до Я». М.: ЮНБЕС, 2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/semyonov/?ysclid=17us5mn8wz331585765> (lexicography.online) (дата обращения: 20.10.2022).

- старый (о человеке) — несовременный, имеющий устаревшие взгляды.

Результатом проведенного анализа стало описание семантического объема лексем *старость* и *старый* с точки зрения «понятия» и «значения» (табл.1) и выделить понятийные признаки концепта СТАРОСТЬ:

- *итоговый период жизни человека;*
- *кто-то или что-то, существующее длительное время;*
- *дряхлость человека или ветхость вещи;*
- *ослабление или потеря ментальных способностей человека;*
- *опыт и мудрость человека.*

Таблица 1 / Table 1

Семантический объем лексем старость и старый
Semantic scope of the lexemes old age and old

Семантические компоненты значения / Semantic Components of Meaning	Тип словаря / Dictionary type				
	Энциклопедические словари русского языка / Encyclopedic Dictionaries Russian Language	Толковые словари русского языка / Explanatory Dictionaries of the Russian Language	Словари синонимов русского языка / Dictionaries of Synonyms of the Russian Language	Этимологические словари русского языка / Etymological Dictionaries Russian Language	Фразеологические словари русского языка / Phraseological Dictionaries of the Russian language
Период жизни человека/ The period of a person's life	+	+	+	-	+
Итоговый период жизни человека/ The final period of a person's life	+	-	+	-	-
Ослабление организма человека в результате старения/ Weakening of the human body as a result of aging	+	+	+	-	+
Итоговый период жизни вещи, предмета / ветхость вещи, предмета/ The final period of the life of a thing, an object / dilapidation of a thing, an object	-	+	+	-	+
Мудрость/ опыт/ Wisdom/ experience	-	+	+	-	+
Глупость/ слабоумие/ Wisdom/ experience	-	-	-	-	+
Известный всем/ Known to everyone	-	+	+	-	+
Большой/ крепкий/ Big/ robust	-	-	-	+	-
Слабый/ дряхлый/ Weak/ decrepit	+	+	+	-	+

Источник: составлено авторами статьи в программе MS Word.
Source: compiled by the authors in MS Word.

Образные и ценностные признаки концепта СТАРОСТЬ реконструируются на основе анализа фразеологических единиц, ассоциативных словарей и данных ассоциативного эксперимента со стимулом старость, проведенного в Российском университете дружбы народов.

Анализ фразеологических единиц позволяет определить основные характеристики образа «старого человека» в русской лингвокультуре:

- неприятный, дряхлый, упрямый: *старая скворечница, старая перечница, старый пень*;
- опытный, хитрый: *старый лис, старый волк*;
- несовременный, имеющий устаревшие взгляды: *старого завета, старой закалки, старого покроя*.

Ассоциативные словари русского языка отражают представления молодых носителей русской лингвокультуры о старом человеке как о мудром и опытном человеке, вызывающем уважение. Но в то же время, частотными являются негативно-оценочные реакции на стимул *старый (пень)* (20), *дурак* (13), *козел*, *хрыч* (11), *хрен* (10)), которые отражают скорее пренебрежительное отношение к старым людям. Отметим, что подобные реакции характеризуют, в основном, лиц мужского пола.

Свободный ассоциативный эксперимент со словом-стимулом *старость*, проведенный в 2020 году с 99 студентами филологического факультета РУДН, показал, что для современных носителей русской лингвокультуры СТАРОСТЬ «осмысливается как период жизни человека (*бабушка* (11), *возраст* (8)), обладающего *мудростью* и *опытом*, с выраженными внешними признаками старения (*морщины* (17)), окруженного *семьей* (*внуки* (15), *семья* (9)) и *покоем*, и получающего *пенсию*. Были получены новые, ранее фиксировавшиеся как единичные, реакции, характеризующие СТАРОСТЬ как период, связанный с болезнями и недомоганием: *боль* (4), *болезнь* (3), *болезни* (3), *болезненность* (1), *недомогание* (1), *проблемы со здоровьем* (1). Старый человек предстает беспомощным и нуждается в поддержке других людей: *беспомощность* (1), *немоцность* (1), *немоць* (1)» [26].

Проведенные нами ассоциативные эксперименты выявили новую частотную реакцию *морщины*, которая дополняет современное представление об образе старого человека. Новыми частотными реакциями на стимул *старость* стали *получение пенсии* и *период отдыха и развлечений*, ранее не фиксировавшиеся в ассоциативных словарях XX столетия.

Таким образом, можно утверждать, что в XXI веке отношение к старым людям в русской лингвокультуре оценивается скорее положительно: пожилые люди вызывают уважение в силу наличия у них мудрости и опыта и желание оказать помощь и поддержку по причине их слабого здоровья.

Все вышеизложенное позволяет выделить следующие **образные** признаки русского концепта СТАРОСТЬ:

- *старый человек — опытный и мудрый*;

- *старый человек — больной и немощный;*
- *старый человек — седой и покрытый морщинами;*
- *старый человек — получатель пенсии;*
- *старый человек — бабушка или дедушка (имеет внуков);*
- *старость — период отдыха.*

К **ценностным** признакам концепта СТАРОСТЬ можно отнести следующие:

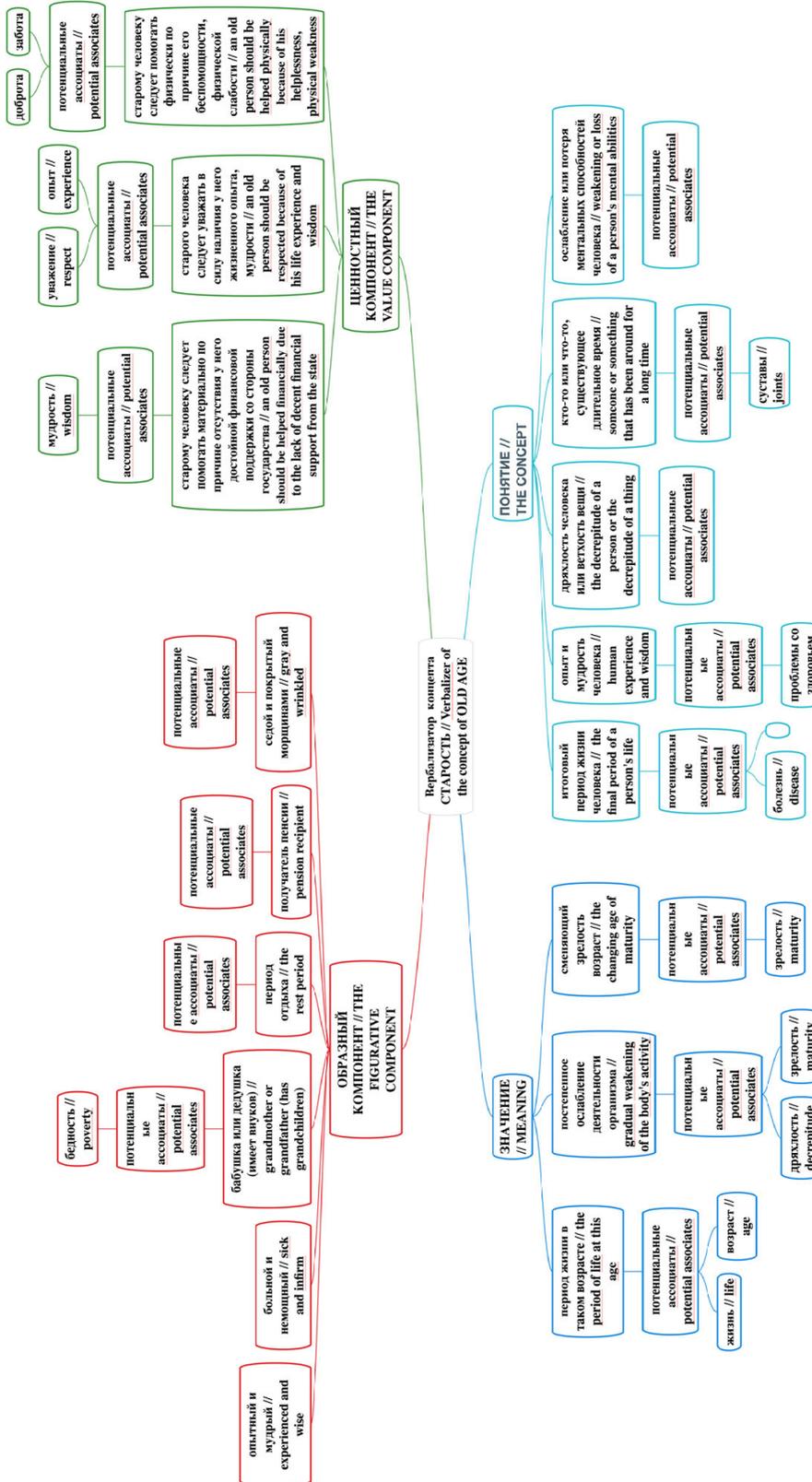
- *старого человека следует уважать в силу наличия у него жизненного опыта, мудрости;*
- *старому человеку следует помогать физически по причине его беспомощности, физической слабости;*
- *старому человеку следует помогать материально по причине отсутствия у него достойной финансовой поддержки со стороны государства.*

Обобщая все вышеизложенное, представим часть признаков концепта СТАРОСТЬ в соответствии с предложенной нами моделью реконструкции многомерного концепта (рис. 2).

Исследователь *концепта* может лишь попытаться обнаружить и реконструировать признаки и концептуальные слои и определить их место в структуре *концепта*, но выстроить модель концепта крайне сложно, так как ментальное образование «все время функционирует, актуализируется в разных своих составных частях и аспектах, соединяется с другими концептами и отталкивается от них» [22. С. 61], то есть в каждой конкретной речевой ситуации проявляется только часть понятийных, образных и ценностных признаков и соответствующих потенциальных ассоциатов.

Заключение

Систематизация теоретических подходов к описанию концептов позволила выделить ряд общих характеристик концепта. Во-первых, концепт понимается как ментальное образование, имеющее сложную многомерную структуру. Вербализатор, или имя концепта, представляет собой стилистически нейтральную лексическую единицу. Также обязательными составляющими любого концепта являются понятийный, образный и ценностный компоненты. Однако концепты как ментальные феномены по-разному «реальны» для носителей определенной культуры, в частности русской. Моделирование концептов русского языка позволяет реконструировать языковую картину мира носителей русского языка, учитывающую помимо лингвистической составляющей, также ментальные феномены, которые описываются путем анализа фразеологических, паремиологических и иных единиц. Предложенный алгоритм создания многомерной модели русского концепта СТАРОСТЬ может лечь в основу представления различных концептов русского и других языков.

Рис. 2. Модель многомерного концепта СТАРОСТЬ
 Источник: составлено авторами статьи в программе MindNote.
Fig. 2. The model of the multidimensional concept of OLD AGE
 Source: compiled by the authors in MindNote.

Моделирование концептов является перспективным и важным направлением в лингвистической науке, так как в нем учитывается и объединяется лингвистический материал и экстралингвистические данные гуманитарных наук, без учета которых невозможно создать модель, полностью отвечающей запросам современного языкознания.

Библиографический список

1. Демьянков В.З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла: Сб. ст. в честь академика Н.Ю. Шведовой / Отв. ред. М.В. Ляпон. М.: Азбуковник, 2007. С. 606–622.
2. Маслова В.А. Слово как ценность русской лингвокультуры // Наука — образованию, производству, экономике: Материалы XXIV (71) Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 14 февраля 2019 года. Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2019. С. 123–124.
3. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. М.: Academia, 2000.
4. Слышкин Г.Г. Ассоциативная модель лингвокультурного концепта // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. Спец. вып. «Актуальные проблемы гуманитарных наук». 2004. № 1. С. 158–163.
5. Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как системное образование // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2004. № 1. С. 29–34.
6. Карасик В.И. Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
7. Карасик В.И. Категориальный оценочный концепт «подлинность» // Концептуальные сферы «мир» и «человек»: Коллективная монография / Отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: Графика, 2005. Серия «Концептуальные исследования». Выпуск 6. С. 3–14.
8. Карасик В.И. Лингвокультурный типаж // Язык. Текст. Дискурс. Научный альманах. Вып. 5. Ставрополь—Пятигорск, 2007. С. 86–89.
9. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. Волгоград: Парадигма, 2010.
10. Карасик В.И. Щедрость как ценность русской лингвокультуры // Общая и русская лингвоаксиология: монография / М.С. Милованова (отв. ред.). М., Ярославль: Канцлер, 2022.
11. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. №1. С.64–72.
12. Воркачев С.Г. EX PLURIBUS UNUM: Лингвокультурный концепт как синтезное образование // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 2. С. 17–30.
13. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. М.: Флинта: Наука, 2009.
14. Воробьев В.В. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация при обучении языкам // Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации: материалы международной научно-практической конференции, Москва, 28 ноября 2020 года. № 5(9). М.: Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина, 2021. С. 137–143.
15. Шаклеин В.М. О проблемах в современной лингвокультурологии // Русское слово в многоязычном мире: Материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ, Нур-Султан, Казахстан, 29 апреля — 03 2019 года. Нур-Султан, Казахстан: МАПРЯЛ, 2019. С. 569–574.
16. Шаклеин В.М., Рубакова И.И., Микова С.С. Фольклорные концепты «Пространство» и «Время» в русской частушке. М.: Знание-М, 2021. <https://doi.org/10.38006/00187-044-9.2021.1.144>
17. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001.

18. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 25–36.
19. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство концептуальной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18–36.
20. Болдырев Н.Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4(013). С. 17–27.
21. Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1(042). С. 5–12.
22. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001.
23. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Монография. Воронеж: Истоки, 2007.
24. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999.
25. Красина Е.А., Перфильева Н.В., Маслова В.А., Лавицкий А.А. Направления и методы лингвистических исследований. Минск: РИВШ, 2020.
26. Сафаралиева Л.А. Эволюция ассоциативно-вербальной сети концепта «Старость» в языковом сознании носителей русского языка 20-х гг. XXI столетия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. № 4. С. 1147–1159. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-1147-1159>

References

1. Demyankov, V.Z. (2007). The term “concept” as an element of terminological culture. In: *Language as the matter of meaning: A collection of articles in honor of Academician N.Y. Shvedova*. M.V. Lyapon (Ed.). Moscow: Azbukovnik Publ. pp. 606–622. (In Russ.).
2. Maslova, V.A. (2019). The word as a value of Russian linguocultures. In: *Science — education, production, economy: Proceedings of the XXIV (71) Regional Scientific and Practical Conference of teachers, researchers and postgraduates, Vitebsk, February 14, 2019*. Vitebsk: P.M. Masherov Vitebsk State University Publ. pp. 123–124. (In Russ.).
3. Slyshkin, G.G. (2000). *Linguistic and cultural concepts of precedent texts*. Moscow: Academia. (In Russ.).
4. Slyshkin, G.G. (2004). Associative model of a linguocultural concept. *Spec. vol. «Actual problems of the humanities»*, 1, 158–163. (In Russ.).
5. Slyshkin, G.G. (2004). Linguocultural concept as a system education. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 1, 29–34. (In Russ.).
6. Karasik, V.I. (2002). *Language circle: Personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena Publ. (In Russ.).
7. Karasik, V.I. (2005). Categorical evaluative concept of «authenticity». In: *Conceptual spheres «world» and «man»*. Vol. 6. Kemerovo: Grafika Publ. pp. 3–14. (In Russ.).
8. Karasik, V.I. (2007). Linguistic and cultural type. In: *Language. Text. Discourse. Scientific Almanac*. Vol. 5. Stavropol-Pyatigorsk. pp. 86–89. (In Russ.).
9. Karasik, V.I. (2010). Linguistic crystallization of meaning. Volgograd: Paradigma Publ. (In Russ.).
10. Karasik, V.I. (2022). Generosity as a value of Russian linguocultures. In: *General and Russian Linguoaxiology: A collective monograph*. Yaroslavl: Kantsler Publ. (In Russ.).
11. Vorkachev, S.G. (2001). Linguoculturology, linguistic personality, concept: the formation of an anthropocentric paradigm in linguistics. *Philological Sciences*, 1, 64–72. (In Russ.).
12. Vorkachev, S.G. (2016). EX PLURIBUM UNUM: Linguocultural concept as an integral entity. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (2), 17–30. (In Russ.).
13. Prokhorov, Yu.E. (2009). *In search of a concept*. Moscow: Flinta Publ. (In Russ.).

14. Vorobyev, V.V. (2021). Cultural linguistics and intercultural communication in foreign language teaching. *Actual problems of linguistics and intercultural communication: Proceedings of the international scientific and practical conference, Moscow, the 28 of November of 2020*. Vol. 5 (9). pp. 137–143. Moscow: Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art) Publ. (In Russ.).
15. Shaklein, V.M. (2019). About problems in modern linguoculturology. *Russian word in the multilingual world : Proceedings of the XIV Congress of MAPRYAL, Nur-Sultan, Kazakhstan, April, 2019*. Nur-Sultan, Kazakhstan: MAPRYAL Publ. pp. 569–574. (In Russ.).
16. Shaklein, V.M., Rubakova, I.I., & Mikova, S.S. (2021). Folklore concepts of «Space» and «Time» in the Russian chastushka. Moscow: Znanie-M Publ. <https://doi.org/10.38006/00187-044-9.2021.1.144> (In Russ.).
17. Boldyrev, N.N. (2001). *Cognitive semantics: A course of lectures on English philology*. Tambov: Tambov University Publ. (In Russ.).
18. Boldyrev, N.N. (2001). The concept and meaning of the word. In: *Methodological problems of cognitive linguistics*. Voronezh. pp 25–36. (In Russ.).
19. Boldyrev, N.N. (2004). The conceptual space of cognitive linguistic. *Issues of Cognitive Linguistics*, 1, 18–36. (In Russ.).
20. Boldyrev, N.N. (2007). Representation of knowledge in the language system. *Issues of Cognitive Linguistics*, 4(13), 17–27. (In Russ.).
21. Boldyrev, N.N. (2015). The anthropocentric essence of language in its functions, units and categories. *Issues of Cognitive Linguistics*, 1(042), 5—12. (In Russ.).
22. Popova, Z.D., & Sternin, I.A. (2001). *Essays on cognitive linguistics*. Voronezh: Istoki Publ. (In Russ.).
23. Popova, Z.D., & Sternin, I.A. (2007). *Semantic and cognitive analysis of language*. Voronezh: Istoki Publ. (In Russ.).
24. Karaulov, Yu.N. (1999). *Active grammar and associative-verbal network*. Moscow: IRYA RAN Publ. (In Russ.).
25. Krasina, E.A., Perfilyeva, N.V., Maslova, V.A., & Lavitskiy A.A. (2020). Directions and methods of linguistic research: a textbook for students of higher educational institutions. Minsk: RIVSH Publ. (In Russ.).
26. Safaraliev, L.A. (2021). Evolution of the Associative/Verbal Network of the Concept “Old Age” in the Language Consciousness of the Native Russian/Language Speakers of the 20s of the XXI Century. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(4), 1147—1159. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-1147-1159> (In Russ.).

Сведения об авторах:

Сафаралиева Любовь Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, ассоциативная лингвистика, лингвокультурология; e-mail: kuznetsova-la@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-6960-9426.

Перфильева Наталия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); сфера научных интересов: лексикология, семантика, ассоциативная лингвистика, лингвокультурология; e-mail: perfilyeva_nv@pfur.ru
ORCID: 0000-0002-1018-809X.

Information about the authors:

Lyubov A. Safaralieva, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: cognitive linguistics, associative linguistics, linguoculturology; *e-mail*: kuznetsova-la@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-6960-9426.

Natalia V. Perfilieva, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: cognitive linguistics, associative linguistics, linguoculturology, semantics; *e-mail*: perfileyeva_nv@pfur.ru
ORCID: 0000-0002-1018-809X.

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-4-1235-1252

EDN: BCFIRF

UDC [811.111:811.161.1]37

Research article / Научная статья

Structural and Semantic Features and National Specificity of English and Russian Proverbs with the Meaning ‘Old’, ‘Young’

Tatiana G. Orlova RUDN University, *Moscow, Russian Federation* orlova-tg@rudn.ru

Abstract. The problem of perception of age in the folk consciousness, which is studied on the basis of proverbs in the English and Russian languages with the meaning “old”, “young”, touches on issues that are relevant for all people — awareness of the laws of human existence, therefore, turning to proverb material in the context of this issue seems relevant and productive. The main objective of this study is to compare proverbs of the Russian and English languages on this topic in the aspect of structural and semantic analysis and to reveal important features of the national and cultural thinking of both peoples. The first aim of the study is to identify and systematize the basic meanings of proverbs, which reveal a view on the accomplishments of old people and the inherent advantages of an old age; a look at the problem of the state of the body and spirit, which depends not only on age, but also on the inner determination; the disadvantages of the old age and the problem of its inevitability; the virtues and traits of the youth, as well as its weaknesses; a look at typical traits that are traditionally associated with age, but do not depend on it, and, finally, the opposition of the old age and the youth both in the context of confrontation and in the context of cooperation and complementarity. The second aim is to determine the similarities and differences in the choice of linguistic and figurative means in proverbs of the two languages. Proverbs use linguistic devices such as comparison, conformation, opposition, metaphor, metonymy, personification, gradation, hyperbole, irony, allegory, paradox. Similar means of expressive syntax are distinguished: asyndeton, impersonal sentences, syntactic parallelism, ellipsis, compression, rhythmic and phonetic arrangement of proverbs, imperative and conditional sentences, and for the Russian language — infinitive and generalized-personal sentences. Proverbs use expressive vocabulary: zoonyms, somatisms, and Russian proverbs also more often use archaisms, vernacular, words with reduced stylistic colouring and words with diminutive suffixes (diminutives). The novelty of the study lies in the choice of research methodology based on the systematization of proverbial material into groups within the chosen topic and the comparative structural and semantic analysis of proverbs in each thematic group along with revealing similarities and differences in the choice of methods of expressiveness, figurative motivation, figurative means, as well as lexical components and syntactic structure in the proverbs of two languages. The analysis made it possible to show the

© Orlova T.G., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

nationally specific features of the understanding of the main characteristics of the old and young age by both peoples, as well as to identify the role of linguistic means that reflect the specifics of their mentality.

Keywords: comparative analysis, structural and semantic analysis; English proverbs, Russian proverbs, phraseological meaning, figurativeness and expression, expressive devices, lexical components, syntactic structures, national and cultural identity

Article history:

Received: 05.03.2023

Accepted: 15.09.2023

For citation:

Orlova, T.G., (2023). Structural and Semantic Features and National Specificity of English and Russian Proverbs with the Meaning ‘Old’, ‘Young’. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(4), 1235–1252. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1235-1252>

Структурно-семантические особенности и национальная специфика английских и русских пословиц со значением ‘старый’, ‘молодой’

Т.Г. Орлова

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 orlova-tg@rudn.ru

Аннотация. Проблема восприятия возраста в народном сознании, исследуемая на материале пословиц английского и русского языков со значением «старый», «молодой», затрагивает проблематику, актуальную для всех людей — осознание закономерностей человеческого бытия, поэтому обращение к пословичному материалу в контексте данной проблематики представляется актуальным и продуктивным. Цель настоящего исследования состоит в сопоставлении пословиц русского и английского языков данной тематики в аспекте структурно-семантического анализа и выделения важных черт национально-культурного мышления обоих народов. Первая задача исследования — выявление и систематизация основных значений пословиц, в которых раскрывается взгляд на достоинства старых людей и преимущества, присущие старости; взгляд на проблему состояния тела и духа, которое зависит не только от возраста, но и от внутреннего настроения; недостатки старости и проблему неизбежности старости; достоинства и черты, свойственные молодости, а также недостатки молодости; взгляд на черты характера, которые традиционно связываются с возрастом, а от возраста не зависят, и, наконец, противопоставление старости и молодости как в контексте противостояния, так и в контексте сотрудничества и взаимодополнения. Вторая задача — определение сходств и различий в выборе языковых и образных средств в пословицах двух языков. Пословицы используют такие приёмы, как сопоставление, уподобление, противопоставление, сравнение, метафору, метонимию, олицетворение, градацию, гиперболу, иронию, аллегорию, парадокс. Выделяются сходные средства экспрессивного синтаксиса: бессоюзие, безличные предложения, синтаксический параллелизм, эллипсис, компрессия, ритмико-фонетическое оформление пословиц, побудительные, условные предложения, а для русского языка — инфинитивные и обобщённо-личные предложения. Используется выразительная лексика: зоонимы, соматизмы, а в русском языке чаще используются архаизмы, просторечие, слова со сниженной стилистической окраской и слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами (диминутивы). Новизна исследования заключается в вы-

боре методологии исследования, основанной на систематизации пословичного материала по группам в рамках выбранной тематики и сравнительном структурно-семантическом анализе пословиц в каждой тематической группе с выделением сходства и отличия в выборе приёмов выразительности, образной мотивации, образных средств, а также лексического наполнения и синтаксической структуры в пословицах двух языков. Проведённый анализ позволил показать национально-специфические особенности понимания основных черт старого и молодого возраста обоими народами, а также выявить роль языковых средств, отражающих специфику их менталитета.

Ключевые слова: сопоставительный анализ, структурно-семантический анализ, английские пословицы, русские пословицы, фразеологическое значение, образность и экспрессия, приёмы выразительности, лексические компоненты, синтаксические структуры, национальная и культурная идентичность

История статьи:

Дата поступления: 05.08.2023

Дата приема в печать: 15.09.2023

Для цитирования:

Orlova T.G. Structural. and Semantic Features and National Specificity of English and Russian Proverbs with the Meaning ‘Old’, ‘Young’ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 1235–1252. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1235-1252>

Introduction

In the modern world the finding of the common ground for establishing intercultural dialogue becomes a primary objective of every specialist, and especially of those who work in the humanitarian field. As noted by M.L. Kovshova, “interdisciplinary analysis corresponds to the transition of humanitarian knowledge to a higher level of integrativeness” [1. P. 38]. The special relationship between language and culture is due to the fact that “language has a cultural function, <...> its vocabulary, texts are a kind of archive of culture, its memory” [2. P. 8]. This relationship between the language and the culture, postulated in modern linguistics, entails special attention to the language and to the study of phraseological units of the language, since “the phraseological composition of a language is a mirror in which a linguocultural community identifies its national self-awareness” [3. P. 9], and the global task of establishing intercultural dialogue encourages comparative research. Proverbs constitute the oldest layer of the phraseological system, consequently they attract special attention within the framework of the current task of establishing the dialogue of cultures, and this explains the choice of proverbs of the English and Russian languages as the object of our research. The reason for turning to the topic of age, to the concepts of OLD AGE and YOUTH in the proverbs of the two peoples is caused by the importance and, in a certain sense, timelessness of the problem of perception of age in the folk consciousness. The problem of age only partially coincides with the problem of “fathers and sons” (mutual understanding and interaction of generations), but is not limited by it. The issue of age perception touches on multiple issues

that are relevant for all people: the perception of the future and time in general in youth [4. P. 288], the existential content of OLD AGE [5. P. 14], the question of the inevitability of death that arises towards the end of life. And since proverbs, or paremias, according to the apt remark of N.F. Alefirenko, reflect those spheres of human existence that are “connected with a person’s awareness of his own essence, the laws of human existence” [6. P. 311], turning to proverbial material in the context of this problem seems relevant and productive.

Literature review, subject and method of research

A review of modern research showed that there are several current areas of research. The most widely presented analysis of the concepts OLD AGE, YOUTH and AGE is based both on examples of proverbs of one language and in comparison of proverbs of two or more languages. So, A.A. Pintova explores the concepts old/young and старый/молодой in the English and Russian language pictures of the world [7]; semantic and cognitive study of the specifics of verbalization of age concepts in the Anglo-American linguistic picture of the world by Yu.S. Konovalova relies on the study of phraseological units, proverbs, aphorisms and cognitive metaphors, which are their verbal explicators [8. P. 3]. The study of age concepts based on Russian, English and Tatar proverbs is one of the elements of the study by D.A. Saleeva [9]. The concepts of YOUTH and OLD AGE in Russian and Italian languages are under consideration by K. Tocco [10]. Separately, the concept of OLD AGE is studied by Yu.S. Kudryashova based on the material of paremiological units in Russian and English linguistic societies [11]; the representation of the concept OLD AGE in the paremiological fund of the Russian language is studied by K.A. Listratkina [12]. An extended comparative analysis of phraseological units indicating a person’s age in English (including the American version) and Russian languages is presented in the study by Diaz Etsanet del Valle [13]. A comparative analysis of Romanian and English proverbs about the process of growing up (including proverbs about children, young and old people) is presented in her study by V. Konstantinova [14]. The axiological (value) dominant is the focus of another series of studies: for example, the axiology of age in Russian proverbs is studied by T.G. Bochina and Xian Qun [15], and the subject of research by D.N. Belova and T.M. Gurevich is the axiology of age in the Russian and Japanese pictures of the world based on proverbs and sayings [16]. Some studies aim to study the national mentality using the example of proverbs of the studied languages: for example, Kh.D. Edilkhanova conducted a study of interpersonal relations between older and younger generations in proverbs of three languages (Chechen, Russian and English), on the basis of which she concluded that the national mentality is reflected in the proverbs [17]. Interdisciplinary research stands out, combining psychological [18] or cultural [19] research into the problem of age, based on the study of proverbs.

The subject of our research is a comparative structural and semantic analysis of proverbs in the English and Russian languages with the meanings ‘old’ and ‘young’. The peculiarity of our research is to identify the phraseological meaning, figurative means, lexical components and means of expressive syntax in proverbs of the English and Russian languages of this thematic group. In combination with a comparative approach, the analysis creates a more comprehensive picture of the national and cultural uniqueness of proverbs. In accordance with our objectives, we used the method of comparative phraseology, descriptive method, functional-stylistic analysis with elements of the hermeneutic interpretation method. The source of empirical material was the dictionaries of English and Russian proverbs¹, the selection was complex and proportional and was carried out using the unselected sampling method.

Comparative structural and semantic analysis of proverbs

The analysis of the studied proverb material made it possible to identify several groups of proverbs in accordance with the meanings they express. The first group consists of proverbs that tell us about the virtues of old people, about the advantages that old age gives. Here are some examples: *Years know more than books; The best wine comes out of an old vessel; There’s many a good tune played on an old fiddle; If you wish a good advice ask the old man; An old poacher makes the best gamekeeper; An old ox makes a straight furrow; Old oxen has stiff horns; An old dog barks not in vain; An old cat knows when new milk flows; Old birds are not to be caught with chaff; An old fox is not easily snared; Old foxes want no tutors.* Here are the Russian equivalents: *Есть ещё порох в пороховницах* (There is still gunpowder in the flask); *Седина бобра не портит* (Gray hair does not spoil a beaver); *Кто много жил, тот много видел* (He who has lived a lot has seen a lot); *Старый конь борозды не портит* (An old horse does not spoil the furrow); *У старого козла крепкие рога* (The old goat has strong horns); *Заяц уж сед, навиделся бед* (The hare is already gray, he has seen enough troubles); *Старый пёс зря не лает* (The old dog doesn’t bark in vain); *Старый волк знает толк* (The old wolf knows a lot); *Старого воробья на мякине не проведёшь* (You can’t fool an old sparrow with chaff); *Старую лису хитростям не учить* (You can’t teach an old fox tricks).

We see that among the proverbs of this group, the English proverb *An old dog barks not in vain* and the Russian one *Старый пёс зря не лает* (An old dog does not

¹ Dal, V.I. (2009). *Proverbs of the Russian people*. Moscow: Russian language Media. (In Russ.); Zhukov, V.P. (1991). *Dictionary of Russian Proverbs and Sayings*. Moscow: Russian Language. (In Russ.); Margulis, A. & Holodnaya, A. (2000) *Russian-English Dictionary of Proverbs and Sayings*. North Carolina, London: McFarland and Company Publ. (In Russ.); Longman Contemporary English Dictionary (2001). Harlow Longman; Smith, W.G. (2008). *The Oxford dictionary of English proverbs*. Oxford.

bark in vain) are completely equivalent. The proverbs *Old birds are not to be caught with chaff* and *Старого воробья на мякине не проведёшь* (You can't fool an old sparrow with chaff) are close in syntactic structure and phraseological meaning, as well as proverbs *Old oxen has stiff horns* and *У старого козла крепкие рога* (The old goat has strong horns), which differ only in the lexical components *oxen* and *козёл* (goat). The proverbs *Old foxes want no tutors* and the *Старую лису хитростям не учить* (You can't teach an old fox tricks) are similar in phraseological meaning and the use of the zoonym “fox” but differ in the syntactic structure and lexical components (*want no tutors* — *хитростям не учить*). The English proverb *An old ox makes a straight furrow* and the Russian one *Старый конь борозды не портит* (An old horse does not spoil the furrow) are also close in phraseological meaning and have a common lexical component (*furrow*), but differ in syntactic structure. The first one is based on a positive statement: *makes a straight furrow*, the second is based on a negative statement: *борозды не портит* (does not spoil the furrow). When comparing, we see that special expressiveness of both English and Russian proverbs is given by laconicism and the use of zoonyms, as well as the use of allegory. An old man in English proverbs is compared to an old dog, old birds, an old ox, an old fox; In Russian proverbs, an elderly person is compared to a dog, an old sparrow, an old goat, an old fox, and a beaver. Other English proverbs are built on the metaphorical understanding of old age as an *old fiddle* or an *old vessel*, which can still produce a good melody or good wine. The English proverb *If you wish a good advice ask the old man* is built in the form of a conditional sentence and contains a lesson; it is almost devoid of imagery. The expressiveness of the other English proverb *Years know more than books* is due to the use of personifying metaphor and the technique of metonymy. The expressiveness of another English proverb *An old poacher makes the best gamekeeper* is created due to the paradox: *old poacher* is the *best gamekeeper*. The most original of the Russian proverbs is the frequently used proverb *Есть ещё порох в пороховницах* (There is still gunpowder in the flask), which implicitly expresses the meaning “an old man is still capable of something.” It is a linguocultural metaphor, as it indicates the close connection of the Russian people with military affairs. The method of allegory is used in another proverb *Заяц уж сед, навидался бед* (The hare is already gray, he has seen enough troubles), in which old age is conveyed through the colour evaluative definition “gray-haired” (hare), and the lexical component *беда* (trouble) indicates that the Russian peasant had to experience a lot of difficulties and grief. This proverb also has a linguistic and cultural connotation. Russian proverbs use elements of folklore: allegory, rhyming lines and infinitive sentences that have a colloquial connotation (*Старую лису хитростям не учить*). In this group we observe a large number of proverbs that have a similar meaning and a similar internal form, which is explained by “the general social and historical conditions of life of peoples, the typological characteristics of the perception of the world inherent in a person regardless of his nationality” [20. P. 199].

Proverbs that tell us about the fact that the state of the body and spirit depends not only on age, but also on the inner mood of the person himself can be divided in a separate subgroup. Here are examples of English proverbs: *Age is in the mind, not in the calendar; A man is as old as he feels, and a woman as old as she looks*; as well as Russian correspondences: *И стар, да весел, и молод, да угрюм* (Old, but cheerful, young, but gloomy); *И молод, да хил, и стар, да дюж* (Young, but frail, old, but stout); *Стар дуб, да корень свеж* (The oak is old, but the root is fresh).

The imagery of the English proverb *Age is in the mind, not in the calendar* is given by the use of expressive opposition. Another English proverb *A man is as old as he feels, and a woman as old as she looks* gains expressiveness due to syntactic parallelism and apt observation. It stands out for its unusual attention to the problem of the difference in the perception of the age of men and women, while a man's age is actually determined by himself, his own sense of himself, while a woman's age is determined by an external judgment regarding her appearance. As for the two Russian proverbs *И стар, да весел, и молод, да угрюм* (Old, but cheerful, young, but gloomy) and *И молод, да хил, и стар, да дюж* (Young, but frail, old, but stout), telling about the vivacity of spirit and body of older people in comparison with young people, they have the same syntactic structures and are constructed at the reception of antithesis using antonyms (*old — young, весел — угрюм, хил — дюж*), morphological and syntactic parallelism, which gives them special expressiveness. Another Russian proverb *Стар дуб, да корень свеж* (The oak is old, but the root is fresh) uses the technique of opposition, contains lexical occasional antonymy of short forms of adjectives (*стар — свеж*) and is built on a hidden metaphor: comparing an elderly person with an oak tree, which, nevertheless, has a “fresh root.” Thus, a Russian person describes his state through some natural phenomena or objects that are close and understandable to him, in this case through trees.

The next large group consists of proverbs that tell us about the disadvantages of old age. Here are some examples: *Old age is a sickness of itself; There's no fool like an old fool; Old age doesn't protect from folly; Old men are twice children; When bees are old, they yield no honey; Old age and happiness seldom go together; An old dog bites sore; You cannot shift an old tree without it dying; You can't teach an old dog new tricks*. Let us also give Russian correspondences: *Старость не радость, не красные дни* (Old age is not joy, not fine days); *Старого учить, что мертвого лечить* (To teach the old is the same as to treat the dead); *Молод — перебесится, а стар — не переменится* (Young people will have fling, but old people will not change); *Погода к осени дождливей, а люди к старости болтливей* (The weather becomes rainier in autumn, and people become chattier in old age); *И на старуху бывает проруха* (An old woman also might be mistaken); *Старый что малый* (Old is like small); *Стар да упрям: ни людям, ни нам* (Old and stubborn: neither to people, nor to us); *На старого и немощи валяются* (The infirmities fall on the old); *Старый кобель ещё злей* (The old male is even angrier).

The proverbs *An old dog bites sore* and *Старый кобель ещё злей* (The old male is even angrier) are the closest in phraseological meaning and figurative motivation in this group. They are built on an allegory, an old man is likened to a dog, and in the Russian proverb the more concrete word *кобель* (male) is used, which gives the whole proverb a stylistically reduced sound. The proverbs *Old men are twice children* and *Старый что малый* (Old is like small) are also close in phraseological meaning and figurative motivation (old people are like children). Both of these proverbs are based on simile. The difference is that the English proverb uses the comparative phrase *twice* and the word *old man*, and the Russian proverb is more expressive due to the use of the substantivized adjective “старый” (old), rhyming with the word having a colloquial connotation “малый” (small), which gives the proverb a more colloquial tone overall. Among the English proverbs of this group we find proverbs that are aphorisms, generalizations, which are practically devoid of imagery and express a simple statement of fact, for example *Old age doesn't protect from folly*, and proverbs built on allegories. Thus, the proverb *When bees are old, they yield no honey* allegorically tells us about the uselessness of older people. And the proverbs *You cannot shift an old tree without it dying*, *You can't teach an old dog new tricks* speak of the inflexibility and inability of older people to learn. Additional expressiveness is given to these proverbs by the use of zoonyms (bees, dog) and stylistically reduced vocabulary (fool). The Russian proverb *Старого учить, что мертвого лечить* (To teach the old is the same as to treat the dead) is very expressive due to the paradox (to teach the old is to treat the dead), the use of substantivized adjectives (старый, мёртвый) and the rhyme. The proverb *Погода к осени дождливей, а люди к старости болтливей* (The weather becomes rainier in autumn, and people become chattier in old age) is of particular interest from the point of view of the choice of expressive means. The state of an elderly person is likened to the state of nature (rainy autumn) in it. This comparison reveals the close connection of Russian people with nature. It is built on syntactic parallelism and enriched with rhyming endings. The expressiveness of another Russian proverb *Молод — перебесится, а стар — не переменится* (Young people will have fling, but old people will not change) is due to the antithesis technique through the use of both lexical and contextual antonymy of the short forms of adjectives (*молод — стар*) and verbs (*перебесится — не переменится*), as well as the use of rhyme. The proverb *И на старуху бывает проруха* (An old woman also might be mistaken) contains an outdated, colloquially reduced vocabulary *проруха* (mistake, miss), its expressiveness is also enhanced by rhyming endings. The expressiveness and laconicism of the proverb *Стар да упрям: ни людям, ни нам* (Old and stubborn: neither to people, nor to us) is created due to short forms of adjectives (*стар, упрям*), ellipsis, asyndeton and rhythmicity of the phrase. The analysis shows that the English proverbs of this group tell not only about declining cognitive function in old age, but also about damage to character and health, as well as an inability to change. Russian proverbs also mention the stupidity of old people, bad character,

and poor health, but along with general problems, more concrete shortcomings are noted, such as talkativeness and stubbornness. This observation reveals the national and cultural originality of Russian proverbs of this group, which are characterized by a more specific observation of the psychological aspects of old age, along with judgments common to proverbs of both languages.

A separate group should include proverbs that tell us about the inevitability of old age, as well as the inevitable prospect of death. Here are examples of English proverbs: *You cannot have two forenoons in the same day*; *Old age is a malady of which one dies*; *They that live longest, must die at last*; *Young men may die but old men must die*. Here are the Russian equivalents: *Молодые по выбору мрут, а старые поголовно* (The young die by choice, and the old die without exception); *Стар будешь, а молод — никогда* (You will become old, but never young); *Старость — не младость, не видишь, как подкрадется* (Old age is not youth, you don't see how it creeps up); *От старости могила лечит* (The grave cures old age).

The first English proverb *You cannot have two forenoons in the same day* contains a subtle observation that says that youth is fleeting, but old age is inevitable. This meaning is conveyed through the states of nature familiar to humans: life is compared to a day, youth — to the forenoon (the time from sunrise to noon). The second proverb *Old age is a malady of which one dies* is an aphorism and lacks additional figurative means. Another English proverb *Young men may die but old men must die* is given special expressiveness by contrast due to the contextual antonymy of modal verbs (may die — must die), as well as syntactic parallelism. The expressiveness of Russian proverbs of this subgroup is also ensured mainly by methods of opposition. At the heart of the Russian proverb *Старость — не младость, не видишь, как подкрадется* (Old age is not youth, you don't see how it creeps up) is the personifying metaphor: old age *подкрадётся* (creeps up). It uses the phonetic archaism *младость* (youth). All this gives the proverb a folkloric sound. A special place among Russian proverbs of this subgroup is occupied by the proverb *От старости могила лечит* (The grave cures old age) thanks to the depth of judgment and irony achieved through the use of personification (*могила лечит*) and paradox.

The next group contains proverbs that tell us about the traits inherent in young age. Here are some examples: *Youth will have its fling*; *Youth likes to wander*; *The young will sow their wild oats*; *Youth never casts for peril*. Here are Russian correspondences: *Молодость горами шатает* (Youth shakes mountains); *Всякая молодость резвости полна* (Every youth is full of playfulness); *Молодая нога легка, молодая душа дерзка* (A young foot is light, a young soul is bold); *Молодо — зелено, погулять велено* (Youth is green, it's advisable to take a walk); *Молодое вино игриво* (Young wine is playful); *Молодо — зелено, да молодое — честно* (Youth is green, but young is honest); *Молодое сердце всегда ближе к правде* (A young heart is always closer to the truth).

From the above examples it is clear that most English proverbs are judgments that use Abstract words and neutral vocabulary and are devoid of imagery. Russian proverbs have greater expression due to the use of somatisms (нога — leg, сердце — heart), and they are laconic by the use of short forms of adjectives (полна — full, дерзка — bold, зелено — green, игриво — playful). Russian proverb *Молодая нога легка, молодая душа дерзка* (A young foot is light, a young soul is bold) is expressive through the use of short forms of adjectives, grammatical and syntactic parallelism, as well as the use of somatism *нога* (leg). Short forms of adjectives and rhyming endings also serve to enhance the expression, capacity and brevity of another Russian proverb: *Молодо — зелено, погулять велено* (Youth is green, it's advisable to take a walk). The figurative motivation of two Russian proverbs which begin with the words “молодо — зелено” (youth is green) is based on a comparison with unripe green fruits. A more expressive personifying metaphor underlies the Russian proverb *Молодое вино игриво* (Young wine is playful). Most of the proverbs of this group are devoted to the most characteristic features of young people, often with a negative connotation: in English proverbs it is fling, wild oats (recklessness), in Russian proverbs — boldness, playfulness, activity (*горамы шатает* — shakes mountains). Moreover, only among the Russian proverbs we see two, dedicated to purely positively assessed qualities attributed to youth — honesty and closeness to the truth: *Молодо — зелено, да молодое — честно* (Young is green, but young is honest); *Молодое сердце всегда ближе к правде* (A young heart is always closer to the truth). It is interesting to note that closeness to the truth here is due to the youth of heart.

The next group consists of proverbs that tell us about the shortcomings of youth, the main ones of which are stupidity and unreliability. Here are examples of English proverbs: *Youth has a small head; Youth is the brother of madness; Youth is easily deceived because it's quick to hope; Youth doesn't mind where it sets its foot; What would a young cat do but eat mice*. Here are the Russian equivalents: *Молодость доверчива, обмануть легко* (Youth is gullible, it is easy to deceive); *Молод виноград зелен, а млад ум не крепок* (Young grapes are green, and young minds are not strong); *Молоденький умок что весенний ледок* (The young mind is like spring ice); *Молодой журавль высоко взлетел, да низко сел* (The young crane flew high but sat low); *Молодой месяц не на всю ночь светит* (The new moon does not shine all night); *Молодой дружок, что весенний ледок* (Young friend is like spring ice); *Молодой красив, да душою крив* (The young man is handsome, but crooked in soul).

When comparing English and Russian proverbs, we see that among the main shortcomings of youth, English proverbs indicate stupidity, excessive gullibility, recklessness and carelessness. The laconic proverb *Youth has a small head* contains an expressive metaphor based on somatism (small head — i.e. stupidity). The proverb *Youth is the brother of madness* is also a judgment devoid of imagery, although it is based on a dead personifying metaphor. The following three English

proverbs, aphoristic in form, have different meanings. The proverb *Youth is easily deceived because it's quick to hope* has a similar meaning to the Russian proverb *Молодость доверчива, обмануть легко* (Youth is gullible, it is easy to deceive). However the second part of the English proverb reveals and explains the first part (the reason for the gullibility of youth is that it is quick to hope), while the second part of the Russian proverb complements the first part and gives consequences (youth is gullible, and that is why it is easy to deceive). The English proverb *What would a young cat do but eat mice* is particularly expressive due to the fact that it is constructed in the form of a rhetorical question, contains the zoonyms *cat* and *mice* and it is allegoric in form. Russian proverbs consider lack of intelligence, thoughtlessness and unreliability as the main shortcomings of youth. The young man is compared to a crane that flew high and sat low, to a young moon that does not shine all night. The young mind is compared to spring ice — fragile and ready to break at any moment. The “молодой дружок” (young friend) is also compared to the spring ice, thus the proverb states that a young man is unreliable. The expressiveness of these proverbs is given by the use of zoonyms (crane), words with diminutive suffixes (*молоденький* — young, *умок* — mind, *ледок* — ice) and rhymes (*взлетел — сел, красив — крив*). As it seen from the examples, the state of youth in Russian proverbs is conveyed through natural phenomena that surround a person (the moon, spring ice), which are close and understandable to a common man. The analysis shows that the English proverbs of this group reveal mainly those shortcomings of youth that harm the young people themselves, while Russian proverbs also draw attention to those qualities that harm the people around them. One cannot rely on the young moon, which does not shine all night and cannot illuminate the road, one cannot rely on a young friend who can break like spring ice (betray, leave in a difficult situation). The national and cultural originality of Russian proverbs, closely related to the peculiarities of mentality, is also manifested here. We can note the importance of collective cooperation for Russian people, which is coherent with the opinion of A.V. Sergeeva, that “collectivism is an ancient feature of the Russian archetype, inherited with the traditions of paganism” [21. P.156]. This determines attention to characteristic traits that help or hinder collective cooperation.

The next group of proverbs, which enshrine the antagonism of old age and youth, is important for our research. Here are examples of English proverbs: *Youth and age will never agree; Where old age is evil, youth can learn no good; Young men think old men fools, and old men know young men to be so; The old cow thinks she was never a calf; Youth may suppose, age only knows; In youth and beauty, wisdom is but rare*. Let us also give Russian correspondences: *Молодой старику не верит* (The young man does not believe the old man); *В чем молод похвалишься, в том под старость покаешься* (What you boast of when you are young, you will repent of when you are old); *Стар, да нетух, молод, да протух* (Old but a rooster, young but rotten); *Молодое вино в голову ударяет, а старое душу согревает* (Young

wine goes to head, but old wine warms the soul); *Молодые — удалые, старые — лукавые* (The young are daring, the old are crafty).

The first two English proverbs *Youth and age will never agree* and *Where old age is evil, youth can learn no good*, just like the Russian proverb *Молодой старику не верит* (The young man does not believe the old man), are close in the meaning, but reveal different aspects of the meaning of “young and old people cannot reach an agreement”. From the impossibility of agreement follows distrust and the inability to learn anything. Both English proverbs are aphorisms in form, built on the opposition of Abstract vocabulary: *youth* and *age/old age*, while the Russian proverb is more expressive due to laconicism and the use of more concrete and colloquial vocabulary as a contrast: *молодой* (young) — *старик* (old man). The expressiveness of the English proverb *Young men think old men fools, and old men know young men to be so* is due to the use of syntactic parallelism, contrast and reduced vocabulary (*fool*) with a touch of irony. Another English proverb *Youth may suppose, age only knows*, also expressed in the form of an aphorism, acquires additional expressiveness due to asyndeton and rhyme (suppose — knows). The expressiveness of the English proverb *The old cow thinks she was never a calf* in the meaning of “an old man does not want to understand a young man” is achieved through allegory with the use of zoonyms (cow, calf). The analysis shows that Russian proverbs of this group put special emphasis on adjectives: they use substantivized adjectives (*молодой, старый*) and short forms of adjectives (*стар, молод*). The proverb *В чем молод похвалишься, в том под старость покаешься* (What you boast of when you are young, you will repent of when you are old) is a generalized personal statement, enriched with opposition, which is expressed by the use of lexical antonymy; its expressiveness is enhanced by the use of the same form of verbs with rhyming endings *похвалишься* (you will boast) — *покаешься* (you will repent). The expressiveness of another Russian proverb *Стар, да петух, молод, да протух* (Old but a rooster, young but rotten) is due to the use of the zoonym *петух* (rooster) and the stylistically lowered word *протух* (rotten), as well as due to the rhyming endings. Ellipsis gives this proverb laconicism and the conjunction *да* in the meaning of “but” gives a colloquial sounding. In the proverb *Молодые — удалые, старые — лукавые* (The young are daring, the old are crafty) there are nominal parts of speech in the absence of verbal ones, the emphasis is on adjectives, i.e. on characteristics, not on actions. The absence of verbs also gives the proverb a laconic sounding. The most original Russian proverb is *Молодое вино в голову ударяет, а старое душу согревает* (Young wine goes to head, but old wine warms the soul) which uses the word *душа* (soul), which is characteristic of the Russian mentality. This proverb is based on a contrast: a young man is compared to new wine, and an old man is compared to old wine. The use of metaphors *ударяет в голову* (goes to the head) and *душу согревает* (warms the soul) gives the proverb a special expression.

It is interesting to consider what features are attributed to youth and old age by English and Russian proverbs. We see that English proverbs emphasize the intelligence and wisdom of older people, their ability to reason rationally (they know, not assume), while youth is beautiful, but prone to unfounded judgments. Russian proverbs emphasize the good spirits, prudence and cunning of an elderly person in comparison with the short-sightedness and daring of young people. And at the same time, the English proverbs *Where old age is evil, youth can learn no good* and *The old cow thinks she was never a calf* indicate that it is the old people who are responsible for the lack of mutual understanding between the elderly and the young, while the Russian proverb *Молодой старику не верит* says that young people are responsible for distrust.

Two proverbs can be distinguished into a special subgroup, the English proverb *Better be an old man's darling than a young man's slave* and the Russian one *С молодым жить весело, со старым хорошо* (It's fun to live with the young, it's good to live with the old), in which youth and old age are contrasted in the context of marital relationships. In the English proverb the semantic contradiction is supported by the antithesis *darling — slave*, in which the second component (slave) has a strong negative connotation, and the proverb itself generally shows a more pragmatic approach [22. P. 1085–1086] to the marriage itself. In the Russian proverb the antithesis *весело — хорошо* (fun — good) does not have a negative connotation, although the contradiction between “young” and “old” remains. The expressiveness of the English proverb is emphasized by the comparative form and contrast of lexical occasional antonyms (man's darling — man's slave). The Russian proverb is expressive and laconic due to the use of comparison, syntactic parallelism and ellipsis in the second part of the proverb.

Another important group consists of proverbs in which the contrast between old age and youth is more of a complementary nature than a rivalry: *You cannot put an old head on young shoulders; If youth but knew, if age but could; When young is beautiful, when old is clever; Youth lives on hope, old age on memory*. And here are Russian proverbs: *Молодым — гулянье, старикам — покой* (Fun for the young, peace for the old); *Молоденький умок старым умом крепится* (A young mind is strengthened by an old mind); *Молодого — в битву, старого — в совет* (The young goes into battle, the old goes into council); *Молодость плечами покренче, а старость — головой* (Youth has stronger shoulders, and old age has stronger heads); *Молодость живет мечтами, старость — воспоминаниями* (Youth lives with dreams, old age with memories).

The proverbs of this group tell us about the differences between youth and old age, and these differences look like complementary, hypothetically or practically. Thus, in the first English proverb *You cannot put an old head on young shoulders* combining of an “old head” with “young shoulders” could give a good result, as well as in the second proverb *If youth but knew, if age but could* the “knowledge” of old age, combined with the “possibility” of youth, could

achieve excellent results. The expressiveness of the first English proverb is created due to the contextual antonymy of somatisms (*old head — young shoulders*). The expressiveness of the second English proverb is due to syntactic parallelism and conditional mood. In Russian proverbs *Молоденький умом старым умом крепится* (A young mind is strengthened by an old mind); *Молодого — в битву, старого — в совет* (The young goes into battle, the old goes into council) the possibilities of complementarity and mutual assistance of the old and the young are shown most clearly. Thus, the “young mind” thanks to the help of the “old mind” will become “stronger” itself and the mutual assistance of the old in the council and the young in battle should lead both to a common victory. The proverb *Молодого — в битву, старого — в совет* is especially interesting due to its appeal to the topic of interaction between the older and younger generations in the military sphere. We noted in one of our earlier works that the Russian mentality is characterized by the concepts of mutual assistance and self-sacrifice: in battle they ensure victory [23. P. 309]. The expressive means of these proverbs are the opposition of substantivized adjectives *старый* (old) and *молодой* (young), incompleteness of syntactic constructions, emphasis on nominal forms, syntactic parallelism. In the proverb *Молоденький умом старым умом крепится* the expressive means are the use of words with diminutive suffixes — diminutives (*молоденький, умок*).

A separate subgroup consists of proverbs, which state that wisdom and other positive qualities attributed to age do not actually depend on age. Here are some examples: *Be old when young, if you would be young when*; *Молод годами, да стар умом* (Young in years, but old in mind); *Молод телом, да старенек делом* (Young in body, but old in deed); *Молодость не в годах, а в силе* (Youth is not in years, but in strength); *Не красна старость годами, а делами* (Old age is great not in years, but in deeds).

Upon analysis, we see that the English proverb contains an edification, but in form it is an incentive sentence; the deep meaning of this proverb is conceived by the expressive repetitions of the words *old* and *young*. Two Russian proverbs, *Молод годами, да стар умом* (Young in years, but old in mind) and *Молод телом, да старенек делом* (Young in body, but old in deed), have a similar syntactic structure and contain an antithesis, which is based on the lexical antonymy of short forms of adjectives. They are laconic and very similar in figurative meaning; the second proverb contains the diminutive *старенек* (old) which increases its emotiveness. The originality of the two other Russian proverbs is due to the use of Abstract vocabulary (youth — *молодость*, old age — *старость*). They contain an expressive clarification, and have a similar colloquial syntactic structure. It is interesting that four Russian proverbs seem to complement the English one: they successively reveal first the meaning of “old in youth” (young in years — old in mind, old in deeds), and then the meaning of “young in old age” (youth — in strength, not in years; old age is great in deeds, not in years).

Conclusion

Our comparative structural and semantic analysis of English and Russian proverbs allowed us to draw the following conclusions. From the point of view of phraseological meaning, both Russian and English proverbs have much in common: old age is recognized as an age that is characterized by wisdom along with illnesses and infirmities, and young people are full of strength, sometimes reckless and daring, but at the same time overly trusting and in most cases simple minded. At the same time, we see the differences. Only in Russian proverbs honesty of heart, sincerity, i.e. more concrete positive qualities, are attributed to youth, while English proverbs mostly describe neutral or negative typical traits of youth. The comparisons of individual human traits with natural phenomena are more common in Russian proverbs, which indicates the close relationship of Russian people with nature.

Russian proverbs are more emotional and more concrete, while among English proverbs we see more often aphoristic statements that contain deep philosophical generalizations. They are often borrowed from other languages and formed in a later period of time. From the point of view of the use of expressive means, proverbs of the two languages also have common features. They use such stylistic devices as comparison, contrast, metaphor, metonymy, personification, gradation, hyperbole, irony, allegory, paradox. Similar means of syntax can be distinguished: asyndeton, incomplete sentences, syntactic parallelism, ellipsis, rhythmic and phonetic design of proverbs, as well as the use of incentive and conditional sentences for valediction and advice. In Russian proverbs, such means of expressive syntax as infinitive sentences, generalized personal sentences, etc are used more often. Also, English and Russian proverbs use similar expressive vocabulary: zoonyms, somatisms, while in the Russian language archaisms, vernacular, words with reduced stylistic colouring and words with diminutive suffixes are used more often. Thus, we often see the use of allegory in the proverbs of both languages which tell us about the virtues of old age. Folklore methods such as rhythmic organization, rhymed endings, and emotionally charged vocabulary are used widely in Russian proverbs, while statements in the form of teachings with the use of neutral and Abstract vocabulary are relatively more common in English proverbs with similar meanings. In some English proverbs we also find (though much less frequently) rhythmic organization and rhymed endings, stylistically reduced vocabulary, which, of course, gives them a more colloquial colouring and expressiveness. Thus, the similarity of proverbs, their figurative structure, figurative motivation and internal form indicates the similarity of figurative and associative connections in human thinking, and their differences indicate their historical and cultural traditions. The analysis made it possible to show the nationally specific features of the understanding of the main features of old and young age by both peoples, as well as to identify the role of linguistic means that reflect the specifics of mentality.

References

1. Kovshova, M.L. (2020). The science of language as a part of the science of man. Culturological movement in linguistics. *Russian Language Abroad*, 1, 38–43. (In Russ.).
2. Maslova, V.A. & Pimenova, M.V. (2018). *Linguistic culture codes*. Moscow: Flinta. (In Russ.).
3. Telia, V.N. (1996). *Russian phraseology. Semantic pragmatic and linguocultural aspects*. Moscow: Languages of Russian culture. (In Russ.).
4. Lishaev, S.A. (2016). Hermeneutics of youth: life in the open. *Review of the Russian Christian Academy for the Humanities*, 17(4), 286–298. (In Russ.).
5. Lishaev S.A. (2017). On the typology of the old age ethos. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya: Filosofiya. Filologiya*, 22, 13–23. (In Russ.).
6. Alefirenko, N.F. & Semenenko, N.N. (2009). *Phraseology and Paremiology*. Moscow: Flinta. (In Russ.).
7. Pintova, A.A. (2009). *Concepts old/young in the English and Russian linguistic worldviews* [dissertation]. Saint Petersburg. (In Russ.).
8. Konovalova, Yu.S. (2012). *Phraseologisms, proverbs and aphorisms as a means of objectifying age concepts in the Anglo-American linguistic worldview* [dissertation]. Voronezh. (In Russ.).
9. Saleeva, D.A. (2004). *Ethnic, age and gender concepts in Russian, English and Tatar proverbs* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
10. Tokko, K. (2010). Concepts “youth” and “old age” in Russian and Italian languages (on material paremies). *Bulletin of the MSRU. Series: Linguistics*, 3, 176–180. (In Russ.).
11. Kudryashova, Yu.S. (2018). The Concept of the “Old Age” in Russian and English Linguistic Societies: a Study of Paroemiological Units. *Ogaryov-Online*, 7(112). URL: <https://journal.mrsu.ru/arts/koncept-starost-v-russkom-i-anglijskom-lingvosociumax-na-materiale-paremiologicheskix-edinic> (accessed: 22.07.2022). (In Russ.).
12. Listratkina, K.A. (2012). Representation of the concept “old age” in the paremiological fund of the Russian and English languages. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 72(8), 50–53. (In Russ.).
13. Diaz, E.D.V. (2019). *Phraseological units denoting old age of a person in the English and Russian languages* [dissertation]. Kazan. (In Russ.).
14. Constantinova, V. (2013). The comparative analysis of the aging process proverbs in English and Romanian. *Analele Științifice ale Universității de Stat din Moldova*, 1, 226–229.
15. Bochina, T.G. & Xiang, Qun (2013). Axiology of age in Russian paremics. *Philology and culture*, 3(33), 44–48. (In Russ.).
16. Belova, D.N. & Gurevich, T.M. (2018). Axiology of age in the Russian and Japanese pictures of the world. *Culture and Art*, 2, 12–21. (In Russ.).
17. Edilkhanova, Kh.D. (2018). Interpersonal relations between generations in proverbs of three languages. *The Herald of South-Ural state Humanities-Pedagogical University*, 8, 232–241. <https://doi.org/10.25588/CSPU.2019.42.46.018> (In Russ.).
18. Sapogova, E.E. & Chadaeva, K.D. (2014). The choice of the existential logic of life in youth, maturity and old age. *Bulletin of the Tula State University. Humanitarian sciences*, 4(1), 235–245. (In Russ.).
19. Eliseeva, Yu.A. (2008). Proverb and saying text “the ages of life” as an object of cultural modeling. *Bulletin of the Chelyabinsk State University, Philosophy and methodology*, 28, 102–106. (In Russ.).
20. Ivanova, E.V. (2016). Some issues of translation of proverbs. *Innovations in science*, 2(51), 198–202. (In Russ.).
21. Sergeeva, A.V. (2010). *Russians: stereotypes of behavior, traditions, mentality*. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.).
22. Orlova, T.G. (2021). Structural and semantic analysis of English and Russian proverbs about marriage as a source of expression of cultural and national identity. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(4), 1075–1093. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-1075-1093> (In Russ.).

23. Orlova, T.G. (2020). The Implementation of the Conception of Friendship on the Basis of Comparative Structural-semantic Analysis of English and Russian Proverbs. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(2), 301–318. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-301-318>
24. Ivanova, E.V. (2006). The world in English and Russian proverbs. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. (In Russ.).

Библиографический список

1. Ковишова М.Л. Наука о языке как часть науки о человеке. Культурологическое движение в лингвистике // *Русский язык за рубежом*. 2020. № 1(278). С. 38–43.
2. Маслова В.А., Пименова М.В. Коды лингвокультуры. М.: Флинта, 2018.
3. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.
4. Лишаев С.А. Герменевтика молодости: жизнь на просторе // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2016. Т. 14. № 4. С. 286–298.
5. Лишаев С.А. К типологии старческого этоса // *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология*. 2017. № 2(22). С. 13–23.
6. Алефиренко Н.Ф., Семенов Н.Н. Фразеология и паремиология. М.: Флинта—Наука, 2009.
7. Пинтова А.А. Концепты old/young и старый/молодой в английской и русской языковых картинах мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.20. СПб., 2009.
8. Коновалова Ю.С. Фразеологизмы, поговорки и афоризмы как средство объективации возрастных концептов в англо-американской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.04. Воронеж, 2012.
9. Салеева Д.А. Этнические, возрастные и гендерные концепты в русских, английских и татарских поговорках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.20. М., 2004.
10. Токко К. Концепты «молодость» и «старость» в русском и итальянском языках (на материале поговорок) // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. 2010. № 3. С. 176–180.
11. Кудряшова Ю.С. Концепт «старость» в русском и английском лингвосоциумах (на материале паремиологических единиц) // *Огарёв-Online*. 2018. № 7(112). Режим доступа: <https://journal.mrsu.ru/arts/koncept-starost-v-russkom-i-anglijskom-lingvosociumax-na-materiale-paremiologicheskix-edinic> (дата обращения: 22.07.2022).
12. Листраткина К.А. Репрезентация концепта «Старость» в паремиологическом фонде русского и английского языков // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2012. 72(8). С. 50–53.
13. Диас Е.Д.В. Фразеологические единицы, обозначающие возраст человека, в английском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.20. Казань, 2019.
14. Constantinova V. The comparative analysis of the aging process proverbs in English and Romanian // *Analele Ştiinţifice ale Universităţii de Stat din Moldova*. 2013. № 1. P. 226–229.
15. Бочина Т.Г., Сян Цюнь. Аксиология возраста в русской поговорке // *Филология и культура*. 2013. № 3(33). С. 44–48.
16. Белова Д.Н., Гуревич Т.М. Аксиология возраста в русской и японской картинах мира // *Культура и искусство*. 2018. № 2. С. 12–21.
17. Эдилханова Х.Д. Межличностные отношения между поколениями в поговорках трёх языков // *Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета*. 2018. № 8. С. 232–241. <https://doi.org/10.25588/CSPU.2019.42.46.018>
18. Сапогова Е.Е., Чадаева К.Д. Выбор экзистенциальной логики жизни в молодости, зрелости и старости // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2014. № 4(1). С. 235–245.

19. *Елисеева Ю.А.* Пословично-поговорочный текст «возрасты жизни» как объект культурологического моделирования // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 28. С. 102–106.
20. *Иванова Е.В.* Некоторые вопросы перевода пословиц // Инновации в науке. 2016. № 2(51). С. 198–202.
21. *Сергеева А.В.* Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М.: Флинта: Наука, 2010.
22. *Орлова Т.Г.* Структурно-семантический анализ английских и русских пословиц о браке как источнике выражения культурно-национальной идентичности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 1075–1093. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-1075-1093>
23. *Orlova T.G.* The Implementation of the Conception of Friendship on the Basis of Comparative Structural-semantic Analysis of English and Russian Proverbs // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 301–318. [10.22363/2313-2299-2020-11-2-301-318](https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-301-318)
24. *Иванова Е.В.* Некоторые вопросы перевода пословиц // Инновации в науке. 2016. № 2 (51). С. 198–202.

Сведения об авторе:

Орлова Татьяна Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6); *научные интересы:* сравнительное языкознание, паремиология, фразеология, семантика; *e-mail:* orlova-tg@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-2777-3930; ELibrary SPIN-код: 6686–7256; ResearcherID: AA-I-5808-2021; Scopus Author ID: 57201723102.

Information about the author:

Tatiana G. Orlova, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian Federation, 117198); *Resercher interests:* comparative linguistics, phraseology, paroemiology, semantics; *e-mail:* orlova-tg@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-2777-3930; SPIN-code: 6686–7256; ResearcherID A-6149-2017; Scopus Author ID: 57201723102.

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-4-1253-1270

EDN: AWXHMG

УДК 811.161.1'373:821.161.1-31

Научная статья / Research article

Характеристика соматической фразеологии в романе Е. Водолазкина «Лавр»: семантика, функциональный потенциал, частотность употребления

Н.В. Карпинская¹, О.В. Шкуран^{2,3} , С.А. Шкуран⁴¹Луганский государственный педагогический университет, *Луганск,
Луганская Народная Республика, Российская Федерация,*²Российский университет дружбы народов, *Москва, Российская Федерация*³Луганский государственный аграрный университет, *Луганск,
Луганская Народная Республика, Российская Федерация,*⁴IEC Kowloon Bay International kindergarden, *Фошань, Китай* oksana.shkuran@mail.ru

Аннотация. Иллюстративный материал — выбранные и проанализированные количественные и качественные показатели компонентов-соматизмов романа Е.Г. Водолазкина «Лавр» — выявляет универсальные и национальные ценностные ориентиры визуальных и авторских соматических фразеологизмов. Наиболее часто употребляемые компоненты-соматизмы (глаза, голова, душа, сердце, рука, тело) отражают социальный и культурный опыт русского человека и преобразуют их в собственные ценности, установки, позиции, представляя сакрально-ментальную сущность номинаций человеческого тела с яркой образностью, стилистическим разнообразием. Анализ картотеки использованных соматических фразеологизмов демонстрирует культурно маркированные церковнославянизмы, создающие экспрессивно-эмоциональные образы средневековья и несущие в предметном, объективном, бытийном аспектах оценочное, эстетическое восприятие. Одним из преимуществ романа являются выполняющие в художественном тексте различные универсальные функции соматизмы как для характеристики внешнего вида героев, физического и физиологического состояния, так и для лаконичности речи повествования, для эмотивного и эмоционального состояния главных персонажей. Представлены индивидуально-авторские соматические фразеологизмы, детализирующие идейное содержание художественного текста. Анализ позволяет представить авторскую художественную картину мира как часть языковой картины мира русского человека. Сквозная антропоцентричность является показательной характеристикой соматической фразеологии романа «Лавр». В статье проводится семантическая характеристика и определяется функциональный потенциал более двухсот пятидесяти соматических фразеологизмов, употреблённых в романе.

© Карпинская Н.В., Шкуран О.В., Шкуран С.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: языковая картина мира, культурный код, соматизм, соматическая фразеология, ценностные ориентиры, сакрально-ментальная сущность

Финансирование. Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00252 «Библейское наследие восточнославянских языков в лингвокультурологической и лексикографической интерпретации (Большой русско-белорусско-украинско-русинский словарь библеизмов)» в рамках программы «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами».

История статьи:

Дата поступления: 05.08.2023

Дата приема в печать: 15.09.2023

Для цитирования:

Шкуран О.В., Карпинская Н.В., Шкуран С.А. Характеристика соматической фразеологии в романе Е. Водолазкина «Лавр»: семантика, функциональный потенциал, частота употребления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 1253–1270. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1253-1270>

Вклад авторов: Вклад авторов в работу равнозначен на всех этапах

Characteristics of Somatic Phraseology in E. Vodolazkin's Novel "Lavr": Semantics, Functional Potential, Frequency of Use

Natalia V. Karpinskaya¹, Oksana V. Shkuran^{2,3} , Sofia A. Shkuran⁴

¹Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Lugansk People's Republic, Russian Federation

²RUDN University, Moscow, Russian Federation,

³Lugansk State Agrarian University, Lugansk, Lugansk People's Republic, Russian Federation,

⁴IEC Kowloon Bay International kindergarden, Foshan, China

 oksana.shkuran@mail.ru

Abstract. The study selects and analyzes quantitative and qualitative indicators of somatic components retrieved from E.G. Vodolazkin's novel «Lavr». The illustrative material reveals the universal and national value orientations of the regular and author's somatic phraseological units. The most frequently used components-somatisms (eyes, head, soul, heart, hand, body) reflect the social and cultural experience of a Russian person and transform them into their own values, attitudes, positions, representing the sacred-mental essence of the nominations of the human body with vivid imagery, stylistic diversity. The analysis of the card file of the used somatic phraseological units demonstrates culturally marked Church Slavonisms that create expressive and emotional images of the Middle Ages and carry evaluative, aesthetic perception in the objective, existential aspects. One of the advantages of the novel is the somaticisms that perform various universal functions in the literary text, both for characterizing the appearance of the characters, the physical and physiological state, and for the conciseness of the narrative speech, for the emotive and emotional state of the main characters. The individual author's somatic phraseological units detailing the ideological content of the literary text are presented. The analysis allows us present the author's artistic picture of the world as a part of the linguistic picture of the world of a Russian person. The end-to-end anthropocentricity is a indicative characteristic of the somatic phraseology of the novel «Lavr». The article provides a semantic characteristic and determines the functional potential of more than two hundred and fifty somatic phraseological units used in the novel.

Keywords: linguistic picture of the world, cultural code, somatism, somatic phraseology, value orientations, sacred-mental essence

Financing. Acknowledgements:

The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00252 «The Biblical Heritage of the East Slavic Languages in Linguistic, Cultural and Lexicographic Interpretation (Big Russian-Belarusian-Ukrainian-Rusyn Dictionary of Biblicalisms)» within the framework of the program «Conducting fundamental scientific research and search scientific research by individual scientific groups». The project significantly expands the scope of the study of biblical expressions; it makes it multidimensional and systemic, it allows us to present more deeply the mechanisms of adaptation of the biblical heritage in Slavic languages and demonstrate the mechanisms of their functioning in texts of various types.

Article history:

Received: 05.08.2022

Accepted: 15.09.2023

For citation:

Karpinskaya, N.V., Shkuran, O.V. & Shkuran, S.A. (2023). Characteristics of Somatic Phraseology in E. Vodolazkin's Novel "Lavr": Semantics, Functional potential, Frequency of Use. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(4), 1253–1270. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1253-1270>

Вклад авторов: Вклад авторов в работу равнозначен на всех этапах

Введение

На современном этапе развития лингвистической науки ученые все чаще высказывают свое мнение о том, что фразеологическая единица (ФЕ) может интерпретироваться в контексте культурного знания и представлять культурный смысл определенного предмета. В.Н. Телия подчеркивала, что «в коллективной подсознательной памяти носителей языка сохраняется интертекстуальная связь фразеологизмов с тем или иным кодом культуры. Это проявляется в способности носителей языка к культурной референции, которая проиллюстрирована в культурной коннотации как своеобразного звена лексического значения языковой единицы, обеспечивая диалогическую взаимосвязь различных систем — языка и культуры» [1. С. 14]. Культурологический смысл сохраняется кодом культуры, который рассматривается лингвистами как сеть членения, категоризации, оценок «интериоризированного» (термин Л.С. Выготского) мира и внутреннего опыта человека, обусловленные культурой определенного этноса и представлены в семиотических системах природного языка, искусства, традиций, обычаев, поверий в пределах норм морали, поведения членов этнического общества. Этот код эксплицируется, формируясь в глубинах коллективной памяти народа под влиянием исторического и культурного развития этноса.

Язык художественной литературы иллюстрирует критерии языка определённого периода, демонстрируя образцы семантически неоднородного и многослойного способа коммуникации, который интегрируется с современной речью. Он воздействует на личность, формирует ее, изменяя в лучшую или

в худшую сторону, вмешивается в нашу картину мира, а, следовательно, опосредованно в ценностные приоритеты человека. Тем самым язык из категории лингвистической превращается в реальную общественно-политическую силу и становится культурологической категорией [2. С. 542].

Соматические фразеологические единицы (СФЕ) определенным образом организуют окружающий мир языковой личности, который можно рассматривать как базовый. Он важен и имеет одно из определенных значений человеческой сущности, поскольку человек как личность остается в центре мироздания. Именно в человеческом теле наши предки видели антропоморфное представление Вселенной. Представленный код культуры является древнейшим: человеческое тело было источником познания мира. Если обратиться к феномену телесности в плоскости архаической культуры, то мы увидим, что человеческому телу предоставляли особенный онтологический статус. Тело человека — это мир, которому присуща своя топология: низ, верх, ширина, середина, поверхность, край и др. Для современного человека эти термины имеют преимущественно пространственное, физическое значение, в то время как их метафизический смысл скрыт [3. С. 22]. Центральным звеном в формировании соответствующего культурного кода выступают названия частей тела (*голова, лицо, ноги, нос, руки, шея, щека* и др.), внутренние органы (*мозг, печень, почки, сердце* и др.), которые накапливают в составе фразеологизмов когнитивные сценарии и стратегии общения в речевой практике респондентов [4. С. 465].

Проблеме изучения соматической фразеологии в русском языке посвящены исследования Н.Ф. Алефиренко, С.В. Боголеповой, Л.П. Гашева, А.Р. Поповой, Е.Р. Ратушной, Д.С. Скнарера, А.М. Чепасовой и др., сопоставлению лексем-соматизмов в русском и других языках уделяют внимание О.Н. Кравченко, О.В. Ломакина, С.И. Магомедова, В.М. Мокиенко, А.А. Омаров, С. Шарав и др., особенности соматизмов в структуре паремий описаны в публикациях С.Ю. Гуляева, И.Б. Ковалева, О.В. Ломакиной, А.Н. Тукаевой, О.В. Шкуран и др.

Внешний вид человека формируют три составляющие: голова, ее части и ноги. Наблюдение над собой, знание о себе человек последовательно переносит на окружающую среду. Названия частей тела продуктивно используют в роли метаморфических сравнений, поскольку во время называния нового объекта у человека первые ассоциации связаны прежде всего с тем, что ему хорошо известно и что постоянно находится при нем.

В нашем исследовании соматическая фразеология понимается как «совокупности имен и / или их сочетаний, обозначающих тело в целом или его части и специфичные для них качественные (в том числе “размер”, “цвет” / “масть”, “форма”, “консистенция”) и количественные (в том числе “размер”, “вес”) характеристики, физические и / или ментальные интеллектуальные, эмоциональные и т. п. состояния или действия, позы, жесты и виды

деятельности, а также пространственные и временные их “измерения”, которые несут в дополнение к природным их свойствам функционально значимые для культуры смыслы, придающие этим именам роль знаков “языка” культуры, например *не покладая рук, в поте лица своего, на глазах, держась в голове, без задней мысли, пропускать мимо ушей, по сердцу, до мозга костей*» [5. С. 99].

Объект проведенного исследования — соматическая фразеология (СФ), представляющая ментальную сущность компонентов-соматизмов с яркой образностью, стилистическим разнообразием, метафорично-метонимичной универсалией в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр».

Цель исследования — применить семантический анализ, рассмотреть функциональный потенциал, представить частотность употребления с учётом горизонтального подхода к соматической фразеологии, представленной в романе Е. Водолазкина «Лавр».

Основными методами исследования являются метод компонентного анализа (анализ семантических компонентов прямых и переносных значений соматизмов), метод синхронно-диахронического освещения анализируемого фактического материала, метод сплошной выборки, описательный метод, включающий в себя наблюдение, сопоставление, обобщение и интерпретация данных, функционально-семантический и описательно-аналитический методы.

Экстраполяция соматизмов в составе фразеологических единиц

Каждый тип текста отличается своеобразной системой специфических признаков, так называемой культурной маркированностью, реализуемой в коммуникативной ситуации, и представляет знаковую функцию определенного объекта. Язык культуры определяет ярко выраженная избирательность, в частности, равноценные из повседневной реалии объекты получают в ней различную символическую значимость. Выбранные этносом соматизмы не одинаково способны входить в состав фразеологизмов, а поэтому их продуктивность представлена в разной степени. Номинации частей тела могут быть противопоставлены по разным значениям. Поскольку они устроены несимметрично не только с точки зрения анатомии и физиологии, но и языка культуры.

Обращаясь к концепции человека, суть которого заключается в разделении единства *души* и *тела*, преувеличения нематериального над материальным, видим стереотип соблазна тела, как источника греха, искушения. Дуалистическое понимание мира подвластно большой пропасти между Богом и человеком, *душой* и *телом*. Половая деятельность человека издавна принадлежала к сфере табу, поэтому стилистической маркированности

лексических наименований этих частей тела присущ жаргон и арго, полное отсутствие вариантов в литературном языке. Чем весомее часть тела для человека и ее переживаний, тем чаще и легче происходит процесс фразеологизации этого соматизма, ведь в наивной картине мира способ восприятия окружающей среды имеет приоритетные позиции перед многими вещами. Частотность функционирования названия того или другого признака в поговорке или ФЕ зависит прежде всего от осведомленности о точном местонахождении соответствующего соматизма, а также его функции для жизнедеятельности. Такие названия внутренних органов, как *селезенка*, *кишечник*, не употребляются в выражениях, поскольку их назначение и расположение в организме может объяснить тем, что не способствует созданию ярких образов и ассоциаций.

В романе «Лавр» широко представлены номинанты частей человеческого организма, нуждающиеся в лечении: *аорта*, *бедро*, *белки глаз*, *бок/бока*, *борода*, *брови*, *вены*, *виски*, *голова/головы*, *головные сосуды*, *горло*, *грудь*, *губы*, *веки*, *волосы*, *десна*, *дух*, *душа*, *дыхательные пути*, *железы*, *желудок*, *желчь*, *живот*, *жилка*, *залысина*, *запястье*, *затылок*, *зуб*, *изголовье*, *кисти рук*, *кишки*, *ключица*, *кожа*, *колени*, *кость*, *кровь*, *кулак*, *ладони*, *лицо*, *легкие*, *лоб*, *локоть*, *лоно*, *нервы*, *ногти*, *ноздря*, *нос*, *макушка*, *мизинец*, *морщина*, *мочки ушей*, *мужское семя*, *мышцы*, *мягкие ткани*, *палец*, *пах*, *плечо*, *плоть*, *плешь*, *подбородок*, *подмышки*, *позвоночник*, *прядь*, *пульс*, *пояс*, *пятка*, *раны*, *ресницы*, *ребра*, *родинка*, *рот*, *рука*, *седина*, *сердце*, *скелет*, *скула*, *соски*, *спина*, *стопы*, *ступни*, *суставы*, *талиа*, *тело*, *темя*, *торс*, *утроба*, *уста*, *ухо*, *челюсти*, *череп*, *чрево*, *шейная артерия*, *шея*, *щеки*, *ягодицы*; соматизмы-номинанты тела животных *горб верблюда*, *задние ноги*, *когти*, *копыта*, *крылья лапки*, *овечья шкура*, *утки*, *перья*, *рыбья плоть*, *соболиная шкура*, *спина жука*, *соболиный мех*, *хвост*, *холка осла*, *хребет*, *яйца*. Автор описывает названия болезней: *бесплодие*, *беременность* (в тяжелой форме), *больные десна*, *боли в суставах*, *бородавки*, *вши*, *вывих*, *геморрой*, *глисты*, *гной в ушах*, *головная боль*, *грудной кашель*, *забытье*, *запоры*, *зубная боль*, *кровотечение*, *мокрота*, *нарушение сна*, *одышка*, *ожоги на пожарах и от кипятка*, *опухоль*, *отечность*, *отсутствие молока у кормящей матери*, *переломы*, *плешь*, *покусанный пчелами*, *проказа*, *раны*, *тяжелые роды*, *спазмы желудка*, *струнья*, *удар головой о камень*, *чума* и др., иллюстрирующие средневековую эпидемиологическую ситуацию с разнообразием диагнозов, и *мором*, *моровой язвой*, *моровым поветрием*, *великим мором* (общеславянский глагол *mertí* ‘мереть’, родственные слова — умереть, смерть), эвфемизируя выражением ‘здесь в воздухе смерть’¹. Мор в тексте сопровождается глагольными формами *ждут*, *занесут*, *коснулся*, *отступает*, *свирепствует*, *стоит* и др.

¹ Здесь и далее: *Водолазкин Е.Г.* Лавр: роман. М.: АСТ, 2021. С. 27.

Все компоненты-соматизмы ФЕ в тексте можно разделить на три категории — продуктивные, низкопродуктивные и непродуктивные. Больше двухсот соматизмов в романе демонстрируют высокую фразеологическую продуктивность следующих компонентов: *душа* — 26, *глаза* — 23, *тело (плоть, телесе)* — 22, *рука* — 19, *голова* — 16, *ноги* — 14, *сердце* — 13, *лицо* — 13, низкую продуктивность: *рот* — 9, *спина* — 7, *горло* — 6, *лоб* — 6 и др.

Семантика и функциональный потенциал романа Е.Г. Водолазкина «Лавр»

В художественном тексте Е.Г. Водолазкина «Лавр» повествование ведется из средневековых времен. Многообразие в прозаическом произведении классических и авторских соматических фразеологизмов обусловлена тем, что автор отражает связь с живой разговорной речью персонажей эпохи Древней Руси и современности. Главный герой Арсений соприкасается с физическими и духовными болезнями горожан, независимо от сословия. Он с детства обучается травному делу, т.е. лечению жителей окрестных мест средствами народной медицины и молитвой (при кашле давал толченую пшеницу с ячменной мукой, медом, иногда вареной полбой; к бородавкам прикладывал толченый лук с солью или толченые семена василька и др.), поэтому текст при номинации соматизмов наполнен описанием лекарственных средств и фрагментами молитвенных текстов.

В сюжетной линии главный герой после смерти деда Христофора получает от местных жителей прозвище Рукинец, которое вносит соматическую символику ‘тот, чьи руки наделены умением лечить людей руками и словом’. Поэтому сакральная сила прикосновением рук и словом юноши дает ему возможность расширить сферу деятельности и убедиться в Божественной силе слова. Текст сопровождается библейскими цитатами (*молитва Честному и Животворящему Кресту — Яко тает воск от лица огня... от лица любящих Бога*²; *притча Соломона 30:183 — Три е ми суть невозможни уразумети, и четвертаго не вем: следа орла, паряща по воздуху, и пути змия, ползуща по камени, и стези корабля, плывуща по морю, и путей мужа в юности его* (С. 66)), а о кириллице автор пишет: «Славянские буквы священны, ибо способны обозначать священные понятия» *его* (С. 424).

Автор прибегает к значительному пласту номинантов с эмоционально-экспрессивным воздействием, поэтому для текста характерна образность, вызывающая ряд представлений и ассоциаций: *рассмотреть душу его* (С. 99); *прочесть в глазах его* (С. 54); *запретить сердцу биться* (С. 105) и др.

² Библия. Книга Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское библейское сообщество. 2010. С. 421.

³ Библия. Книга Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское библейское сообщество. 2010. С. 546.

Иллюстрируя большой семантический и стилистико-синтаксический потенциал данных единиц, автор использует смысловые преобразования, приводя семантизацию: *душа зачерствела* (С. 99); *разрывается сердце его* (С. 58); *рука Божья* (С. 138) и др. Такие СФЕ приобретают новый смысловой оттенок, увеличивают стилистические возможности, при этом повышают экспрессивность высказывания: *записывал в сердцах* (С. 17); *взять за загривок* (С. 24); *пульсирует вена на висках* (С. 28), *чувствовать ладонями* (С. 28), *спиной ощущал (почувствовал)* (С. 261), *подрагивать всем телом* (С. 34), *тело, как разлитая ртуть* (С. 37), *сжать челюсти* (С. 48), *не по плечу* (С. 18) и др.

Е.Г. Водолазкин вводит в речь главных героев СФЕ с компонентами-церковнославянизмами, старославянизмами, обогащая контекст сакральной смысловой и структурной палитрой: *чтобы крепла плоть, а не только дух* (С. 22); *пречистая кровь Своя* (С. 31); *создавший тело из персти* (С. 37); *усопшее тело* (С. 37); *нагое тело* (С. 46); *страдающая плоть* (С. 48); *из уст изошло* (С. 52); *власи твои* (С. 72); *устне твои* (С. 73); *от молодых ногтей* (С. 83); *дух во плоти* (С. 286); *нетленные мощи* (С. 321); *испустил дух* (С. 349); *во чреве моем* (С. 422) и др., что не только восстанавливает коммуникативные связи, по словам Т.П. Рогожниковой, между современностью и прошлым, но и создает дополнительные трудности при восприятии информации [6. С. 135].

Чаще при номинации живого человеческого организма автор употребляет соматизмы *тело, телесе, плоть*, чем выражает особенности средневекового миропонимания; при номинации объектов почитания православия — нетленного тела канонизированных святых — *мощи праведного старца* (С. 321), *мощи преподобного* (С. 286)), что дает возможность активизировать употребление таких устойчивых единиц в разговорной речи и убедиться в изменчивости лексического яруса русского языка в течение нескольких столетий. Через языковые ориентиры духовной культуры русского народа, по мнению Г.Н. Склярской, читатели получают навыки в соответствующей языковой сфере [7. С. 5]. Такие компоненты во фразеологическом контексте иллюстрируют библейский смысл. Например: *Он напоминал им, что без воли Божьей не упадет с головы человека и волос, и призывал не запираться в домах, забывшая о помощи ближним. Многие забывали* (С. 360). Данная цитата обоснована евангельским текстом от Луки (гл. 12, ст. 7) и Матфея (гл. 10, ст. 29), где говорится о том, что Богом на голове человека сочтены все волосы, и подлинной смелости можно научиться только у Него⁴. В романе жители города Пскова во время моровой язвы потеряли бодрость духа и проявляли человеческий страх перед глазами смерти. И только Арсений с верой в сердце самоотверженно противостоял эпидемии.

Одним из преимуществ романа является наличие большого объема СФЕ, которые характеризуют внешний вид героев: *крепки телом*

⁴ Святое Евангелие. М.: Сибирская Благовонница, 2019. С. 35, 242.

(С. 298); *волосы как шелк* (С. 24); *косматые головы* (С. 42); *бледное лицо* (С. 113); *широко расставив ноги* (С. 337); *толстые губы* (С. 320) и др. и употребляются для выражения определенного, чаще отрицательного, оценочного содержания; характеризуют физическое и физиологическое состояние: *глаза слипаются* (С. 54); *глаза впали* (С. 100); *руки тряслись* (С. 102); *закружилась голова* (С. 173); *лица просветлели* (С. 114); *подхватить под руки* (С. 215); *броситься на шею* (С. 56); *прикрыть рот рукой* (С. 112); *втягивая ноздрями воздух* (С. 122) и др., которые наиболее часто употребляются в разговорной речи; иллюстрируют эмотивное и эмоциональное состояние: *подкатывает к горлу* (С. 80); *кожей шеи чувствовать* (С. 356); *спиной ощущать* (С. 261); *сердце дрогнуло* (С. 236); *махнуть рукой* (С. 278); *меняется в лице* (С. 221); *держат себя в руках* (С. 140); *душа мечется* (С. 387) и др., которые соотносятся с чувственным познанием мира и чувственной оценкой, отражают состояние эмоциональной напряженности литературных героев; реализуют прагматическую функцию: *рассмотреть душу* (С. 99); *поднимать дух* (С. 368); *заглядывать в глаза* (С. 127); *смотреть ее глазами* (С. 240); *сказал в сердце* (С. 236); *держат себя в руках* (С. 140); *в голову пришла мысль* (С. 40), некоторые из которых граничат между статусом узуальной и индивидуально-авторской ФЕ; лаконизируют речь: *целовать волосы* (С. 25) — ‘обладать целебным даром’. СФЕ *целовать в лоб* (С. 138, С. 208, С. 313) в контексте употребляется несколько раз с различным значением, наполняясь сакральным смыслом: ‘благословение старшего’, ‘знак благодарности’, ‘предвидение сути происходящего’, ‘прощание с усопшим’ и др. Н.И. Толстой пишет о том, что «прикасание особенно ко лбу имеет различную семантику в зависимости от того, кем, в каких целях и при каких обстоятельствах они применяются» [8. С. 124]. В романе все СФЕ реализуют функциональный потенциал, поскольку их активное использование автором предусматривает создание экспрессивно-эмоциональных образов средневековья, несущие в предметном, объективном, бытийном аспектах оценочное, эстетическое восприятие.

На страницах романа представлены трансформированные СФЕ, которые изменили узуальные, такие, как: *душа в душу* (С. 211), *душа припадает к кому-л* (С. 213), *прикипеть душой к кому-л.* (С. 214), *душа на тряске* (С. 212), *душа не на месте* (С. 212), *душа не приляжет* (С. 212), *души нет у кого* (С. 214). Авторские фразеологические параллели отражают писательское видение и представляют идейное содержание художественного текста. Они дают возможность максимально детализировать художественную ситуацию: *душа прикоснулась к душе* (С. 99); *душа крепче железа* (С. 77); *в душе все выцвело* (С. 37); *плечо в плечо* (С. 60); *вскричала душа* (С. 388); *в глазах тонут беды* (С. 218); *глаза земляков* (С. 369); *сердце наполнилось скорбью* (С. 221); *не собиралось в голову воедино* (С. 93); *сердца и умы повреждены* (С. 324); *спиной*

внимает (С. 334); ноздри трепещут от усердия (С. 438); затылком ощущать тепло (С. 29); горькая морщина (С. 356) и др.

Частотность употребления соматических фразеологизмов с компонентом *душа*

В современном русском языке соматизм *душа* является многозначным словом. В «Словаре церковнославянского и русского языка» (1847), представлены такие дефиниции слова *душа*: ‘бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею’; ‘дух, влитый в тело животного; жизнь’; ‘душевное свойство человека’; ‘совесть’; ‘человек разного пола и возраста’; ‘способность приводить в движение, занимать или руководить многими’; ‘сущность вещи’; ‘чувство’; ‘ум, разум’; ‘приветствие любимому человеку»⁵. Секуляризация всех сфер жизнедеятельности через столетия отразилась в представленных словарных дефинициях МАС (1985): 1) внутренний психический мир человека, его переживания, настроения, чувства и т.д.; 2) совокупность характерных свойств, черт, присущих личности, характер человека; 3) человек (обычно при указании количества, а также в устойчивых сочетаниях); 4) в старину: крепостной крестьянин; 5) дружеское фамильярное обращение; 6) самое основное, главное, суть чего-либо [13. С. 456].

Динамический соматизм *душа* и его многообразные глагольные сочетания в романе воссоздают евангельское понимание данного слова с авторской индивидуальностью. В Новозаветном Откровении Иисус Христос учит высокому преимуществу человеческой души сравнительно со всем земным и чувственным: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою?», «Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее» (Мф. 16:26; Мк. 8:35-37). Посылая учеников на проповедь, Христос поучал преимуществу души перед телом, ее бессмертия в отличии от праха земного, глиняного сосуда — тела: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может душу и тело погубить геене» (Мф. 10:28)⁶. Для авторского замысла и понимания идейного содержания читателю важно понимать телесные и духовные трансформации, происходящие с главным персонажем повествования — от травника Арсения к монаху Лавру.

В романе «Лавр» употреблено двадцать шесть СФЕ с компонентом *душа*, которые синтезировали как традиционные, так и современные представления о данной лексеме. Многочисленные сочетания с глагольными формами

⁵ Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии Наук. Спб., 1847. Т 1. С. 379.

⁶ Святое Евангелие. М.: Сибирская Благовонница, 2019. С. 60, 145, 35.

вознеслась, вскричала, вышла, губит, заключена, заплакала, зачерствела, не приходит, мечется, погубит, подумала, прикоснулась, покинула, светится, спасать, терзать, умиротворяется, чаяла, чувствует (С. 99, 112, 114, 134, 145, 352, 381, 387, 388, 400, 416), локализирующими ментально-психологические особенности русского человека и, по всей вероятности, иллюстрирующими универсальные ценностные доминанты, репрезентируют обобщающий потенциал соматизма. Е. Водолазкин моделирует авторскую художественную картину как составляющую языковой картины мира с собственной творческой манерой изложения: он представляет невидимый орган живого человека как вместилище внутренней жизни средневекового язычника, а позже христианина, принявшего новое имя при постриге в иноки Амвросий, позже при принятии великой схимы, как высшей ступени православного монашества, — Лавр. Соматизм *душа* как ключевое понятие всех мировых верований в романе утверждено как номинант нематериальной составляющей человека с участием прилагательных *единая, живая, легкая, мертвая, новая, падшая, тонкая* (С. 30, 183, 186, 238, 389, 391), которые усиливают отражение нравственных и физиологических характеристик героев.

Воплощая в художественном произведении синтез человеческой судьбы, философии, религии, автор определяет особенность христианского мировосприятия и воспитания русского человека: *душа живая* (С. 30), *спасать душу* (С. 112), *душа покидает тело* (С. 114), *терзает душу* (С. 145), *падшая душа* (С. 183), *рождение новой души* (С. 186) и др.

Многообразие положительных и пейоративных коннотаций, оценочный компонент, раскрывающийся через контекст и вне него, служат для демонстрации авторской позиции в отношении жизни и смерти, настроения и чувств главных героев, сакральности пути духовного восхождения и телесного уничтожения Лавра.

Фразеобразующий потенциал соматизма *сердце*

В Ветхозаветном тексте Библии слово *сердце* встречается пятьсот девяносто один раз, в Новозаветном — сто пятьдесят пять. Г.Н. Скляревская отмечает, что «сердце в Священном Писании — это некий центр, сокровенная глубина человеческой личности, определяющая весь психический и психологический склад человека целиком, его мыслительные способности, чувства, намерения, желания, волю, совесть» [10. С. 304]. По мнению В.А. Масловой, с помощью семемы *сердце* в составе ФЕ можно описать многочисленные оттенки чувств и состояний человека, отношение человека к объективной реальности, психологию человека, поведенческие особенности языка [11. С. 169]. Соматизмы *душа* и *сердце*, как пишут А.Д. Шмелев и Е.В. Урысон, рассматриваются как часть целостной языковой картины человека и репрезентируют внутренний мир человека [12. С. 30].

Соматизм *сердце* выступает образующим элементом, который параметризует СФ и придает образность, имплицитность содержания, архетипичность, семантическую полисемию, характер детерминации между компонентом-соматизмом и глубиной его вертикального культурно-национального контекста. В.И. Даль в словарной статье к слову *сердце* иллюстрирует следующие дефиниции: ‘представитель любви, воли, страсти, нравственного, духовного начала, противоположно умственному, разуму, мозгу’; ‘всякое внутреннее чувство сказывается’; ‘гнев, негодование, злость и злоба’⁷.

Соматизм *сердце* способствует созданию самостоятельной ФЕ с единой интегральной семантикой, влияющей на целостность выражения: *приложить к сердцу* (С. 19), *слышать биение сердца* (С. 34, 137), *запретить сердцу биться* (С. 105), *из (в) глубины сердца* (С. 200, 330), *вошло в сердце* (С. 204), *сердце готово разорваться* (С. 208), *положа руку на сердце* (С. 216), *стучит сердце* (С. 218), *сердце наполняется скорбью* (С. 221), *сердце дрогнуло* (С. 236), *положа руку на сердце* (С. 363) и др. По наблюдениям О.В. Ломакиной, Г.В. Овчинниковой, ФЕ с компонентами *сердце* можно разделить на группы: связанные с физическими проявлениями бытия человека; связанные с духовными, душевными, чувственными, эмоциональными проявлениями бытия человека [13. С. 23]. В романе репрезентируются оттенки чувств (*сердце сжалось* (С. 153)); состояния (*разрывается сердце* (С. 58, 208)); поведенческие особенности (*гнев покинул сердце* (С. 421); *достучаться до сердец* (С. 357)) и др. Компонент *сердце* представляет медиатор нравственности, который органично входит в современную языковую картину мира: *С уходом больного мир не останется прежним, и сердце его наполняется скорбью* (С. 220); *В глубине сердца капитан не испытывал к паломнику зла* (С. 330) и др. Данный соматизм определяет универсальные и специфические национальные (конвенциональные) особенности фразеологизмов русского языка.

Функциональный потенциал СФ с номинантом *тело*

Тело неотъемлемо от человека и является его частью. Оно является исполнителем замыслов человека, средство проявления внутреннего «я» во внешнем мире. В романе Христофор обращается ко внуку: «*Человек сотворен из праха. И в прах обратится. Но тело, которое ему дано на время жизни, прекрасно. Ты должен знать его как можно лучше*» (С. 35). Христианская мораль признает бессмертие и тела, и души в процессе преобразования и освящения, поэтому тело является соработником (св. Григорий Палама) души: «В

⁷ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. Р-В. М.: Русский язык, 1980. С. 174–175.

малом человеческом теле, подобно солнцу в капле воды, отражается безграничная премудрость Божия» (С. 36). Св. Василий Великий сравнивает тело с конём, а душу с наездником: *Прекрасная вещь — конь, и чем он по природе резвее и горячее, тем лучше; но он требует наездника и управителя*. Апостол Павел называет тело ничем иным, как храмом Святого Духа: *Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святаго Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои?* (1 Кор. 6:19–20)⁹.

В семантике слова *тело* представлены основные дефиниции: ‘материал, вещество, заполняющее определенную часть пространства’; ‘отдельный предмет в пространстве’; ‘организм человека или животного в его внешних физических формах и проявлениях’; ‘останки умершего человека’; ‘часть человеческой фигуры от шеи до ног, туловище, корпус’; ‘мясо, мышцы’; ‘основная часть чего-либо’¹⁰. В романе соматизм *тело* (*телесе, плоть, оболочка*) употребляется сто восемьдесят пять раз, как в свободных, так и в составе фразеологических единиц.

Актуализированные семы, которые вычленяются из коммуникативного акта и поддаются семантическому описанию, именуется, по мнению А.Р. Поповой, И.А. Стернина, дискретным актуальным смыслом, т.е. имеют ядерные и периферийные семантические компоненты, не обязательные для актуализации ядра [14]. Соматизм *тело* иллюстрирует физические и физиологические испытания: *тело пришло в негодность* (С. 9), *подрагивал (ощущал) всем телом* (С. 35, 43), *продрогшее тело* (С. 168), *тело наполнилось силой* (С. 169); болевые ощущения: *изнурять свое тело* (С. 180), *посиневшее тело* (С. 203), *обмякло тело* (С. 414), *размякшие тела* (С. 343), *слабое тело* (С. 366); показывает тело как временную материальную оболочку: *усопшее тело* (С. 38), *мертвое тело* (С. 162), *покинуть тело* (С. 99, 112, 114), *ветхость тела* (С. 111), *выход болезни из тела* (С. 123); запущенность: *запах немывтого тела* (С. 68), *отмывая тела* (С. 359) и др.

Компонент *тело* представлен синонимами *плоть, телеса*, что подчеркивает противопоставленность приземленного физиологического и возвышенного духовного: *плоть очистилась* (С. 13), *страдающая плоть* (С. 48), *плоть теряет греховность* (С. 141), *плоть отогревается* (С. 200), *в чужом телесе пребывая* (С. 169) и др.

Таким образом, внешняя идентификация человека связана с понятием целого тела, с его состоянием и отдает предпочтение духовным характеристикам

⁸ Св. Василий Великий. Духовный смысл Таинства покаяния. Глава 3. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Petr_Malkov/vvedenie-v-liturgicheskoe-predan (дата обращения: 20.06.2022).

⁹ Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Киев: Свято-Успенская Киево-Печерская Лавра: Феникс, 2006. С. 468.

¹⁰ Малый академический словарь: в 4 т., гл. ред. А.П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1999. С. 349.

в сознании героев романа, т.е. желанию через очищение тела улучшить духовное состояние.

Фразеобразовательный потенциал соматизма *рука*

Способность к фразеобразованию лексемы *рука* следует из его десяти значений, зафиксированных в МАС¹¹ а в совокупности со словарями жаргона, народных говоров, диалектными, профессиональными — тридцать два. Благодаря семантической активности она входит в состав многих соматических фразеологизмов, но чаще всего в значении ‘верхняя конечность человека, один из главнейших органов опорно-двигательного аппарата’. Как пишет А.Р. Попова, «совокупность ФЕ с компонентом *рука* дает представление — и за счет их внутренней формы, и за счет их семантики — о спектре предметов, явлений, фразеологически маркированных как нечто соотносимое с рукой/руками каким-либо способом — или прямо, или опосредованно, или образно» [15. С. 265].

В романе «Лавр» в составе СФ лексема *рука* употребляется более тридцати раз, что подтверждает охват обширного семантического пространства: *холодная рука* (С. 100, 136), *руки тряслись* (С. 102), *вытянутые руки* (С. 110), *протянуть рук (-а)* и (С. 110, 165), *скрестить руки на груди* (С. 180), *взять под руку* (С. 111), *опереться руками* (С. 111), *держаться рукой* (С. 122), *отпускать руку* (С. 124) и др. СФЕ *отхватит целую руку* (С. 200) является диахроническим эллипсисом поговорки *Подай палец, а за руку-то сам возьму (ухвачу)*, которая, по мнению В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной, считается распространенной среди европейских языков как антипословица [9. С. 639]. В СФЕ *засаленными руками брать* (С. 342) произведена семантическая трансформация фразеологизма *грязными руками брать (прикасаться)* с целью большей экспрессии в значении ‘относиться к чему-л. неуважительно, без должного внимания; делать что-либо небрежно’ [15. С.155; 16. С. 500]. Выражение восходит к временам Гомера и Гесиода, когда совершать жертвенные возлияния богам, не вымыв тщательно руки, считалось грехом; и встречается в произведениях римских писателей.

СФЕ *невидимая рука* (С. 218) представляет собой эллипсис термина *эффект невидимой руки*, который впервые введен шотландским экономистом А. Смитом: он объяснял это явление в условиях свободного рынка корыстным отношением отдельных коммерсантов направлять невидимой рукой доходы вне налоговых процедур [14. С. 239].

Прозрачность внутренней формы, умение сочетаться как в составе свободных словосочетаний, так и в составе устойчивых выражений, способствует

¹¹ Малый академический словарь: в 4 т., гл. ред. А.П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1999. С. 738.

стиранию четкой грани между свободным употреблением и в составе классической ФЕ. Склоняемся к тому, что индивидуально-авторскими являются *шарил руками* (С. 348), *ненадежные руки* (С. 429), *держать руку за спиной* (С. 213, 357), *расстояние вытянутой руки* (С. 272) и др.

В контексте *Плотник Артемий становится перед Арсением на колени и целует ему руку* (С. 212) описан древний обычай целования руки, заимствованный у византийцев и сохранившийся в церковном этикете. В романе главный герой удостоен такого уважения благодаря его способности врачевания.

Обозначая ритуальный жест в тексте *День рождения для вечности*, пояснил он с деревянной лежанки в углу. Руки его были сложены на груди (С. 114); Юродивый Фома сложил руки на груди и смотрел на противоположный берег (С. 178), лексема *рука* раскрывает сакральное действие ‘символ молитвы, прощения’. В первом примере речь идет о приготовлении к похоронному обряду, при проведении которого покойник лежит со скрещенными руками на груди (правая рука поверх левой, пальцы сложены как для крестного знамения, в руки вкладывают иконку, крестик [8. С. 114]). Во втором — один из персонажей юродивый, принимая личину безумия и терпя поношения, в молитвенном состоянии, благословлял жителей города. В следующей цитате романа: *Избыточность же порочна и приводит к духовному опустошению* — подтверждает семантику соматического выражения о том, что он обличал людские пороки и утешал молитвенной помощью благочестивых жителей города, скрестив руки на груди. Крест — это орудие и знамя победы Христа над грехом и смертью. Иисус Христос принял копьё Своей грудью, умер на кресте и этим открыл путь к вечной жизни и бессмертию души верующих христиан¹².

Выражение *взять в свои руки* (С. 341) можно рассматривать как вариант *взять до рук*, фиксируемый в «Словаре одного слова» [16. С. 146] с общей семантикой ‘приступить к руководству, управлению’.

В итоге СФ с компонентом *рука (-и)* отображают физические свойства и ощущения, характеристики, особенности и состояния рук, действия, в том числе и обрядовые, обозначение жестов. При помощи двухсторонней ориентации тела в пространстве соматизм *рука* способствует высокой продуктивности фразеобразования, частотности, семантической широте и функциональности: *держать (братъ) себя в руках* (С. 140, 427), *развести руками* (С. 196, 357, 366), *выбивать из рук* (С. 210), *братъ голыми руками* (С. 213), *подхватить под руки* (С. 215), *распустить руки* (С. 256) и др.

¹² Пр. Серафим Слободский. Закон Божий. Руководство для семьи и школы. М.: Отдых христианина, 2002. С. 26.

Заключение

Таким образом, роман Е.Г. Водолазкина «Лавр» насыщен компонентами-соматизмами и СФЕ, которые органично вписываются в создание концептосферы древнерусского мира и отражают единство душевной, психической и телесной характеристики человека, затрагивая такие стороны, как эмоционально-психические особенности, физическую и речевую деятельность, интеллектуальные свойства, физиологическое состояние и т.п. СФ убедительно значима и необходима для характеристики языковыми средствами выразительности. Отражая концептуальную универсальность соматизмов, они в то же время демонстрируют универсальную, национальную сформированную в конкретный исторический период, и индивидуально-авторскую «водолазкинскую» специфику ФЕ-трансформов, характеризующих идиостиль писателя. Их сквозная антропоцентричность является показательной характеристикой художественного произведения. В романе 250 СФЕ реализуют функциональный потенциал, поскольку их активное использование автором создает экспрессивно-эмоциональные образы средневековья с оценочной, эстетической информацией. Реализация горизонтального подхода к соматической фразеологии в романе представляет фрагмент часто употребляемых стержневых компонентов *глаза, голова, душа, рука, сердце, тело* и др. Такие соматизмы СФЕ сохраняют интертекстуальную связь с кодом русской культуры, а диалогическая связь языка и культуры иллюстрирует культурную референцию.

Библиографический список

1. *Телия В.Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // *Фразеология в контексте культуры*. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13–23.
2. *Шкуран О.В.* Средний класс как крылатая единица в Рунете // *Сб. V Фирсовские чтения. Современные языки, коммуникация и миграция в условиях глобализации: материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции*. М.: РУДН, 2021. С. 542–550.
3. *Киприянова А.И.* Функциональные особенности зооморфизмов (на материале фразеологии и паремиологии русского, английского, французского и новогреческого языков). Краснодар, 1999.
4. *Шкуран О.В., Карпинская Н.В.* Когнитивные факторы процессов сакрализации и профанизации языковой семантики соматических фразеологических единиц с компонентом ГОЛОВА // *Когнитивные исследования языка*. 2021. № 4(47). С. 465–472.
5. *Гудков Д.Б., Ковшова М.В.* Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007.
6. *Рогоженикова Т.П.* Особенности употребления церковнославянской лексики в различных сферах общения // *Омский научный вестник*. 2013. № 5. С. 135–138.
7. *Скляревская Г.Н.* Словарь православной церковной культуры. М: АСТ-Астрель, 2008.
8. *Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 тт. / под ред. Н.И. Толстого.* М.: Международные отношения, 2009.
9. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К.* Большой словарь русских поговорок /под общ. ред. В.М. Мокиенко. М.: ОЛМА Медиа групп, 2007.

10. Скляревская Г.Н. Сердце как орган познавательной и мыслительной способности человека: к вопросу о семантической структуре слова *сердце* в Священном писании // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2014. Вып. 50. С. 303–312.
11. Маслова В.А. Современное направление в лингвистике. М.: Академия, 2008.
12. Урысон Е.В. Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» // Вопросы языкознания. 1995. № 3(1). С. 3–16.
13. Ломакина О.В., Овчинникова Г.В. Фразеобразующий потенциал соматизма *сердце/cœur/herz* в русском, французском и немецком языках // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2021. № 1. С. 19–28.
14. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж: Истоки, 2007.
15. Попова А.Р. Словарь одного слова. Орел: Оперативная полиграфия, 2009.
16. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 1998.

References

1. Teliya, V.N. (1999). Priority tasks and methodological problems of the study of the phraseological composition of language in the context of culture. In: *Phraseology in the context of culture*. Moscow. pp. 13–23. (In Russ.).
2. Shkuran, O.V. (2021). The middle class as a winged unit in the Runet. In: *Proceedings of the Vth Firsov readings "Modern languages, communication and migration in the context of globalization"*. Moscow: RUDN publ. pp. 542–550. (In Russ.).
3. Kipriyanova, A.I. (1999). *Functional features of zoomorphisms (based on the phraseology and paremiology of the Russian, English, French and Modern Greek languages)*. Krasnodar. (In Russ.).
4. Shkuran, O.V. & Karpinskaya, N.V. (2021). Cognitive factors of the processes of sacralization and profanization of linguistic semantics of somatic phraseological units with component HEAD. *Cognitive Studies of Language*, 4(47), 465–472. (In Russ.).
5. Gudkov, D.B. & Kovshova, M.V. (2007). *The body code of Russian culture: materials for the dictionary*. Moscow. (In Russ.).
6. Rogozhnikova, T.P. (2013). Characteristics of Use of Church Slavonic Vocabulary in Different Spheres of Communication. *Omsk Scientific Bulletin*, 5, 135–138. (In Russ.).
7. Sklyarevskaya, G.N. (2008). *Dictionary of Orthodox Church Culture*. Moscow. (In Russ.).
8. Slavic Antiquities (2009). *Ethnolinguistic dictionary: in 5 vol.*, N.I. Tolstoy (Ed.). Moscow. (In Russ.).
9. Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. & Nikolaeva, E.K. (2007). *A large dictionary of Russian sayings*, V.M. Mokienko (Ed.). Moscow. (In Russ.).
10. Sklyarevskaya, G.N. (2014). The heart as an organ of a person's cognitive and thinking ability: on the question of the semantic structure of the word heart in Holy Scripture. In: *Language, consciousness, communication*, V.V. Krasnykh, A.I. Izotov (eds.). Is. 50. Moscow: MAX Press. pp. 303–312. (In Russ.).
11. Maslova, V.A. (2008). *Modern direction in linguistics*. Moscow. (In Russ.).
12. Uryson, E.V. (1956). Fundamental human abilities and naive "anatomy". *Voprosy Jazykoznanija*, 3(1), 3–16. (In Russ.).
13. Lomakina, O.V. & Ovchinnikova, G.V. (2021). Phraseological Potential of Somatism *Сердце/Cœur/Herz* in the Russian, French and German languages. *Vestnik IKBFU. Philology, Pedagogy, And Psychology*, 1, 19–28. (In Russ.).
14. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2007). *Language and the national picture of the world*. Voronezh. (In Russ.).
15. Popova, A.R. (2009). *Dictionary of one word*. Orel. (In Russ.).

16. Birikh, A.K., Mokienko, V.M. & Stepanova, L.I. (1998). *Dictionary of Russian phraseology: historical and etymological reference*. St. Petersburg. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Карпинская Наталья Владимировна, заведующий аспирантурой Луганского государственного аграрного университета (Российская Федерация, 291011, Луганская Народная Республика, г.о. Луганский, район Артемовский, территория ЛНАУ, д. 1); научные интересы: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, фразеология, фразеография, паремиология; e-mail: obr_okr2017@mail.ru
РИНЦ SPIN-код: 1173342/ 2396-9817.

Шкуран Оксана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Института филологии и социальных коммуникаций Луганского государственного педагогического университета (Российская Федерация, 291011, Луганская Народная Республика, г. Луганск, ул. Оборонная, 2); старший преподаватель кафедры иностранных языков медицинского института Российского университета дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6); научные интересы: когнитивная лингвистика, когнитивная фразеология, паремиология, лингвокультурология, e-mail: oksana.shkuran@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0063-464X, РИНЦ SPIN-код: 5495-1079, Scopus ID: 57223110668.

Шкуран София Александровна, педагог частного воспитательного учреждения ИЕС “Marina kindergarten”; (People’s Republic of China, Foshan, Nanhai district, Vanke Jin Yu Zhong Yang, build. 3); научные интересы: когнитивная лингвистика, сопоставительная лексикология, паремиология, лингвокультурология; e-mail: michaelsofia2014@yandex.ru

Information about the author:

Natalya V. Karpinskaya, head of graduate school, Lugansk State Agrarian University (1, territory of LNAU, Artemovsky district, city Lugansky, Lugansk People’s Republic, 1291011, Russian Federation); Research interests: cognitive linguistics, linguoculturology, phraseology, phraseography, paremiology; e-mail: obr_okr2017@mail.ru
SPIN-code: 49279850.

Oksana V. Shkuran, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Russian Linguistics and Communication Technologies, Institute of Philology and Social Communications, Lugansk State Pedagogical University (2, Oboronnaya, Lugansk, Lugansk People’s Republic, 2291011, Russian Federation); Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Medical Institute, RUDN University (6, Miklouho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); Research interests: cognitive linguistics, cognitive phraseology, paremiology, linguoculturology. e-mail: oksana.shkuran@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0063-464X, SPIN-code: 982937/5495-1079, Scopus ID: 57223110668.

Sofia A. Shkuran, teacher of the private educational institution IEC “Marina kindergarten” (build. 3, Vanke Jin Yu Zhong Yang, Foshan, Nanhai district, People’s Republic of China); Research interests: cognitive linguistics, comparative lexicology, paremiology, linguoculturology; e-mail: michaelsofia2014@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-4-1271-1288

EDN: AWAUGW

УДК 811.111:82

Научная статья / Research article

Когнитивно-прагматический потенциал загадки в художественном дискурсе

Л.П. Прохорова¹ , Н.В. Потапова¹ , Г.А. Завьялова²

¹Кемеровский государственный университет,
Кемерово, Российская Федерация

²Кемеровский государственный медицинский университет,
Кемерово, Российская Федерация
 larpro888@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются особенности функционирования загадок в разных жанрах художественного дискурса. Материалом исследования послужили сказочные повести Л. Кэрролла «Приключения Алисы в Стране Чудес» и Дж. Толкина «Хоббит, или туда и обратно», а также детективный рассказ Р. Остина Фримена «Таинственный посетитель». Актуальность данной работы определяется интересом лингвистов к загадке как языковому феномену, обладающему определенным когнитивно-прагматическим потенциалом, еще в недостаточной мере исследованным. Являясь ценным источником знаний о культуре и традициях определенного этноса, загадка несет в себе большой лингвокультурный потенциал, отражает вариативность картин мира. Кодирование объекта существующей действительности в загадке имеет своей целью создание проблемной ситуации для отгадывающего, который должен продемонстрировать гибкость и нестандартность мышления. Цель предпринятого исследования заключается в описании когнитивно-прагматического потенциала загадок, функционирующих в литературной сказке и детективе. В работе обосновывается сложность природы языкового знака загадки, включающего помимо лингвистического контекста, наиболее важный когнитивный контекст. Данное свойство загадки обусловлено, с одной стороны, когнитивной формулой, лежащей в основе ее создания, с другой стороны, образностью, которая является и главной подсказкой, и значимым дезориентирующим фактором, требующим различных подходов к ее решению. Установлено, что загадка может быть не только самостоятельным коммуникативным событием, но и составной частью сложных литературных жанров. Использование загадок в художественном дискурсе мотивировано замыслом автора и отражает креативный характер мышления. В сказочной повести загадка направлена на игровую коммуникацию с читателем, в детективе она представляет собой основной жанрообразующий элемент, вокруг которого строится сюжет и система персонажей.

Ключевые слова: загадка, когнитивный потенциал, прагматический потенциал, художественный дискурс, сказочный дискурс, литературная сказка, детективный дискурс

© Прохорова Л.П., Потапова Н.В., Завьялова Г.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование. Благодарности:

Данное исследование выполнено с использованием оборудования Центра коллективного пользования научным оборудованием КемГУ в рамках соглашения № 075-15-2021-694 от 05.08.2021, заключенного между Минобрнауки РФ и ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».

История статьи:

Дата поступления: 01.07.2023

Дата приема в печать: 15.09.2023

Для цитирования:

Прокурова Л.П., Потанова Н.В., Завьялова Г.А. Когнитивно-прагматический потенциал загадки в художественном дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 1271–1288. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1271-1288>

Cognitive-pragmatic Potential of Riddles in Literary Discourse

Larisa P. Prokhorova¹ , Natalia V. Potapova¹ , Galina A. Zavyalova²

¹Kemerovo State University, *Kemerovo, Russian Federation*

²Kemerovo State Medical University, *Kemerovo, Russian Federation*

 larpro888@gmail.com

Abstract. The studies treat the peculiarities of riddles functioning in different genres of literary discourse in three literary texts by the English writers L. Carroll's «Alice's Adventures in Wonderland», J. Tolkien's «Hobbit, Back and Forth» and R. Austin Freeman's «The Mysterious Visitor». The relevance of this work is determined by the interest of linguists to a riddle as a linguistic phenomenon, possessing a certain cognitive-pragmatic potential, and is still insufficiently researched. As a valuable source of knowledge about the culture and traditions of a particular ethnic group, the riddle has a great linguistic and cultural potential and reflects the variability of the world's pictures. Coding an object of the existing reality in the riddle aims to create a problem situation for the guesser, who should demonstrate the flexibility and non-standard analytical or insight way of thinking. The purpose of the study is to describe the cognitive-pragmatic potential of riddles functioning in a literary tale and a detective story. It has been established that the riddle can be not only an independent communicative event, but also an integral part of complex literary genres. The use of riddles in literary discourse is motivated by the author's intention and reflects the creative nature of thinking. In the fairy tale, the riddle is aimed at game communication with a reader, while in the detective discourse it represents the main genre-forming element around which the plot and the system of characters are built.

Keywords: riddle, cognitive potential, pragmatic potential, literary discourse, fairy tale discourse, literary fairy tale, detective discourse

Financing. Acknowledgements:

The research was conducted on the equipment of the Research Equipment Sharing Center of Kemerovo State University, agreement No. 075-15-2021-694 dated August 5, 2021, between the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Minobrnauka) and Kemerovo State University (KemSU).

Article history:

Received: 01.07.2022

Accepted: 15.09.2023

For citation:

Prokhorova, L.P., Potapova, N.V. & Zavyalova, G.A. (2023). Cognitive-Pragmatic Potential of Riddles in Literary Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(4), 1271–1288. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1271-1288>

Введение

Феномен загадки становился объектом изучения ученых с разных позиций: лингвистических [см. 1–5]; культурно-семиотических [6–8]; когнитивных [9–12]; философских [13: 14]; педагогических [15; 16] и др.

Традиционно под загадкой понимают особый жанр народно-поэтического творчества, происхождение которого напрямую связано с мифологическими представлениями различных народов об окружающем мире. По определению Н.Г. Титовой, «загадки представляют собой своеобразный способ отражения национальной картины мира, раскрывая перед нами логику, мышление, мировосприятие и мироощущение того или иного этноса [17. С. 198]. Структурно загадка представляет собой двухчастное (кодирующая часть/означающее и отгадка/означаемое) единство, характеризующееся коммуникативной направленностью на собеседника, имеющее целью трансляцию накопленных знаний при помощи постановки проблемного вопроса [18; 19]. В основе загадки лежит принцип непрямого номинации, т. е. завуалированное, иносказательное обозначение объекта действительности (часто посредством метафоры или метонимии), с помощью которой «загадка провоцирует познавательную активность адресата» [20. С. 69]. Загадка может быть представлена в вопросительной или повествовательной форме; может состоять из одного-двух слов или занимать целую страницу (см. *The Exeter Book* 1995).

Данные паремии являются носителями культурнозначимой информации и «в процессе восприятия “считываются” одновременно двумя разными кодами — кодом языка и кодом культуры» [21. С. 5]. Исследователи признают загадку репрезентатором национального менталитета, средством выражения сущности концептуальной структуры этнокультурного сознания, способным стереотипизировать важные для этнокультуры представления [22. С. 169]. Являясь фольклорным жанром, загадка, представляет собой исторически сформировавшуюся систему коллективных знаний о мире, которая сохраняется традицией. Загадки строятся на ассоциативных связях, метафорических образах, несущих в себе народный юмор и наблюдательность, через них, эта система выражает самобытность народа и поэтому ориентирована на самосохранение [20. С. 71]. При помощи данных паремий можно определить, принадлежит ли отгадывающий к данной традиционной культуре, через проверку овладения им мифопоэтической картиной мира. Таким образом, можно

говорить о «метаязыковой» функции загадки [23. С. 193–230]. Кроме этого, к функциям загадки относят познавательную (активизация познания окружающего мира), развивающую (развитие наблюдательности, логического мышления), художественную (формирование образного мышления), развлекательную/игровую (моделирование игрового языкового пространства, разрушающего стереотипы восприятия существующего мира).

Сегодня можно наблюдать всевозрастающий интерес лингвистов к загадке как языковому феномену, обладающему определенным когнитивно-прагматическим потенциалом, который до сих пор в недостаточной мере исследован. Так, цель предпринятого исследования заключается в описании способов функционирования загадки в художественном дискурсе, а именно в литературной сказке и детективе.

Изучение загадки с когнитивных позиций направлено на исследование ментальных процессов, которые имеют место при восприятии, осмыслении. Здесь важным оказывается не только ход мыслей загадывающего, его манипулирование картиной мира, но и реакция отгадывающего. В процессе загадывания загадывающий особым образом трансформирует некий факт действительности в выдуманный, не имеющий прямого аналога в окружающем мире. При этом отгадывающий выстраивает в своем сознании некий искусственный мир, который был бы адекватен закодированному миру, созданному загадывающим. Затем из всей системы созданного загадывающим «загадочного» мира, отгадывающий должен суметь выбрать ту конструкцию, которая оптимально соотносится с денотатом загадки. При этом наблюдается «особая ментальная организация речи-мысли, которая представляет специфический речевой акт со своими закономерными параметрами, объединяющими разные формы мышления» [24. С. 142].

Учеными доказано, что загадка порождена не конкретным денотатом, а соответствующим ему концептом в сознании человека, объективирующийся в языке различными способами [9. С. 108], «отгадки всегда являются номинациями концептов, а не именами предметов и явлений в их словарном понимании» [24. С. 141]. Концептное содержание загадки состоит из 1) денотатного слова, 2) его метафорических превращений, 3) понятия, возникшего в сознании отгадывающего.

Таким образом, важным для понимания сущности загадки становится понятие «когнитивного контекста», который включает в себя совокупность убеждений, моделей рассуждения и знания, собственно формирующих высказывание — загадку. Лингвистический контекст не всегда оказывается достаточным для получения ответа в таком сложном языковом знаке, каким является загадка, большую значимость имеет знание когнитивных реалий, которые генерируют лексемы языка [25].

Особенность прагматики загадки состоит в том, что она ориентирована на «универсальное знание», на концептуальные свойства объектов,

на стереотип [26. С. 195]. Прагматической задачей загадки является идентификация загаданного концепта (преимущественно через его свойства); поэтому в пресуппозиции загадки содержится фрагмент картины мира (системы знаний о мире), что составляет репрезентативный аспект загадки.

Побудительный аспект загадки заключается в том, что любая загадка подразумевает диалог, требуя отгадки и вовлекая тем самым участников коммуникации в игру, образуя «интеракционное единство в виде загадки как инициативного действия и отгадки как реакции на него» [20. С. 67]. Жанровая специфика, коммуникативная направленность и композиционная структура загадки позволяют ей функционировать как в качестве самостоятельного коммуникативного события, так и в качестве разного рода включений в более сложные жанры (ритуалы, фольклорные и литературные тексты). Например, в качестве сюжетобразующего элемента загадки инкорпорируются в сказочный дискурс как испытание героя, при этом сама сказка может служить «сюжетным оформлением загадки» [27. С. 138].

Использование загадок в художественном дискурсе имеет давнюю историю, поскольку существует признанный поджанр «загадок — сказок», уходящий корнями в древний Египет. Они, как правило, принимают форму «состязания на мудрость» между соперничающими правителями или иногда в качестве испытания для жениха. Игры в загадки, которые предстают своеобразным конкурсом знаний и рассуждений, появляются во многих известных художественных произведениях разных жанров и временных периодов: от загадки Сфинкса в трагедии «Царь Эдип» Софокла и состязания Одина и земного короля в скандинавской мифологии до игр-загадок в турнире *Triwizard Tournament* в «Гарри Поттере и Кубке Огня» Дж. Роулинг.

Материал и методы исследования

Материалом исследования в рамках данной работы послужили художественные произведения английских писателей, относящиеся к жанрам литературной сказки и детектива: сказочные повести Л. Кэрролла «Приключения Алисы в Стране Чудес» и Дж. Толкина «Хоббит, или туда и обратно», детективный рассказ Р. Остина Фримена «Таинственный посетитель». Функционирование загадки в текстах выбранных для анализа произведений представляет три разных варианта трансформации когнитивной модели загадки, обусловленной как жанровой спецификой, так и индивидуальной установкой автора художественного текста.

Отметим, что авторы статьи рассматривали загадку как малый жанр английской лингвокультуры с разных точек зрения. Изучали жанрово-композиционные характеристики, логико-смысловую и когнитивно-семантическую структуру, а также функциональное своеобразие как древнеанглийских поэтических загадок, так и современных литературных (общим количеством

более 200 единиц). В предлагаемой статье авторы сосредотачивают внимание на загадках, функционирующих в художественном дискурсе современного детектива и литературной сказки. Обосновывая выбор материала исследования, следует так же отметить, что и в сказочном, и в детективном дискурсах загадка выполняет важнейшую коммуникативную функцию выстраивания диалога по оси автор — читатель. В литературной сказке адресатом может выступать как ребенок, чей когнитивный опыт еще формируется, так и взрослый интеллект, чья когнитивная база строится на знании накопленного человечеством культурных традиций [28]. Эта специфика неоднородности адресата влияет на выбор и способы включений, связанных с загадкой: это и унаследованный от фольклорной сказки ритуал испытания героя загадкой, но в более усложненной форме, обусловленной внутрижанровой спецификой литературной сказки (сказка-фэнтези, сказка — нонсенс, авантюрная сказка и т.д.); это и использование загадки в качестве игры с четкой целью и установленными правилами, игры, в которую автор вовлекает не только своих героев, но и читателя. Являясь продуктом индивидуального, а не коллективного творчества, литературная сказка отличается многоплановой формой коммуникации, характеризуется более сложной содержательной, композиционной, и языковой системой. Вполне закономерно, как показывает анализ жанра литературной сказки, в той или иной форме загадка используется авторами многих литературных сказок для вовлечения читателя в игровую коммуникацию [28]. К таким произведениям относятся сказочные повести «Alice's Adventures in Wonderland» Л. Кэрролла и «The Hobbit or There and Back Again» Дж. Толкина, на материале которых ниже представлен анализ функционирования загадки.

В отношении произведений жанра детектива следует заметить, что динамическая структура детективного дискурса строится на двух взаимосвязанных стратегиях — умозаключениях автора и читателя в ходе расследования преступления и создании интригующей, таинственной атмосферы. В этом, безусловно, ключевую роль играет загадка, заимствованная им у своего предшественника — готического романа. Проведенный авторами анализ семнадцати литературных произведений детективного жанра убедительно продемонстрировал, что «интеллектуальная загадка, или головоломка — один из основных игровых элементов в детективе» [29. С. 97]. Вокруг загадки строятся как сценарный контур, или сюжетная схема, так и персонажный контур, поскольку, в силу особенностей жанра, все персонажи имеют отношение к таинственному преступлению. Основная функция детективной загадки — это функция текстопостроения, ею также реализуются практически все функции блока, связанного с крайними состояниями, такие как магическая, сакральная, символическая и развлекательно-игровая [29. С. 98]. Детектив ориентирован на развлечение читателя, игру с ним, при этом его сверхлогичный характер позволяет алгоритмизировать и предсказать развитие сюжета.

Загадка в детективе сочетает в себе свойства задачи, загадки и головоломки, так как ее интерпретация осуществляется либо путем решения (как это характерно для задачи и головоломки), либо разгадывания, угадывания, инсайта (загадка и головоломка). Очевидно, что детективная загадка ближе всего к головоломке, так как для ее интерпретации требуются как логические рассуждения, приводящие к определенным выводам, так и некое «озарение», «всплеск интуиции», не подчиняющийся логике.

Как поддающаяся решению логическая задача, детективная загадка часто затрагивает не один, а несколько основных элементов его сюжетной схемы — само преступление (оно может быть замаскировано под несчастный случай или самоубийство), время и способ совершения преступления (фальсифицируются с целью запутать следствие), а также преступника, установление которого, как правило, является основной целью следствия.

Как обычная загадка и головоломка, детективная загадка имеет двухчастную композицию, однако ее кодирующую часть составляет не единый связанный текст, а рассредоточенные по всему тексту произведения компоненты.

В качестве эксплицитного ключевого знака интерпретации любой загадки, рассматриваемой с позиции загадчика-исполнителя и наблюдателя, выступает отгадка. И текст загадки, и исполнитель-загадчик, и получатель-отгадчик равно подчиняются коллективной традиции [30]. В детективе роль традиции берут на себя так называемые законы жанра, которым автор должен следовать при создании текста и которые обуславливают также схему построения загадки.

Манипулируя системой подставных номинаций, автор детективного текста создает ложную картину мира и предлагает ее читателю для разгадывания, при этом обращается к нему через сыщика, расследующего преступление, и его помощника. Идентификация загаданного концепта происходит как путем апелляции к имеющимся в когнитивной базе читателя концептам добра и зла, так и посредством активизации стереотипных представлений читателя о логике построения детективной загадки, что в целом влияет на процесс восприятия и оценивания детективного текста как простого (и, следовательно, неинтересного), либо сложного (а потому увлекательного). Манипуляции уликами, осуществляемые преступником («загадывающим») с целью искажения истинной картины мира, способствуют трансформации факта действительности в выдуманный.

Накопление данных приводит к расширению референтной области загадки. Под референтной областью мы, вслед за В.А. Лукиным, понимаем обладающее спецификой организации и мерой системности разной для различных текстов множество референтов текстовых знаков [30. С. 319]. Из разрозненных элементов путем логических умозаключений сыщик воссоздает истинную картину мира и таким образом выполняет свою основную когнитивную

функцию — выведение в мир преступника, скрытого за границами ложной картины мира. Ложная картина распадается, как только все элементы головоломки встают на свои места.

Особенностью детективной загадки является также наличие в ней мистического, таинственного элемента, что, несомненно, связано с развлекательным характером детективного дискурса и служит реализации одной из его основных стратегий — созданию атмосферы интриги и тайны.

В ходе исследования были использованы методы и приемы лингвистического анализа (приемы структурного и филологического анализа, приемы семантического, контекстуального анализа), а также метод лингвокогнитивного анализа.

Результаты исследования

Смысловый парадокс и нарушение когнитивной модели загадки в сказочной повести Л. Кэрролла «Приключения Алисы в Стране Чудес»

Произведение английского писателя Л. Кэрролла «Приключения Алисы в Стране Чудес», написанное в 1865 году, до сих пор волнует умы ученых. Не только жизнь и творчество писателя подвергаются многочисленным исследованиям, но и различные аспекты всем известной сказочной повести: Алиса как персонаж и как языковая личность; стихотворные пародии, которыми изобилует произведение; прототипы персонажей и многое другое. Сказочная повесть рассматривается с философско-лингвистических позиций, с позиций психоаналитического и историко-социологического подходов.

Английские писатели-романтики, для которых мир — хаос без заданного направления движения, какого-либо образца или причины, основывали свои произведения на философском скептицизме и иронии. Так, Л. Кэрролл превращает реалии в игру — в игру в карты, в игру со словами, в игру с загадками.

Знаменитая абсурдная загадка, которую Шляпник загадывает Алисе — “Why is a raven like a writing desk?” (“Почему ворон похож на письменный стол?”) — на первый взгляд, кажется, не имеет ответа, так как представляет собой сравнение объекта с другим предметом, полностью от него отличающегося. Однако, согласно жанру загадки, в ней должен присутствовать некий элемент, который выбивается из общей картины абсурда и наводит отгадывающего на правильный ответ.

Относительно загадки Шляпника имеется несколько размышлений. Одни исследователи считают, что ответ заключается в аллитерации, т. е. схожем произношении начального звука двух слов [reivn] — [raitɪŋ]. Таким образом, автор делает отсылку к аллитерационному стиху, характерному для древнегерманского (англосаксонского) стихосложения. Организующим

моментом подобного стиха является прием, при котором в каждой строке два слова начинаются с одного и того же звука, при этом ударение в древнеанглийском языке обычно падало на первый слог корня. Таким образом, два ударных слога, как метроном, отбивали такт. В «Алисе в Стране Чудес» имеется целый ряд подобных аллитераций: *Fish Footman, Frog Footman, Hare — Hatter, Duck — Dodo* и др. Л. Кэрролл, который любил создавать стихотворные пародии и парафразы на дидактические произведения и назидательные божественные песни, подшучивал и над увлечением своих современников англосаксонскими древностями, прибегая к приему аллитерации.

Другие предлагают вереницу остроумных вариантов отгадок. Так, американский шахматист и автор головоломок С. Лойд (S. Loyd) предложил следующий вариант: «Because Poe wrote on both», отсылая читателей к стихотворению Э.А. По «Raven». Д. Джодри (D.V. Jodrey) выдвинул такую гипотезу: «Because both have quills dipped in ink». С. Пирсон (C. Pearson) предложил следующую отгадку: «Because it slopes with a flap». Английский писатель и философ О.Л. Хаксли (A. Huxley) предложил, как кажется, самый абсурдный из вариантов: «Because there is a B in both and an N in neither» [31. С. 64].

Сам автор «Алисы в Стране Чудес» признался, что загадка поначалу не имела отгадки, но в предисловии к более позднему изданию 1896 г. написал: «Because it can produce a few notes, though they are very flat; and it is never put with the wrong end in front!» [там же]. Основу загадки составляет игра слов, построенная на полисемии. В данном случае обыгрываются два значения существительного «notes»: 1) «записи», 2) «ноты» и два значения прилагательного «flat»: 1) «плоский», 2) «фальшивый». Таким образом, за столом можно делать записи, которые будут плоскими ввиду ровной поверхности крышки стола; ворон же издает звуки, которые режут слух и называются карканьем. Важно также обратить внимание на написание слова «never», которое будучи прочитанным наоборот выглядит как «raven». Таким образом, Л. Кэрролл, по существу, загадал своим читателям еще одну загадку, загадку не об окружающей их действительности, а о словах.

Загадка Шляпника — пример проявления способности конструировать картину мира по нестандартным эскизам, намеренная манипуляция системой подставных номинаций для достижения некоторой оригинальной языковой картины мира. Когнитивный контекст данной загадки определен абсурдом «безумного чаепития», на котором происходили и обсуждались нелепые ситуации. Данную загадку можно отнести к так называемым «взрослым» загадкам, которые представляют собой своеобразную рефлексию на существующую реальность и которые выполняют развлекательную и социализирующую функции. «Детские» же загадки направлены на образное познание окружающего мира, приобретение новых знаний [18].

Непременный атрибут любой загадки — отгадка — эффективный стимул отгадывающего, как потребность испытать радость от того, что получилось

найти ответ. В реакции Алисы на загадку Шляпника прослеживается, с одной стороны, принятая в викторианском английском обществе стереотипная модель поведения хорошо воспитанного ребенка (следование правилам речевого этикета, сохранение самообладания и пр.), девочку причисляют к национально-культурному английскому типу личности [32]; с другой стороны — неподдельная досада и разочарование, свойственное семилетнему ребенку, обнаружившего, что загадка не имеет отгадки:

«Alice sighed wearily. “I think you might do something better with the time,” she said, “than wasting it in asking riddles that have no answers”» [33. С. 64].

Смысловой парадокс, заложенный в основу загадки, помогает взглянуть на очевидные вещи с неожиданной стороны. В «Алисе в Стране Чудес» формируется образная, метафоричная картина мира, где мир — это сон, полный любопытных приключений (ключевое слово книги — *curiosity*); а взросление непредсказуемо и опасно (*when suddenly, thump! thump! down she came upon a heap of stick and dry leaves, and the fall was over*).

Загадка в агональном дискурсе и когнитивный опыт героев в сказочной повести Дж. Толкина «The Hobbit or There and Back Again»

Глава «Riddles in the Dark» сказочной повести «The Hobbit or There and Back Again» Дж. Толкина интересна в качестве материала анализа в рамках данного исследования тем, что в ней загадки используются для развертывания агонального дискурса между двумя персонажами — основными действующими героями этой части сказочной повести. Здесь будет уместно сослаться на Й. Хейзингу, определяющего загадку как важный агональный элемент человеческой коммуникации, который может вписываться в литературные схемы [34. С. 130]. Агональность, или состязательность, является неотъемлемым свойством культуры. Загадка как носитель культурного кода используется для выстраивания сложной интеллектуальной игры-состязания, для победы в которой необходимо знать язык загадки, знать и строго соблюдать правила игры, имеющие языковой, поэтический и ритуальный характер.

Игровое состязание между главным героем хоббитом Бильбо и фантастическим существом Голлумом начинается с традиционного ритуала — установления строгих правил: *«If precious asks, and it doesn't answer, we eats it, my preciouss. If it ask us and we doesn't answer, then we does what it wants, eh? We shows it the way out, yes!»* [35. С. 42]. Затем между Бильбо и Голлумом начинается соревнование — обмен серией загадок.

Ответы на загадки Бильбо отражают его жизнь в городке хоббитов: солнце, цветы, яйца и т.д. Голлум загадывает загадки о том, что знакомо ему: темнота, рыба, ветер и т.п.; т.е. каждый герой опирается на свой когнитивный опыт, поэтому и Голлум, и Бильбо имеют проблемы с угадыванием загадок

друг друга. Самими загадками Толкин, кажется, хочет подчеркнуть, что чем проще, тем лучше. Ближе к финалу состязания Голлума беспокоит больше всего самая простая загадка Бильбо: «*A box without hinges, key, or lid, / but golden treasure inside is hid*». А Бильбо, в свою очередь, серьезно спотыкается об абстрактное упоминание Голлума о чем-то таком простом, как время.

По ходу игры-состязания автор постоянно прямо обращается к читателю, вовлекая его в агон и апеллируя к совместной когнитивной базе автора, читателя и персонажей: «*It was rather an old one, too, and Gollum knew the answer as well as you do*»; «*I imagine you know the answer, of course, or can guess it as easy as winking, since you are sitting comfortably, at home and have not the danger of being eaten to disturb your thinking*» [35. С. 42–43].

Любая игра по установленным правилам требует установки четких временных границ, внутри которых она проходит, не потому ли закономерной кульминацией в данном эпизоде становится загадка о времени, которая определяет судьбу Бильбо:

*«This thing all things devours:
Birds, beasts, trees, flowers;
Gnaws iron, bites steel;
Grinds hard stones to meal;
Slays king, ruins town,
And beats high mountain down»* [35. С. 44].

Важнейшим неотъемлемым компонентом интеллектуальной игры-состязания является непредсказуемость хода и результата самой игры, что делает ее еще более азартной и увлекательной. И здесь развязка наступает совершенно неожиданно и для героя, и для читателя: «*His tongue seemed to stick in his mouth; he wanted to shout out: «Give me more time! Give me time! », but all that came out with a sudden squeal was:*

«Time! Time!»

Bilbo was saved by pure luck. For that of course was the answer» [35. С. 44]. Авторская ирония заключается в том, что ни когнитивный опыт, ни инсайт или аналитический способ решения главной загадки в состязании не помогли герою — его спасла удача — еще один важный спутник победы в агоне.

Язык в загадках — мощное оружие — Голлум буквально использует его, чтобы убить Бильбо, в то время как Бильбо использует его, чтобы спасти свою жизнь. Язык является отражением сокровенных мыслей и переживаний героев: загадки Бильбо и Голлума отражают тип существа, которым каждый является, и опыт каждого из них: в загадках Голлума доминируют

негативные, мрачные образы: “*never grows*“, “*toothless bites*“, “*Ends life, kills laughter*“, “*As cold as death*“, “*Slays king, ruins town*”, в то время как в загадках Бильбо метафоричность основана на положительной коннотации: “*white horses*“, “*green face*” and “*golden treasure*”. Язык загадки также является священным искусством, и Бильбо, и Голлум, похоже, знают это и придерживаются правил игры. Однако, Бильбо еще не владеет этим языком в совершенстве — его запас загадок быстро иссякает и он, в конце концов, задает Голлуму случайный вопрос, который не соответствует священному кодексу загадок и, таким образом, подвергает свою жизнь опасности. Состязание заканчивается на сомнительной ноте, ставя победу Бильбо под вопрос, поскольку, как отмечает автор “*...the riddle-game was sacred and of immense antiquity, and even wicked creatures were afraid to cheat when they played at it*” [35. С. 44].

Анализ данного эпизода наглядно демонстрирует принципиальное отличие использования загадки для развертывания агонального дискурса между главными героями от ритуального характера испытания загадкой героя традиционной фольклорной сказки. Автор включает известные, по его мнению, читателю загадки, апеллируя к совместному дискурсивному знанию, но выбирает загадки, основываясь на созданных им же самим различных когнитивных контекстах его героев. Разнонаправленная прагматическая функция загадок участников агона реализуется через языковые средства противоположных коннотаций и метафор, лежащих в основе используемых загадок.

Когнитивная модель загадки в детективном рассказе Р. Остина Фримена «The Mysterious Visitor»: между задачей, головоломкой и тайной

В рассказе Р. Остина Фримена «Таинственный посетитель» преступление предстает перед читателем как логическая задача и головоломка с элементами таинственности. Уже название рассказа представляет собой загадку — кто был таинственный незнакомец, посетивший бунгало господина Крофтона, исчезновение которого расследует доктор Торндайк?

Вопросная часть загадки формулируется Джардином, который просит своего друга, доктора Торндайка, помочь ему в поисках исчезнувшего пациента:

It [this business] concerns a patient of mine, a man named Crofton who has disappeared rather unaccountably [36. С. 62].

Несоответствия, странности, обнаруживаемые сыщиком во время расследования — это фрагменты головоломки, помогающие ему реконструировать истинную картину мира:

“These are only trifling discrepancies”, said he, “but they worth noting” [36. С. 70].

На первый взгляд комната, которую осматривают Торндайк и Джардин, кажется нежилой:

The blinds have not been drawn down and there is a general air of trimness that suggests a tidy up of an unoccupied room. And the bed looks as if it had been out of use” [36. С. 72].

Элементами кодирующей части загадки, скрывающими от читателя истинную картину мира и одновременно притягивающими к себе его внимание, выступают глаголы «suggests», «looks as if», намекающие на неоднозначность интерпретации имеющих в распоряжении сыщика и читателя данных, а при более внимательном осмотре обнаруживаются другие несоответствия, которые Джардин фиксирует вслед за Торндайком:

... I noticed that my colleague cast a significant glance at a frying-pan that rested on a Primus stove. The congealed fat in it presented another ‘discrepancy’; for I could hardly imagine the fastidious Crofton going away and leaving it in that condition [36. С. 75].

Появление новых улик в ходе расследования трансформирует референтную область загадки, приводя к возникновению новых вариантов ее интерпретации. Рассуждения сыщика и его помощника демонстрируют движение расследования от кодирующей части загадки к ее разгадке через ряд постепенно исключаемых версий: Исчезновение → Исчезновение по своей воле → Самоубийство → Убийство → Самоубийство с подтасовкой фактов.

Даже после обнаружения всех частей загадки помощник Торндайка Джардин не в состоянии восстановить общую картину происшествия, он видит в ней лишь тайну, тогда как Торндайк заподозрил в подтасовке фактов стряпчего, наследника по завещанию, уже после ознакомления с основными данными:

“I don’t understand the case,” I said... “You seemed to smell a rat from the very first. And I don’t see how you spotted Jobson. It is a mystery to me” [36. С. 88].

Торндайк возвращается к кодирующей части загадки после разоблачения преступника, объясняя ход своих рассуждений:

“Now the position of affaires that you described to me was this: Crofton, a possible suicide, had disappeared and had made no fresh will” [36. С. 88].

Таким образом, использование загадки в детективе обусловлено, прежде всего, особенностями жанра, она структурирует не только сценарный, но и персонажный контур детективного текста. Следует отметить также такую особенность детективной загадки как расширение ее референтной области по мере появления новых фактов, относящихся к расследованию

преступления, то есть кодирующая часть видоизменяется, что постепенно приводит к трансформации ложной картины мира в истинную.

В то время как свойство описания картины мира определенного лингвокультурного сообщества приписывается всему корпусу загадок как фольклорных текстов, обладающих связностью и протяженностью [30], в детективе скрытая от читателя картина мира конкретного текста описывается одной загадкой, загадываемой автором читателю, что можно объяснить сверхлогичностью, гипердетерминированностью, бинарностью его художественного мира.

Заключение

На наш взгляд, изучение функционирования загадки в художественном дискурсе напрямую коррелирует с актуальными направлениями междисциплинарных исследований в сфере когнитивистики и дискурсологии. Автор художественного текста, иницируя диалог с читателем посредством включения в текст загадки и вовлекая его в интеллектуальную игру, апеллирует, прежде всего, к когнитивному контексту загадки как средству хранения знаний и как своеобразному испытанию мудрости, а в более современных терминах — латерального мышления, таким образом, мотивирует читателя выбирать инсайтный способ поиска ответа (сказочный дискурс) или аналитический путь решения загадки (детективный дискурс).

Прагматический аспект функционирования загадки в текстах, принадлежащих к разным художественным дискурсам, заключается в ее направленности на стереотип, поскольку она апеллирует к группе стереотипных представлений, свойственных представителям определенного лингвокультурного сообщества, или же совокупности обобщенных представлений о конкретном жанре; а саму отгадку, как правило, следует искать в картине мира данного жанра или текста.

Перспективой исследования может стать дальнейшее изучение когнитивно-прагматического потенциала загадки в других видах дискурса, например, в массмедийном, представляющим собой стремительно развивающееся медиапространство.

Библиографический список

1. *Кенгэс-Маранда Э.* Логика загадок (перевод Н. Кузьминой) // Паремииологический сборник. Пословица. Загадка (структура, смысл, текст). М.: Наука, 1978.
2. *Левин Ю.И.* Семантическая структура загадки // Паремииологический сборник. Пословица. Загадка (структура, смысл, текст). М.: Наука, 1978.
3. *Митрофанова В.В.* Русские народные загадки. Л.: Наука, 1978.
4. *Цивьян Т.В.* Отгадка в загадке: разгадка загадки? // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. М.: Индрик, 1994. С. 178–194.
5. *Taylor A.* English Riddles from Oral Tradition. Berkley and Los Angeles: University of California Press, 1951.

6. Николаева Т.М. Загадка и пословица: социальные функции и грамматика // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. М.: Индрик, 1994. С. 142–177.
7. Топоров В.Н. К реконструкции «загадочного» прототекста (о языке загадки) // Исследования по этимологии и семантике. Т. 2: Индоевропейские языки и индоевропейстика. Кн. 2. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 471–483.
8. Green T.A, Pepicello W.J. The Folk Riddle: A Redefinition of Terms // Western Folklore. 1979. Vol. 38. № 1. P. 3–20. <https://doi.org/10.2307/1498981>
9. Туктарова Г.Р. Когнитивно-сопоставительное описание загадки в русском и английском языках // Глобальный научный потенциал. 2020. № 7(112). С. 108–110.
10. Дзюба Е.В. Когнитивные механизмы кодирования в русских загадках о животных // Когнитивные исследования языка. 2020. № 41. С. 200–203.
11. Ковишова М.Л., Орлова О.С. Когнитивный анализ загадок и культурологический комментарий: опыт исследования // Когнитивные исследования языка. Вып. № 2(41): Когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике и смежных науках: современные проблемы и методология исследования: материалы X Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 17–20 сентября 2020 г. / отв. ред. вып. А.П. Чудинов. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2020. С. 97–101.
12. Abrahams R.D., Dundes A. Riddles // Folklore and Folklife: The Introduction. Chicago: University of Chicago Press, 1972.
13. Демин Р.Н. Загадка как одна из форм инициации в философское знание // Петербургская школа. 1998. № 1. С. 28–30.
14. Александров Л.Г. О возможности философско-космологической интерпретации загадок «Чистилища» Данте // Вестник Челябинского университета. Серия 2. Филология. 2000. № 1. С. 183–196.
15. Первова Г.М., Божок А.Л., Койвистойнен И.Ю. Использование произведений малых фольклорных жанров в учебно-воспитательном процессе // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 6(110). С. 176–181.
16. Измайлова А.Б. «Сказочные» загадки в русской народной педагогике // Вестник Владимирского государственного университета. Серия: Педагогические и психологические науки. 2015. № 22(41). С. 33–43.
17. Титова Н.Г. История и изучение народных загадок в отечественном и зарубежном языкознании // Современная филология: матер. междунар. заоч. науч. конф. (г. Уфа, апрель 2011 г.). Уфа: Лето, 2011. С. 197–203.
18. Сибирцева В.Г. Языковая картина мира в русской загадке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2003.
19. Файзуллина Н.И. Лингвокогнитивная модель народной загадки: образно-структурный аспект (на материале русского, татарского и английского языков): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Казань, 2019.
20. Палашевская И.В., Кондрашова С.С. Английская загадка // Жанры речи. 2017. № 1(15). С. 66–71. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-66-71>
21. Ковишова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. М.: ЛЕНАНД, 2019.
22. Алефиренко Н.Ф., Семенов Н.Н. Значение и смысл русских паремий в свете когнитивной прагматики // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 6(85), ч. 2. С. 169–180.
23. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс. 1975. С. 193–230.
24. Мамедова В.Н. К вопросу о лингвокогнитивной квалификации народных загадок (на материале русского и азербайджанского языков) // Филологические науки в МГИМО. 2021. Т. 7. № 1(25). С. 140–147. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-140-147>

25. *Olaosun I.E., Faleye J.O.* A Cognitive Semantic Study of Some English Riddles and Their Answers in Amidst a Tangled Web // *Asian Journal of Social Sciences & Humanities*. 2015. Vol. 4. (2). Pp. 62–71.
26. *Головачева А.В.* К вопросу о прагматике загадки // *Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст*. М.: Индрик, 1994. С. 195–213.
27. *Успенский Б.А.* «Заветные сказки» А.Н. Афанасьева // *Избранные труды: в 2-х т. Т. 2: Язык и культура*. М.: Гнозис, 1994.
28. *Прохорова Л.П.* Сказка, игра, интертекстуальность. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2012.
29. *Завьялова Г.А., Прохорова Л.П.* Прецедентные феномены в детективном дискурсе (на материале английского и русского языков). Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2018.
30. *Лукин В.А.* Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. М.: Ось-89, 2005.
31. *Wakeling E.* Rediscovered Lewis Carroll puzzles. Dover: Dover Publications, Inc., 1995.
32. *Рядчикова Е.Н., Кадиллина О.А., Бальян А.М.* Алиса из сказок Л. Кэрролла как персонаж и как языковая личность // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2020. Т. 11. № 1. С. 64–77. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-1-64-77>
33. *Кэрролл Л.* Alice in Wonderland. Through the Looking-Glass. М.: Юрайт, 2020.
34. *Хейзинга Й.* Homo Ludens: в тени завтрашнего дня / пер. с нидерл. В.В. Оимса. М.: Прогресс, 1992.
35. *Толкин Д.* Хоббит, или Туда и обратно. М.: Просвещение, 1982.
36. *Freeman R.A.* The Mysterious Visitor // *Arthur Conan Doyle et al. Detective stories / edited by Douthwaite J.* Genoa: Black Cat Publishing, 2002. P. 59–90.

References

1. Kenges-Maranda, E. (1978). Logic of riddles. In: G.L. Permyakov, (Ed.), *Paremiological collection. Proverb. Riddle (Structure, meaning, text)*. Moscow: Nauka. pp. 249–282. (In Russ.).
2. Levin, Ju.I. (1978). The semantic structure of the riddle. In: G.L. Permyakov, (Ed.), *Paremiological collection. Proverb. Riddle (Structure, meaning, text)*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
3. Mitrofanova, V.V. (1978). *Russian folk riddles*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
4. Civ’jan, T.V. (1994). *Solution in a riddle: the clue of the riddle? Studies on baltic-slavic traditional spiritual culture: Riddle as text*. Moscow: Indrik. pp. 178–194. (In Russ.).
5. Taylor, A. (1951). *English Riddles from Oral Tradition*. Berkley and Los Angeles: University of California Press.
6. Nikolaeva, T.M. (1994). Riddle and proverb: social functions and grammar. *Studies on baltic-slavic traditional spiritual culture: Riddle as text*. Moscow: Indrik. pp. 142–177. (In Russ.).
7. Toporov, V.N. (2006). *Towards reconstruction of “enigmatic” prototext (about the language of the riddle)*. In: *Research on etymology and semantics. Indo-European and Indo-European languages*. Vol. 2. Moscow: Languages of Slavic Cultures. pp. 471–483. (In Russ.).
8. Green, T.A. & Pepicello, W.J. (1979). *The Folk Riddle: A Redefinition of Terms*. *Western Folklore*, 38(1), 3–20. <https://doi.org/10.2307/1498981>
9. Tuktarova, G.R. (2020). Cognitive comparative description of riddles in the Russian and English languages. *Global Scientific Potential*, 7, 108–110. (In Russ.).
10. Dzijuba, E.V. (2020). Cognitive mechanisms in Russian riddles about animals. *Cognitive studies of language*, 41, 200–203. (In Russ.).
11. Kovshova, M.L. & Orlova, O.S. (2020). Cognitive analysis of riddles and cultural comment: research experience. *Cognitive studies of language*, 2(41), 97–101. (In Russ.).

12. Abrahams, R.D. & Dundes, A. (1972). *Riddles. Folklore and Folklife: The Introduction*. Chicago: University of Chicago Press.
13. Demin, R.N. (1998). Riddle as one of forms of initiation in philosophical knowledge. *Saint Petersburg School*, 1, 28–30.
14. Aleksandrov, L.G. (2000). About the possibility of the philosophical-cosmological interpretation of the riddles in “Limbo” by Dante. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology*, 1, 183–196. (In Russ.).
15. Pervova, G.M., Bozhok, A.L. & Kojvistojnen, I.Ju. (2012). Use of small folklore genres works in teaching-educational process. *Tambov University Review. Series: Humanities*. 6(110), 176–181. (In Russ.).
16. Izmajlova, A.B. (2015). Fairy-tale riddles in Russian folk pedagogy. *Bulletin of Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs. Pedagogical and Psychological sciences*, 22, 33–43. (In Russ.).
17. Titova, N.G. (2011). History and studying of vernacular riddles in Russian and foreign linguistics. *Modern Philology*. In: *Proc. Int. Sci. Conf. (Ufa, Apr. 2011)*. Ufa: Leto. pp. 197–203. (In Russ.).
18. Sibirceva, V.G. (2003). *Language picture of the world in Russian riddle* [dissertation]. Nizhnij Novgorod. (In Russ.).
19. Fajzullina, N.I. (2019). *Linguo-cognitive model of folk riddle: image-structural aspect (on the material of Russian, Tatar and English languages)* [dissertation]. Kazan. (In Russ.).
20. Palashevskaja, I.V. & Kondrashova, S.S. (2017). English riddle. *Speech genres*. 1(15): 66–71. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-66-71>. (In Russ.).
21. Kovshova, M.L. (2019). *Linguo-cultural analysis of idioms, riddles, proverbs and sayings*. Moscow: Lenand. (In Russ.).
22. Alefirenko, N.F. & Semenenko, N.N. (2010). Meaning and sense of Russian parables in the aspect of cognitive pragmatics. *Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in education, science and culture*, 6(85), 169–180. (In Russ.).
23. Jakobson, R. (1975). *Linguistics and poetics. Strukturalizm: «za» i «protiv»*. Moscow: Nauka. pp. 193–230. (In Russ.).
24. Mamedova, V.N. (2021). To the question of the linguo-cognitive qualification of folk riddles (on the material of Russian and Azerbaijan languages). *Philology at MGIMO*, 1(25), 140–147. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-140-147> (In Russ.).
25. Olaosun, I.E. & Faleye, J.O. (2015). A Cognitive Semantic Study of Some English Riddles and Their Answers in Amidst a Tangled Web. *Asian Journal of Social Sciences & Humanities*, 4(2), 62–71.
26. Golovacheva, A.V. (1994). *To the question of pragmatics of riddle. Studies on baltic-slavic traditional spiritual culture: Riddle as text*. Moscow: Indrik. pp. 178–194. (In Russ.).
27. Uspenskij, B.A. (1994). Sacred fairy tales. In: *Izbrannye trudy: Jazyk i kul'tura*. Moscow: Gnozis. pp. 129–150. (In Russ.).
28. Prohorova, L.P. (2012). *Riddle, game, intertextuality*. Kemerovo: Kemerovo State University. (In Russ.).
29. Zav'jalova, G.A. & Prohorova, L.P. (2018). *Precedent phenomena in detective discourse (on the material of English and Russian languages)*. Kemerovo: Kemerovo State University. (In Russ.).
30. Lukin, V.A. (2005). *Literary text: The foundations of linguistic theory. Analytical minimum*. Moscow. (In Russ.).
31. Wakeling, E. (1995). *Rediscovered Lewis Carroll puzzles*. In: Wakeling E (Ed.). Dover: Dover Publ.
32. Rjadchikova, E.N., Kadilina, O.A. & Bal'jan, A.M. (2020). Alice from the Tales of L.Carrol as a Character and Linguistic Personality. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(1), 64–77. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-1-64-77> (In Russ.).
33. Carroll, L. (2020). *Alice in Wonderland. Through the Looking-Glass*. Moscow: Yurait.

34. Hejzinga, J. (1992). *Homo ludens. In the Shadow of Tomorrow*. Moscow: Progress, Progress-Akademiya Publ. (In Russ.).
35. Tolkien, J.R.R. (1982). *The Hobbit, or There and Back Again*. Moscow: Prosveshenie.
36. Freeman, R.A. (2002). The Mysterious Visitor. *Arthur Conan Doyle et al. Detective stories*. Genoa: Black Cat Publ. pp. 59–90.

Информация об авторах:

Прохорова Лариса Петровна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой романо-германской филологии Кемеровского государственного университета (650000, Российская Федерация, г. Кемерово, ул. Красная, 6); сфера научных интересов: теория языка, лингвокультурология, прецедентные феномены, художественный дискурс; e-mail: larpro888@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2311-2385.

Потапова Наталья Вадимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Кемеровского государственного университета (650000, Российская Федерация, г. Кемерово, ул. Красная, 6); сфера научных интересов: теория языка, функционирование языка в социальных сетях, медиалингвистика, интернет дискурс, языковая личность; e-mail: nv_potapowa@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7593-1713.

Завьялова Галина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Кемеровского государственного медицинского университета (650029, Российская Федерация, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 22а); сфера научных интересов: теория языка, художественный дискурс, прецедентные феномены, лингвокультурология; e-mail: galina_zavialova@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7234-4273

Information about the authors:

Larisa P. Prokhorova, PhD in Philology, Associate Professor, the Head of the Department of Romance and Germanic Philology of Kemerovo State University (6, Krasnaya Str., Kemerovo, Russian Federation, 650000); Research interests: language theory, linguoculturology, precedent phenomena, literary discourse; e-mail: larpro888@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2311-2385.

Natalia V. Potapova, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Romance and Germanic Philology of Kemerovo State University (6, Krasnaya Str., Kemerovo, Russian Federation, 650000); Research interests: language theory, language functioning in social networks, media linguistics, Internet discourse, linguistic personality; e-mail: nv_potapowa@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7593-1713.

Galina A. Zavyalova, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of Kemerovo State Medical University (22a, Voroshilov Str., Kemerovo, Russian Federation, 650029). Research interests: language theory, literary discourse, precedent phenomena, linguoculturology. e-mail: galina_zavialova@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7234-4273.

ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА APPLIED LINGUISTICS

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-4-1289-1305

EDN: AUMGXG

УДК 811.161.1'367'42

Научная статья / Research article

Исследовательский потенциал методики анализа текста в аспекте стилистики речи О.А. Крыловой

И.П. Зайцева

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Республика

Беларусь, г. Витебск

 irinazaj91@mail.ru

Аннотация. Анализируется предложенная профессором О.А. Крыловой методика анализа текста в аспекте стилистики речи, ориентированная на интерпретацию нехудожественных текстов различной функционально-стилистической принадлежности, с позиций возможности её использования в качестве одного из этапов комплексного лингвопоэтического рассмотрения текстов, репрезентирующих художественную речь. Такая возможность создаётся очевидной соотнесённостью ряда признаков, свойственных обоим типам текстов, определённая трансформация которых в словесно-художественных текстовых структурах обусловлена приоритетностью проявления в них эстетической функции языка. Возможность использования методики, разработанной О.А. Крыловой, как составляющей лингвопоэтического анализа продемонстрирована на примере рассмотрения одного из лирических текстов — стихотворения В. Мирошниченко «Мы — Донбасс, нам сетовать негоже!». Однако, по мнению автора, подобная практика может быть вполне успешно применена и при интерпретации словесно-художественных произведений иной родолитературной принадлежности, где язык воплощён в эстетически осложнённом виде: прозаических и драматургических.

Ключевые слова: методика анализа текста в аспекте стилистики речи, лингвопоэтический анализ, художественная речь, элементы текста, конструктивные приёмы, тропы, тропические комплексы

История статьи:

Дата поступления: 01.12.2022

Дата приема в печать: 15.09.2023

© Зайцева И.П., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Зайцева И.П. Исследовательский потенциал методики анализа текста в аспекте стилистики речи О.А. Крыловой // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 1289–1305. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1289-1305>

Research Potential of the O.A. Krylova's Technique of Text Analysis in the Aspect of Speech Stylistics

Irina P. Zaitseva

Vitebsk State University named after P.M. Masherov, *Vitebsk, Republic of Belarus*

 irinazaj91@mail.ru

Abstract. The study analyzes the proposed by professor O.A. Krylova's technique of text analysis in the aspect of speech stylistics, focused on the interpretation of non-fiction texts of various functional-stylistic affiliations, from the standpoint of the possibility of its use as one of the stages of a comprehensive linguo-poetic examination of texts representing artistic speech. Such an opportunity is created by the obvious correlation of a number of features characteristic of both types of texts, a certain transformation of which in verbal and artistic text structures is due to the priority of manifestation of the aesthetic function of language in them. The possibility of using the technique of analysis developed by O.A. Krylova, as a component of linguo-poetic analysis, is demonstrated by examining one of the lyrical texts — the poem by V. Miroshnichenko “We are Donbass, we should not complain!”. However, according to the author, this practice can be quite successfully applied in the interpretation of verbal and literary works of other genus-literary affiliation, where the language is embodied in an aesthetically complicated form: prose and drama.

Keywords: text analysis technique in terms of speech style, linguo-poetic analysis, artistic speech, text elements, constructive devices, techniques, tropes, trope complex

Article history:

Received: 01.12.2022

Accepted: 15.09.2023

For citation:

Zaitseva, I.P. (2023). Research. Potential of the O.A. Krylova's Technique of Text Analysis in the Aspect of Speech Stylistics. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(4), 1289–1305. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1289-1305>

Введение

В ноябре 2022 г. состоялась Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Горизонты лингвистики профессора О.А. Крыловой: функциональная стилистика, риторика, коммуникативный синтаксис», посвящённая осмыслению в современном научно-образовательном контексте наследия одного из известных учёных-лингвистов — **Ольги Алексеевны Крыловой**, со дня рождения которой в это

время исполнилось 85 лет. Конференция была организована кафедрой общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов, с которой связана практически вся научная и преподавательская деятельность профессора О.А. Крыловой, чей спектр исследовательских интересов отличается безусловной широтой. К обозначенным в названии конференции лингвистическим направлениям можно с полным правом добавить также *риторику, культуру речи, методику преподавания русского языка как иностранного* и другие, в рамках которых исследователем были получены результаты, отнюдь не утратившие своей актуальности в настоящее время. Более того — будучи соединёнными с достижениями лингвистики новейшего этапа, эти результаты создают возможность для более многоаспектного, «панорамного» осмысления многих не только лингвистических, но и междисциплинарных явлений, позволяя проследить как причины их возникновения, так и закономерности формирования.

Одной из основных работ О.А. Крыловой является учебное пособие для студентов филологических специальностей высших учебных заведений «Лексическая стилистика», изданное в 2004 г. (второе издание, исправленное — 2006 г.), имеющее гриф Министерства образования и науки Российской Федерации и удостоенное Золотой медали Всероссийского выставочного центра. Пособие представляет собой учебный комплекс, состоящий из двух частей: в первой книге, где автором закономерно разграничены *стилистика языка* и *стилистика речи*, излагаются основные теоретические понятия лингвистической стилистики [1]; вторая книга — «Практикум» [2] — содержит задания для проверки и контроля усвоения изученных теоретических сведений.

На рассмотрении предложенной О.А. Крыловой методики анализа текста в аспекте стилистики речи, весьма актуальной, с нашей точки зрения, и сегодня, причём не только для функциональной стилистики, но и для ряда сформировавшихся в рамках этого раздела языкознания направлений, имеет смысл остановиться более подробно — в частности, в связи с практикуемыми в настоящее время подходами к анализу языка художественных произведений.

Стилистическая концепция О.А. Крыловой в контексте современных подходов к художественному тексту с позиций лингвистики

В пособии О.А. Крыловой «Лингвистическая стилистика» (первая книга — «Теория») нет раздела, посвящённого рассмотрению художественной речи; В палитру функциональных стилей русского языка исследователь включает *научный, официально-деловой, газетно-публицистический*

и церковно-религиозный стили, объединённых в группу **книжных** стилей; а также *разговорно-обиходный стиль*, противопоставляемый всем перечисленным. *Художественная речь*, или *язык художественной литературы*, в соответствии со стилистической концепцией О.А. Крыловой, не входит в систему функциональных стилей русского языка. (Данная позиция полностью поддерживается автором настоящей публикации; однако стоит заметить, что и в настоящее время проблема включённости / невключённости языка художественной литературы, или художественной речи, в состав функциональных стилей не имеет однозначного решения: так, например, в двух современных источниках для высшей школы — учебнике и учебном пособии по функциональной стилистике [3; 4] — представлены разные точки зрения.) Это находит подтверждение и в довольно определённых высказываниях, которые содержатся в пособии — ср., в частности в «§ 4. Стилистика художественной литературы (поэтика)»: «От лингвистической стилистики ... следует отличать *стилистику художественной литературы*, которую иначе можно назвать *литературоведческой стилистикой*, или *поэтикой*. ... Художественный язык (поэтический) отличается от «практического» тем, что первым управляют особые законы — законы словесного *искусства*, и поэтому, вслед за академиком В.В. Виноградовым, выделяем стилистику художественной литературы особо» [1. С. 15]. Стилистика художественной литературы, или поэтика, как определяет эту сферу О.А. Крылова, таким образом, в принципе выводится ею за рамки стилистики *лингвистической* и помещается — с опорой на авторитетное мнение академика В.В. Виноградова — исключительно в область литературоведения.

Исследования В.В. Виноградова, отличающиеся, как известно, общепилологической значимостью, послужили основой для формирования многих научных направлений, в том числе, наряду с трудами других известных учёных, обусловили, начиная с середины XX в., формирование в рамках функциональной стилистики такого направления, как **лингвистическая поэтика**. В настоящее время лингвистическая поэтика наряду с поэтикой, выделяемой в рамках литературоведения, уже заняла прочное место в системе филологических дисциплин, ориентированных на разноаспектное изучение языка художественных произведений. Эти исследовательские области, как и следовало ожидать, имеют множество точек пересечения, однако наряду с этим демонстрируют и ряд явных отличий (например, по отношению к объекту изучения каждой из них), что вполне очевидно обнаруживается при сравнении их определений. Термин «лингвистическая поэтика» фигурирует в одном из наиболее полных и авторитетных собраний языковедческих терминов — «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (первое издание — 1990), однако чёткого определения этой филологической области в нём

не даётся, а имеется лишь отсылка к словарной статье «Язык художественной литературы». Феномен, получивший описание в этой словарной статье, как следует из его характеристики, и является, предметом исследования в такой области, как поэтика: «...язык художественной литературы, выражая эстетическую функцию национального языка, система правил, является предметом поэтики, в частности исторической поэтики» [5. С. 608].

В начале XXI в. в свет выходит справочное издание «Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий» под редакцией Н.Д. Тамарченко (2008), содержащее словарные статьи «Поэтика» и «Лингвистическая поэтика». При этом данное издание отличается явным литературоведческим уклоном, о чём вполне ясно заявлено в аннотации: «Книга — первый в отечественном литературоведении опыт специального справочника по поэтике — содержит более 300 статей о терминах, употребительных **в современной науке о литературе**; из них около 40 ранее **в литературоведческие словари** не включались» (выделено мною — И. З.) [6].

В статье «Лингвистическая поэтика», подготовленной для этого издания Н.А. Фатеевой, в частности, говорится: «**Лингвистическая поэтика** — область филологии, в которой применяются синтетические методы изучения художественного текста и используются все преимущества междисциплинарного подхода к изучению явлений языка литературных произведений. Эту область знаний деятели Московского лингвистического кружка и ОПОЯЗа называли также «поэтическим языкознанием», «поэтической диалектологией» (Р. Якобсон), «поэтической лингвистикой» (В.М. Жирмунский), т. е. **однозначно причисляли к разряду дисциплин о языке, только о языке в особой функции, а именно поэтической**. Р. Якобсон писал, что «поэтика — это лингвистическое исследование поэтической функции вербальных сообщений в целом и поэзии в частности» (Якобсон. Работы по поэтике, с. 81). **В этом смысле главным предметом изучения лингвистической поэтики является поэтический язык (ПЯ)**» (выделено мною. — И. З.) [7. С. 108–109].

В этом же словаре дано определение **поэтики** как одной из областей литературоведения, с позиций которого она понимается как «учение о генезисе («синкретизм»), сущности (мимесис, образ, знак, символ, иносказание), видах (роды, жанры, модусы) и формах (мотив, сюжет, персонаж, тропы и фигуры, диалог и монолог и т. п.) словесного художественного творчества; система научных понятий, обоснованная как с философской, так и с лингвистической точек зрения и адекватная своему двойственному предмету — «художественному языку» литературы и произведению как высказыванию на этом языке» [8. С. 182] (стоит обратить внимание на то, что данная словарная статья подготовлена главным научным редактором издания — Н.Д. Тамарченко).

Из приведённого в статье перечня задач поэтики, осмысливаемой в литературоведческом ключе, очевидно, что эта область филологического знания, безусловно, имеющая множество линий пересечения с лингвистической поэтикой, всё же в первую очередь ориентирована на рассмотрение различных элементов литературного процесса и выявление своеобразия репрезентирующих этот процесс «художественных творений». (Ср.: «Задачи поэтики: (1) выделить литературное произведение как явление искусства из других произведений письменности (вербальных высказываний, имеющих текст, зафиксированный в письменной форме), ответив на вопрос о его природе как художественного целого; ... (4) установить важнейшие этапы развития словесного художественного творчества; ... (6) изучить процессы и установить закономерности литературного творчества: его генезиса, исторической смены художественных языков и доминирующих типов литературных произведений, а также трансформации различных жанров и их структурных элементов» [8. С. 182].)

Таким образом, при множестве пересечений, имеющих у лингвистической поэтики и поэтики литературоведческой, предмет изучения каждой из этих сфер обладает и явными отличительными характеристиками, которые могут быть детально и с наибольшей глубиной исследованы именно в каждой из этих конкретных областей, что обуславливает и правомерность выделения из функциональной стилистики (при учёте её сформировавшихся и формирующихся связей с другими гуманитарными науками) особого направления — *лингвистической поэтики*, в фокусе внимания которой находятся явления и факты языка литературных произведений (т. е. художественной речи).

При проведении анализа словесно-художественных структур различной жанровой принадлежности сегодня используется множество разнообразных методик, а также комплексные подходы, которые, тем не менее, можно свести к двум основным аспектам: 1) исследование *принципов авторского отбора* языкового материала, используемого в произведении, и 2) изучение *принципов и способов организации* используемого материала с учётом того, что язык в этих коммуникативно-речевых образованиях функционирует в эстетически осложнённом виде.

Представляется, при комплексном подходе к анализу художественного произведения, разнообразностью какого является *лингвопоэтический* анализ, предлагаемая О.А. Крыловой методика анализа текста в аспекте стилистики речи, которая ориентирована на осмысление текстов — репрезентантов широкого диапазона функциональных стилей, может оказаться вполне плодотворным (исследовательски значимым) этапом постижения своеобразия словесно-художественной структуры. Это предопределяется и сформулированной автором основной установкой осуществляемого анализа: «... стилистика речи отвечает на вопрос: «Как сделан, организован текст?»» [1. С. 223].

Алгоритм рассмотрения коммуникативно-речевого образования в соответствии с методикой анализа текста в аспекте стилистики речи

Методика анализа текста в аспекте стилистики речи, предложенная О.А. Крыловой, опирается на понимание текста «как сложной структуры, в которой составляющие его элементы, отличающиеся по своим качествам, многообразно соотносятся друг с другом». Выстраивая компоненты текста в иерархическую систему, исследователь определяет структуру текста как «результат соотнесения и взаимодействия всех этих понятий». Стилистический анализ имеет целью выявление этой структуры, что предполагает не *перечисление* отдельных компонентов текста, и даже «не только и не столько определение» всех составляющих текстовой структуры, сколько именно их *соотнесённость* [1. С. 220].

Предваряя анализ такого рода соотнесённости, О.А. Крылова предлагает разграничить все составляющие текст элементы на три группы — в зависимости от их принадлежности к одному из типов:

1. заданные темой и выражающие основные связи между ними, которые формируют *логическую основу* текста: «Эти элементы текста (основные понятия и их связи) непосредственно соотносят текст с действительностью. Если устранить эти элементы, данного текста не будет» [9. С. 144];
2. средства речевой выразительности — языковые единицы с той или иной эмоционально-экспрессивной и функционально-стилевой окраской», которые являются *стилеобразующими*. «Их устранение или замена не влияют на изложение содержания, но изменяют стилистические характеристики текста, т. е. по существу также разрушают данный текст» [1. С. 220];
3. конструктивные приёмы — элементы, существенные для структуры текста. «Их экспрессивность принципиально отлична от экспрессивности стилеобразующих элементов. Последние обладают стилистической окраской сами по себе. ... Экспрессивность же конструктивного приёма — это экспрессивность данного построения» [1. С. 221].

Отмечая, что конструктивные приёмы служат одновременно и для смыслового, и для экспрессивного выражения, О.А. Крылова в качестве подтверждающей данное положение иллюстрации — что представляется весьма примечательным — приводит пример использования конструктивного приёма в *художественном* тексте: это *антитеза*, «оформляющая» в романе в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина хорошо известную сравнительную характеристику Онегина и Ленского: *Они сошлись... Вода и камень, стихи и проза, лёд и пламень не столь различны меж собой*. Такое объединение — иллюстративное подтверждение алгоритма анализа *нехудожественных* текстов примером из текста *художественного* — косвенно подтверждает правомерность применения предлагаемой методики как составляющей комплексного лингвопоэтического

анализа словесно-художественных произведений, который будет предложен далее.

О.А. Крылова особо подчёркивает, что все три типа выделяемых элементов (текстовых единиц), в тексте соединены друг с другом не механически, а неразрывной связью, обуславливающей формирование в текстовом пространстве объединения стилеобразующих единиц и конструктивных приёмов, которые В.В. Одинцов определил как *эмоционально-риторические* структуры, противопоставив их структурам *рационально-логическим*. Любой текст конструируется, по мнению О.А. Крыловой, структурами двух обозначенных типов, однако при этом в разных текстах наблюдается доминирование структур либо первого, либо второго типа, чем и определяется стилистическое своеобразие каждого из них.

Предлагаемая методика анализа проиллюстрирована в учебном пособии О.А. Крыловой примером, который в одной из своих работ приводит В.В. Одинцов: фрагментом из публичного выступления юриста В.И. Жуковского — его адвокатской речи в защиту одного из подсудимых, имевшей, по общему мнению присутствующих, весьма сильный воздействующий эффект. В процессе рассмотрения конкретных составляющих этого выступления исследователь убедительно показывает, что в данном тексте преобладают эмоционально-риторические структуры, в основе образования которых лежит *семантико-стилистический* сдвиг. Именно он приводит к формированию экспрессивного текста, где «внешний план: характеристика деталей обстановки — скрывает план внутренний, глубинный: описание состояния человека, его ощущений» [1. С. 223].

Отметим, что данный текст, который жанрово может быть квалифицирован как художественно-публицистический и, соответственно, отнесён к публицистическому стилю, содержит и немало присущих художественному тексту признаков, которые выявляются в процессе анализа по предлагаемой методике. Среди них — интерпретация выявленного в тексте образного средства — метафоры, характерного прежде всего для речи художественной, а также системы приёмов диалогизации текста, взаимодействие которых и обеспечивает в нём семантико-стилистический сдвиг.

Методика О.А. Крыловой как составляющая комплексного подхода интерпретации лирического текста

Изложенная методика О.А. Крыловой, с нашей точки зрения, может быть достаточно эффективно применена как один из этапов в процессе комплексного лингвопоэтического анализа художественного, в частности — лирического, текста, поскольку в задачи предлагаемого алгоритма, среди прочего, входит выявление и описание текстовых параметров, характерных прежде всего для художественной речи.

Продemonстрируем это на примере одного из стихотворений луганской поэтессы Виктории Мирошниченко, созданного в 2017 году, который приводится далее:

Мы — Донбасс, нам сетовать негоже!
Погасив огни, в кромешной мгле
Боль и горе мы впитали кожей
В двадцать первом веке, на Земле...
Нам в лицо стреляла Украина,
Множила бесславье на бои...
А потом легко, по-братски, в спину
Добивали «близкие» свои:
Все, кто наживался на разрухе,
Разбивал, громил и «отжимал»,
Воровал тушёнку у старухи
И спускался зверствовать в подвал...
Будем жить... Не ради звонких мифов —
Жалок сфабрикованный заказ!
Мы соединились с русским миром,
Слово «мама» молвив в первый раз.
Ради тех, кто в плохонькой землянке
Ждал свой первый и последний бой,
Кто вставал с «лимонками» на танки,
Чтоб хоть пядь земли закрыть собой.
Тех, кто раны шил своим и пленным,
Открывал в блокаду закрома,
Кто о сводках сообщал военных,
Свет и воду возвращал в дома,
Кто скончался от битья и пыток,
Без вести пропал в недобрый час...
Видимо, «свидомости» избыток
Украина бросила в Донбасс!
Ради всех, кто — верю — не напрасно
Обрели покой в моей земле,
Звёздами горят огни Донбасса,
Освещая путь в кромешной мгле [10. С. 104–105].

Поскольку последующая интерпретация приведённого текста — с учётом его принадлежности к произведениям словесно-художественного искусства, т. е. к сфере эстетической коммуникации — будет осуществляться в аспекте не *стилистики речи*, а *стилистики художественной речи*, целесообразно предварить её некоторыми замечаниями.

Как известно, любому лирическому тексту изначально свойственна как минимум смысловая двуплановость, в результате чего многие его элементы обладают *одновременной обращённостью* к различным семантическим слоям, которые взаимодействуют в стихотворении (присущая всем словесно-художественным произведениям, такая особенность в текстах лирических проявляется в наибольшей степени). Это качество, которым в той или иной степени наделены практически все элементы лирической структуры, необходимо, с нашей точки зрения, учитывать при её интерпретации независимо от того, на основе какого подхода и входящих в него методик подобная интерпретация осуществляется. Такой учёт значим прежде всего потому, что в создавшихся в лирической структуре условиях функциональная значимость большинства её элементов расширяется — в частности, они могут одновременно выполнять как *экспрессивную*, так и *конструктивную* функции (последнюю для художественного текста более точно обозначить как *композиционную*).

Кроме этого, при анализе художественного текста неактуальным становится наделение его элементов *стилеобразующей* функцией, поскольку в художественной речи выбор этих элементов регулируется прежде всего принципом *эстетической мотивированности*, а значит — при условии соответствия означенному принципу — практически не ограничивается какими-либо языковыми, том числе и стилистическими, нормами.

Таким образом, в первую из предлагаемых О.А. Крыловой групп войдут те функционирующие в стихотворении В. Мирошниченко речевые единицы, которые, безусловно, **заданы темой** и по этой линии взаимосвязаны друг с другом, однако выражают не логическую основу текста (как в текстах нехудожественных), а **основу образно-семантическую**, задающую развитие содержащегося смысла по нескольким (двум — как минимум) линиям. Для рассматриваемого стихотворения это прежде всего группа слов и выражений **военной** тематики, часть которых обладает такой маркированностью в системе языка (*стрелять, бои, первый и последний бой, «лимонки»* (разновидность гранаты), *танки, военные сводки*), а часть приобретает её именно в лирическом контексте: *добивать в спину; наживаться на разрухе; разбивать, громить и «отжимать»; землянка; (пядь земли) закрыть собой; без вести пропасть*.

Дифференцированно следует подойти и к формированию второй из выделяемых О.А. Крыловой групп, объединяющей **языковые единицы с той или иной эмоционально-экспрессивной и функционально-стилевой окраской**. Эти элементы текста, как уже было отмечено, не наделены стилеобразующей функцией в традиционном для стилистики речи понимании, однако их роль в придании тексту экспрессивно-эмоциональной тональности и формировании образного плана лирической структуры чрезвычайно велика.

С учётом семантической многослойности лирического текста и полифункциональности составляющих его элементов, последние также могут быть дифференцированы на несколько подгрупп. Это, во-первых, стилистически маркированные и / или содержащие коннотативный компонент (преимущественно — оценочный) единицы языка: *сетовать, негоже, крошечная мгла, наживаться, тушёнка, зверствовать, сфабрикованный, молвить, плохонькая, закрома, пядь земли, скончаться, в недобрый час, обрести (покой)*.

В отдельную группу, как представляется, целесообразно выделить слова, заключаемые автором в кавычки, поскольку употребление данного знака в большинстве случаев свидетельствует о той или иной степени семантической трансформации лексических единиц. В анализируемом стихотворении это не относится лишь к слову «мама», заключение которого в кавычки носит формальный характер: такой знак в данном случае свидетельствует о выполнении языковой единицей синтаксической функции приложения (одной из разновидностей определения): *Мы соединились с русским миром, / Слово «мама» молвил в первый раз*.

Во всех остальных случаях использование кавычек — свидетельство определённого несоответствия контекстуального значения слова его прямому значению, однако степень и характер такой трансформации (с ней, как правило, напрямую связана и степень экспрессивности лексической единицы) различны. С нашей точки зрения, заключённые в кавычки слова в стихотворении, можно выстроить в своеобразную *градационную* цепочку — в зависимости от степени несоответствия их контекстуального значения прямому (и / или основному), а также меры проявления у этих компонентов текста функции, которую Д.Э. Розенталь, вслед за Б.С. Шварцкопфом, квалифицирует как *оценочно-стилистическую* [11. С. 216]

Помимо слова «мама», в лирическом тексте функционирует четыре заключённых в кавычки слова, которым, кроме функции обозначения понятий, процессов и т. п., присуща и экспрессивно-оценочная функция. Наименее выраженной она представляется у номинации «лимонка» (*Кто вставал с «лимонками» на танки*), достаточно давно вошедшей в русский язык как разговорное обозначение ручной гранаты, по форме напоминающей лимон, и в большинстве случаев (в том числе и при подаче в толковых словарях) употребляемой уже без кавычек. В большей степени оценочно-стилистическая функция присуща субстантивированному прилагательному «близкие» (*добивали «близкие» свои*) и глаголу «отжимать» (*кто наживался на разрухе, / Разбивал, громил и «отжимал»*): в первом случае употребление кавычек подчёркивает несоответствие контекстуального смысла слова его прямому значению (в контексте данная номинация обозначает лиц, ведущих себя по отношению к другим агрессивно, враждебно и т. п., т. е. отнюдь не как близкие); во втором случае заключение в кавычки — свидетельство использования слова в одном из его переносных значений в коммуникативной сфере

за пределами литературного языка: ‘грабить, отнимать что-либо’ — которое свойственно данному глаголу как жаргонизму, употребляющемуся в основном в криминальной сфере [см., например: 12].

Однако наибольшей степенью экспрессивности отличается заключённое в кавычки слово «свидомость» («свидомости» *избыток / Украина бросила в Донбасс!*), представляющее собой украинизм (укр. *свідомість*), графически переданный средствами русского языка (в рус. переводе — ‘сознание’). Кавычками, таким образом, с одной стороны, подчёркивается очевидный иностилевой характер этого элемента для лирической структуры; с другой — его выраженный оценочный план, поскольку в представлении русских данная номинация в последние годы приобрела явные коннотации негативно-го свойства (как правило, это понятие связывается с агрессивными проявлениями украинского национализма и / или его насильственным насаждением).

Особую группу средств речевой выразительности составляют **тропы** — слова и обороты речи, создаваемые в результате смещения значений входящих в них лексических единиц, наличие которых в художественной речи является одной из её характерных особенностей. Именно своеобразие созданных автором тропов является одним из наиболее показательных воплощений индивидуально-авторского почерка, особенно в поэтическом произведении:

Стихотворение В. Мирошниченко включает в себя разнообразные тропы. Это отличающиеся яркой образностью **эпитеты**: *кромешная мгла* (употреблено дважды); *звонкие мифы*; (*жалок*) *сфабрикованный заказ*. Для первого из них использована языковая единица с выраженным коннотативным планом и фразеологически связанным значением — *кромешный*. Причём в данной лирической структуре эта лексема *одновременно* реализует оба присущих ей значения (что нередко можно наблюдать у лексических компонентов лирических произведений): ‘чрезвычайный, чрезмерный’ и ‘очень тёмный, непроглядный’ [13. С. 671]. Если при создании рассмотренного эпитета автор опирается на экспрессивные ресурсы языка, то два других эпитета отличаются явным индивидуальным компонентом, придающим им яркую образность; актуализации образно-экспрессивного потенциала этих эпитетов способствует и их объединение в одном высказывании: *Будем жить... Не ради звонких мифов — / Жалок сфабрикованный заказ!*

В результате авторской организации материала дополнительно повышается и экспрессивность эпитетов «языкового» (не индивидуально-авторского) характера — *кромешная мгла*, поскольку в обоих употреблениях они являются распространителями других тропов, в результате чего образуются *комплексные тропические блоки*, наделяемые в лирической структуре несколькими функциями. В первом употреблении данный эпитет является одним из распространителей развёрнутой **метафоры**: (*погасив огни, в кромешной мгле*) *боль и горе мы впитали кожей*; во втором употреблении он выполняет такую же функцию в составе развёрнутого **сравнения**: (*Ради всех,*

*кто — верю — не напрасно / Обрели покой в моей земле,) / Звёздами горят
огни Донбасса, / (Освещающая путь в крошечной мгле).*

Однако ключевым тропом в рассматриваемом лирическом тексте является **метонимия**, к созданию которой автор обращается четырежды:

мы — Донбасс;
нам в лицо стреляла Украина;
(Украина) множила бесславье на бои;
«свидомости» избыток Украина бросила в Донбасс.

Все функционирующие в лирическом тексте метонимии принадлежат к одной разновидности этого тропа, в основе которой лежит *связь между местом и находящимися там людьми* [подробнее см. об этом: 14. С. 310]. Именно функционирующей в стихотворении *системе* метонимий, принадлежит приоритетная роль в воплощении концептуально-эстетического смысла, вложенного автором в произведение, чем подтверждается мысль О.Б. Емельяновой о том, что «метонимия наряду с метафорой относится к числу важнейших и наиболее употребительных тропов, играющих огромную роль как в самом механизме того или иного национального языка, так и в конкретной речевой практике: в повседневном общении, в языке художественной литературы, во всех иных сферах функционирования языка» [14. С. 311].

Третий этап методики О.А. Крыловой предполагает рассмотрение в качестве **элементов, существенных для структуры текста, конструктивных приёмов**, используемых автором при создании коммуникативно-речевого образования. Этот этап напрямую соотносим с одним из двух основных аспектов исследования языка художественного произведения, о которых говорилось выше: установление и анализ *авторских принципов организации* языкового материала.

К числу конструктивных приёмов, широко распространённых в русской поэтической речи, несомненно, принадлежит **инверсия** — стилистическая фигура, которой в работах О.А. Крыловой уделяется существенное внимание. «Порядок слов выполняет роль стилистического средства в тех случаях, когда изменяются нормы словоупотребления, характерные для экспрессивно окрашенной речи, т. е. когда нарушается объективный порядок слов. При этом возникает *субъективный порядок слов*, или *инверсия*».

Именно субъективный порядок слов (инверсия) придаёт речи экспрессивную окраску различного рода» [15. С. 135–136]. Разновидности инверсии в пособии О.А. Крыловой и С.А. Хаврониной разграничиваются преимущественно в зависимости от расположения компонентов предложения по отношению к тема-рематическому центру синтаксической конструкции. Не останавливаясь подробно на анализе таких особенностей, отметим в рассматриваемом стихотворении лишь те случаи инверсии, где — в связи с их очевидной

лингвоэстетической нагруженностью — на первый план выдвигаются *второстепенные* члены предложения (в приводимых далее примерах это чаще всего *начало* стихотворной строки):

- 1) *Погасив* огни, в *кромешной* мгле
Боль и горе мы впитали кожей
В двадцать первом веке, на Земле...;
- 2) *Ради тех*, кто в плохонькой землянке
Ждал свой первый и последний бой,
Кто вставал с «лимонками» на танки,
Чтоб хоть *нядь земли* закрыть собой.
Тех, кто *раны* шил своим и пленным,
Открывал в блокаду *закрома*,
Кто *о сводках* сообщал военных,
Свет и воду возвращал в дома,
Кто скончался от битья и пыток,
Без вести пропал в *недобрый час*...;
- 3) Видимо, «*свидомости*» *избыток*
Украина бросила в Донбасс!
- 4) *Ради всех*, кто — верю — не напрасно
Обрели покой в моей земле,
Звёздами горят огни Донбасса,
Освещающая путь в *кромешной* мгле.

Приём инверсии, являющийся одним из ключевых способов организации языкового материала в стихотворении В. Мирошниченко в целом, наиболее выразительно представлен, во-первых, в «сильных» для восприятия лирического текста позициях (начало и конец произведения) — примеры 1 и 4; во-вторых — в самой объёмной синтаксической конструкции текста, сложноподчинённом предложении с несколькими придаточными частями, занимающем 10 строк стихотворения, — пример 2.

Помимо существенной значимости для структурирования лирического текста стилистической фигуры инверсии, необходимо отметить конструктивную, по определению О.А. Крыловой, а точнее — *композиционно-организующую*, значимость для рассматриваемого текста ещё одной группы средств. Этой функцией явно наделены *два тропических комплекса*, охарактеризованные выше как элементы текста с очевидной экспрессивностью: *развёрнутая метафора*, распространённая эпитетом, и *развёрнутое сравнение*, также распространённое эпитетом; при этом распространители-эпитеты тождественны, что в лирическом произведении, со свойственной ему «перенаселённостью лирического пространства» (Т.И. Сильман), не может быть случайным, а следовательно — не может не быть особо значимым.

Тропеические комплексы, расположенные *в начале* и *в конце* стихотворного текста, не только структурно организуют лирический текст в соответствии с принципом композиционного «кольца» — «композиционно-стилистического приёма, заключающегося в повторении в конце стихотворной строки (строфы или всего произведения) начальных слов» [16. С. 135], — но и способствуют оформлению содержащегося в стихотворении смысла по принципу *контраста*: *Погасив огни, в кромешной мгле, боль и горе мы впитали кожей — Звёздами горят огни Донбасса, освещая путь в кромешной мгле.* В приводимых фрагментах выделены: а) повторяющиеся элементы, «окольцовывающие» лирический текст: *в кромешной мгле*; б) элементы, располагаемые в разных частях произведения и при этом контрастирующие друг с другом: *погасив* (огни) — *горят* (огни), *освещая*.

Таким образом, кольцевая композиция, реализуемая в стихотворении с помощью как структурных, так и лексических средств, не только способствует большей выразительности образного воплощения авторской концепции, но и обеспечивает объединение *ретро-* и *перспективного* развёртывания текста.

Заключение

Представленный опыт интерпретирования лирического стихотворения В. Мирошниченко, как представляется, свидетельствует не только о возможности, но и о целесообразности обращения к методике анализа текста в аспекте стилистики речи, разработанной О.А. Крыловой для функционально-стилистических разновидностей нехудожественных текстов, как к одному из этапов при проведении комплексного лингвопоэтического анализа текста художественного.

Привлекая данную методику для интерпретирования художественного текста, необходимо, однако, учесть, что «взаимоотношения» между выделяемыми в текстовой структуре группами элементов, в коммуникативно-речевых образованиях, репрезентирующих художественную речь (в особенности — в лирических структурах), являются гораздо *более тесными и многоплановыми*, нежели в текстах иных функциональных разновидностей. В связи с этим отношения подобного рода точнее определять как *взаимодополняющие* и / или *взаимообуславливающие*, обеспечивающие и несколько иной характер *соотнесённости* между разными группами элементов, функционирующими в словесно-художественной структуре.

Думается, что предложенная О.А. Крыловой методика в сочетании с другими алгоритмами анализа (предназначенными для рассмотрения именно словесно-художественных произведений, где язык предстаёт в эстетически осложнённом виде) вполне успешно может быть применена для интерпретирования не только лирических текстов, но и произведений

иной родолитературной и принадлежности — прозаических и драматургических — в большинстве репрезентирующих их жанрово-стилистических разновидностей.

Библиографический список

1. Крылова О.А. Лингвистическая стилистика. В 2 кн. Кн. 1. Теория. М.: Высшая школа, 2006.
2. Крылова О.А. Лингвистическая стилистика. В 2 кн. Кн. 2. М.: Высшая школа, 2006.
3. Голуб И.Б., Стародубец С.Н. Стилистика русского языка и культура речи. М.: Юрайт, 2018.
4. Евтюгина А.А. Функциональная стилистика. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elar.rsvpu.ru/978-5-8050-0651-8> (дата обращения 25.12.2022).
5. Степанов Ю.С. Язык художественной литературы // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 608–609.
6. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Издательство Кулагиной, Intrada, 2008.
7. Фатеева Н.А. Лингвистическая поэтика // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Издательство Кулагиной, Intrada, 2008. С. 108–109.
8. Тамарченко Н.Д. Поэтика // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Издательство Кулагиной, Intrada, 2008. С. 182–186.
9. Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи: учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. М.: Высш. школа, 1982.
10. Выбор Донбасса. Литература народных республик. Альманах Союза писателей ЛНР. Луганск: Большой Донбасс, 2017.
11. Розенталь Д.Э. Справочник по пунктуации. М.: АСТ, 1997.
12. Словарь молодёжного сленга. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://diclist.ru/slovar/molodezhnogo-slenga/o/otzhat.html> (дата обращения 23.12.2022).
13. Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. А.С. Герд. Т. 8. СПб.: Наука, 2007.
14. Емельянова О.Б. Метонимия // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. С. 310–311. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://klex.ru/1dlk> (дата обращения 23.12.2022).
15. Крылова О.А., Хавронина С.А. Порядок слов в русском языке: для иностранцев, изучающих русский язык. М.: Русский язык, 1986.
16. Квятковский А.П. Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966.

References

1. Krylova, O.A. (2006). *Linguistic stylistics*. In 2 books. Book 1. *Theory*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.).
2. Krylova, O.A. (2006). *Linguistic stylistics*. In 2 books. Book 2. *Practical work*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.).
3. Golub, I.B. & Starodubets, S.N. (2018). *Stylistics of the Russian language and culture of speech*. Moscow: Urait publ. (In Russ.).
4. Evtugina, A.A. (2018). *Functional stylistics: textbook*. Ekaterinburg: Russian State Vocational and Pedagogical University publ. URL: <http://elar.rsvpu.ru/978-5-8050-0651-8> (accessed: 25.12.2022). (In Russ.).

5. Stepanov, Yu.S. (1990). Language of belles-lettres. In: *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia publ. pp. 608–609. (In Russ.).
6. *Poetics: a dictionary of terms and concepts relevant*; chief science ed. N.D. Tamarchenko (2008). Moscow: Kulagina's Publishing House; Intrada publ. (In Russ.).
7. Fateeva, N.A. (2008). Linguistic poetics. In: *Poetics: a dictionary of terms and concepts relevant*; N.D. Tamarchenko. (Ed.). Moscow: Kulagina's publ.; Intrada publ. pp. 108–109.
8. Tamarchenko, N.D. (2008). Poetics. In: *Poetics: a dictionary of terms and concepts relevant*; N.D. Tamarchenko (Ed.). Moscow: Kulagina's publ.; Intrada publ. pp. 182–186. (In Russ.).
9. Kozhin, A.N., Krylova, O.A. & Odintsov, V.V. (1982). *Functional types of Russian speech*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.).
10. The choice of Donbass. Literature of the People's Republics. Almanac of the Union of Writers of the LPR. (2017). Lugansk: Big Donbass publ. (In Russ.).
11. Rosenthal, D.E. (1997). *A guide to punctuation*. Moscow: ACT publ. (In Russ.).
12. *Dictionary of youth slang*. URL: <https://diclist.ru/slovar/molodezhnogo-slenga/o/otzhat.html> (accessed: 23.12.2022). (In Russ.).
13. Big Academic Dictionary of the Russian Language (2007). A.S. Gerd (Ed.). Vol. 8. Saint-Petersburg: Nauka publ. (In Russ.).
14. Emelyanova, O.B. (2014). Metonymy. In: *Effective verbal communication (basic competencies): reference dictionary*. A.P. Skovorodnikov (ed.). Krasnoyarsk: Siberian Federal University publ. pp. 310–311. (In Russ.).
15. Krylova, O.A. & Khavronina, S.A. (1986). *Word order in Russian: for foreigners studying Russian*. Moscow: Russian language publ. (In Russ.).
16. Kvyatkovsky, A.P. (1966). *Poetic dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia publ. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Зайцева Ирина Павловна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой мировых языков Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (210038, Республика Беларусь, г. Витебск, Московский проспект, 33); *научные интересы*: исследование художественных дискурсов разных жанров; коммуникативная лингвистика и коммуникативная стилистика художественного текста; лингвокультурные проблемы перевода; *e-mail*: irinazaj91@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4659-0929; E-library SPIN-код: 5964–9507.

Information about the author:

Irina P. Zaitseva, D.Sc. in Philology, Professor, Head of the Department of World Languages of Vitebsk State University named after P.M. Masherov (33, Moskovskiy Avenue, Vitebsk, Republic of Belarus, 210038); *Research interests*: originality of the artistic discourses of different genres, communicative linguistics and communicative stylistics of a literary text; linguistic and cultural problems of translation; *e-mail*: irinazaj91@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4659-0929; SPIN-code: 5964–9507.

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-4-1306-1320

EDN: ZJFPQE

УДК 811.161.1'23'42

Научная статья / Research article

Психологическая структура значения и проблемы понимания текста

В.В. Красных

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация

 victoryvk@gmail.com

Аннотация. Роль психологической структуры значения слова в понимании текстов представляется в настоящее время недостаточно изученной проблемой. Психологическая структура значения слова рассматривается вслед за А.А. Леонтьевым как комплексная ассоциативная структура, которая выявляется на основе обработки данных ассоциативных экспериментов. Особое внимание при изучении психологической структуры значения слова предлагается уделять архаическим слоям сознания, актуальным для современного носителя языка / представителя культуры, и коннотативным и эмотивным аспектам значения, что призвано помочь уточнить и расширить классическое понимание психологической структуры значения за счет более четкого выявления и описания указанных составляющих. В статье внимание сфокусировано именно на архаических слоях сознания, которые выводятся на основе обработки данных в первую очередь этимологических словарей и с учетом других источников. Автор предлагает основные принципы анализа текста, осуществляемого с учетом деятельностного подхода и предполагающего выполнение семи исследовательских шагов: 1) выявление единиц лингвокультуры; 2) выявление базовых оппозиций, базовых метафор; 3) определение ключевых слов; 4) составление «ядерного» и «периферийного» для данного текста списков языковых единиц; 5) выявление психологической структуры значения данных языковых единиц; 6) анализ различных контекстов, содержащих данные единицы, для уточнения полученных результатов; 7) анализ текста с учетом и на основе полученных результатов. Возможности данного подхода демонстрируются на примере анализа текста В.В. Егорова «Патриаршие пруды». Предлагаемая методика позволяет делать выводы об эмоционально-чувственном «фоне» восприятия текста, который обуславливается в том числе психологической структурой значения наиболее важных текстовых элементов.

Ключевые слова: психологическая структура значения, архаические слои сознания, анализ текста, единицы лингвокультуры, базовые оппозиции, ключевые слова текста, эмоционально-чувственный «фон» восприятия текста

© Красных В.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Дата поступления: 10.07.2023

Дата приема в печать: 15.09.2023

Для цитирования:

Красных В.В. Психологическая структура значения и проблемы понимания текста // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 1306–1320. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1306-1320>

Psychological Structure of Meaning and Problems of Text Perception

Victoria V. Krasnykh

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation,

 victoryvk@gmail.com

Abstract. The author considers the role of the psychological structure of word meaning in the comprehension of texts. This problem seems to be as insufficiently studied today. The given structure is understood following A.A. Leontiev as a complex associative structure. The author pays special attention to the archaic layers of consciousness that are relevant for a modern native speaker / culture representative, and to the connotative and emotive aspects of meaning. All this is intended to help clarify and expand the classical understanding of the psychological structure of meaning by more clearly identifying and describing these components. In this article, attention is focused specifically on the archaic layers of consciousness, which are derived and based on the analysis of data, primarily from etymological dictionaries and also taking into account other sources. The author proposes the basic principles of analysis, carried out considering the activity approach and involving the implementation of seven research steps: 1) identification of linguoculture units; 2) identification of basic oppositions, basic metaphors; 3) definition of the text keywords; 4) compiling “core” and “peripheral” lists of language units for the given text; 5) identifying the psychological structure of the meaning of these units; 6) analysis of various contexts containing these units to clarify the results obtained; 7) analysis of the text taking into account and based on the results obtained. The capabilities of this approach are partially demonstrated by analyzing the text by V.V. Egorov “Patriarshiye Prudy” (“Patriarch’s Ponds”). The proposed methodology allows draw conclusions about the emotional-sensory “background” of text perception, which is determined, among other things, by the psychological structure of the meaning of the most important text elements.

Keywords: psychological structure of meaning, archaic layers of consciousness, text analysis, linguoculture units, basic oppositions, text keywords, emotional-sensory “background” of text perception

Article history:

Received: 10.07.2023

Accepted: 15.09.2023

For citation:

Krasnykh, V.V. (2023). Psychological. Structure of Meaning and Problems of Text Perception. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(4), 1306–1320. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1306-1320>

Введение

О «психологическом в языке», о бессознательном в языке, о соотношении сознания и бессознательности в связи с языком и речевой деятельностью писали выдающиеся мыслители-языковеды В. фон Гумбольдт, Х. Штейнталь, Ф. де Соссюр; С.И. Бернштейн, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Н.В. Крушевский, Д.Н. Овсяннико-Куликовский, А.М. Пешковский, Е.Д. Поливанов, А.А. Потебня, Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов, Л.В. Щерба, Р.О. Якобсон и др. Изучение проблемы психологического значения также имеет уже достаточно долгую историю: она рассматривалась в трудах физиологов (напр., И.М. Сеченова), психологов (Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, С.Л. Рубинштейна и др.). Так, А.Н. Леонтьев писал о «двойной жизни» значений слов: мы имеем, с одной стороны, «сознаваемое объективное значение», с другой — значения как способы и механизмы осознания, выводящие на индивидуальный образ мира; по сути, речь идет о «проблеме особенностей функционирования знаний, понятий, мысленных моделей, с одной стороны, в системе отношений общества, в общественном сознании, а с другой — в деятельности индивида, реализующей его общественные связи, в его сознании» [1] (здесь, как представляется, явно прослеживается переключки с взглядами В. фон Гумбольдта, который понимал язык как посредник / связующее звено между обществом и человеком, поскольку язык, с его точки зрения, есть и индивидуально-психическое, и общественное явление [2]). Более того, А.Н. Леонтьев рассматривал значения как орудия, опосредующие мысль, и утверждал, что вне предметности индивидуального образа мира нет и не может быть значений [1]. С точки зрения психологии «психологическая структура значения как единицы психического отражения человека представляет собой **единство вербальных и невербальных компонентов**, причем последние могут быть дифференцированы на операциональные и предметные компоненты» [3] (выделено мною. — *В.К.*). В рамках психолингвистики А.А. Леонтьев рассматривал значение как познавательную единицу, которая выводит на разнообразные формы хранения знаний об окружающем человеке мире [4]. А.А. Залевская уточнила данное положение, отметив, что функционирование значения слова, «во-первых, неразрывно связано с **эмоционально-оценочным переживанием** отношения к этому знанию, а во-вторых, реализуется при взаимодействии различных уровней осознаваемости, т. е. при важной роли выводного знания, которое **не осознаётся, но так или иначе учитывается** и может выводиться на “табло сознания” в случаях необходимости» [5. С. 23] (выделено мною. — *В.К.*). Слово трактуется как «как **средство** доступа к единой информационной базе человека» (выделено в оригинале. — *В.К.*), оно «“высвечивает” в индивидуальном образе мира некоторый объект (действие и т. д.) при обязательной включённости в некоторую ситуацию, при этом и объект, и ситуация **могут обернуться любой гранью** при изначально подразумеваемой (на разных уровнях осознаваемости)

целостности и **эмоционально-оценочной помеченности**» [Там же. С. 24–25] (выделено мною. — *В.К.*). Иначе говоря, понимание значения как **процесса** (восходящее к идеям Л.С. Выготского) предполагает «установление соответствия» между **значением** слова как коллективным достоянием («социально признанным (системным) значением»), индивидуальным **образом мира** (тем, что в нем «высвечивается»), **объектом** / феноменом, который данным словом обозначается, **ситуацией**, «в которую включен называемый объект», и **эмоционально-оценочным переживанием** всего вышеназванного активным и пристрастным субъектом» [6].

В настоящей статье представляется небольшой фрагмент исследования, цель которого — разработать метод анализа текстов разной онтологии с учетом психологической структуры значения ключевых слов.

Основная часть. Материал исследования

В фокусе внимания в данном случае находится текст известной песни В.В. Егорова «Патриаршие пруды». Материалом исследования послужили также данные этимологических [7–10], толковых [11–16], ассоциативных [17–21] словарей, а также контексты, представленные в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) (<https://ruscorpora.ru/>) (3 603 текста, содержащих единицу *пруд*, 10 517 примеров функционирования данной единицы).

Методы исследования

А.А. Леонтьевым было предложено понимание **психологической структуры значения слова** как его ассоциативной структуры [22. С. 11] (использовались также термины «психологически релевантное значение», «психологическое значение» [23; 24]). В последние годы, развивая идеи А.А. Леонтьева, ее изучением активно занимается школа И.А. Стернина, при этом исследователи предпочитают как «более удобный» термин **психолингвистическое значение слова**, которое понимается как «упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка» [25. С. 99]; это «психологически реальное значение слова» [26]. Мы предлагаем при изучении психологической структуры значения слова особое внимание уделять архаическим слоям сознания, актуальным для современного носителя языка / представителя культуры (см., напр., [27]), и коннотативным и эмотивным аспектам значения (см., напр., [28–30]), что призвано помочь уточнить и некоторым образом расширить классическое понимание психологической структуры значения за счет более четкого выявления и описания указанных составляющих.

Понимание текста, в первую очередь — его эмоционально-чувственно-го фона, во многом обуславливается, как представляется, психологической структурой значения ключевых слов и наиболее важных текстовых элементов. В настоящей статье предлагается возможный метод комплексного психолингвокультурологического анализа текста, который предполагает следующие исследовательские шаги:

1. выявление единиц лингвокультуры (напр., прецедентных феноменов, стереотипов), культураносных единиц языка (напр., фразеологизмов) и стоящих за ними функционально значимых для культуры смыслов (по В.Н. Телия);
2. выявление базовых оппозиций, базовых метафор [31] и основных «глубинных» метафор [32], представленных в тексте;
3. определение ключевых слов (напр., по методике Л.В. Сахарного и А.С. Штерн [33; 34]);
4. определение пересечений (1–3) и составление «ядерного» (включает то, что обнаружено на пересечении) и «периферийного» для данного текста списков языковых единиц;
5. анализ психологической структуры значения данных языковых единиц с учетом архаических слоев и эмоциональной составляющей;
6. полученные данные проверяются и уточняются путем анализа данных НКРЯ и других источников, что позволяет делать выводы об актуальности тех или иных аспектов психологической структуры значения в условиях реального функционирования единиц;
7. анализ текста с учетом и на основе полученных результатов.

Результаты исследования

Будучи ограниченной жанром и объемом статьи, кратко покажу лишь некоторые аспекты анализа. В качестве иллюстрации был выбран текст В.В. Егорова «Патриаршие пруды» как культурно насыщенный и потому весьма показательный.

В данном тексте используются следующие **единицы лингвокультуры**: прецедентные феномены — прецедентные имена, прецедентное высказывание, отсылки к инварианту восприятия прецедентного текста (*Воланд, Маргарита, Бегемот, Мастер, масло пролила Аннушка*), духи (*русалки, няяды*), стереотипы (*Патриаршие пруды, утки около воды замерли <...> здесь так холодно и так голодно <...> лишь стареющий ноябрь рядышком; к Патриаршему пруду на скамеечку приду к бабушкам*).

В тексте отмечены следующие **базовые оппозиции культуры**, связанные с определенными кодами культуры (КК): верх/низ и далеко/близко — пространственный КК (*летя в желанный ад, Маргарита кружит над Сивцевым ↔ летя в желанный ад, прогнулась у стены под пятой у Сатаны Бронная; уткам грезится полет за море <...> уткам скоро улетать ↔*

лишь стареющий ноябрь *рядышком*); свет/тьма — цветовой КК (*в свете меркнувшего дня; в той долине теневой да пребудут для него зорькою*). Базовая оппозиция свой/чужой реализуется через оппозицию свое/чужое пространство и через это выводит на оппозицию мир своих (живых) / мир чужих (мертвых) (*проступят из воды бывшей Козьей слободы контуры* — свое пространство, мир «своих» / «живых», мир реальный и плавный переход в «междумирье», в пограничную зону между миром «своих» и миром «чужих» ↔ *ни русалок, ни наяд* — чужое пространство, мир «нечистиков, рогатиков», мир «чужих» / «мертвых»), что поддерживается также оппозициями свет/тьма (*над прудами тает день, тает день, витает тень Воланда*) и сон/явь (*и уже я не живу, и как будто наяву снится мне; вечер, отходя ко сну...*). В рассматриваемом тексте отмечено 5 переходов через границу свой/чужой.

Как видно из приведенных примеров, базовая оппозиция СВОЙ/ЧУЖОЙ, относящаяся к «характеристикам социальных отношений в широком смысле», может воплощаться в других оппозициях, связанных с различными кодами культуры, например, «в более абстрактном локально-социальном противопоставлении» БЛИЗКИЙ/ДАЛЕКИЙ [35. С. 64] — пространственный КК; ВЕРХ/НИЗ (относится к «характеристикам, приуроченным к пространственным отношениям» [Там же]) — пространственный КК; СВЕТ/ТЬМА (относится к «характеристикам, приуроченным ко времени, цвету или стихии: 10. день — ночь <...> 12. светлый — темный» [Там же]; выделено в оригинале. — В.К.) — временной и цветовой КК. Связь цветового КК, репрезентантами которого являются в частности, с одной стороны, *светлый — белый — чистый*, с другой стороны, *темный — черный — грязный*, с оппозицией СВОЙ/ЧУЖОЙ подтверждается также следующим утверждением: «...важно подчеркнуть, что противопоставление **белый — черный** может получать абстрактное толкование: как **чистый — нечистый, сакральный — мирской** (например, *Белая Русь* в смысле *Святая Русь* в противоположность соседней *Черной Руси*, где *черный*, возможно, понимался как *чужой, относящийся к лесу*, в отличие от *белый*, связанный со своим, относящимся к дому)» [Указ. соч. С. 139–140] (выделено в оригинале. — В.К.). В последнем случае для нас оказываются крайне важными параллели **белый = свой** и **черный = чужой**.

Отмечены **базовые метафоры**, т. е. метафоры, имеющие архетипическую природу и основанные на архетипических, лежащих в основе окультуривания мира человеком представлениях [36. С. 337], {свет}, {тьма}, {жидкость}. Поскольку ограниченный объем статьи позволяет остановиться лишь на одной из них, в качестве предмета рассмотрения была выбрана базовая метафора {ЖИДКОСТЬ}, ибо именно с ней непосредственно связана единица *пруд*, которая однозначно входит в число ключевых и «ядерных» слов текста (см. 3-й и 4-й исследовательские шаги).

Итак, базовая метафора {жидкость} реализуется через максимально культурно насыщенную единицу *вода* и частную реификацию — *пруды* (природно-стихийный КК). Анализ психологической структуры значения данных единиц (*жидкость, вода, пруд*) с учетом архаических слоев сознания по предлагаемой нами методике (в данном случае мы остановимся в первую очередь именно на этом аспекте) позволил сделать следующие выводы (частично используются данные, представленные в [27]). Анализ этимологических [7–10] и толковых [11–16] словарей с целью выявления наиболее древних компонентов значения показал, что в русском языке сохранились рефлексy древнейших представлений о *жидкости* как **нетвердой** (противопоставленной тверди), **обладающей текучестью** (как основным свойством), **водянистой** (связанной с водой) субстанции. Данные ассоциативных словарей [17–21], представляющие результаты широких экспериментов, наглядно демонстрируют наличие в психолингвистическом значении *жидкости* ‘сем’, восходящих к архетипическим представлениям и входящих в архаические слои языкового сознания: ‘движущийся, текучий’ и ‘связанный с водой’ (о том, что ассоциативно-вербальная сеть является «хранилищем» национально-культурной памяти, см., напр. [37]). «Лучшим», наиболее «типичным» воплощением данных представлений является именно *вода*, входящая в ядро языкового сознания [38; 39] (о современном понимании языкового сознания см., напр., [40. С. 632]). Этимологические словари [7–10] не дают толкования данного слова, отмечая только, что оно является славянским по происхождению, известно в русском языке с XI в. и образовано от той же общеславянской основы, что и слово «ведро». Вместе с тем этнолингвистические источники указывают, что «символика воды связана, с одной стороны, с ее природными свойствами — свежестью, **прозрачностью**, способностью очищать, с **быстрым движением**, с другой стороны, с мифологическими представлениями о воде как о “чужом” и опасном пространстве. <...> Проточная вода, так же как и огонь, считалась устойчивым **символом быстроты**» [41. С. 388] (выделено нами. — В.К.). По данным толковых словарей [11–16], в лексическое значение лексемы *вода* входят **прозрачность** (начиная со словаря Д.Н. Ушакова [16] первым значением дается ‘бесцветная, прозрачная жидкость’), различные **природные объекты**, связанные с данной природной стихией (напр., *озера, моря, реки*), и **движение** (напр., *потоки, струи, волны* и те же *реки*). По данным прямых словарей (ПС), в психолингвистическом значении единицы *вода* также выделяются **чистота** (самая частотная реакция — *чистая* 63 [20], 65 [18], 63 [19], в РАС [17] — 42, 2-я по частоте, в САНРЯ [21] — 19, 4-я позиция; в толковых словарях присутствует имплицитно), **прозрачность** (в ассоциативных словарях занимает 3-ю [21], 5-ю [17], 6-ю [19], 9-ю [18], 13-ю [20] позиции), связь с **природными** и — реже — **рукотворными объектами и явлениями** (напр., *море*,

океан, река, ручей, родник; дождь, снег; канал, душ) и с движением (напр., течет, бежит, льется, быстрая, течение, поток, струя). Помимо этого, можно выделить и нефиксируемые в толковых словарях семы: связь с **минимальным объемом** (капля 4 [19], 2 [20], 1 [18]) и с **жизнью** (жизнь 51 [20], 49 [19], 37 [18], в данных словарях — 2-я позиция), а также с **деньгами, временем, свободой и счастьем** (появилось в XXI в.). Следует отметить, что в языковом сознании основные свойства **воды** связаны с противоположными качествами, что эксплицируется в квази-антонимических ассоциативных парах: «жидкое ↔ твердое» (напр., вода ↔ земля, суша), «движение ↔ состояние покоя» (напр., поток, течение, река ↔ стоячая, болото). При этом отмечается характерная для русского языкового сознания «смещенность оценки в сторону положительного признака» [42]: **вода** — скорее хорошо (хорошая, хорошо 1 [17; 20], красота 1 [18], красиво 1 [19], целебная 1 [18; 19], приятно 1 [20], наслаждение 1 [18]), чем плохо (единственная реакция плохо 1 [20]), является безусловной ценностью (дороже золота 1 [20], дорогая [19]) (подробнее см. [27]).

Слово **пруд**, образованное, согласно этимологическим словарям [7–10], от глагола с семантикой ‘прыгать’, имеет «двойное» значение: с одной стороны, это ‘стремительный, быстрый (поток)’, ‘поток, напор’, с другой — ‘запруженное место’. В толковых словарях [11–16] **пруд** определяется как небольшой, как правило, искусственный водоем с непроточной водой, запруженное место в реке (т. е. первоначальное значение потока оказывается утерянным). В языковом сознании носителей русского языка **пруд** (в прямом словаре представлен только в РАС [17]) также сопряжен с этим значением. Хотя он подчас и ассоциируется с **чистотой** (чистый 2; прозрачный, зеркальный 1 — ПС, прямой словарь), но в гораздо большей степени он связан с **грязью, запущенностью** (грязный 4 — третья по частоте позиция из 64 различных реакций; заросший, зеленый 3; грязь, в тине, зацвел, ряска, старый, камыши, заброшенный, мутный 1 — ПС; заросший 9; запруда 6; заводь 4; мутный 2; застывший, зеленый 1 — ОС, обратный словарь), со стоячей водой (запруда 6; заводь 4; болото 2; заболоченный, трясина 1 — ПС). С движением **пруд** связан значительно реже: только отдельные ассоциативные пары (речка, родник 1 — ПС; речка 4; реки, ручей 3 — ОС). Помимо этого пруд ассоциируется с **опасностью** (омут 1 — ОС) и даже **смертью** (труп 1 — ПС; утонуть, утопленник 1 — ОС). Его достаточно устойчивыми атрибутами являются **рыбы** 3 и **утки** 3 (8-я и 9-я позиции в ПС), а также: **ловить рыбу, рыбалка, рыбы, с рыбами, с рыбой** 1 — ПС; **рыба, рыбацкий, удочка** 1 — ОС; и **утенок, утка** 1 — ОС. В отличие от **воды**, он оценивается скорее негативно (темный, тоскливый 1 — ПС; отравленный 1 — ОС), чем позитивно (красивый 1 — ПС — единственная реакция данной семантики). Нельзя не заметить, что то, что актуально для языкового

сознания, не фиксируется толковыми словарями. И в то же время именно это отражается в реальных текстах, что неудивительно, так как «тексты, которые продуцирует языковая личность, отражают особенности видения ею окружающей реальности (картины мира)» [37. С. 238]. Приведем некоторые примеры из НКРЯ доказывающие это утверждение.

1. Есть дыни золотистые, как осень, как листопад, как закат **в спокойной воде пруда** (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 1(1978));
2. Где-то рядом был, наверно, **пруд, потому что тянуло тинной и стоячей водой** и всю заливались лягушки (Ю.О. Домбровский. Ручка, ножка, огуречик (1977));
3. Андрей Корвин: «цветущее черное море// призывно махало нам вслед// и чаек бросало» <...>. Тут два момента: **зацветшее как пруд** море и бросание чайками. (С.И. Трунев. Конформизм и нонселекция // «Волга». 2015);
4. Там, слева от дороги, был маленький **грустный пруд, подернутый ряской**; на игрушечном пригорке возле него стояли маленькие нарядные домики, словно бы из андерсеновской сказки (Марина Палей. Поминование (1987));
5. Родина — это всегда детство: старый деревянный дом, который живёт в памяти, — огромный, со скрипами, вздохами, солнечной сухой пылью, запахом сушёных грибов, зелёным мхом колодца и запахом, влажным запахом реки из него, а ещё роща со страхами перед совами и ужами, с крутой лестничкой вниз, **к зелёному пруду** (Даниил Гранин. Зубр (1987));
6. Мы осторожно бредём дальше — мимо пустых каруселей, мимо закрытого тира, мимо шелестящих **камышей на заболоченном берегу пруда**, в которых копошатся нахохлившиеся **утки**. (Р.С. Вереск. Большая Медведица (2015) // «Волга», 2016);
7. Ты бы хотела меня видеть чистой, белой, тургеневской, **с удочкой** в руках над **старым прудом** (И. Грекова. Летом в городе (1962));
8. Там сушилось во дворе бельё и висели громадные стенды с таблицами и цифрами, обозначавшими центнеры пойманной рыбы, а справа за насыпью лежали огромные, как озёра, **неглубокие, с** колышавшейся тростной и **камышами по берегам пруды**, в которых **разводили карпов** (Алексей Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000);
9. У меня сохранились тёплые воспоминания о походах туда с бабушкой и родителями, катаниях на пони по кругу, мороженом, кормлении (украдкой — простите, сотрудники!) **уток в прудах** (О.Г. Баринов. Зоологический сад // «Первое сентября», 2003);
10. Миновали зелёные пригороды с дачными домиками, **с прудами и утками**, с телевизионными антеннами, и вот уже Москва обступила его (И. Грекова. На испытаниях (1967)).

В целом анализ представленных в НКРЯ 3 603 текстов, содержащих 10 517 примеров употребления единицы **пруд**, показал следующее: коллокации слова **пруд** (на расстоянии от –3 до 3 от ключа) с единицами, выявленными в психологической структуре его значения, имеют следующее цифровое выражение с точки зрения совместной частоты (первая цифра — число текстов / вторая цифра — число примеров):

пруд — *чистый* 303 / 497; самая частотная коллокация, однако в данном случае необходимо особо подчеркнуть, что подавляющее число примеров (порядка 90 %) — название топонима *Чистые пруды*;
пруд — *прозрачный* 19 / 19;

пруд — зеркальный 35 / 36;
пруд — красивый 7 / 7;
пруд — грязный 36 / 47;
пруд — тина 41 / 42;
пруд — зацвести (*пруд зацвел*) 3 / 3;
пруд — ряска 37 / 39;
пруд — старый 82 / 86;
пруд — камыш (*камыш*) 32 / 37;
пруд — забросить (*заброшенный*) 4 / 4;
пруд — заросший 2 / 2;
пруд — зеленый 61 / 77;
пруд — мутный 16 / 17;
пруд — темный 34 / 37;
пруд — рыба (*рыбы*) 127 / 146;
пруд — карп (*карпы*) 21 / 23;
пруд — утка (*утки*) 67 / 70.

Приведенные данные позволяют утверждать, что выявленные на основе анализа ассоциативных полей компоненты психологической структуры значения слова *пруд*, проявляются в реальных контекстах. И нельзя не заметить, что именно эти компоненты составляют **основу стереотипного образа** пруда: *пруд старый, темный, зеленый, покрытый ряской, заросший камышами, возможно, грязный* (образ скорее удручающе-печальный, возможно, даже тягостный, гнетущий; скорее негативный); *в нем плавают рыбы (карпы) и утки*; при этом — реже — *пруд может быть и красивым в своей «заброшенности»; со спокойной, «зеркальной» водой* (образ скорее позитивный, умиротворенно-спокойный). В любом случае в этом образе (независимо от оценки) вода стоячая, неподвижная, что свидетельствует об отсутствии движения.

Отсутствие же движения всегда связано с отсутствием жизни, со смертью; в связи с этим вспомним связь с жизнью базовой метафоры {ДВИЖЕНИЕ}. Соответственно, сопряженная с данной базовой метафорой другая базовая метафора — {ЖИДКОСТЬ}, частной реификацией которой является *пруд* и в основе которой лежит «идея» нетвердости, текучести и основным воплощением которой является *вода*, обладает теми же глубинными смыслами: движение — это жизнь (*вода*), а неподвижность — смерть (*пруд, болото*). Отсюда и эмоциональное восприятие, и оценки *пруда*: от сугубо отрицательных (см. ранее) до относительно положительных («печаль моя светла», А.С. Пушкин; напр., красота увядания, «отстранения» от жизни).

Для полного анализа текста следует рассмотреть еще целый ряд единиц, к примеру, *осень, «седеющий ноябрь»*, который «*рядышком*»; стереотипный образ городского пруда с «*бабушками*» и «*смеечками*»; «*зорька*» и *тень, «теневая долина»*; образы, порожденные прецедентным текстом М.А. Булгакова, «*проступающие*», «*снящиеся наяву*»; и, конечно, *Патриаршие пруды* как «пограничная зона» между миром реальным, явью, миром «своих» / «живых» и миром ирреальным, воображаемым, где морок и сон, мир «чужих» /

«мертвых», булгаковский мир с его бессмертными — во всех смыслах — персонажами. И здесь крайне важным оказывается история и легенды, связанные с этими прудами: изначально *болото* (культурноносный смысл); *черный козел*, иногда видимый среди пасущихся коз и символически связанный с нечистой силой (культурная семантика и психологическая структура значения слов *черный* и *козел*); «очищение» места резиденцией патриарха (Патриаршая Слобода) и т. д. И поэтому, думается, у М.А. Булгакова первая встреча с Воландом не случайно происходит именно на Патриарших (идея, высказанная в ходе обсуждения текста одним из самых серьезных специалистов в области лингвокультурологии, старшим преподавателем филологического факультета МГУ И.В. Захаренко). Соответственно, не менее важным оказывается вопрос: почему именно это место было выбрано М.А. Булгаковым? Почему именно Патриаршие, а не Чистые пруды, к примеру? Но это уже предмет отдельного разговора.

Заключение

В рассматриваемом тексте В.В. Егорова в число ключевых и ядерных слов входит *пруд*, за которым стоит, с одной стороны, представление, имеющее древние корни и до сих пор бытующее в языковом сознании носителей русского языка / представителей русской культуры, с другой — стереотипный образ, непосредственно связанный, как показало исследование, с психологической структурой значения слова *пруд*. В целом на эмоционально-чувственный «фон» восприятия данного текста влияют следующие факторы: стереотипный образ и непосредственно связанная с ним психологическая структура значения; базовые оппозиции СВОЙ/ЧУЖОЙ, ВЕРХ/НИЗ, ДАЛЕКО/БЛИЗКО, СВЕТ/ТЬМА; базовые метафоры {свет}, {тьма}, {жидкость}, частными реификациями которых являются, например, «зорька», «свет меркнувшего дня», «тающий день» и «витающая тень», «долина теневая» и, конечно, *пруд*, который был в фокусе внимания в данной статье.

Представляется, что такого рода психолингвокультурологический анализ, с одной стороны, позволяет обосновать и объяснить многие интуитивно-чувственные аспекты восприятия текста, с другой — «открывает» скрытые смыслы, важные для его понимания.

Библиографический список

1. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Изд-во политич. лит-ры, 1977.
2. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / Общ. ред. Г.В. Рамишвили; Послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. М.: Прогресс, 2000.
3. Стеценко А.П. Психологическая структура значения и ее развитие в онтогенезе: автореф. дис. ... канд. псих. наук. М., 1984.
4. Леонтьев А.А. Деятельностный ум (Деятельность. Знак. Личность): монография. М.: Смысл, 2001.

5. *Залевская А.А.* Значение слова через призму эксперимента. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011.
6. *Залевская А.А.* Значение слова и возможности его описания. Режим доступа: https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1998/articles/2_1.htm (дата обращения: 27.02.2022).
7. *Крылов Г.А.* Этимологический словарь. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/krylov/> (дата последнего обращения: 27.02.2022).
8. *Семёнов А.В.* Этимологический онлайн-словарь русского языка. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/semyonov/> (дата обращения: 27.02.2022).
9. *Фасмер М.* Этимологический словарь. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/vasmer/> (дата обращения: 27.02.2022).
10. *Шанский Н.М.* Этимологический онлайн-словарь русского языка. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/shansky/> (дата обращения: 27.02.2022).
11. *Даль В.И.* Толковый онлайн-словарь русского языка. Режим доступа: <https://lexicography.online/explanatory/dal/> (дата обращения: 27.02.2022).
12. *Ефремова Т.Ф.* Толковый словарь. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/efremova/> (дата обращения: 27.02.2022).
13. *Кузнецов С.А.* Толковый словарь. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/> (дата обращения: 27.02.2022).
14. Малый академический словарь (МАС). Режим доступа: <https://gufo.me/dict/mas/> (дата обращения: 27.02.2022).
15. *Ожегов С.И.* Толковый словарь. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/ozhegov/> (дата обращения: 27.02.2022).
16. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/ushakov/> (дата обращения: 27.02.2022).
17. Русский ассоциативный словарь (РАС). В 2-х т. Прямой словарь. Обратный словарь. Режим доступа: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 27.02.2022).
18. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС. В 2-х т. Прямой словарь. Обратный словарь. Режим доступа: <https://iling-ran.ru/web/ru/publications/evras> (дата обращения: 27.02.2022).
19. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус (Сибирь и Дальний Восток) (СИБАС). Режим доступа: http://adictru.nsu.ru/media/SIBAS_right.pdf (дата обращения: 27.02.2022).
20. Славянский ассоциативный словарь (САС). В 2-х т. Прямой словарь. Обратный словарь. Режим доступа: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/SAS/index.html>, Режим доступа: https://www.it-claim.ru/Projects/ASIS/SAS/SAS_pdf/SAS.pdf (дата обращения: 27.02.2022).
21. Словарь ассоциативных норм русского языка А.А. Леонтьева (САНРЯ). В 2-х т. Прямой словарь. Обратный словарь. Режим доступа: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm> (дата обращения: 27.02.2022).
22. *Леонтьев А.А.* Психологическая структура значения // Семантическая структура слова. М.: Наука, 1971. С. 7–19.
23. *Леонтьев А.А.* Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: Наука, 1969.
24. *Леонтьев А.А.* Психолингвистический аспект языкового значения // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 156–169.
25. *Стернин И.А., Рудакова А.В.* Психолингвистическое значение слова и его описание. Saarbrücken: Lambert Academic Publ., 2011.
26. *Стернин И.А.* К разработке психолингвистического толкового словаря // Вопросы психолингвистики. 2010. № (2) 12. С. 57–63.
27. *Красных В.В.* Архаические слои сознания современной языковой личности (на примере базовой метафоры ЖИДКОСТЬ) // Вопросы психолингвистики. 2020. № 3(45). С. 70–84.
28. *Мяжкова Е.Ю.* Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования: Монография. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990.

29. Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова: Вопросы теории: дис. ... докт. филол. наук. М., 2000.
30. Мягкова Е.Ю. Проблемы и перспективы исследования эмоционального значения // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып 11. М.: Диалог-МГУ, 2000. С. 20–23.
31. Красных В.В. Когнитивный аспект базовых метафор лингвокультуры // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 57. М.: МАКС Пресс, 2017. С. 142–165.
32. Красных В.В. Всегда ли метафора это только «сжатый сюжет»? // Критика и семиотика. 2019. № 2. С. 194–205.
33. Сахарный Л.В. К тайнам мысли и слова. М.: Просвещение, 1983.
34. Сахарный Л.В., Штерн А.С. Набор ключевых слов как тип текста // Лексические аспекты в системе профессионально-ориентированного обучения иноязычной речевой деятельности. Пермь: Пермский политех. ун-т, 1988. С. 34–51.
35. Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древний период). М.: Наука, 1965.
36. Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры. Основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016.
37. Уфимцева Н.В., Балясникова О.В. Национальное самосознание и ассоциативно-вербальная сеть: об одной гипотезе Ю.Н. Караулова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 238–254. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-2-238-254>
38. Сергиева Н.С. Ядро языкового сознания: содержание и структура. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yadro-yazykovogo-soznaniya-soderzhanie-i-struktura/viewer> (дата обращения: 09.08.2020).
39. Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб. ст. / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. С. 139–162.
40. Уфимцева Н.В. Образ власти по материалам крымского ассоциативного словаря // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 630–647. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-630-647>
41. Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995.
42. Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян. Режим доступа: https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/4-2.html (дата обращения: 27.02.2022).

References

1. Leontiev, A.N. (1977). *Activity, Consciousness, Personality*. 2nd ed. Moscow: political literature publishing house. URL: <https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/psihologiya/2472-a-leontev-deyatelnost-soznanie-lichnost.html> (accessed 25th of February 2022). (In Russ.).
2. Humboldt, V. fon. (2000). *Selected Works on Linguistics*. Ed. G.V. Ramishvili. Moscow: Progress. URL: <http://lib.rus.ec/b/325096/read> (accessed 25th of February 2022). (In Russ.).
3. Stetsenko, A.P. (1984). *Psychological Structure of Meaning and Its Development in Ontogeny*: Abstract of the dissertation for the degree of PhD (Psychology). Moscow. URL: <http://www.dslib.net/obwaja-psixologia/psihologicheskaja-struktura-znachenija-i-ee-razvitie-v-ontogeneze.html> (accessed 25th of February 2022). (In Russ.).
4. Leontiev, A.A. (2001). *Activity Mind (Activity. Sign. Personality)*. Moscow: Smysl. (In Russ.).
5. Zalevskaya, A.A. (2011). *Meaning of Word through the Prism of Experiment*. Tver: Never State Univ. (In Russ.).
6. Zalevskaya, A.A. *Meaning of Word and the Possibilities of Its Description*. URL: https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1998/articles/2_1.htm (accessed 27th of February 2022). (In Russ.).

7. Krylov, G.A. *Etymological dictionary*. URL: <https://gufo.me/dict/krylov/> (accessed 25th of February 2022). (In Russ.).
8. Semyonov, A.V. *Etymological Online Dictionary of the Russian Language*. URL: <https://lexicography.online/etymology/semyonov/> (accessed 25th of February 2022). (In Russ.).
9. Vasmer, M. *Etymological Dictionary*. URL: <https://gufo.me/dict/vasmer/> (accessed 25th of February 2022). (In Russ.).
10. Shansky, N.M. *Etymological Online Dictionary of the Russian Language*. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/> (accessed 25th of February 2022). (In Russ.).
11. Dahl, V.I. *Explanatory Online Russian Dictionary*. URL: <https://lexicography.online/explanatory/dal/> (accessed 25th of February 2022). (In Russ.).
12. Efremova, T.F. *Explanatory dictionary*. URL: <https://gufo.me/dict/efremova/> (accessed 25th of February 2022). (In Russ.).
13. Kuznetsov, S.A. *Explanatory dictionary*. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/> (accessed 25th of February 2022). (In Russ.).
14. Small Academic Dictionary. URL: <https://gufo.me/dict/krylov/>, URL: <https://gufo.me/dict/mas/> (accessed 25th of February 2022). (In Russ.).
15. Ozhegov, S.I. *Explanatory Dictionary*. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/> (accessed 25th of February 2022). (In Russ.).
16. Ushakov, D.N. *Explanatory Dictionary*. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/> (accessed 25th of February 2022). (In Russ.).
17. Russian Associative Dictionary. In 2 vols. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (accessed 25th of February 2022). (In Russ.).
18. Russian Regional Associative Dictionary-Thesaurus. URL: <https://iling-ran.ru/web/ru/publications/evras> (accessed 25th of February 2022). (In Russ.).
19. Russian Regional Associative Dictionary-Thesaurus (Siberia and Far East). URL: http://adict.ru/nsu.ru/media/SIBAS_right.pdf (accessed 25th of February 2022). (In Russ.).
20. Slavic Associative Dictionary. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/SAS/index.html>, URL: https://www.it-claim.ru/Projects/ASIS/SAS/SAS_pdf/SAS.pdf (accessed 25th of February 2022). (In Russ.).
21. Dictionary of Associative Norms of the Russian Language by A.A. Leontiev. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm> (accessed 25th of February 2022). (In Russ.).
22. Leontiev, A.A. (1971). The Psychological Structure of Meaning. *Semantic Structure of Word*. Moscow: Nauka, 7–19. (In Russ.).
23. Leontiev, A.A. (1969). *Psycholinguistic Units and the Speech Utterance Generation*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
24. Leontiev, A.A. (1976). Psycholinguistic Aspect of Linguistic Meaning. *Principles and Methods of Semantic Research*, 156–169. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psiholingvisticheskiy-aspekt-yazykovogo-znacheniya/viewer> (accessed 25th of February 2022). (In Russ.).
25. Sternin, I.A. & Rudakova, A.V. (2011). *Psycholinguistic Meaning of a Word and Its Description*. Saarbrücken: Lambert Academic Publ. (In Russ.).
26. Sternin, I.A. (2010). Towards the Development of a Psycholinguistic Explanatory Dictionary. *Voprosy psicholingvistiki*, 2(12), 57–63. (In Russ.).
27. Krasnykh, V.V. (2020). Archaic Layers of Consciousness of a Modern Linguistic Personality (on the Example of the Basic Metaphor Liquid). *Voprosy psicholingvistiki*, 3(45), 70–84. (In Russ.).
28. Myagkova, E.Yu. (1990). *Emotional Load of the Word: the Experience of Psycholinguistic Research*. Voronezh: Voronezh Univ. Press. (In Russ.).
29. Myagkova, E.Yu. (2000). *Emotional-and-Sensual Component of the Word Meaning: Questions of Theory* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
30. Myagkova, E.Yu. (2000). Problems and Prospects for the Study of Emotional Meaning. *Language, consciousness, communication*. Eds. V.V. Krasnykh, A.I. Izotov. Vol. 11. Moscow: Dialogue-MGU. pp. 20–23. (In Russ.).

31. Krasnykh, V.V. (2017.) The Cognitive Aspect of the Basic Metaphors of Linguoculture. *Language, consciousness, communication*. Eds. V.V. Krasnykh, A.I. Izotov. Vol. 57. Moscow: Dialogue-MGU. pp. 142–165. (In Russ.).
32. Krasnykh, V.V. (2019). Is a Metaphor Always Just a “Compressed Plot”? *Criticism and semiotics*, 2, 194–205. (In Russ.).
33. Sakharny, L.V. (1983). *To the Secrets of Thought and Word*. Moscow: Prosveschenie.
34. Sakharny, L.V. & Schtern, A.S. (1988). Set of Keywords as Text Type. *Lexical Aspects in the System of Professionally Oriented Teaching of Foreign Language Speech Activity*. Perm: Perm Polytechnical University. pp. 34–51. (In Russ.).
35. Ivanov, Vyach.Vs. & Toporov, V.N. (1965). *Slavic language modeling semiotic systems (ancient period)*. Moscow: Nauka, 1965. (In Russ.).
36. Krasnykh, V.V. (2016). *Thesaurus and Grammar of Linguoculture. Fundamentals of Psycholinguoculturology*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
37. Ufimtseva, N.V. & Balyasnikova, O.V. (2021). National Identity and the Associative-Verbal Network: on a Hypothesis of Yu.N. Karaulov. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(2), 238–254. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-2-238-254> (In Russ.).
38. Sergieva, N.S. (<http>) *The Core of Linguistic Consciousness: Content and Structure*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yadro-yazykovogo-soznaniya-soderzhanie-i-struktura/viewer> (accessed 25th of February 2022). (In Russ.).
39. Ufimtseva, N.V. (1996). Russians: the Experience of Another Self-Knowledge. *Ethnocultural Specificity of Linguistic Consciousness*. Ed. N.V. Ufimtseva. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Science, 139–162. (In Russ.).
40. Ufimtseva, N.V. (2022). The Image of Power Based on the Materials of the Crimean Associative Dictionary. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(3), 630–647. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-630-647> (In Russ.).
41. Slavic antiquities. *Ethnolinguistic Dictionary*. (1995). Vol. 1. *Mezhdunarodnye otnoshenia*. (In Russ.).
42. Ufimtseva, N.V. Linguistic Consciousness and the Image of the World of the Slavs. URL: https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/4-2.html (accessed 25th of February 2022). (In Russ.).

Сведения об авторе:

Красных Виктория Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общей теории словесности филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 1); *e-mail*: victoryvk@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8753-4168

Information about the author:

Victoria V. Krasnykh, D.Sc. in Philology, Docent, Professor, Dept. of Discourse and Communication Studies, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation, 119991); *e-mail*: victoryvk@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8753-4168

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-4-1321-1336

EDN: YRCCOJ

UDC 81'27:378.4:316.77

Research article / Научная статья

Linguistic Landscape of an International University Campus: Approaches, Features, Findings

Polina Yu. Povalko , Elena S. Smolii , Olga N. Kolysheva

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 povalko-pyu@rudn.ru

Abstract. The relevance of this study is explained by the fact that despite the diversity of linguistic landscape studies of urban spaces, the methodology for studying the linguistic landscape of educational organizations is not systematically described and there is a lack of research on the communicative space of universities. Meanwhile, the linguistic landscape of a university is one of the important tools for its management and transmission of values and ideology, it is also a space for interaction between administration, teachers and students. In addition, the linguistic situation developed at Peoples' Friendship University of Russia, where the campus is a unique multinational multicultural space with a peculiar linguistic landscape, is of scientific interest. The purpose of the study is to describe the linguistic landscape of the international campus of RUDN University as a classical university with high level of internationalization with the use of the methodology developed by the authors. The material presents visual texts posted on RUDN University campus. The objectives of the study involved the following methods: sociolinguistic methods and techniques; descriptive method with characteristic techniques of generalization; classification and interpretation; quantitative, comparative and semiotic methods. The main results, which also contribute to the scientific novelty of this study, are as follows: 1) the authors proposed a methodology to describe the linguistic landscape of an educational organization; 2) clarified methodologically important issues related to the concept and functions of the linguistic landscape of a university; 3) identified the subjects shaping the linguistic landscape of the university, and determined the degree of their activity in its creation and contribution to the linguistic diversity of the landscape; 4) established that the ratio of languages, as well as the dominant language of written communication, depends on the subject of the texts; 5) pointed out that the linguistic landscape reflects the focus of RUDN University on internationalization; 6) formulated preliminary recommendations for organizing written communication on campus to increase its effectiveness and improve the ergonomics of the campus communicative space; 7) noted that the linguistic landscape is only a part of the complex communicative space of a university campus, for a comprehensive study of which the authors of the article introduce the term 'communicative landscape'.

Keywords: linguistic landscape, university campus, internationally oriented university, communicative space, intercultural communication, communicative landscape

© Povalko P.Yu., Smolii E.S., Kolysheva O.N., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Financing. Acknowledgements:

The publication has been supported by project № 050223-0-000 “Language landscape and discursive practices of the campus of an international university”.

Article history:

Received: 01.06.2023

Accepted: 15.09.2023

For citation:

Povalko, P.Yu., Smolii, E.S. & Kolysheva, O.N. (2023). Linguistic Landscape of an International University Campus: Approaches, Features, Findings. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(4), 1321–1336. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1321-1336>

Языковой ландшафт кампуса интернационального университета: методология, анализ, результаты

П.Ю. Повалко , Е.С. Смолий , О.Н. Колышева

Российский университет дружбы народов, Москва,
Российская Федерация

 povalko-pyu@rudn.ru

Аннотация. Актуальность данной работы обусловлена тем, что при многообразии лингволандшафтных исследований городских пространств методология изучения языкового ландшафта образовательных организаций системно не описана, исследований коммуникативного пространства вузов недостаточно. Между тем языковой ландшафт университета является одним из важных инструментов его управления, трансляции ценностей и идеологии, а также пространством для взаимодействия администрации, преподавателей и студентов. Кроме того, научный интерес представляет языковая ситуация, сложившаяся в Российском университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы, кампус которого является уникальным многонациональным поликультурным пространством со своеобразным языковым ландшафтом. Цель исследования — с применением разработанной авторами методологии описать языковой ландшафт интернационального кампуса РУДН как классического университета с высоким уровнем интернационализации. Материалом выступили визуальные тексты, размещенные на территории кампуса РУДН. Задачи исследования предполагали использование следующих методов: социолингвистические методы и приемы, описательный метод с характерными приемами обобщения, классификации и интерпретации, а также количественный, сопоставительный и семиотический методы. Основными результатами, составляющими также и научную новизну данного исследования, стали: 1) предложена методология описания языкового ландшафта образовательной организации; 2) уточнены основные методологические понятия и функции языкового ландшафта вуза; 3) выделены субъекты, формирующие языковой ландшафт вуза, определена степень их активности в его создании и вклад в языковое разнообразие ландшафта; 4) установлено, что соотношение языков, а также доминирующий язык письменного общения зависит от тематики текстов; 5) показано, что языковой ландшафт отражает ориентированность РУДН на интернационализацию; 6) сформулированы предварительные рекомендации по организации письменной коммуникации на территории кампуса для повышения ее эффективности, а также по улучшению эргономичности коммуникативного пространства кампуса; 7) отмечено, что языковой ландшафт явля-

ется лишь частью сложного коммуникативного пространства кампуса университета, для комплексного изучения которого авторы статьи предлагают использовать понятие «коммуникативный ландшафт».

Ключевые слова: языковой ландшафт, университетский кампус, международно ориентированный университет, коммуникативное пространство, межкультурная коммуникация, коммуникативный ландшафт

Финансирование. Благодарности:

Публикация выполнена в рамках проекта № 050223-0-000 «Языковой ландшафт и дискурсивные практики кампуса интернационального университета».

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2023

Дата приема в печать: 15.09.2023

Для цитирования:

Povalko P.Yu., Smolii E.S., Kolysheva O.N. Linguistic Landscape of an International University Campus: Approaches, Features, Findings // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 1321–1336. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1321-1336>

Introduction

The organization of campuses of higher educational institutions in the Russian Federation has recently received special attention, which is confirmed by conferences, round tables and publications on this topic (for example, the All-Russian scientific and practical conference “Current directions for the transformation of university campuses. USPTU campus”; XXIII Yasin International Academic Conference on Economic and Social Development; International Scientific and Practical Conference Future of Human Smart Cities in Europe and Central Asia: challenges and opportunities (“The Future of Smart Cities in Europe and Central Asia: Problems and Prospects”), III International Scientific Conference “Visual Anthropology–2019. University City: Living Space and Visual Environment”, etc.). Scientific events discuss issues related to the organization and architecture of the campus, ecology, information and educational environment, etc. (for example, Innovative environmental educational project “RUDN University Green Campus”).

However, there is currently an insufficient amount of works devoted to a comprehensive study of the characteristics of campus communicative space, both in the Russian science and internationally (for more details, see [1]). Among the few, we can note the project “Linguistic Diversity on the EMI Campus” [2; 3], aimed at studying the functioning of languages on the campus of the University of Southampton (UK). A dynamically developing area becomes analysis of the linguistic landscape of universities, especially those that traditionally accept students from around the world. Linguistic landscape, as a rule, is understood as «all linguistic elements that are visible in a certain part of the public

space» [4]. Significant studies of this kind are projects implemented in East Asian universities over the past five years: a study of the linguistic landscape of Jilin University of Foreign Studies [5], field study of the linguistic landscape codes of the campus of Shandong University of Finance and Economics [6], comparative studies of linguistic landscapes of Chinese universities' campuses in Jilin [7], analysis of the linguistic landscape of the university campus in Ponorogo [8], study of the linguistic landscape of the campus of Wuchang Shouyi College in Hubei Province from the perspective of educational and extracurricular activities [9]. Another significant study is done by Jae Hyun Im [10], devoted to the research of the linguistic landscape of departments of East Asian languages and cultures at a university in the Midwestern United States (Indiana University at Bloomington), which found that East Asian departments strive to preserve and express their identity through publicly available language and cultural resources. Let's note that a separate area is represented by research into the linguistic landscape of school institutions [11–14], which emphasizes its significant role in the evaluation of students, and in the transmission of ideological attitudes related, among other things, to politics and culture, society and languages.

The communicative space of Russian educational institutions has not often become the object of research; even if so, then only in a comparative aspect. As examples, we can suggest the project implemented by the National Research University Higher School of Economics “Language landscape and communication with international students (case study of the University of Jena and the National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg)”, carried out as a part of the bachelor's research work by E.V. Teplukhina; work on a comparative analysis of the spatial configuration of the linguistic landscape of Chinese and Russian universities [15], which highlights only one aspect of the phenomenon being studied — spatial campus organization.

Meanwhile, the language situation observed at Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia) is of scientific significance. The university teaches students from almost 160 countries around the world, thus the RUDN campus becomes a unique multinational multicultural space with a unique linguistic landscape. It is important to note that the linguistic landscape of the campus is shaped by all participants in communication and at the same time influences all residents of the campus. In addition, the linguistic landscape is a reflection of the language policy, or language ideology [2; 12; 14] of the university. This is what determines the relevance of the topic under consideration.

The object of this study is the communicative space of an international university. **The subject** is the linguistic landscape as an integral component of the general communicative space of the university.

The purpose of the study is to apply the methodology developed by the authors to describe the linguistic landscape of the campus of an international university based on the example of Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia.

The purpose of the study involves the following **tasks**:

1. to clarify the concept of linguistic landscape in relation to the study of the communicative space of the campus of an international university;
2. to identify features and functions of the linguistic landscape of the international campus of the university;
3. to propose a methodology for conducting research on the linguistic landscape of a multilingual campus;
4. to describe the linguistic landscape of RUDN University campus;
5. to identify controversial issues in studying the linguistic landscape of an international campus and outline the prospects for such research.

The objectives of the project determined the choice of appropriate **research methods**:

- sociolinguistic methods and techniques to collect material: continuous sampling method, controlled selection method (selective sampling method);
- descriptive method to review the material: characteristic techniques of processing, classification, generalization and interpretation;
- quantitative method and the comparison method to develop principles for systematizing and classifying the material;
- semiotic method, pragmatylistic and semantic analysis to analyze linguistic material.

The theoretical base of the research is formed within the theory of linguistic landscape [3; 16–22], and relies on the methodology of linguistic landscape research [23–26], on the practice of studying the linguistic landscape of cities [27–32] and educational institutions [11–14], on the study of the connection between the linguistic landscape and language ideology and policy [33; 34], on the tendency of internationalization in world universities [35; 36].

Methodology

The landscape metaphor was discussed in social sciences back in the 20th century to describe complex types of interaction between man and the environment. To describe the coexistence of languages in urban space, scientists introduced the concept of linguistic or language landscape [17], which was defined as «the language of public road signs, billboards, street names, place names, commercial store signs and public signs on government buildings» [17. P. 25]. In modern understanding / announcements, the linguistic landscape also includes moving objects: tickers on video screens; advertising on vehicles, car stickers, text on T-shirts and accessories [14]. The publicity of the elements (signs) that form the linguistic landscape is emphasized by D. Gorter, who believes that the

study of the linguistic landscape concerns the use of language in its written form in the public sphere [16]. Similarly, I. Ban-Raphael and others define linguistic landscape as «any sign or announcement located outside or inside a public institution» [28. P. 14] or «the use of language in its written form (visible language) in the public sphere» [27. P. 9].

Modern sociolinguistics proposes to consider as such a ‘public sphere’ spaces of not only an entire city or region, but also individual districts and spaces of educational institutions — schools and universities (see above). Therefore, the use of linguistic landscape methodology to describe the linguistic landscape of RUDN University campus is scientifically justified.

However, the description of the linguistic landscape of the campus of an international university, such as RUDN University requires some methodological clarifications.

Firstly, the territory of the RUDN campus is a relatively limited geographical space: on the one hand, there are no visible boundaries (access to the territory is open to any person), on the other hand, the compact arrangement of campus facilities along one street, common elements of the linguistic landscape (for example, navigation signs, symbols, etc.) make it possible to identify the campus as a single dedicated space within the city. Important characteristics of this space are: 1) it is defined as belonging to the university, and 2) there are two types of subjects in it — internal, related to the university (students and employees), and external, which are not directly related to the university but like internal ones, they participate in the creation of the linguistic landscape.

Secondly, the functions of the linguistic landscape, which theorists write about (In particular, Landry, Bourhis), change in the educational context of a university campus; new ones appear.

According to researchers, the linguistic landscape performs «two main functions: informative and symbolic» [17. P. 25]. **Informative function** is considered as providing information about the linguistic diversity of a certain territory and the level of its involvement in the processes of globalization, that is, part of the linguistic landscape created by the university administration and broadcasts its ‘linguistic face’. Thus, the duplication of all official information signs into English, as will be shown below, indicates the university’s desire to maintain the status of an ‘internationally oriented university’.

Symbolic function is associated «with the status of the language, the demographic and institutional power of the ethnic group» [17. P. 27]. In the case of a university campus, this function is determined primarily by the transmission of the high status of the Russian language as the state language in Russia and the language of education. As M. Pütz puts it, the dominance of a language emphasizes its «strength, power, status, significance and vitality in a given territory» [33. P. 301]. But apart from that, the presence of announcements / posters in foreign languages highlights the social activity of a particular language community.

Axiological function becomes an important function of the campus linguistic landscape [24. P. 158]. Texts located inside and outside buildings «record the value system of society and, in addition, are themselves one of the means of forming an axiological picture of the world of recipients» [24. P. 158]. For example, the distribution of multilingual announcements throughout the campus creates the image of ‘the most multinational university’, ‘peoples’ friendship university’, it also works to broadcast the university’s mission «by uniting people of different cultures with knowledge, RUDN creates leaders who make the world a better place».

Didactic and adaptive functions of the campus linguistic landscape are specific particularly for the educational space: «signs and announcements in Russian motivate international students to study it more deeply, and also serve for faster adaptation in a foreign language environment» [37. P. 142], while the inscriptions found in other languages familiarize Russian-speaking students with the written culture of various countries and encourage them to study foreign languages, that is, they promote students’ multilingual literacy and intercultural competence [4]. The multilingual text space of an international campus is an effective tool in the process of acquiring identity and social integration of students [10], which results in cross-dialogue and interpenetration of cultures. That is, we can talk about the **identification function** of the linguistic landscape.

Research material

The research material is presented in visual texts located on the RUDN campus — signs, announcements, indexes, posters, plaques, screens, etc.

The representativeness of the material correlates with the selected for analysis campus objects that reflect key types of university activities — academic buildings, dormitories, social and cultural facilities and the area adjacent to the buildings (for more information on the composition of the campus, see [38]). Using a continuous sampling method, we collected texts located on campus, namely: in administrative spaces (main building, the RUDN multifunctional centre); educational spaces (8 faculties); dormitories (4 buildings); cafés, restaurants and spots to eat on campus (located inside academic buildings and separate spots); space of cultural life (International Club); street space (tickers and screen on the main building, signs and markers throughout the campus).

In order to ensure the reliability of the statistical data and the consistency of the analysis, we worked out the unit of analysis. Under the unit of analysis we mean a text that simultaneously meets the following criteria: separate location, similar design, common theme and author’s intention.

Thus, we collected 4148 text units.

Given the dynamic nature of the linguistic landscape, it is important to fix the time period for collecting material for this study: March–April 2023.

Analysis criteria

The most important methodological issue was taxonomy — elaboration and of criteria for analyzing the material.

Since the linguistic landscape is closely related to linguistic diversity [3], the first criterion for classification was the **language of the text**. The **linguistic type** of communication was the second classification criterion: the material showed that texts can be monolingual (In one language), bilingual and multilingual (written in two or more languages, respectively). The key aspect of describing the linguistic landscape, which is noted by researchers [28; 29; 39–41], is the subjects creating it. Therefore, the next criterion for classification was the **addressee** of the text. Within the educational context, such addressees are the university administration, teachers and students. In addition, external entities that are indirectly related to the RUDN University also take part in creating the linguistic landscape — organizations that provide various services to students and university employees (for example, cafés, copy centres, hairdressers, etc.). In addition, we identified the **topics of the texts** as a criterion. To fulfil the purposes of this study, we defined the topics broadly: management of university activities, support of the educational process, extracurricular activities, organization of university space, arrangement of student life.

Such a set of criteria made it possible to comprehensively describe the linguistic landscape of an classical university with high level of internationalization.

Research results

Out of the 4148 units of analyzed texts, 1495 (36 % of the total) were written in foreign languages or with the inclusion of foreign languages. Among them, we spotted texts in 12 languages: English, Arabic, Vietnamese, Spanish, Italian, Chinese, Latin, Portuguese, Uzbek, Farsi, French, Japanese.

This representation of languages confirms the focus of the Peoples' Friendship University of Russia on multinationality. It should be noted that multilingualism and multiculturalism are one of the main values of RUDN University, broadcast in the public communication space of the university and in its mission.

However, it was found that with the variety of languages represented, the degree of manifestation of multilingualism depends on the addresser and the topic of communication. The greatest linguistic diversity is recorded in texts for the administration and students. At the same time, the topics of the texts are different.

Texts in foreign languages or with the inclusion of foreign languages, written on behalf of the administration, are devoted to issues of organizing everyday life related to life and health (for example, fire safety), and university navigation (by navigation we mean texts that facilitate navigation

in the university space: directional signs, signboards, etc.). At the same time, 1089 units (73 % of the total number of texts of this type) are bilingual texts (Russian + English) that organize the campus space. The duplication of all official information signs into English, as will be shown below, demonstrates the university's commitment to maintaining its status as an internationally oriented university.

Student texts in foreign languages are devoted to various issues of extracurricular activities — their authors are not only international, but also Russian students studying different languages. It is interesting that, despite the prevalence of monolingual texts, the variety of languages in them is represented as widely as possible: we registered texts in English, Arabic, Vietnamese, Spanish, Italian, Chinese, Latin, Uzbek, French, and Japanese.

Almost two-thirds of all texts on campus are monolingual (68 %), with 94 % of them written in Russian and only 6 % in other foreign languages (2651 and 179 units of text, respectively).

The most active creator of the linguistic landscape is the university administration — 88 % of all announcements, which is explained by its multifunctionality (managing the activities of the university, ensuring the educational process, organizing the university space, arranging the life of students and extracurricular activities). Texts from the administration prevail in all thematic groups.

Thus, in the *University Management* block, texts created by the administration account for 98 %, while almost all of them are in Russian: out of 354 texts in this block, only 26 are in a foreign language. This may be explained by legal requirements for document management in the Russian Federation¹.

A similar situation is observed in the thematic block *Organization of the educational process*, where out of 725 texts by the university administration, 88 % — 640 units — are in Russian. This is connected with the fact that all bachelor's programs, as well as most master's programs, are implemented in Russian, which is the state language² and is legally established as the language of education³.

At the same time, 82 texts in this thematic block were created by the administration in foreign languages or with the inclusion of a foreign language, which is 12 % of the total number of texts. This is primarily due to the fact that the university implements some of its programs in foreign languages — foreign language documentation is required to accompany them.

In addition, we should note the activity of teachers in compiling texts on organizing the educational process — 12.5 % of texts (102 units) were prepared by teachers who provide for the educational process. It is important to emphasize

---

¹ Federal Law dated 01.06.2005 “On the state language of the Russian Federation”

² Ibid.

³ Federal Law dated 29.12.2012 “On education in the Russian Federation”

that the main interaction between the teacher and students within the educational process, according to local regulations, is carried out in the telecommunication educational information system (TEIS), as well with the use of corporate mail.

The greatest variability is found in the thematic block *Extracurricular Activities*, where 62 % of all announcements (358 units of text) are created by the administration; the second most active addresser is students (25 %, 144 units of text). In monolingual texts on extracurricular topics written on behalf of the administration, multilingualism is most evident: in addition to Russian, 4 foreign languages were implemented in 22 texts. The high activity of students in the thematic block *Extracurricular Activities* is explained, among other things, by the great work of teachers who inspire students and motivate them to create multilingual texts as part of extracurricular activities.

71.5 % of the texts in the thematic block *Organization of everyday life* were issued by the university administration (309 texts out of 432). Among them, we spotted 75 texts written in or using a foreign language it, which constitutes a fairly large percentage (17 %) of the total number of administrative texts in this thematic block. Compared to other thematic blocks, there is the largest number of bi- and multilingual texts, which, in our opinion, is explained by the need to convey information about ensuring life safety to the maximum number of addressees. For example, we found texts with the same content (for example, fire safety notices) translated into 8 languages: English, Arabic, Chinese, French, Spanish, Farsi, Vietnamese, Portuguese.

As mentioned above, 52 % of all texts (1887 units) by the administration are devoted to the organization of the university space, and therefore were allocated to the thematic block *Navigation*. It is important to note that 1088 of them are bilingual, with 99 % (1078 units) of Russian-English texts, and only 10 announcements contain combinations of other languages: Russian-Spanish, Russian-Chinese, Russian-German, Russian-Italian, Russian-French, Russian-Latin.

We separately consider the participation of external entities in creating the linguistic landscape of the RUDN University campus. The analysis showed that their role is insignificant — 5 % of the total number of all texts (216 units). The largest number (117 units — 49.5 % of all ‘external’ texts) concerns everyday topics, which is determined by the nature of the addressees’ activities (these are shops, cafés, copying and photo centres, etc.). Besides, external entities take part in organizing extracurricular activities, for example, inviting students to various courses, master classes, and events outside the university. ‘External’ texts related to extracurricular activities account for 30 % of the total number of texts created by external entities.

Let’s us note that external addressers provide predominantly monolingual texts (195 units — 90 % of the total number of ‘external’ texts), while the vast majority of them are written in Russian: only 11 monolingual texts in English were found. In addition, we point to the minimal use of foreign languages: only 10 %

of ‘external’ texts are bi- and multilingual. The use of foreign languages (English, Arabic, Spanish, Italian, Chinese) when creating texts by external entities, as a rule, performs an attractive function within a marketing strategy — «not to inform but to impress and attract» [42. P. 558].

Discussion

The results of the analysis showed that the linguistic landscape of the RUDN University fully reflects the multinational nature of the university and its international orientation, as evidenced by the multilingualism of both text senders and their addressees.

The dominant language in written communication is Russian — the state language of the Russian Federation and the language of education. English is also active as a language of international communication, which demonstrates the university’s involvement in globalization processes. However, given the fact that a large number of native speakers of other languages, in particular Chinese, study at the university, we find it advisable to consider the issue of translating a number of texts concerning important aspects of the organization of the educational process and everyday life into other foreign languages.

Translating texts into other languages will help, on the one hand, maximally expand the audience, on the other hand, to differentiate recipients, excluding those for whom this information is not relevant, and thus increase the efficiency of information management in a multilingual team.

In addition, in our opinion, an increase in the number of texts in different languages can, help improve the ergonomics of the campus communicative space, more successful adaptation and social integration of international students with a beginner level of mastering Russian, and at the same time help develop intercultural competence and multilingual literacy among all students living in the unique international environment of the RUDN University campus.

The multifunctionality and polyphony of the linguistic landscape require a meaningful approach to its formation, taking into account the axiosphere of the RUDN University, its ideology and language policy.

Conclusion

We developed a methodology that made it possible to describe the features of the linguistic landscape of an international university.

The results of the study of the linguistic landscape of the international campus have theoretical value (for contact linguistics, intercultural communication, sociolinguistics, linguoculturology, psycholinguistics, etc.) and practical significance (the use of the data obtained helps to improve the organization of the educational space of internationally oriented universities, support international students, and

increase the efficiency of educational and everyday communication in a multilingual team. So, we have developed a methodology that made it possible to describe the features of the linguistic landscape of an international university.

However, the study clearly showed that the linguistic landscape, shaped with written public texts, is only part of the complex communicative space of a multilingual university campus. Such a space, according to observations at this stage, involves various forms of communication — written, oral, digital.

It seems appropriate for us to use in further studies of the communicative space of educational organizations the concept of ‘communicative landscape’, which is a systemic education that includes such components as the linguistic landscape of the campus, a set of onomastic features, visual representations of all campus spaces (non-verbal signs); graphics features; symbolic identity markers and linguocultural signs (symbols, nationally marked clothing items, etc.); contemporary spoken language of campus residents; textual representations of the campus (mention in the media, social networks, etc.).

References / Библиографический список

1. Povalko, P.Yu., Mikheeva, E.S. & Gubanova, O.I. (2022). University Campus as the Subject of Scientific Research. In: *Language as An Art: Functional Stylistics and Poetics*, proceedings. Moscow: RUDN publ. pp. 283–291. (In Russ.).
Повалко П.Ю., Михеева (Смолий) Е.С., Губанова О.И. Университетский кампус как объект научного исследования // Язык как искусство: функциональная стилистика и поэтика: сб. ст. Международной научно-практической конференции, 14–15 апреля 2022. М.: РУДН, 2022. С. 283–291.
2. Jenkins, J. (2013). *English as a Lingua Franca in the International University*. Abingdon: Routledge.
3. Jenkins, J. & Mauranen, A. (eds.) (2019). *Linguistic Diversity on the EMI Campus: Insider accounts of the use of English and other languages in universities within Asia, Australasia, and Europe*. Abingdon: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429020865>
4. Cenoz, J. & Gorter, D. (2008). The linguistic landscape as an additional source of input in second language acquisition. *IRAL-International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*, 46(3), 267–287.
5. Zhang, Y.C. (2020). Research on the Linguistic Landscape of University Campus. *Literature Education*, 10, 132–133. <https://doi.org/10.16692/j.cnki.wxjys.2020.10.058>
6. Liu, C. & Wang, Y.J. (2021). Exploration of Code Use and Arrangement of Linguistic Landscape in Universities-Take Shungeng Campus of Shan Dong University of Finance and Economics as an example. *Modern Communication*, 20, 102–104.
7. Jiang, S. & Ma, C.Y. (2018). Research on the Linguistic Landscape of University Campus from the Perspective of Adaptation Theory. *Ability and Wisdom*, 09, 13. URL: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?FileName=CAIZ201809011&DbName=CJFQ2018> (accessed: 13.05.2023).
8. Nosiani, N., Asiyah, S. & Mustikawati, D.A. (2019). Linguistic Landscape on Campus in Ponorogo (A Case Study of Sings in Ponorogo Universities). *Penerbitan artikel ilmiah Mahasiswa Universitas Muhammadiyah Ponorogo*, 3(2), 130–138.
9. Cao, H.Z., Liu, Y.Q. & Chen, H.Y. (2022). Mapping the Linguistic Landscape in a Chinese University. *Open Access Library Journal*, 9, 1–16. <https://doi.org/10.4236/oalib.1109585>
10. Im, J.H. (2020). The discursive construction of East Asian identities in an era of globalization and internationalization: the linguistic landscape of East Asian departments at a US university. *Journal of Multicultural Discourses*, 15(1), 80–103. <https://doi.org/10.1080/17447143.2020.1738441>

11. Astillero, S.F. (2017). Linguistic schoolscape: Studying the place of English and Philippine languages of Irosin secondary school. *Asia Pacific Journal of Education, Arts and Sciences*, 4(4), 30–37.
12. Bernardo-Hinesley, S. (2020). Linguistic Landscape in Educational Spaces. *Journal of Culture and Values in Education*, 3(2), 13–23. <https://doi.org/10.46303/jcve.2020.10>
13. Samrat, B. & Singh, S. (2022). Language visibility in multilingual schools: An empirical study of schoolscape from India. *Linguistics and Education*, 69, 1–10. <https://doi.org/10.1016/j.linged.2022.101046>
14. Brown, K.D. (2012). The Linguistic Landscape of Educational Spaces: Language Revitalization and Schools in Southeastern Estonia. In: Gorter, D., Marten, H.F., Van Mensel, L. (eds) *Minority Languages in the Linguistic Landscape. Palgrave Studies in Minority Languages and Communities*. London: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9780230360235_16
15. Lu, Lifen, Wu, Juan & Ren, Yaqian (2019). Comparison of Linguistic Landscape Configuration of Chinese and Russian Universities. *Political Linguistics*, 5(77), 185–192. <https://doi.org/10.26170/pl19-05-20> (In Russ.).
Лю Лифэнь, У Цзюань, Жэнь Яцянь. Сопоставление пространственной конфигурации языкового ландшафта китайских и российских университетов // Политическая лингвистика. 2019. № 5(77). С. 185–192. https://doi.org/10.26170/pl19-05-20
16. Gorter, D. (2006). Linguistic Landscape: A new Approach to Multilingualism. *The International Journal of Multilingualism*, 3, 15–25.
17. Landry, R. Bourhis, R. (1997). Linguistics Landscapes and Ethnolinguistic Vitality: An Empirical Study. *Journal of Language and Social Psychology*, 16(1), 23–49.
18. Abramova, E.I. (2016). Linguistic landscape as an object of sociolinguistics. *Russian Linguistic Bulletin*, 6, 48–49.
19. Cenoz, J. & Gorter, D. (2006). Linguistic landscape and minority languages. *International Journal of Multilingualism*, 3, 67–80
20. Blommaert, J. (2013). *Ethnography, superdiversity and linguistic landscapes: Chronicles of complexity*. Bristol: Multilingual Matters.
21. Blommaert, J. (2016). The conservative turn in linguistic landscape studies. *Tilburg Papers in Culture Studies*. Tilburg: Tilburg University.
22. Backhaus, P. (2019). Linguistic Landscape. In: *The Routledge Handbook of Japanese Sociolinguistics*. Abingdon: Taylor & Francis. pp. 158–169.
23. Pavlenko, A. (2017). Linguistic Landscape and Other Sociolinguistic Methods in the Study of Russian Language Abroad. *Russian Journal of Linguistics*, 21(3), 493–514. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-2-493-514> (In Russ.).
Павленко А. Языковые ландшафты и другие социолингвистические методы исследования русского языка за рубежом // Russian Journal of Linguistics. 2017. Т. 21. № 3. С. 493–514. https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-2-493-514
24. Golikova, T.A. (2020). Methodology of Linguistic Landscape Research in Russia: an Analytical and Thematic Review. *Vestnik Tver State University. Series: Philosophy*, 4(54), 149–166. <https://doi.org/10.26456/vtphilos/2020.4.149> (In Russ.).
Голикова Т.А. Методология лингволандшафтных исследований в России: аналитико-тематический обзор // Вестник ТвГУ. Серия «Философия». 2020. № 4(54). С. 149–166. https://doi.org/10.26456/vtphilos/2020.4.149
25. Shohamy, E. (2012). Linguistic landscapes and multilingualism. In: M. Martin-Jones, A. Blackledge, A. Creese (eds.) *The Routledge Handbook of Multilingualism*. Florence: Taylor and Francis. pp. 538–551.
26. Kirilina, A.V. (2013). The Description of the Linguistic Landscape as a New Method of Language Research in the Age of Globalization. *Herald of Tver State University Series: Philology*, 5(24), 159–167.
Кирилина А.В. Описание лингвистического ландшафта как новый метод исследования языка в эпоху глобализации // Вестник ТвГУ. Серия: «Филология». 2013. № 5(24). С. 159–167.

27. Itagi, N.H. & Singh, S.K. (eds.) (2002). Linguistic Landscaping in India with Particular References to the New States. In: *Proceedings of a Seminar of Central Institute of Indian Languages and Mahatma Gandhi International Hindi University*. Mysore: Central Institute of Indian Languages and Mahatma Gandhi International Hindi University. pp. 9–12.
28. Ben-Rafael, E., Shohamy, E., Amara, M.H. & Trumper-Hecht, N. (2006). Linguistic Landscape as symbolic construction of the public space: the case of Israel. *International Journal of Multilingualism*, 3(1), 7–30.
29. Backhaus, P. (2007). *Linguistic landscapes: A comparative study of urban multilingualism in Tokyo*. New York: Clevalon. pp. 52–66.
30. Grachev, M.A. & Romanova, T.V. (2006). *Speech culture of a modern city. Linguistic landscape of Nizhny Novgorod*. N. Novgorod: Linguistics University of Nizhny Novgorod publ. (In Russ.).
Грачев М.А., Романова Т.В. Культура речи современного города. Лингвистический ландшафт Нижнего Новгорода Н. Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2006.
31. *Грачев М.А., Романова Т.В.* Язык молодежи: Лингвистический ландшафт Нижнего Новгорода. Н. Новгород: Книги, 2008.
Grachev, M.A. & Romanova, T.V. (2008). *Language of youth: Linguistic landscape of Nizhny Novgorod*. N. Novgorod: Knigi. (In Russ.).
32. Gabdrakhmanova, G.F. (2023). Linguistic Landscape of a Russian City: Sociological Optics. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2, 72–82. <https://doi.org/10.31857/S013216250021396-8> (In Russ.).
Габдрахманова Г.Ф. Языковой ландшафт российского города: социогуманитарные подходы изучения // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 72–82. <https://doi.org/10.31857/S013216250021396-8>
33. Pütz, M. (2020). Exploring the linguistic landscape of Cameroon: Reflections on language policy and ideology. *Russian Journal of Linguistics*, 24(2), 294–324. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-294-324>
34. Abongdia, J.-F.A. & Foncha Wankah, J. (2017). The visibility of language ideologies: The linguistic landscapes of the University of Yaoundé. *Gender & Behavior*, 15(2), 8674–8680.
35. Ebzeeva, Yu.N. & Dugalich, N.M. (2023). Graduates' Employment as an aspect of the University's Activities. *Alma Mater*, 3, 75–83. <https://doi.org/10.20339/AM.03-23.075> (In Russ.).
Эбзеева Ю.Н., Дугалич Н.М. Трудоустройство выпускников как аспект деятельности университета // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2023. № 3. С. 75–83. <https://doi.org/10.20339/AM.03-23.075>
36. Filippov, V.M. & Ebzeeva, Yu.N. (2023). RUDN Graduate is a Representative of the World Elite: Upbringing Aspect of the University's Activities. *Alma Mater*, 5, 8–15. <https://doi.org/10.20339/AM.05-23.008> (In Russ.).
Филиппов В.М., Эбзеева Ю.Н. Выпускник РУДН — представитель мировой элиты: воспитательный аспект деятельности вуза // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2023. № 5. С. 8–15. <https://doi.org/10.20339/AM.05-23.008>
37. Gubanova, O.I. & Lokhankina, I.N. (2022). Ergonomics of the communicative space of an international campus: the view of foreign students. In: *Eastern Kaleidoscope: proceedings, RUDN University*. December 6, 2022. Moscow: RUDN publ. pp. 136–144. (In Russ.).
Губанова О.И., Лоханкина И.Н. Эргономичность коммуникативного пространства интернационального кампуса: взгляд иностранных студентов // Восточный калейдоскоп: материалы докладов и сообщений III Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых-востоковедов с международным участием, Москва, РУДН. 6 декабря 2022 г. М.: РУДН, 2023. С. 136–144.

38. Kolysheva, O.N., Lokhankina, I.N. & Taranova, A.A. (2022). What Does the Word «Campus» Mean: the View of Students and Professors. In: *Language as An Art: Functional Stylistics and Poetics*, proceedings. Moscow: RUDN publ. pp. 616–623. (In Russ.).
Кольшиева О.Н., Лоханкина И.Н., Таранова А.А. Что значит слово «кампус»: взгляд студентов и преподавателей // Язык как искусство: функциональная стилистика и поэтика: сб. ст. Международной научно-практической конференции, 14–15 апреля 2022. М.: РУДН, 2022. С. 616–623.
39. Malinowski, D. (2009). Authorship in the linguistic landscape: a multimodal-performative view. In: E. Shohamy & D. Gorter (eds.). *Linguistic landscape: Expanding the scenery*. London: Routledge. pp. 107–25.
40. Coupland, N. & Garrett, P. (2010). Linguistic landscapes, discursive frames and metacultural performance: the case of Welsh Patagonia. *International Journal of the Sociology of Language*, 205, 7–36. <https://doi.org/10.1515/ijsl.2010.037>
41. Moskvitcheva, S. and Viaut, A. (2021). The Need for Minority Languages in Borderland Conditions: Field Research Methodology. In: Agranat, T. and Dodykhudoeva, L. (eds). *Strategies for Knowledge Elicitation. The Experience of the Russian School of Field Linguistics*. P. 52–68. Cham: Springer.
42. Yelenevskaya, M. & Fialkova, L. (2017). Linguistic landscape and what it tells us about the integration of the Russian language into Israeli economy. *Russian Journal of Linguistics*, 21(3), 557–586. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-3-557-586>

Information about the authors:

Polina Yu. Povalko, Ph.D. in Philology, Senior Lecturer of the Department of General and Russia Linguistics, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: linguopoetics, text linguistics, active processes in the Russian language, language contacts, discourse theory; *e-mail*: povalko-pyu@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-4278-3408; Scopus ID: нет; eLIBRARY SPIN-code: 8405–1109.

Elena S. Smolii, Ph.D. in Philology, Assistant-Professor of the Department of General and Russia Linguistics, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: modern processes in the Russian language of the metropolis and diaspora, language contacts, media linguistics, linguopragmatics, methods of teaching Russian as a foreign language; *e-mail*: smolii-es@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-2122-0729; eLIBRARY SPIN-code: 1683–4131.

Olga N. Kolysheva, Ph.D. in Philology, Senior Lecturer of the Department of General and Russia Linguistics, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: psycholinguistics, military discourse, cognitive linguistics, narratology, semiotics, intercultural communication; *e-mail*: kolysheva-on@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-0118-8546; Scopus ID: 57218909950; eLIBRARY SPIN-code: 2567–2573.

Сведения об авторах:

Повалко Полина Юрьевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *научные интересы*: лингвопоэтика, лингвистика текста, активные процессы в русском языке, языковые контакты, теория дискурса; *e-mail*: povalko-pyu@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-4278-3408; Scopus ID: нет; eLIBRARY SPIN-код: 8405–1109.

Смолий Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *научные интересы*: современные процессы в русском языке метрополии и диаспоры, языковые контакты, медиалингвистика, лингвопрагматика, методика преподавания РКИ; *e-mail*: smoliy-es@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-2122-0729; Scopus ID: нет; eLIBRARY SPIN-код: 1683–4131.

Кольшиева Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *научные интересы*: психолингвистика, военный дискурс, когнитивная лингвистика, нарратология, семиотика, межкультурная коммуникация; *e-mail*: kolysheva-on@rudn.ru

ORCID: 0000-0003-0118-8546; Scopus ID: 57218909950; eLIBRARY SPIN-код: 2567–2573.

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-4-1337-1356

EDN: YVGTND

УДК 811.133.1'367:821.133.1-1

Научная статья / Research article

Стилистический синтаксис французского куртуазного поэтического произведения

Ю.П. Вышенская

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,

Санкт-Петербург, Российская Федерация clemence_isaure@rambler.ru

Аннотация. В предлагаемой работе содержится опыт исследования процессов формирования категории «поэтический стиль» на начальном этапе, хронологически совпадающим с периодом европейского средневековья. Актуальность работы определяется неослабевающим интересом к означенной категории в научной среде и неустойчивым характером её содержательного объёма. Анализ осуществляется на материале творчества трубадуров и труверов, что составляет новизну исследования. Целью предпринятого анализа ставится изучение специфики процессов формирования стиля на материале поэтических текстов в широком контексте средневековой культуры. К определяемым целью задачам относится, в частности, выявление и описание связей категории поэтического стиля со своими истоками, роль в процессах генерации стиля литературно-стилистических традиций и средневековых эстетических концепций, соотношение стилистического традиционного и индивидуального. Тем самым работа вписывается в круг комплексных исследований текстовых категорий в диахронии и синхронии, нуждающийся в расширении. Для достижения определяемых целью задач используются традиционные методы, в том числе, дескриптивно-аналитический, контекстологический методы, филологическая интерпретация текста. Исследование древних текстов как частный случай практического применения триады «текст — стиль — дискурс», триединства абстракции обуславливает обращение к идее о широких и узких дискурсах. Стиль предстаёт как результат материализации куртуазных идеалов посредством определённого набора стилистических приёмов, обособляющихся в творчестве куртуазной школы Прованса. Статус эталона стилепорождающей куртуазной деятельности со временем обретает синтаксический сегмент. Подвижность границ узких дискурсов широкого дискурса куртуазной культуры способствует приятию провансальского стилистического эталона северной куртуазной модификацией. На основе анализа вычленяется некая стилистическая куртуазная универсалия, подвергающаяся известным изменениям в модификациях куртуазного дискурса.

Ключевые слова: куртуазная стилистика, широкий/узкий дискурс, стиль, текст, традиция, трубадуры, труверы

© Вышенская Ю.П., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Дата поступления: 01.07.2022

Дата приема в печать: 15.09.2023

Для цитирования:

Вышенская Ю.П. Стилистический синтаксис французского куртуазного поэтического произведения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 1337–1356. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1337-1356>

Stylistic Syntax of the Middle French Poetical Literary Composition

Yuliya P. Vyshenskaya

Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russian Federation,

 clemence_isaure@rambler.ru

Abstract. The study suggests some evidence of studying the “poetic style” of the initial stage. The stage corresponds to the mediaeval European period. The actual character of the work is determined by the stable interest to the category under study in the scientific society as well as by the unstable character of the contents of its meaningful volume. The analytical procedure being realized on the literary heritage of troubadours and trouvères, contributes to the research challenge of the paper. The analysis made is aimed at the study of the specific features of the style generating processes on the poetic texts in the universal context of the medieval culture. The purpose of the work makes necessary solving a number of particular tasks, namely, clarifying and description the poetic style connections with its original roots, the role of the literary-stylistic traditions and medieval aesthetic conceptions in the style generating processes, stylistic traditional and individual proportion. Thus, the study contributes to the number of complex investigations of textual categories within the scope of diachrony and synchrony to be expanded. To achieve the tasks traditional methods are used, i.e., descriptive-analytical, contextual, philological interpretation of the text. Ancient texts study, a case of particular practical applying of the triad “text — style — discourse”, causes the address to the idea of particular and universal discourses. Style, the materialized aesthetic emotion, is considered as the result of the materialization of *courtois* ideals by means of a certain set of stylistic devices, differentiated in the literary compositions of the *courtois* Provençal school. Syntactic segment gains in the course of time the etalon status. Due to the volatility of particular discourses of the universal *courtois* cultural discourse the *courtois* etalon of the mature stage of the *courtois* lyrics development, under some altering turned into the etalon of the Northern *courtois* modification, close to the Provençal one. The analysis also confirms the fact of some existence *courtois* universalia modified in the *courtois* discourse.

Keywords: courtois stylistics, global/particular discourse, style, text, tradition, troubadours, trouvères

Article history:

Received: 01.07.2022

Accepted: 15.09.2023

For citation:

Vyshenskaya, Yu.P. (2023). Stylistic. Syntax of the Middle French Poetical Literary Composition. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(4), 1337–1356. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1337-1356>

Введение

В настоящем исследовании, выполненном в русле дисциплин лингвистического исторического цикла, предпринимается попытка рассмотреть процессы порождения категории художественного стиля начального этапа формирования.

Внимание к категории художественного стиля в российской и зарубежной научной среде отличается традиционной стабильностью, что подтверждается многочисленными трудами теоретического характера [1—3], которые нуждаются в систематизации и обобщении.

Актуальность исследования определяется интерпретационной вариативностью содержания объёма феномена художественного стиля, а также неоднозначностью применения термина “стиль”, понимаемого как один из выразительных и изобразительных аспектов содержания и формы литературного произведения, пространства своей непосредственной реализации, к литературам эпохи средневековья.

Масштабность эмпирического материала, охватывающего произведения куртуазной лирики представителей поэтических школ Юга и Севера Франции, наряду с вводимым в историческую стилистику пониманием анализируемой категории как дискурсивного феномена составляет новизну предпринятого исследования.

Понимание подобного рода, в свою очередь, обуславливает обращение к триаде “(художественный) стиль — (художественный) текст — дискурс”, комплекс сложных объединяющих образующие её элементы связей.

Дискурсивность категории художественного стиля позволяет представить процесс порождения стиля как разновидность процесса ориентировочной деятельности. Эволюционное движение категории художественного стиля как преемственности и переосмысления выдвигает на позицию эталона в куртуазном сегменте французской культуры Севера стилистические находки представителей провансальской школы.

Использование в анализе практического материала идеи об узких и широких дискурсах, предстающей в исследовании как приятие труверами стилистических приемов, разработанных трубадурами, с последующим преобразованием, сочетается с традиционными для исторической стилистики синхроническим и диахроническим методами.

Восприятие развития категории художественного стиля в куртуазной литературе как последовательно приходящих друг другу на смену синхронных пластов, южного и северного куртуазных узких дискурсов, позволяет проследить динамику стилепорождающей деятельности на оси времени в широком дискурсе куртуазной французской культуры.

В число прочих исследовательских методов, используемых в работе, включаются также дескриптивно-аналитический, контекстологический методы, комбинацию методов индуктивного и дедуктивного анализа, филологической интерпретации текста.

Целью работы является исследование особенностей процессов становления стиля французской куртуазной литературы, интегрированных в культуру средневековья, на фоне широкой перспективы факторов (эстетической, философской, риторической природы). Тем самым предопределяется необходимость изучения предпосылок формирования стилистической системы литературного языка на фоне раннего этапа формирования наций.

Цель исследования определяет ряд задач частного характера:

- выявить и изучить связи элементов куртуазного словесно-художественного стиля со своими истоками;
- провести анализ стилеобразующей функции жанра куртуазного художественного произведения;
- изучить пути влияния литературно-стилистических традиций периода раннего средневековья в комбинации со средневековыми эстетическими концепциями на становление стиля куртуазного лирического произведения;
- рассмотреть соотношение традиционного и индивидуального в процессе формирования куртуазного художественного стиля;
- провести исследование процессов формирования категории стиля в произведении куртуазной лирики как составляющей средневекового культурного континуума на основе идеи узких и широких дискурсов и лингвистически адаптированной теории ориентировочной деятельности.

Поставленные задачи решаются на материале произведений выдающихся мастеров куртуазной лирики Прованса: Арнаута Даниэля, Бернара Арнаута д'Арманьяка, Пейре Овернского, монаха Монтаудонского, а также графини де Диа и на Ломбарды. Корпус иллюстративных примеров представителей Севера Франции составлен на основе работы с материалом известных труверов: Эсташа Дешана, Адаму де ла Алля, Отона Грандсона, Шарля Орлеанского и трувересс Агнессы Наваррской Шампанской и Беатрисы Савойской.

Куртуазная стилистика зарождается и развивается в творческих опытах трубадуров и труверов, что можно полагать иллюстрацией взаимосвязей узких дискурсов широкого дискурса средневековой культуры. Корпус текстов лирической поэзии Севера и Юга Франции формирует художественный сегмент контекста куртуазного литературного дискурса.

Аритмия эволюционного движения практики и теории литературы, характерная традиционалистской литературе, проявляется в запоздалости систематизации теоретических рекомендаций в научных трактатах и, тем самым, обуславливает исследовательскую важность изучаемого литературного пласта.

Частным проявлением значимости «представлений о любви» для средневековой европейской культуры выступает содержательный аспект отдельных

литературных жанров, в том числе, лирических стихотворений, романов и повестей, произведений дидактической литературы.

В латиноязычном трактате «Три книги о любви» авторства Андрея Капеллана, содержатся первые попытки систематизации упомянутых идей. С течением времени, отмечается в исследовании Л.В. Евдокимовой, круг рассматриваемых в сочинениях о любви перечня вопросов обогащается вопросами из сферы этики, права и религии. В сложившихся условиях учение о любви переходит в статус единой и всеобъемлющей системы взглядов, что, в свою очередь, даёт толчок возникновению первых французских поэтик [1. С. 207].

Характерное поэзии трубадуров эпохи расцвета стилистическое изящество выступает аргументом схожести древнего поэтического литературного и современного научного восприятия понимания художественного стиля как художественно материализованного эстетического наслаждения. Основой материализации, регулируемой эталоном, куртуазным идеалом, служит провансальский язык, сокрытый потенциал которого раскрывается в авторских стилистических опытах. Куртуазная возвышенность эталона сообщает стилю изысканность и посылает импульс поискам создания неких «наиболее совершенных способов [его] выражения», ведущее к формальной усложнённости [2. С. 37].

Результаты провансальских стилистических синтаксических экспериментов, разновидность процесс материализации эстетического наслаждения, иначе создания художественного стиля, складываются в соответствующий уровень конструкции художественного текста.

Синтаксические опыты представителей южной французской куртуазной школы

Бытующие в эпоху средневековья философские представления о гармонии как единства симметрии и пропорциональности становятся эстетическим фундаментом процесса вербализации рафинированного куртуазного идеала.

Примером вербального преобразования выделенного принцип в стилистическом синтаксисе можно рассматривать случаи анафорических построений, наблюдаемых, в том числе, в текстовом материале кансоны графини де Диа, известной трубадурки:

Ab joi et joven, m'apais / e jois e joven m'apaia, / que mos amics es lo plus gais, / per qu'ieu sui coindet' e guaia, / e pois ieu li sui veraia, / bei's taing qu'el me sia verais, / qu'anc de lui amar non m'estrais / ni ai cor que m'en estraia [3. — выделено мною, Ю.В.].

‘Веселье и юность мне по душе, / По душе они мне, потому что в них истоки моего счастья, / Потому что в них истоки счастья моего избранника, / И поскольку я храню ему верность, / И он остаётся верен мне, / Потому и любить его я буду вечно, / И вечно мы с ним будем вместе [перевод наш — Ю.В.].

Объектом анафорического повтора в анализируемой цитате становятся соединители *e*, обнаруживаемый во второй и пятой строках строфы, и *que*, встречаемый на анафорических позициях в третьей и седьмой строках строфы.

Размещением союза *que* внутри четвёртой, шестой и восьмой строк строфы достигается её стилистическая целостность и устойчивость.

Близость синтаксической структуры каждой входящей в состав строфы пары рифмующихся строк, не являющимися всё же абсолютно идентичным и, можно полагать иным примером вербального куртуазного аналога принципа пропорции и симметрии.

Суть процесса материализации заключается в изменении комбинации строевых элементов, объекта параллельного повтора, в каждой нечётной строке.

Так, блок рифмующихся субстантивов *ab joi et joven* в первой строке занимает позицию эмфатически инвертированного дополнения. Вследствие действия принципа симметрии тот же блок сдвигается в последующей строке на позицию подлежащего. Сдвигу сопутствуют определяемые правилами грамматики соответствующие изменения в согласовании падежа и числа и лица глагола сказуемого. Падежная форма *Dativum* обращается в *Nominativum*, первое лицо единственного числа заменяется на форму третьего лица множественного числа.

О многообразии вербальных воплощений принципа симметрии свидетельствует тождественность динамики стилистических явлений на фонетическом и синтаксическом уровнях стилистической конструкции поэтического текста. Синтаксическое стилистическое движение отображается в параллельном потоке рифм, представляющих в кансоне как деривативная модификация.

Иным примером отмеченной вариативности вербальных оболочек, принимаемым принципом пропорциональности служит одновременное использование анафорического *joi et joven* — *jois e joven* и эпифорического повторов *m'arais — m'araia, gais — guaia, veraia — (me) verais, m'estrais — m'en estraia*. Вследствие такого рода композиционного хода возникает эффект превращения каждой последующей строки в фонетическую реплику предыдущей.

Особого внимания заслуживает дистантная диспозиция деривативных рифм *amics — amar*. Срединное положение в строке превращает их в своего рода центр притяжения рифм, что придаёт стилистическому потоку особый ритм.

Генетика ориентира стилепорождающей деятельности, иными словами, комбинация фольклорной и куртуазной стилистической традиций, сообщает его природе неоднородность. На фоне меняющиеся философско-эстетических условий фольклорные композиционные принципы переосмысляются.

Таков, например, принцип амебейности, один из наиболее охотно используемых провансальскими трубадурами принципов, заимствованными поэтами у фольклора.

Амебейность в научном наследии академика В.М. Жирмунского понимается как «общий и широко распространённый композиционный приём ... построения словесного материала в параллельные ритмические синтаксические (и тематические) ряды с одновременным поступательным движением в [этих] рядах» [4. С. 475]. Амебейность «как общий художественный закон ... предопределяет особенности своих отдельных осуществлений и видоизменений» [4. С. 475].

Психологическая разновидность являет собой одну из наиболее известных воплощений амебейной композиции .

Так, сочетание случаев фонетического и синтаксического параллелизма с аналогами психологического плана, основы стилистической организации проанализированного выше пассажа кансоны, способствуют эмфазе эмоционального единения поэтессой и её избранника.

Авторская интерпретация использования принципа амебейности как психологического повтора обнаруживается в творчестве Пейре Овернского:

Ar resplan la flors enversa / Pels trencans rancs e pels tertres / Quals flors? Neus, gels e congarpis / Que cotz e destrenh e trenca; / Don vey morz quilts, critz, / brays, siscles / En fuelhs, en rams e en giscles. / Mas mi ten vert e jauzen Joys / Er quan vei seix los dolens / croys [5].

‘Теперь природа сияет, капризная, / Среди скалистых гор и холмов. / Какова та природа? Снег, лёд и мороз, / Что пронзает, лишает сил и сжигает, / Он убивает смех, призывные крики, щебетание и пение птиц / Среди листьев, ветвей и сучьев. / Однако я замечаю лишь зелень и радости молодости. / Вижу, как горести и зло исчезают’ [перевод наш — Ю.В.].

Стилистическая ценность первой строфы заключается в нарушении амебейного характера психологического параллелизма сообразно принципу своего рода “выворачивания наизнанку”. Традиционный для куртуазной лирики провансальцев образ природы, воплощаемой картинами зимнего пейзажа *neus, gels e congarpis*, резко контрастирует с эмоциональным состоянием поэта. Отмеченный эмоциональный диссонанс заключается в том, что тяготы зимы скупы, лаконично, но ёмко и выразительно представленные в строфе, в авторском восприятии получают принципиально иную колористическую и эмоциональную окраску. По этой причине в строфе наличествуют стилистические приёмы и выразительные средства, характерные для весеннего зачина *vert e jauzen Joys*.

Процитированный текстовый фрагмент, изобилующий однородными дополнениями *quilts, critz, brays, giscles* являет собой также и иллюстрацию применения приёма экспозиции. Находясь в поле действия принципа пропорциональности приём сбалансирован приёмом инверсии отдельных членов предложения, в том числе, предложного косвенного дополнения *en fuelhs*.

Арнаут Даниэль относится к представителям сообщества трубадуров «золотого» века, потому что применение принципа амейности в его песнях представляет особый интерес:

Anc ieu non l'anc mas elha m'a / totz temps en son poder Amors / e fai'm irat let, savi fol / cum selhui qu'en re nos torna, / c'om no's defend ben ama, / qu' Amors comanda / qu'om la serv'e la blanda: / per qu'ieu n'aten / sufren / bona partida / quan m'er escarida [5. — выделено мною, Ю.В.].

‘Не Амор в моей власти, а / Сам он властвует надо мной: Радость, грусть, ум, дурь — всё впрок / Тому, кто, как я, робеет, / Видя, что зла его пара; / Ходить дозором / Должен вслед за Амором / Всякий, кто ждёт / Щедрот / Будет нажива, / Коль страсть терпелива’ [6. С. 74].

Сообразно правилам куртуазной стилистики и средневековой поэтики в целом, в основу поэтического фрагмента также ложится принцип симметрии. Следование этому принципу обнаруживается в комбинировании в структуре поэтического текста стилистически ценных фонетических явлений с композицией явлениями синтаксической природы.

В первой строфе кансоны доминанта традиционно принадлежит экспозиции. Так, *Amors*, ключевое в куртуазном словаре понятие, становится объектом описания, в котором наличествует множество придаточных предложений, вводимых союзом *que*.

Корпус примеров вариаций реприз, зафиксированных в текстовом материале кансоны, включает также эпанострофическую модификацию. Иными словами, передвижение деривативной рифмы ключевого слова в последующую строфу, терминологически закрепляемое как *soblas carfindas*.

Таков, например, переход деривативной рифмы *ben Ama* в первой строке первой строфы в *qu'Amor comanda* во второй строке. Тожественная картина складывается в шестой строфе: деривативная рифма *el cor m'esta* переходит в *qu'estar me fa temen paors*.

‘Страх сковал немотой уста, / Сердце ж мучится полнотой / Чувств’ [6. С. 74].

В тексте наличествует ряд других примеров деривативных рифм *Amor* — *ama* — *Amors*, сочетающимися с фонетическими феноменами иной природы. Такова, в частности, семантизация гласного *a* в *m'a* — *Amors*, при обратном прочтении которого возникает фонемная комбинация *am*.

Спектр рифм в кансоне расширяется конфигурацией богатых женских рифм, венчающих концы строк: *comanda* — *blanda*, *partida* — *escarida*.

Универсальность принципа симметрии и пропорциональности, как и прочих проведениях куртуазной лирики Прованса, обнаруживается в частности, на фонетическом и синтаксическом уровнях стилистической пирамиды стихотворного текста рассматриваемой эпохи.

Довольно часто в провансальской поэзии встречается антифонный повтор, обнаруживаемый, в частности, в известном диалоге Марии Вентадорнской и Ги д'Юсселя.

Анализ эмпирического материала выявляет специфический вариант повтора антифонной природы. Своеобразие его проявляется в создании текста-реплики, сходного по своей стилистической структуре с текстом-оригиналом.

Известная тенсона трубадура Бернара Арнаута д'Арманьяка и ответная строфа трубадурки доны Ломбарды наиболее ярко иллюстрируют обособленный феномен:

[L]ombards volgr'eu es[s]er per na Lombarda, / Qu'Alamanda no.m *plaz* tan ni Giscarda,
/ Qar ab sos oilitz *plaisenz* tan jen mi *garda*, / Qe par qe'm don s'amor, mas trop me *tarda* [7–
выделено мною, Ю.В.].

‘Ломбарды ради стать ломбардцем впору. / Гвискарда с Аламандою, без спора, / Приятны, но она милее взору, / Хвалящему её — не знать укора. / Но дивный вид / Её сокрыт,
/ Он, вопреки Амору / Свой блеск от нас таит’ [8. С. 192].

Стилистическим синтаксическим ядром приведённого поэтического фрагмента авторства Бернара Арнаута д'Арманьяка выступает анафорическая реприза союза *que*, которым вводятся придаточные определительные предложения. Общность их синтаксической модели указывает на их принадлежность к группе случаев применения амплификации.

Удивительная стилистическая гармоничность сбалансированность первой строфы тенсоны Бернара Арнаута д'Арманьяка также возникает как производная принципа симметрии.

Так, в фонетическом составе соединителей *que*, *qar*, *qe*, открывающих вторую, третью, четвёртую и пятую строки наличествует идентичный начальный звук [к].

Конечные рифмы, которыми закрываются строки, принадлежат к деривативной модификации. Включением элемента *ard* в морфологический состав разных частей речи, имён существительных собственных и глагола, [L]ombards — Lombarda — Giscarda — *garda* — (me) *tarda*, строфе сообщается звуковая устойчивость.

Междустрочная симметрия рифм способствует возникновению эффекта вокальной цельности. Дальнейший анализ выявляет доминанту выделенного принципа в расстановке рифм в каждой отдельно взятой строки. Так, анафорические рифмы становятся в пары с эпифорической разновидностью. Рифмы этого типа, также представители деривативных, в свою очередь, симметрично располагаются по отношению к центральной рифме: *plaz* — *plaisenz*, за которой располагается идентичный *tan*.

Созданная параллельными конструкциями ритмичность эмфатизируется инверсией косвенного предложного дополнения в третьей строке Qar ab sos

oilitz plaisenz. Тем самым ставится акцент на особенности индивидуальности адресата тенсоны, доны Ломбарды.

Стихотворение реплика доны Ломбарды представляет собой стилизацию, ироническое переосмысление исходного поэтического текста:

[N]om volgr'aver per Bernarda na Berna(r)da, / E per n'Arnaut n'Arnauda [estre] apellada, / E gran[s] merses, seigner, car vos agrada / Cab tal[s] doas domnas m'ves nomnada [7– выделено мною, Ю.В.].

‘Бернарда ради мне не стать Бернардой, / Арнауту Арнаудой не стала, / И благодарствую я Вам немало, / Зане с другими в ряд я встала. / Но кто ж из дам / Милее Вам / И кто же то зеркало / По Вашим же словам?’ [8. С. 623].

Процитированный текстовый фрагмент строится на основе принципа, идентичного используемому в исходном тексте. Как и в тенсоне трубадура Бернара Арнаута д’Арманьяка, соединитель *e* становится объектом анафорической репризы на фоне феномена полисиндетона, обнаруживаемого в параллельных конструкциях.

Тем обусловлено маркирование соединительным элементом *e* сочинения, доминанту синтаксического расположения.

Универсальность действия принципа симметрии проявляется в конструировании стилистической пирамиды, в частности, использование на фонетическом уровне применяемого на уровне синтаксической природы принципа репризы. Так, синтаксические параллелизмы реплицируются анафорой и эпифорой деривативных рифм, которые концентрируются вокруг своеобразного центра взаимопротяжения.

В качестве иллюстрации можно рассматривать анафорическую репризу деривативных рифм *n'Arnaut* — *n'Arnauda* во второй и третьей строчках, которой соответствует реприза эпифорического характера *Bernarda* — *Berna(r)da*, *apellada*, *agrada* — *nomnada*.

Личности поэта монаха Монтаудонского, иначе «куртуазного монаха», отводится исключительное место в профессиональном цехе представителей куртуазной южной школы. Характерной чертой его произведений выделяется «дух игры и шутки», о чём свидетельствует текстовый материал созданных им семнадцати песен, доступных современному исследователю. Такова, например, «Fort m'enoja, si l'auzes dire» («Хоть это и звучит не вновь»):

'Enoja m longa temperadura, / E carms quant es mal coita e dura, / E prestre qui m en ni's pejrura, / E puta veilla, quan trop dura. / Et enoja m, per saint Dalmatz, / D'avol home en trop gran solatz; / E corre quan per via a glatz / E fugir ab caval armatz / M'enoja, e l maldirs de datz' [8].

‘Претит мне долгая настройка / Виол, и краткая попойка, / И поп, кощунствующий бойко, / И шлюхи одряхлевшей стойка; / Как свят Далмаций, гнусен тот, / По мне, кто вздор в гостях несёт; / Претит мне спешка в гололёд, / Конь в латах, пущенный внамёт, / И в кости игроков расчёт’ [8. С. 155].

Произведение являет собой пример жанра «энуэг» («досада»), «перечисл[ения] веще[й], раздражающих и вызывающих у автора тоску и скуку» [8. С. 622].

В самом термине заложена стилистическая стратегия, используемая в создании произведений этого жанра: обращение к параллельным конструкциям, соединяемым на основе принципа сочинения в комбинации с многосоюзием.

Стилистический арсенал, используемый в тексте «энуэга», включает характерные для куртуазной провансальской стилистики провансальцев приёмы, в том числе, вводные предложения: *per saint Salvaire, per saint Marti, per saint Dalmatz*. Тем самым акцентируется разговорная природа поэтического произведения.

Отмеченный приём можно рассматривать и как иллюстрацию использования «божбы», трансформации древнего приёма перебранки. С течением времени этот приём становится приметой стилистики так называемых «площадных» жанров, обращение к нему способствует эмоциональной интенсификации текста песни.

Изучение творческого наследия провансальских трубадуров в области стилистики синтаксиса наглядно демонстрирует механизм стилепорождающей деятельности. Двойственный характер её ориентира возникает вследствие комбинации фольклорной и куртуазной традиций. Унаследованные от фольклора принципы, например, амёбейности, в меняющихся эстетико-философских условиях получают переосмысление. Процесс создания стилистического арсенала, иначе, материализации эстетического удовольствия, отличает целенаправленность и масштабность.

Синтаксические опыты представителей северной французской куртуазной школы

Анализ творческого наследия представителей северной куртуазной школы выявляет идентичность принципов, используемых труверами в опытах в сфере синтаксической стилистики, принципам, апробированным в куртуазной стилистике Юга Франции. Создание северной разновидности художественного стиля куртуазной лирики осуществляется с помощью приёмов, рассмотренных ранее, благодаря которым осуществляется преобразование эстетического наслаждения в материальную вербальную форму.

К числу таких приёмов относится используемый в описаниях объекта поклонения приём экспозиции, представляющий в текстовом материале лирического поэтического произведения эпохи средневековья в разнообразных модификациях.

Иллюстрации предоставляет, например, «*Le Lay d'Amoureuse Mercu*» («Лэ о влюблённом Милосердии») авторства известной труверессы XIV-го века Агнессы Наварской Шампанской:

Et des autres y a qui ne vuellent joir / Fors d'un très dous regart, ou de leur dame voir, / Ou de ce qu'il feront doucement conjoir, / Ou d'amer loyaument, s'on le daigne souffrir; / Et si bien leur souffit, qu'il ne leur puet venir / Cuer de plus desirer, tant y ont grant plaisir, / Don't qui l'un de ces biens prend à goust de mérir, / Je dis qu'il a mercy, quant plus ne vuet quérir [9. — выделено мною, Ю.В.].

‘Существуют и прочие, у которых нет желания радоваться / Когда их избранница дарит их нежным взглядом, / Когда она приглашает их к куртуазной игре. / Игре по правилам куртуазного вежества. / Взгляд тот наносит рану. / Взгляд тот излечивает, / Тогда в душе не остаётся никаких иных желаний, / И по той причине наполняется душа блаженством. / Я говорю: «Послушайте! Исполненный милосердия / Ни в чём не будет нуждаться» [перевод наш — Ю.В.].

В цитате приём экспозиции представлен как скопление придаточных предложений, объединённых в цепочку посредством подчинения. Разнообразию их типов (места, определительных), соответствует широта круга союзов, которыми они вводятся (*ou, que*), что придаёт масштабность феномену полисиндетона.

Наличие в представленном выше пассаже союза *et* можно рассматривать как примету «нанизывающего стиля». Таким образом, цельная текстовая ткань возникает вследствие сочетания разного вида связей с приёмами полисиндетона и экспозиции, что роднит его с другими произведениями, выполненными в русле куртуазной стилистики.

На каждый тип связи возлагается самостоятельная стилистическая роль. Так, сочинительная связь маркирует каждый новый этап рассуждений поэтессы, получающих пояснение в предложениях, вводимых посредством связи подчинительного типа.

Следует обратить внимание на тождественность синтаксической структуры придаточных предложений, образующих параллельные ряды. Отмеченная характеристика, действие принципа симметрии, объединяет поэзию представителей северной и южной куртуазной школ.

Иным примером куртуазного стилистического родства является очевидная связь синтаксического и фонетического уровней пирамиды поэтического текста. Так, подобно кансонам трубадуров, в лэ «*Le Lay d'Amoureuse Mercu*» используется приём аллитерации. Появление согласных через практически равные текстовые промежутки способствуют появлению у ритма разворачивающейся мыслительной спирали особой упругости.

В качестве иллюстрации можно предложить появление звука [к] в союзе *que* в середине почти каждой строки.

Ко-реляционные связи уровней фонетической и синтаксической природы обнаруживаются также и в дистантной расстановке анаграмматических шифровок. Например, фонемное сочетание *ame*, элемента состава ключевого для куртуазного словаря субстантива *dame* во второй строке фиксируется в четвёртой строке строфы в глаголе *d'amer*.

Наличие отмеченного фонемного сочетания *ame* в приведённых лексических единицах очевидно обусловлено связью с центральным словом куртуазного словаря *amor*.

Иллюстрацией универсальности проявления принципа симметрии и пропорциональности могут служить деривативные рифмы. Случаи обращения к ним, впрочем, довольно немногочисленны и представлены во второй строке рассматриваемой строфы лэ парами адъектива *dous* и наречия *doucement*, а также инфинитива глагола *souffrir* и личной формы глагола *souffit*.

Наблюдения за текстовым материалом произведений северянок показывают стремление представительницами северной куртуазной школы к комбинированию стилистических приёмов одного уровня. Примеры представляют куплеты Беатрисы Савойской (*Béatrix de Savoix*), труверессы XIII-го века, известной и как дама сердца Ричарда Львиное Сердце (*Richard Coeur de Lion*), которые она посвятила королю-поэту:

Mais si voliez de votre nacelle et dame, / Ez feux plus dolz, le cuer tender ployer, / Dont, l'attzant, gloire apurit la flamme, / Et treuve, en soy, digne et noble loyer: / Por sy vous aimer, vous le dire / Jusque'à la mors, / Mon cuer, et ma voix et ma lyre / Sont jà d'accors [10. — выделено мною, Ю.В.]

‘Однако если есть у Вас желание и избранница, / И нежный огонь горит в Вашем сердце, / Огонь, очищаемый славой, / И обретает в этом достойное и благородное вознаграждение, / Потому что, если любовь Ваша, как Вы утверждаете, продлится вечность, / То сердце моё, голос мой и лира моя сливаются в едином звучании’ [перевод наш — Ю.В.]

В соответствии с регуляциями куртуазной стилистики в текстовом пассаже содержатся анаграмматические шифровки: фонемное сочетание *ame* обнаруживается в составе субстантивов *dame* и *flamme*, ключевых слов куртуазного словаря. Объединение в пару этих лексических единиц ценно и как свидетельство стилистической импровизации, иначе примером индивидуального начала в художественном стиле лирического произведения.

Выдвинутое предположение подтверждается примером шифровки *amor*, ключевого слова куртуазного словаря ключевого слова куртуазного словаря, в куртуазном клише *por sy vous aimer ... jusque'à la mors*.

Стилистическая ценность примера заключается в комбинации приёмов разной природы, традиционной гиперболы, лексической, и анаграмматической шифровки, фонетической. Тем самым, привлекается внимание к глубине чувств труверки, её независимости и незаурядности характера.

В арсенал средств увеличения накала эмоционального фона входит асиндетон: ввод придаточного определительного *Por sy vous aimer, vous le dire* в обход использования союза. Факультативным стилистическим эффектом является и появление известной изысканности.

Характерный куртуазному стилю приём экспозиции представлен в пассаже рядом однородных подлежащих *cuer, voix, и lyre* (сердце, голос и лира), метонимически обогащаемых в рамках куртуазного текстового целого. Полученные приращения возможно толковать как достойные восхищения литературные таланты труверки, но также и способность к ярким и сильным чувствам.

О тенденции к стилистическим опытам в среде лирических авторов свидетельствуют стилистические импровизации выдающегося французского поэта XIV-го века Э. Дешана.

В качестве примера можно рассмотреть эксперименты с классическим приёмом экспозиции, фиксируемом в знаменитой балладе «Ballade à Paris» («Баллада о Париже»):

Mais elle est bien mieux que ville fermée, / Et de chasteaulx de grant anceserie, / De gens d'onneur et de marchans peuplée, / De touz ouvriers d'armes, d'orfaverie; / De touz les ars c'est la flour, quoy qu'on die: / Touz ouvrages a droit font ... [11].

‘О, сколь же краше с толчеею всею, / Чем город, что стеною окружён, / Отраднo здесь купцу и казнодею, / Златокузнец и медник восхвалён; / Здесь всех искусств расцвет осуществлён. Столяра и кашевара, / Ума премного, рвення и жара / — Всяк ремесло своё развить стремится, / Вещам надёжность сообщает яро. / Ничто, ничто с Парижем не сравнится’ [12].

Анализ показывает стремление трувера к соблюдению и одновременно нарушению стилистических нормативов. Таково, например, сочетание приёма экспозиции с приёмом анафорической репризы союза *de* в трёх сменяющих друг друга строф, посредством которого вводится ряд однородных косвенных дополнений.

Появление в результате предпринятого стилистического хода эффект некой монотонности несколько сглаживается путём инкорпорирования союза *et* в отмеченную цепочку однородных членов.

Эмфатическая конструкция *c'est ... que* также вносит свой вклад в редуцирование эффекта однообразности.

Проявлением авторского начала в художественном стиле можно считать объяснение в любви Парижу, города, родного труверу, который избирается им в качестве объекта трепетного описания и поклонения.

В том, вероятно, кроется причина следования куртуазным стилистическим рекомендациям. Таково, например, использование ключевого слова *amer* куртуазного словаря в составе деривативной рифмы: *tuit astrangie l'aiment et ameront* (все иностранцы его любят и будут любить).

Замещение объекта эмоционального поклонения образом города, апробированного авторского стилистического хода, встречается в другой Э. Дешана балладе о Париже:

Adieu chapeaulx faiz de toutes flouettes, / Adieu bons vins, yocras, doulz compains, / Adieu posson de mer, d'eaus doucettes. / Adieu moustiers ou l'en voit les doulz sains / Dont plusieurs sont maintefois chapellains. / Adieu déduit et dames qui chantez! En Languedoc m'en vois comme contrains: Adieu Paris, adieu petiz pastez [12].

‘Прощайте, шляпы, бантики на брюхе, / Прощай, вино и сладкая стряпня, / Прощайте, гуси, рыбины, краюхи, / Прощайте, церкви, где, угомоня, / Свой пыл, святые смотрят из огня, / Прощайте, дам весёлые кружки! / Я отправляюсь в Лангедок, стена. / Прощай, Париж, прощайте, пирожки’ [13].

Синтаксической стилистической доминантой выступает традиционный анафорический повтор: каждая новая строка баллады, написанной по случаю прощания поэта с родным городом, начинается тематическим прощальным приветствием *adieu*,

Использование приёма перечисления способствует созданию яркой и обширной панорамы жизни французской столицы. Множественность последовательно расположенных субстантивов создаёт некий тематический каркас, благодаря которому формируется общее впечатление о топографии Парижа, парижанах, их привычках в трудах и увеселениях, всем тем, что представляет ценность для поэта, и потому увеличивает тоску неминуемой разлуки.

Некоей попыткой «раскрасить» образ города можно считать расширение синтаксической структуры придаточным определительным *dont plusieurs sont maintefois chapellains*, что несколько конкретизирует образ Парижа. Акцент на чувствах автора, весьма важных в куртуазной идеологии, ставится путём притормаживания выработанного ритма введением на инвертивную позицию косвенного дополнения *en Languedoc m'en vois comme contrains*. Благодаря анафорическому рефрену, однако, стиль вновь обретает привычную ритмичность. Образовавшаяся в результате рамка маркирует окончание некоего блока ритуала прощания.

С течением времени и появлением новых поэтических жанров, в том числе, рондо, «твёрдой» или «фиксированной» формой с рефреном, происходит трансфер созданной стилистической техники в текстовые структуры нового жанрового типа.

Примеры подобного перехода предлагаются в приводимой ниже цитате из рондо «*Li dous regars de ma Dame*» («Нежный взгляд моей возлюбленной») принадлежит Адаму де ла Алль (*Adam de la Halle*), стоявшего у истоков этого жанра:

Li dous regars de ma Dame / Me fait espérer merchi; / Diez gart son gent cor de blasme. / Li dous regars de ma Dame. / Jen e vi onques par m'ame / Dame plus plasant de li. / Li dous regars de ma Dame / Me fait espérer merchi [14. — выделено мною, Ю.В.].

‘Нежный взгляд моей госпожи / Наполняет меня надеждой на [её] взаимность. / Да не познает её нежное сердце горестей! / Нежный взгляд моей госпожи / Убеждает меня в том, я любим / Самой прелестной девушкой на свете! / Нежный взгляд моей госпожи / Наполняет меня надеждой на [её] взаимность’ [перевод наш — Ю.В.].

Пример примечателен как пример переосмысления стилистического арсенала в новых жанровых условиях. Обращение к приёму *анадиплосиса* жанрово оправданно: строка, поставленная в начале произведения, вновь появляется в конце его.

Анаграмматические шифровки представляют собой пример стилистических реликтов связей жанра рондо и лирических песен трубадуров.

Так, типичное для куртуазного стиля фонемное сочетание *am*, которое входит в состав ключевого слова куртуазного словаря *Dame*, выступает примером взаимосвязи с куртуазным словом *Amor*, доминанте куртуазного словаря.

Регулярные деривативные рифмы в рядах *m'ame* — *Dame* — *m'ame*, *merebir* — *regars* — *espérér*, *gart* — *regars* вновь подтверждают соблюдение куртуазных стилистических предписаний в произведениях северной куртуазной лирики.

Анализ расстановки в текстовой структуре деривативных рифм выявляет некоторую закономерность. Второй слог существительного *Dame*, поставленный в конце первой строки, выносится на открывающую позицию в последующей второй строки в виде самостоятельной части речи личного местоимения *me*.

Пятая и шестая строки строятся на основе того же композиционного принципа: *m'ame* — *Dame*.

Появляющийся таким образом своего рода эпанострофический подхват сообщает стилю некую законченность и изысканность.

В число унаследованных труверами от трубадуров композиционных принципов входит также и принцип амебейной композиции. Некоторые модификации этого принципа, охотно используемого в песнях провансальцев, обнаруживается также и в стиле произведений вновь возникающих жанров.

Наиболее ярким примером является повтор антифонного типа, перешедшего в жанр французской лирической поэзии *jeu partie*, примечательно двойным авторством. Так, в произведениях классической модификации, в частности, авторства Адама де Живанши (*Adam de Givenchy*), в первой строфе содержится вопрос, задаваемый одним из труверов, ответ на который даёт его собеседник.

Антифонный вариант становится основой балладе «*En grand desduit*» («В великом блаженстве») Отона Грандсона (*Othon de Grandson*):

Qu'esse de bien et loiaulment amer? / C'est tous solas pour cuerz oster de painne. / Qu'esse a dame foy et honneur porter? / C'est tous deduis en la vie mondaine, / C'est pour venire a joye souverainne, / C'est pour tousjours vivre, sans variance, / En grand desduit et ane douce plaisance [15. — выделено мною, Ю.В.].

‘Что есть благородная и бескорыстная любовь? / Любовь такая есть утешение, которое врачевывает сердечную боль. / Что есть верность и преданность своей избраннице? / То есть самое наслаждение в брэнном мире. / То есть бесконечная, всеобъемлющая радость. / То есть жизнь вечная, неизменно / И только в блаженстве и сладчайшем удовольствии [перевод наш — Ю.В].

Специфика применения антифона у Отона Грандсона заключается в объединении ролей вопрошающего и отвечающего: поэт задаёт вопросы о куртуазном вежестве и от себя же получает ответы.

Таким образом формируется сочетание проявления индивидуальности поэта и следование куртуазной стилистике.

Верность куртуазным стилистическим предписаниям обнаруживается в использовании параллелизмов в конструировании развёрнутых ответных реплик, объединяемых в цельность путём анафорической репризы предикативного ядра *s'est*.

Изобилование текста баллады словами куртуазной азбуки *amer, cuerz, painne, dame, porter honneur, la vie mondaine, joye, desduit, douce plaisance*, как единичного примера казуистической лексики *loiaulment* позволяет рассматривать её примером вербализации куртуазно-казуистического языка.

Иная интерпретация психологической амебейности представлена в балладе Шарля Орлеанского (Charles d'Orlean) «*Le beau soleil, le jour saint Valentin*» («Прекрасное солнце, день святого Валентина»):

Lors en moillant de larmes mon coessin / Je regrettay ma dure destinee, / Disant: "Oyseaux, je vous voy en chemin / De tout plaisir et joye desiree. / Chascun de vous a per qui lui agree, / Et point n'en ay, / Car Mort, qui m'a trahy, / A prins mon per don't en deuil je langyu / Sur le dur lit d'ennuieuse pensee [16. — выделено мною, Ю.В.].

‘Роняя слезы на свою подушку, / Сожалею я о своей суровой судьбе, / Взывая к птицам: “Птицы! Вижу я, что направляетесь вы к тому, что есть удовольствие совершенное и радость желанная. / У всех вас есть то, что по нраву вам. / У меня же нет ничего, потому что Смерть предала меня, / Унеся с собой отца моего, / По ком скорблю я / На жёсткой кровати своей, и мысли печальные владеют мной’ [перевод наш — Ю.В].

Используемый в балладе тип можно толковать как тематический, поскольку в его основу положен глубокий контраст веселья щебечущих на расвете птиц резко и мрачного уныния поэта в заточении.

Тем самым обусловлено наличие синонимических линеек со значением “свет” *beau soleil — chandelle alumee — matin* и антонимичным значением «тьма» *chambre fermee — (la) nuit larmes, deuil*.

Образ птиц, традиционно понимаемый как метонимия самого трувера, автора лирического произведения, выступает примером переосмысления ключевых куртуазных образов.

Поэт в интерпретации Шарля Орлеанского вынужден отказаться от прославления гармонии прекрасного мира и сферы утончённых переживаний.

На основе анализа стилистической техники, примеры которой были обнаружены в текстовом материале куртуазной лирики авторства труверов, было выявлено обращение к принципам стилистической техники, разработанной ранее в куртуазной лирике провансальцев. Впоследствии, апробированные стилистические приёмы заимствуются авторами произведений новых жанров (например, рондо), которые появляются в литературной номенклатуре. В основу стилистических технологий ложатся традиционные фольклорные принципы возведения текстовой конструкции. С течением времени традиционные принципы получают новое преломление под влиянием

складывающихся поэтических традиций, философской доминанты, индивидуальных особенностей стиля поэта.

Таким образом, можно констатировать наличие некоей композиционной универсалии, претерпевающей в диахронической перспективе, как и на синхронном срезе ряд модификаций под влиянием набора факторов различной природы.

Заключение

Применение сочетания синхронического и диахронического методов исследования в совокупности с идеей узких и широких дискурсов даёт возможность выявить и проследить динамику развития процессов порождения стиля в куртуазном сегменте континентальной европейской средневековой литературы, представленной провансальской и северной модификациями. Анализ эмпирического материала показывает, что в рамках хронологически более ранней южной разновидности начинает формироваться эталон стилегенерирующей деятельности, генетика которого тесным образом связана с древней фольклорной традицией, основы возникновения новой куртуазной традиция. Процессы становления стиля находятся под глубоким влиянием ряда факторов вне-языковой и лингвистической природы как универсальной, так и этно-индивидуальной природы (факты внешней истории, собственно законы языкового развития, философские и культурные доминанты, личные предпочтения автора-поэта). Таким образом формируется двойственный характер ориентира процессов в рамках порождения стиля в художественном поэтическом произведении. Куртуазные эстетические переживания материализуются как переосмысление унаследованных фольклорных принципов, одним из наиболее важных из которых является принцип амебейности, занимающий особое место в творческих экспериментах трубадуров.

Наблюдения за используемым в произведениях труверов стилистическим арсеналом позволяют прийти к заключению о преемственности, в частности, в сфере стилистических принципов, созданных трубадурами. С появлением новых жанров происходит заимствование куртуазных принципов в новые текстовые структуры с их последующим переосмыслением под воздействием вновь формирующихся традиций стихосложения, философских воззрений и стремления к автору к индивидуальности.

Анализ эмпирического материала выявляет существование некоей композиционной универсалии и её модификаций, следствия действия ряда набора объективных факторов.

Библиографический список

1. *Евдокимова Л.В.* Французская поэзия позднего средневековья (XIV — первая треть XV в.). М.: Наука, 1990.
2. *Мейлах М.Б.* Язык трубадуров. М.: Наука, 1975.

3. Cerquiglin, B. *La Parole Médiévale. Discours, Syntax, Texte* Paris: Les Éditions de Minuit, 1981.
4. Жирмунский В.М. Теория стиха. Л.: Советский писатель, 1975.
5. Aurenga P. *Ar resplan la flors enversa*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.trobar.org/troubadours/aurenga/aa39.php> (дата обращения: 15.03.2022).
6. Прекрасная Дама: Из средневековой лирики. М.: Московский рабочий, 1985.
7. Na Lombardia. [N]om volgr'aver per Bernarda na Berna(r)da. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.persee.fr/doc/anami_0003-4398_1906_num_18_69_3693 (дата обращения: 12.03.2022).
8. Жизнеописания трубадуров. Жан де Нострдам. Жизнеописания древних и наиславнейших провансальских пиитов, во времена графов прованских процветших. М.: Наука, 1993.
9. Navarre-Champagne A., de. *Le Lay d'Amoureuse Mercy*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gallica.bnf.fr/ark:/121148/bpt6k54310070/f97.item> (дата обращения: 18.04.2022).
10. Savoie B. de. *Mais si voliez*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gallica.bnf.fr/ark:/121148/bpt6k205056r/f30.item> (дата обращения: 25.02.2022).
11. Дешан Э. Баллада о Париже. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://imwerden.de/pdf/zhilishche_slavnykh_muz_parizh_v_literature_1989_ocr.pdf (дата обращения: 08.02.2022).
12. Deschamps E. *Adieu, Paris*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.wikiroemes.com/poemes/eustache-deschamps/adioux-a-paris.php> (дата обращения: 03.02.2022).
13. Дешан Э. Прощай, Париж. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://germiones muzh.livejournal.com/1862748.html> (дата обращения: 03.02.2022).
14. Halle A. de la. *Li dous regars de ma Dame*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k116685k/f285.item> (дата обращения: 08.02.2022).
15. Grandson Othon de. *En grand desduit*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://d.lib.rochester.edu/teams/text/grandson-nicholson-grenier-winther/en-grand-desduit> (дата обращения: 18.02.2022).
16. Orlean Ch., de. *Le beau soleil, le jour saint Valentin*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.unjourprourome.fr/poeme/Te-beau-soleil-le-jour-saint-valentin> (дата обращения: 14.02.2022).

References

1. Evdokimova, L.V. (1990). *French Poetry of the Mature Middle Ages ((XIV — the first third of the XVth century)*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
2. Mejlah, M.B. (1975). *Troubadours' Language*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
3. Cerquiglini, B. (1981). *La Parole Médiévale. Discours, Syntax, Texte*. Paris: Les Éditions de Minuit.
4. Zhirmunskij, V.M. (1975). *Theory of Poetry*. Leningrad: Soviet Writer. Leningrad Department. (In Russ.).
5. Aurenga, P. *Ar resplan la flors enversa*. URL: <http://www.trobar.org/troubadours/aurenga/aa39.php> (accessed: 15.03.2022).
6. Fair Lady. *Glimpses of the Medieval Lyrics*, (1985). Moscow: Moscow Worker. (In Russ.).
7. Na Lombardia. [N]om volgr'aver per Bernarda na Berna(r) da. URL: http://www.persee.fr/doc/anami_0003-4398_1906_num_18_69_3693 (accessed: 12.03.2022).
8. *Biographies of Troubadours*. Jean de Nostredame. *Biographies of Ancient and most Glorious Troubadours of the Period of the Prosperous Counts of Provence*, (1993). Moscow: Nauka. (In Russ.).
9. Navarre-Champagne A., de. *Le Lay d'Amoureuse Mercy*. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/121148/bpt6k54310070/f97.item> (accessed: 18.04.2022).

10. Savoie, B. de. *Mais si voliez*. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/121148/bpt6k205056r/f30.item> (accessed: 25.02.2022).
11. Deschamps, E. *Ballade de Paris*. URL: <https://www.moyenagepassion.com/index.php/2016/07/10/lecture-audio-pour-une-belle-ballade-le-paris-du-xve-siecle-avec-la-poesie-deustache-deschamps> (accessed: 08.02.2022).
12. Deschamps, E. *Adieu, Paris*. URL: <https://www.wikipoemes.com/poemes/eustache-deschamps/adiex-a-paris.php> (accessed: 03.02.2022).
13. Deschamps, E. *Farewell, Paris*. URL: <https://germiones muzh.livejournal.com/1862748.html> (accessed: 03.02.2022).
14. Halle A. de la. *Li dous regars de ma Dame*. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/121148/bpt6k116685k/f285.item> (accessed: 08.02.2022).
15. Grandson, Othon de. *En grand desduit*. URL: <http://d.lib.rochester.edu/teams/text/grandson-nicholson-grenier-winter/en-grand-desduit> (accessed: 18.02.2022).
16. Orlean, Ch., de. *Le beau soleil, le jour saint Valentin*. URL: <http://www.unjourpourpoeme.fr/poeme/Te-beau-soleil-le-jour-saint-valentin> (accessed: 14.02.2022).

Сведения об авторе:

Вышенская Юлия Павловна, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка и лингвострановедения РГПУ им. А.И. Герцена (191186, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48, к. 14); *научные интересы*: историческая стилистика, история литературы, история языка, литературоведение; стилистика, лингвистика текста; *e-mail*: clemence_isaure@rambler.ru
ORCID: 0000-0003-2870-3026. E-library SPIN-код: 7067–9940

Information about the author:

Yuliya P. Vyshenskaya, Dr. Habil., Associate Professor of the Department of English Language and British Studies of Herzen State Pedagogical University (48, block 14, the Moika Embankment, St.-Petersburg, Russian Federation, 191186); *Reserch Interests*: Historical Stylistics, History of Literature, History of Language, Literature studies, Stylistics, Text Linguistics; *e-mail*: clemence_isaure@rambler.ru
ORCID: 0000-0003-2870-3026. E-library SPIN-code: 7067–9940